

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

2

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор   **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора**   **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь**   **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллиэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Вольнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенциель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com
- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонок В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хайстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editor-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Valodzina T. V. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Valochka H. M. National Institute of Education, Minsk, Belarus.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gladkova H. Charles University, Prague, Czech.
Danylenko A. Pace University, New York, USA.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
Ivashkevich I. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpilovich T. P. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Koval V. I. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Lukashanets A. A. Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Rovdo I. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Taranenko A. A. A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Khalipov V. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Shamyakina T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАУСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.112.2.09.16'-1+821.411.16'02.09-141

КНИГА ЭККЛЕСИАСТА КАК «ОСЕВОЙ» АРХТЕКСТ ПОЭЗИИ БАРОККО

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется роль библейской Книги Экклесиаста (Екклесиаста) как одного из «осевых» архетекстов эпохи барокко, как важнейшего смыслопорождающего текста для европейской барочной поэзии. Показано, как ключевые идеи, парадоксы, антиномии бытия и сознания, определяющие религиозно-философский дискурс и художественный мир Экклесиаста, воздействуют на эстетику и поэтику барокко, что проявляется в основных мировоззренческих принципах и темах барокко (*vanitas mundi*, *discordia concors*, *Constantia*), в парадоксальном сопряжении трагизма и прославления радости жизни, пессимизма и гедонизма, скептицизма и глубокой веры в стойкость человеческого духа, находящего опору в Боге. Сделан вывод о том, что религиозно-философская поэзия барокко связана с Книгой Экклесиаста устойчивыми интер-, пара- и архитектуральными связями и одновременно выступает как своего рода развернутый комментарий на полях библейской книги, как метатекст по отношению к ней. Утверждается, что постоянный диалог с Экклесиастом характерен для всех европейских литератур XVII в., но особенно интенсивно он развернут в немецкой поэзии – в силу трагичности немецкой действительности эпохи раннего Нового времени.

Ключевые слова: Библия; Книга Экклесиаста; «осевой» архетекст; интертекст; паратекст; архитекткст; метатекст; эпоха XVII в.; европейская поэзия барокко; немецкая поэзия барокко; религиозно-философская лирика; жанр *Vanitas-Gedicht*.

Образец цитирования:

Синило Г. В. Книга Экклесиаста как «осевой» архетекст поэзии барокко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 5–16.

For citation:

Sinilo G. V. The Book of Ecclesiastes as «axial» archetext of the baroque poetry. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 5–16 (in Russ.).

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications, associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru

КНИГА ЭКЛЕСИЯСТА ЯК «ВОСЕВЫ» АРХЕТЭКСТ ПАЭЗІІ БАРОКА

Г. В. СІНЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца роля біблейскай Кнігі Эклесіяста як аднаго з «восевых» архетэкстаў эпохі барока, найважнейшага сэнсастваральнага тэксту для еўрапейскай барочнай паэзіі. Паказана, як ключавыя ідэі, парадоксы, антыноміі быцця і свядомасці, якія вызначаюць рэлігійна-філасофскі дыскурс і мастацкі свет Эклесіяста, уздзейнічаюць на эстэтыку і паэтыку барока, што праяўляецца ў асноўных светапоглядных прынцыпах і тэмах барока (*vanitas mundi*, *discordia concors*, *Constantia*), у парадаксальным спалучэнні трагізму і ўслаўлення радасці жыцця, песімізму і геданізму, скептыцызму і глыбокай веры ў трываласць чалавечага духу, які знаходзіць апірышча ў Богу. Зроблена выснова пра тое, што рэлігійна-філасофская паэзія барока звязана з Кнігай Эклесіяста ўстойлівымі інтэр-, пара- і архітэкстуальнымі сувязямі і адначасова выступае як своеасаблівы разгорнуты каментарый на палях біблейскай кнігі, як метатэкст у дачыненні да яе. Сцвярджаецца, што пастаянны дыялог з Эклесіястам характэрны для ўсіх еўрапейскіх літаратур XVII ст., але асабліва інтэнсіўна ён разгорнуты ў нямецкай паэзіі – з прычыны трагічнасці нямецкай рэчаіснасці эпохі ранняга Новага часу.

Ключавыя словы: Біблія; Кніга Эклесіяста; «восевы» архетэкст; паратэкст; архітэкст; метатэкст; эпоха XVII ст.; еўрапейская паэзія барока; нямецкая паэзія барока; рэлігійна-філасофская лірыка; жанр *Vanitas-Gedicht*.

THE BOOK OF ECCLESIASTES AS «AXIAL» ARCHETEXT OF THE BAROQUE POETRY

G. V. SINILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper examines the role of the biblical Book of Ecclesiastes as one of the «axial» archetexts of the Baroque period and the most important meaning-generating text of the European Baroque poetry. It is shown how the key ideas, paradoxes and antinomies of existence and consciousness determine religious and philosophical discourse and literary world of Ecclesiastes; and how they affect the aesthetics and the poetics of the Baroque. It reveals in the basic philosophical principles and topics of the Baroque (*vanitas mundi*, *discordia concors*, *Constantia*) and in the paradoxical combination of tragic nature of life and glorification of its joy, pessimism and hedonism, skepticism and deep faith in persistence of human spirit finding support in God at the same time. Religious and philosophical poetry of the Baroque is associated with sustainable inter-, para- and architxtual connections and simultaneously it acts like a kind of detailed side note commentary of the biblical book, like metatext in relation to it. The constant dialogue with Ecclesiastes is typical for all European literatures of the XVII century but it is especially intensively developed in German poetry, due to the tragic German reality of the Early Modern Age.

Key words: The Bible; The Book of Ecclesiastes; «axis» archetext, intertext; paratext; archetext; metatext; XVII century period; European Baroque poetry; German Baroque poetry; religious and philosophical lyrical poetry; *Vanitas-Gedicht* genre.

Введение

XVII в., первая фаза Нового времени, катастрофическая эпоха революций и всеевропейской Тридцатилетней войны, кризиса духа и его прорывов в неизведанное, становится временем, когда библиейская эстетика, покоящаяся прежде всего на категории возвышенного, стремлении передать динамику духа, открывается в качестве существенного корректива к античному эталону красоты и уравновешенной меры, и это особенно важно для барокко, пытающегося выразить невыразимое, постичь символический смысл вещей и явлений. Тезис Протагора о человеке как мере всех вещей, поднятый на щит Высоким Ренессансом, дополняется и осложняется библиейской идеей принципиальной несоизмеримости Бога и созданного Им мира с человеческой мерой. Безусловно, то усиленное внимание к Библии, которое мы видим в XVII в., было подготовлено Реформацией. Деятельность Мартина Лютера, а также выдающихся ученых-гуманистов, например библеиста и гебраиста Иоганна Рейхлина, создала почву

для более глубокого усвоения духовных смыслов и поэтики библейских текстов художественной литературой и культурой в целом. В этом плане самым важным итогом Реформации было то, что Библия в протестантских странах вошла в каждый дом, стала ежедневным чтением. Лютеровский перевод стимулировал появление многочисленных переводов Библии с оригинала или обновленных переводов с Вульгаты на многие национальные языки, в том числе и в католических странах. С этого времени можно говорить о широкой и осознанной рецепции Библии и ее лирических книг в художественной литературе (в этом плане чрезвычайно важен был жанр переложения псалма, основанный М. Лютером).

До сих пор, несмотря на новое открытие барокко на рубеже XIX–XX вв. и его дальнейшее интенсивное исследование в западном, а с 1960-х гг. и в советском литературоведении, недостаточно прояснена связь эстетики и поэтики барокко с духовными смыслами Библии, ее художественным мышлением, не изучена ее роль в качестве «осевого» архетекста литературы барокко. При этом под «осевым» архетекстом мы понимаем генеральный смысло- и текстопорождающий древний текст («текст-в-начале»), обладающий особой аксиологической значимостью и художественной ценностью, повышенной степенью референтности, реинтерпретируемости, цитируемости, являющийся «текстом-кодом» (Ю. М. Лотман), необходимым для дешифровки текстов той или иной культуры. Подобный архетекст выступает одним из важнейших источников интер-, пара-, архи-, гипер- и метатекстуальных связей (см. классификацию Ж. Женетта [1], в которой, однако, отсутствует понятие «архетекст»). Согласно нашим наблюдениям, таким «осевым» архетекстом для широкого ареала иудейско-христианской культуры, и в частности культуры европейской, стала Библия (см. подробнее [2]). При достаточно полной изученности немецкой барочной поэзии в западном литературоведении, в нем, а тем более в советской и постсоветской науке не исследован вопрос о ее архетекстуальных и метатекстуальных связях с лирическими книгами Библии, и прежде всего с Книгой Экклесиаста – лирической религиозно-философской поэмой о бренности бытия, тщетности всех дел человеческих, поисках смысла в бессмысленном и абсурдном мире, неисповедимости Бога и необходимости следования Его заповедям. (Об историко-культурном контексте создания Книги Экклесиаста, особенностях ее поэтики и ее религиозных интерпретациях см. подробнее [3].)

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление архетекстуальной функции Книги Экклесиаста для поэзии европейского барокко. Цель предопределила следующие конкретные задачи исследования: 1) установление типологических и контактно-генетических схождений картины мира в Книге Экклесиаста и мировоззренческих оснований барокко; 2) выявление значимости текста Экклесиаста для духовных и жанрово-стилевых поисков поэтов барокко и определение путей его рецепции; 3) обоснование значимости Книги Экклесиаста как архетекста для генезиса и жанрово-стилевой динамики немецкой барочной поэзии и становления жанра *Welt-Gedicht*.

Теоретические основы и методология исследования

Теоретическими основаниями исследования послужили философия диалога М. Бубера [4], его концепция культуры и художественного творчества как диалога между *Я* и *Ты* в присутствии *Вечного Ты*, диалога между *Я* и *Вечным Ты* как оси мировой истории и культуры, а также тесно связанная с ней концепция межкультурного диалога М. М. Бахтина (прежде всего концепция «диалога текстов» [5]) и В. С. Библера [6]. Мы исходим из того, что именно в диалоге со своим «осевым» архетекстом – Библией – европейская культура (и литература как ее важнейшая интегральная составляющая) бесконечно возобновляет спасительный диалог между *Я* и *Вечным Ты*, актуализирует великие смыслы, заложенные в Библии, и творит новые тексты. «Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные эпохи дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [5, с. 373].

Важным теоретическим основанием исследования является также опирающаяся на концепцию М. М. Бахтина теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт). В качестве методологического основания исследования мы опираемся на завоевания школы «Новой критики» («Органической критики») в подходе к художественному тексту, в том числе библейскому (см. подробнее [7]). Основными методами исследования являются **культурно-исторический**, позволяющий рассмотреть как библейские тексты, так и поэзию барокко как продукт конкретной историко-культурной эпохи и плод творчества конкретного народа (подход, основанный И. Г. Гердером и И. В. Гёте), увидеть в том или ином литературном феномене конкретно-историческое и вечное, национальное и универсальное; **компаративный**, с помощью которого можно выявить как общее, так и особенное в поэтике Библии и барочной поэзии, рецепции Книги Экклесиаста той или иной национальной литературой, тем или

иным поэтом; *метод структурного анализа художественного текста*, основанный Ю. М. Лотманом [8] и позволяющий глубже уяснить значимость библейских мотивов и аллюзий в структуре барочных текстов; *метод целостной интерпретации художественного текста* (в понимании «Органической критики»), рассматривающий текст как органичное и самодостаточное целое, как целостную вселенную, подвергающуюся новому прочтению каждым читателем и каждой последующей эпохой. При этом мы считаем, что каждая реинтерпретация текста предполагает осознанный диалог с ним, а в случае поэтического творчества – сознательный диалог поэта с текстом-донором, архетекстом (в данном случае – с текстом Экклесиаста).

Основная часть

Сравнивая принципы эллинской и библейской поэтики, которые оказываются в равной степени значимыми для европейской литературы (при этом, безусловно, неизменно более важными для последней являются библейские духовно-этические смыслы), С. С. Аверинцев отмечает: «Греция дала образец меры, Библия – образец безмерности; Греции принадлежит “прекрасное”, Библии – “возвышенное”, то особое качество, которое в природе присуще не обжитым местностям, но крутизнам гор и пучинам морей. Тема греческой поэзии – статика формы, тема библейской поэзии – динамика силы. Грек Протагор сказал: “Человек есть мера всех вещей”; но Библия рисует бытие, как раз неподвластное человеческой мере, несоизмеримое с ней» [9, с. 189]. Исследователь также справедливо указывает, что для ряда эпох европейской культуры «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [9, с. 189]. Это особенно очевидно на примере XVII в. – самостоятельной историко-культурной эпохи, генеральными художественными направлениями которой стали барокко и классицизм.

Наибольшее влияние библейская эстетика и поэтика с ее метафоричностью, текучестью формы, стремлением передать динамику духа, выразить невыразимое, уловить трансцендентное, оказывают именно на барокко, в то время как эстетическим эталоном классицизма является античность с ее установкой на гармонию, меру, идеальные пропорции, пластичность образов. При всей важности для стиля барокко и эпохи барокко (во многих странах барокко доминировало и явилось генеральным стилем эпохи) Библии в целом особенное значение в этот период приобретают такие книги, как Псалтирь (пожалуй, ни одна эпоха не дает большего количества подражаний и переложений этой книги, в том числе и целостных), Песнь Песней (она особенно важна для мистической традиции), Плач Иеремии (трагизм эпохи Тридцатилетней войны находит в этой скорбной поэме исчерпывающую парадигму). Однако ни одна из книг библейского канона не притягивала к себе мыслителей и поэтов эпохи барокко так, как Книга Экклесиаста. Неостоицизм XVII в., ставший основной философской базой барокко и преломивший идеи античного стоицизма через призму библейского мирозерцания, нашел в Экклесиасте один из самых органичных для себя текстов.

Как известно, одной из центральных идей античного стоицизма было признание суетности бытия и необходимости для истинного мудреца довольствоваться малым, ценить каждое мгновение жизни, но понимать относительность земных благ и хранить верность самому себе. Речь идет о верности человека своим духовным принципам, о бесстрашии разума, отстаивающего истину и противостоящего злу. Именно эта идея была подхвачена эпохой XVII в., для которой столь характерны стоические настроения, с одной стороны принявшие еще более трагический оттенок, с другой – предполагающие еще большее упование на победу человеческого духа и ищущие опору в Писании. При этом одну из самых близких себе книг Библии стоики новой эпохи обретают в Книге Экклесиаста, которая становится не просто настольной книгой человека эпохи неостоицизма – наряду с трактатами Марка Аврелия «К самому себе» и Юста Липсия «De Constantia» («О Постоянстве», 1584), но и своего рода исчерпывающей парадигмой духовного поиска, религиозно-философского осмысления мира. Ведущие мировоззренческие принципы барокко, определяющие, в свою очередь, содержательные аспекты этого искусства и его стилистику, находят для себя благодатную почву в раздумьях и афоризмах Экклесиаста.

Так, одним из основных мировоззренческих принципов барокко и одновременно его генеральной темой является *vanitas mundi* (с лат. ‘бренность мира’, ‘тщетность мира’) – видение мира в бесконечной изменчивости, постоянном непостоянстве, непостижимости его смысла, а точнее – в его иллюзорности, бессмысленности, абсурдности, тщетности. Само же понятие *vanitas* есть прямой продукт рецепции текста Экклесиаста и попытка передать средствами латыни его основной концепт – практически непередаваемое древнееврейское слово הֶבֶל <гэвэль>, означающее все бренное, хрупкое, быстро исчезающее – пар, выдыхаемый изо рта, неуловимое дуновение, но также все бесследное, ничтожное, пустое, ложное. В этом понятии, весьма относительно передающемся русским «суета», являющемся сквозным мотивом Экклесиаста, повторяющемся в общей сложности более двадцати раз (в том числе

и в форме превосходной степени – *הַבְּזוּי הַבְּזוּי* <*гавэль гавалим*> ‘суета сует’, ‘тщетность тщетностей’), соединяются нейтральный физический смысл (представление о хрупкости мира, обреченности всего существующего на разрушение и смерть) и чрезвычайно важные аксиологические коннотации, связанные с человеческими иллюзиями и заблуждениями, ложным выбором и фальшивыми ценностями, тщетой и тщеславием, несправедностью социального бытия и бесполезностью порывов к лучшему, к переустройству мира. (О различных оттенках слова *гавэль* см. подробнее [3, с. 105–109].) Утверждением, что все есть *гавэль гавалим*, и открывается библейская поэма:

הַבְּזוּי הַבְּזוּי אָמַר קִהְלֵת הַבְּזוּי הַבְּזוּי הַבְּזוּי הַבְּזוּי

[10, с. 184].

<*Гавэль гавалим амар Когэлет гавэль гавалим га-коль гавэль.*>

*Суета сует [тщетность тщетностей], – сказал Когэлет [Проповедующий в собрании], – суета сует и все суета*¹.

*Суета сует, – сказал Проповедующий, – суета сует: все суета*² (Еккл 1:2) [11, с. 41].

В комментариях к первой редакции своего перевода Книги Экклесиаста выдающийся российский ассириолог и гебраист И. М. Дьяконов поясняет: «Переводчик не счел возможным изменить эту знаменитую фразу, вошедшую в поговорку, однако в остальных случаях он переводил слово “хэбэл”³ не “суета”, а “тщета”, “тщетный”, так как “суета” и “суетный” в современном русском языке слишком ассоциируется с понятием “суетиться” и “суетный” в смысле “тщеславный”» [12, с. 726]. Создатель Вульгаты (классической Католической Библии) Иероним Блаженный, переведший Библию на живую латынь того времени (конец IV – начало V в.) с оригинала (Ветхий Завет – с иврита, Новый Завет – с греческого языка) и глубоко исследовавший текст Книги Экклесиаста (о его «Комментарии на Книгу Экклесиаста» см. [3, с. 183–195]), нашел именно в слове *vanitas* приемлемый эквивалент для передачи генерального концепта Экклесиаста.

Показательно, как часто в поэтических текстах эпохи барокко (например, в названиях од и сонетов Андреаса Грифиуса (1616–1664), крупнейшего поэта немецкого барокко), звучит экклесиастовское *Vanitas! Vanitatum vanitas!* ‘Суета! Суета сует!’; *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* ‘Суета сует и все суета’. *Vanitas* становится своего рода жанровым обозначением: лирическое стихотворение, в котором поэт размышляет о хрупкости и иллюзорности красоты этого мира, о ложности погони за материальными благами и славой, о скоротечности жизни, каждый миг которой приближает человека к смерти, об абсурдности и тщете земного мира. Эти мрачные размышления дополняются и уравниваются верой в истинную жизнь после смерти, надеждой на подлинную награду в мире вечном. Нет ни одного поэта барокко, который не писал бы в этом жанре, продолжая и дополняя размышления Экклесиаста об ускользающем миге, земной жизни, подобной дуновению, пару, тени, дыму, пустоте и ничтожеству.

Так, экклесиастовские мотивы варьируются во многих сонетах, романсах и летрильях великого испанского поэта Луиса де Гонгоры-и-Арготе (1561–1627), одного из основоположников барокко в литературе (как известно, раньше всего оно проявилось именно в лирической поэзии). В сонете Гонгоры «О тщете человеческой», само название которого паратекстуально отсылает к Экклесиасту, бранный человек уподобляется мотыльку, летящему на пламя, а вся его жизнь предстает как *порханье, обреченное на прах* (перевод П. Грушко) [13, с. 140]. Поэт постоянно размышляет о скрытой быстротечности жизни. Именно так – «О скрытой быстротечности жизни» – называется один из его сонетов:

Не столь поспешно острая стрела / Стремится в цель угаданную впитаться / И в немевшем цирке колесница / Венок витков стремительных сплела, // Чем быстрая и вкрадчивая мгла / Наш возраст тратит. Впору усомниться, / Но вереница солнц – как вереница / Комет, таинственных предвестниц зла. // Закрывать глаза – забыть о Карфагене? / Зачем таиться Лицию в тени, В объятьях лжи бежать слепой невзгоды? // Тебя накажет каждое мгновенье: / Мгновенье, что подтачивает дни, / Дни, что незримо поглощают годы (перевод П. Грушко) [14, с. 393].

Перед нами, как и у Экклесиаста, своеобразный «гимн мигу» (так часто называют фрагмент Еккл 3:1–8, анафорически организованный словом *מָוֶלֶת* <*э́т*> ‘срок’, ‘определенный момент’, ‘краткое время’, ‘мгновение’), который, в сущности, и есть наша жизнь, мгновенно уносящаяся с каждым летучим мигом. При этом барочный поэт мастерски, по-своему воспроизводит ту сложную парадигму времени, которая задана библейским мудрецом: время кажется обратимым, в какой-то мере оно

¹Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.

²Здесь и далее Книга Экклесиаста цитируется в переводе И. Дьяконова.

³Так И. М. Дьяконов транслитерирует слово *гавэль*, которое, возможно, читалось в древности и как *гэбэль*, ибо срединная согласная обозначена одной и той же буквой *בֵּת* (*э́т*) в разных фонетических позициях.

действительно вращается по кругу, как в цирке по кругу мчится колесница, как вращаются солнца и кометы; но одновременно оно необратимо, каждый его миг неповторим, оно мчится, подобно стреле, и это особенно остро чувствует человек. Так создается глубоко диалектическая концепция спиралеобразного движения времени, чрезвычайно близкая библейской, – движения, в котором сплетаются нисходящий и восходящий потоки, в котором неповторимость мига человеческой жизни оттеняется оптимистически круговращением звездного неба и повторением времен года, но пессимистически – повторением тех же благоглупостей и ошибок человеческой истории.

Тема *vanitas* очень ярко представлена в поэзии еще одного великого испанца – Франсиско де Кеведо (1580–1645), который заставляет – в духе барокко – взглянуть на жизнь парадоксально и ощутить, что вся она – умирание. *Мы живем, умирая*, – на все лады повторяет поэт эту мысль. Поэтому так ли уж страшно то, что наступает в конце жизни? Когда-то Кеведо провозгласил в качестве своего жизненного кредо: «Любить жизнь, зная, что она смерть». Именно такое жизнеощущение лежит в основе его личности и творчества. Неслучайно еще в молодости поэт перевел две чрезвычайно важные для него, но полярные по настроению книги: сборник стихов Анакреонта с его жизнерадостностью, весельем, бесстрашием перед лицом смерти – и библейскую Книгу Иова с ее роковыми вопросами, трагизмом, безысходностью и отчаянной надеждой на осмысленность мира. В какой-то мере эти полярные настроения соединены в Книге Экклесиаста, поэтому она не могла не стать для поэта религиозно-философской и художественной парадигмой. Кажется, никто из испанских поэтов XVII в. не размышлял так часто и настойчиво о бренности и тщетности жизни, не ощущал так остро ускользание жизни с каждым ее кратким мгновением, не выражал столь концентрированно мысль о том, что жить можно только умирая, и в этом горький удел человека. Так, в сонете «О всесии времени и неумолимости смерти» Кеведо говорит:

О жизнь моя, мне душу леденя, / Как ты скользишь из рук! И нет преграды / Шагам твоим, о смерть! Ты без пощады / Неслышною стопой сотрешь меня. // Ты наступаешь, молодость тесня, / Все туже с каждым днем кольцо осады, / Все ближе тень кладбищенской ограды, / Отлет последнего земного дня. // Жить, умирая, – горше нет удела: / Торопит новый день моя мечта, / Но с каждым днем мое стареет тело... // И каждый миг – могильная плита / Над кем-то, кто уже достиг предела, – / Мне говорит, что жизнь – тлен и тщета (перевод И. Чежеговой) [15, с. 393–394].

Ощущение предельной краткости каждого мига, неизбежно приближающего человека к смерти, – пожалуй, после Экклесиаста это еще никем не было выражено так сильно, так глубоко. Все, на что бы ни падал взор поэта, являет для него зеркало тщеты, наглядный пример тленности всего земного, присутствия смерти в каждой частице живой жизни (сонет «Пример того, как все вокруг говорит о смерти»): *...И что бы я ни спросил глазами – / Все вещи лишь о смерти говорят (перевод П. Грушко) [15, с. 393].* Пытаясь вывести некую общую формулу жизни, испанский поэт видит ее в мгновенной смене *Вчера, Сегодня* и еще не наставшего *Завтра*, т. е. в единственном миге между прошлым и будущим. Не успевая оглянуться, человек проживает эти *Вчера, Сегодня, Завтра*, и столь стремительно, что пеленки превращаются в саван. И что можно сказать о краткой жизни, которая чаще всего не оставляет никакого следа на земле? Что такое этот бренный человек на бренной земле? Как и Экклесиаст, Кеведо не просто размышляет о бренности бытия, но говорит о его абсурдности и вопреки ей пытается обрести смысл. В чем смысл рождения в мир? Есть ли какой-то смысл в том, что тот или иной человек проходит свой краткий путь на земле? Порой поэту кажется, что этот смысл ускользает совсем (сонет «О краткости жизни и о том, насколько ничтожным кажется то, что прожито»):

Кто скажет, что такое жизнь?.. Молчат! / Оглядываю лет моих пожитки, / Истаяли времен счастливых слитки, / Сгорели дни мои – остался чад. // Зачем сосуд часов моих почат? / Здоровье, возраст – тоньше тонкой нитки, / Избыта жизнь, прожитое – в избытке, / В душе моей все бедствия кричат! // Вчера – ушло, а Завтра – не настало, / Сегодня – мчат в былое не устало, / Кто я?.. Дон Был, Дон Буду, Дон Истлел... // Вчера, Сегодня, Завтра, – в них едины / Пеленки и помертвые холстины. / Наследовать успенье – мой удел (перевод П. Грушко) [15, с. 398–399].

Так остро у Кеведо переживание земной тщеты, несправедности устройства земного бытия, что смерть часто кажется благом, единственным избавлением духа от *нищеты земной*. Только смерть и придает смысл нашей бренной жизни, ибо открывает дверь в мир вечный. В этой религиозной, уходящей в библейскую ментальность идее поэт находит утешение и опору в жизни, каждое мгновение которой приближает нас к смерти. В сонете «О деликатности, с коей приходит смерть, полагая увериться в уместности своего прихода, дабы распорядиться этим» испанский поэт говорит о бесстрашии перед лицом смерти, если она приходит естественно, как *нежнейший сон*, и призывает смерть как *вестницу блага*:

К чему страшиться вкрадчивого шага / Той, что приходит вызволить из плена / Дух, изнуренный нищетой земной? // Прииди званной вестницею блага, / Не проклята – стократ благословенна, / Открой мне вечность, век похитив мой (перевод П. Грушко) [15, с. 394].

Безусловно, для Кеведо характерна бóльшая в сравнении с Экклезиастом обесцененность земной жизни, что в целом отличает писателей барокко. Тем не менее поэт ищет не только утешения в идее вечного мира, открывающегося после смерти, но и смысл самого земного бытия и находит этот смысл в творчестве, поэзии, любви. Согласно Кеведо человек, познавший истинную любовь, пусть и безответную, уже прикоснулся к вечности, бессмертию. И даже если влюбленный рассыплется во прах, это будет прах влюбленный, ибо любовь не умирает после смерти. Об этом поэт говорит в сонете «Постоянство в любви после смерти», который известный испанский поэт XX в. Дамасо Алонсо определил как «лучший у Кеведо и, быть может, во всей испанской литературе»:

Пусть веки мне сомкнет последний сон, / Лишив меня сиянья небосвода, / И пусть душе желанную свободу / В блаженный час навек подарит он. // Мне не забыть и за чертой времен / В огне и муке прожитые годы, / И пламень мой сквозь ледяные воды / Пройдет, презрев суровый их закон. // Душа, покорная верховной воле, / Кровь, страстью пламеневшая безмерной, / Земной состав, дотла испепеленный, // Избавятся от плоти, не от боли; / В персть перейдут, но будут перстью верной; / Развеются во прах, но прах влюбленный (перевод А. Косс) [15, с. 395–396].

В этом сонете звучит мысль не только о смерти как избавлении, но также и о ненужности земной жизни, если в ней возможно пережить любовь. Весь сонет построен на мощных барочных антитезах, резком противопоставлении всего плотского, обреченного на тление, и того единственного, что тлению неподвластно, – человеческого духа, способного любить. В оригинале в первом терцете поэт сознательно нагнетает, перечисляет ряд образов тления и распада, подчеркивая, что распадется абсолютно все – каждая капля крови, каждая капля костного мозга, – и только для того, чтобы в финальном терцете трижды провозгласить неуничтожимость духовности, самой любви.

Еще одним определяющим барочным принципом становится *discordia concors* (с лат. ‘соединение несоединимого’, ‘объединение диссонансов’) – в первую очередь соединение иррационализма и рационализма в подходе к миру, признание его принципиальной непознаваемости и необходимости непрерывно постигать истину (быть может, наиболее ярко эти метания и страсти разума, хотя и не постигающего истину, но направляющего человека к ней, предстают в драматургии П. Кальдерона), парадоксальное соединение конкретно-чувственного и абстрактно-философского, натурализма и мистики, трагического и комического. Барокко исследует великие контрасты бытия – мрака и света, плоти и духа, времени и вечности, жизни и смерти, разводит их врозь и неожиданно объединяет, демонстрируя их взаимопереходы и мнимость границ между ними. Сходная мысль – об антиномичности бытия, противоречивой и нерасторжимой слиянности в нем мрака и света, скорби и ликования – очень дорога Экклезиасту, который говорит о тщете, «днях темноты» и одновременно призывает радоваться жизни:

Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино – / Ибо угодны Богу твои деянья. // Во всякое время да будут белы твои одежды, / И пусть не оскудевает на голове твоей умащенье; // Наслаждайся жизнью с женщиной, которую любишь, / Во все дни твоей тщетной жизни, / Которые дал тебе Он под солнцем – / Во все твои тщетные дни... (Еккл 9:7–9) [11, с. 59–60].

Отталкиваясь от мысли Экклезиаста, барочные поэты в самом понимании мира утверждают антиномичность, столкновение и объединение контрастов. В этом плане особенно показательна поэтика величайшего лирического поэта английского барокко Джона Донна (1572–1631). В его поэзии контрастно соединяются восторги и экстазы с откровенной эротичностью, мистика неоплатонизма – с натуралистичностью, дух и плоть не только противостоят друг другу, но и предполагают друг друга, невозможны друг без друга в этой земной жизни (стихотворения «Восторг», или «Экстаз», и др.). Весь мир, в том числе и душа человека, предстает как борение контрастов, как постоянное непостоянство: *Я весь – боренье, на беду мою / Непостоянство постоянным стало...* (перевод Д. Щедровицкого) [15, с. 129]. Эти строки, открывающие знаменитый сонет XIX из цикла Дж. Донна «Священные сонеты», можно считать своеобразной формулой времени и барочного мироощущения.

В осмыслении барочных поэтов мир часто предстает как *юдоль скорбей, долина слез*, хотя внешне он часто так прекрасен и манит человека своим внешним великолепием. Как же выстоять человеку в таком мире? Как суметь радоваться его дарам и при этом остаться подлинно духовным человеком? Следует заметить, что поэтам Нового времени легче с их уверенностью в существовании Рая и вечной жизни для праведных душ, в то время как библейский мудрец настроен более скептически и констатирует, что

мы на самом деле не знаем, куда уходит человек после смерти. Однако и с сознанием этой страшной неизвестности он предлагает радоваться жизни, дарованной Богом, и полагаться на Него. По такому же пути идут и поэты барокко. Выстоять помогут только вера, верность самому себе, Бог, открываемый в глубинах человеческого духа.

В связи с этим еще одним важнейшим принципом неостоицизма становится *Constantia*. Предельно изменчивому и диссонантному миру противостоит постоянство человеческого духа, ищущего опору в собственной душе и вере, утверждающего ответственность перед самим собой, перед своим временем, перед Творцом. Особенно важным понятие *Constantia* оказывается для Андреаса Грифиуса, которого современники неслучайно прозвали «немецким Сенекой» и который с не меньшим основанием может быть назван «немецким Экклесиастом». В самой двойственности, дихотомичности мира для Грифиуса открывается ключ к пониманию соотношения времени, вечности, человека, бессмысленности и смысла бытия. Бренный человек – единственное существо, которое осознает время и претворяет краткое мгновение в вечность. *Гость на земле, из всех гостей / Ты, человек, всех тленней,* – пишет Грифиус (перевод Л. Гинзбурга) [15, с. 236]. Однако это только одна сторона медали. Именно осознание краткости своей на этой земле дает человеку возможность сохранить в себе Божеское и человеческое: *Так думай о своей судьбе, / Поскольку жизнь – одна ведь! / Спеши хоть память о себе / Хорошую оставить...* (перевод Л. Гинзбурга) [15, с. 237]. Человек наделен свободой выбора между добром и злом, и в его воле сделать свой путь от бытия к небытию путем к инобытию, истинно достойному человека. Как и Книга Экклесиаста, поэзия Грифиуса проникнута пафосом преодоления тщеты – через непрестанное усилие духа, через действенное добро, через истинную любовь к Богу и человеку.

Постоянный диалог с Экклесиастом свойствен практически всем поэтам барокко, начиная с ее первопроходцев – Джамбаттисты Марино и уже упомянутого Луиса де Гонгоры, у которых впервые представлен особый сплав трагизма и гедонизма, ощущения тщеты жизни и упоения ее красотой. Этот барочный гедонизм, свойственный западноевропейской поэзии, безусловно, усилен в сравнении с библейским текстом. Мотивы *vanitas mundi* и наслаждения жизнью многообразно варьируются в творчестве английских поэтов-метафизиков и поэтов-кавалеров, французских поэтов-либертенов Теофиля де Вио, Этьена Дюрана, Антуана де Сент-Амана и многих других.

На этом фоне гораздо более аскетично и трагично, но очень устойчиво мотивы Экклесиаста звучат в творчестве крупнейшего поэта восточнославянского барокко Симеона Полоцкого (1629–1680). В сборнике «Вертоград многоцветный» (1678) есть прямые парафразы библейской книги. Так, стихотворение «Веселие мира есть суета» уже самим названием задает отсылку к основному концепту Экклесиаста – «суета», «тщета». В начале текста прямо звучит в переводе на восточнославянский язык слово *Экклесиаст*: поэт передает его как *Церковник* и вкладывает в его уста собственный парафраз *Еккл 2:3–10* (см.: [16, с. 336]). Далее уже от собственного имени поэт пересказывает мысли Экклесиаста, по-своему их преображая и заостряя, актуализируя для своего времени. Прежде всего Симеон Полоцкий напоминает о том, что все деяния человека, направленные вовне и для собственных удовольствий, равно как и результат этих деяний, библейский мудрец определяет как суету. Затем он предупреждает об опасности злоупотребления вином, бездумного и глумливого веселья, накопления богатств, по-своему передает мысль о знании, умножающем печаль, подчеркивая, что оно еще и лишает человека покоя, раздувает его гордыню. Поэт подчеркивает, что в этой жизни нужно предаваться духовным радостям, что только они открывают путь к вечности: *Скорби печали весть та умножат, / отъемлет покой, а уж надымает, гордость раждает. / Не могу долго веселитиси я, / да ищет каждо радости иныя, / яже духовне ум возвеселяет, вечно бывает* [16, с. 336–337].

Что же касается радостей жизни, о которых говорит Экклесиаст, то Симеон Полоцкий еще больше уверен не только в краткости последних, но и в том, что они неизбежно ведут к печали. Как сказано в стихотворении «Радость печалию вершится», *радости мира кратко пребывают, / а в конце печаль часто содевают* [16, с. 374]. Поэт-проповедник практически игнорирует гедонистические мотивы, звучащие у Экклесиаста. Если они и упоминаются, то осмысливаются от противного – как призыв к преодолению мнимых земных радостей и наслаждений (см. подробнее [17]).

Барочная поэзия также связана с Экклесиастом теснейшими архитектуральными связями: библейская книга становится парадигмой медитативной религиозно-философской лирики, порождает особый жанр *vanitas*-стихотворения, посвященного размышлениям о бренности бытия, хрупкости жизни, призрачности счастья, иллюзорности земного мира. Особенно показательна в этом плане немецкая литература, где уже в самом начале XVII в. складывается жанр *Vanitas-Gedicht*, широко представленный затем у всех поэтов немецкого барокко.

Новые и основные тенденции развития немецкой поэзии XVII в. первым наметил Георг Родольф Веккерлин (*Georg Rodolf Weckherlin*, 1584–1653). Поэт родился в Штутгарте, служил секретарем и при-

дворным поэтом герцога Вюртембергского. Он выполнял дипломатические поручения, побывал во Франции. В 1620 г. Веккерлин уехал в Англию, где стал одним из ближайших сотрудников Джона Милтона в правительстве Кромвеля. Он болел за свободу и единство Германии, ощущал себя первым представителем нового европейского искусства в родной стране. Веккерлин выступал против засилья латыни и отстаивал в поэзии права немецкого языка. Некоторые свои стихи он написал на швабском диалекте. Ориентиром для него являлась прежде всего поэзия Плеяды, особенно П. Ронсара, но также важны были античные и итальянские образцы.

В 1617–1619 гг. Г. Р. Веккерлин выпустил в свет двухтомный сборник «Оды и песни» (*Oden und Gesänge*), в котором впервые представил образцы анакреонтической и гораціанской оды на немецком языке. Поэт стремился доказать, что изящная светская ода в духе Анакреонта, Горация и Ронсара возможна и на немецком языке. В стихотворном посвящении к сборнику немецкая муза состязается с латинской, итальянской, французской, и песня ее звучит, по словам поэта, «правдиво, ясно и чисто», «не без учености и искусства». Прекрасным образцом анакреонтической оды является «Пирушка» Веккерлина, в которой соединяются блеск учености и живая разговорная речь, тяжеловесная грация и изящество, метафоричность и рациональная структура. От Ронсара немецкий поэт наследует архитектурный принцип построения оды, пышную нарядность языка, но при этом сохраняет свежесть народной речи. В плане ритмики Веккерлин приближается к силлаботонике (правда, не очень последовательно), вводит в немецкую поэзию силлабический александрийский стих, осваивает сонет, в зрелом творчестве продуктивно осмыслив также уроки М. Опица.

В сборнике «Оды и песни» Веккерлин впервые в немецкой поэзии обращается к теме *vanitas*, которая станет особенно важной для немецкой поэзии, и закономерно – к мотивам Экклесиаста. В этом плане показательна его элегия «На раннюю смерть Анны Августы, маркграфини Баденской» (*Über den frühen tod etc. Fräwleins Anna Augusta Marggräfin zu Baden etc.*, 1616). Анна Августа умерла совсем юной (ей было всего 12 лет), и эта смерть, столь противоестественная в таком раннем возрасте, становится для поэта поводом не только для выражения искренней скорби, но и для определения жизни человеческой:

*DEin leben, dessen end uns plaget,
War wie ein tag schön und nit lang,
Ein stern vor des morgens aufgang,
Die Röhtin wehrend weil es taget,
Ein seufz auss einer edlen brust,
Ein klag auss lieb nicht auss unlust,
Ein nebel den die sonn verjaget.*

*Угасла ты, как день короткий,
Как день весенний, ты цвела!
Звездой рассветной ты была
И людям свет дарила кроткий.
И ты нежна была, как сон,
Тиха, как еле слышный стон,
Слаба, как этот штрих нечеткий.*

*Ein staub der mit dem wind entstehet,
Ein daw in des Sommers anbruch,
Ein luft mit lieblichem geruch,
Ein schnee der frühlingszeit abgehet,
Ein blum die frisch und welck zugleich,
Ein regenbog von farben reich,
Ein zweig welchen der wind umbwehet.*

*Теперь ты скорбным прахом стала,
И юная твоя краса,
Как обреченная роса,
Исчезла вдруг и отблестала.
Ты мир покинула земной,
Как с поля сходит снег весной.
Что ж, отдохни! Ты так устала.*

*Ein schaur in Sommers-zeit vergossen,
Ein eiss an haissem Sonnenschein,
Ein glass also brühig als rein,
Ein wasser über nacht verflossen,
Ein plitz zumahl geschwind und hell,
Ein strahl schiessend herab gar schnell,
Ein gelächter mit laid beschlossen.*

*Лед под нещадным солнцем тает,
Ломаясь, будто бы стекло.
Что делать? Время истекло!
Но как тебя нам не хватает!
Ах, ты умчалась навсегда,
Быстрой, чем ветер, чем вода!
Пусть среди нас твой дух витает!*

*Ein stim die lieblich dahin fährt,
Ein widerhall der stim in eyl,
Ein zeit vertrieben mit dem kurtzweil,
Ein traum der mit dem schlaf aufhöret,
Ein flug des vogels mit begihr,
Ein schat wan die Sonn sticht herfür,
Ein rauch welchen der wind zustöret.*

*Ты вознеслась, как струйка дыма,
Как эхо, отзвучала ты.
И, наподобие мечты
Прошедшей, ты невозвратима.
О, неужель злосчастный день
Сгубил, как солнце губит тень,
Тебя, что столь была любима?*

*Also dein leben (schnell verflogen)
Hat sich nicht anderst dan ein Tag,
Stern, morgenröht, seufz, nebel, klag,
Staub, daw, luft, schnee, blum, regenbogen,
Zweig, schaur, eiss, glass, plitz, wasserfall,
Strahl, gelächter, stim, widerhall,
Zeit, traum, flug, schat und rauch verzogen*
[18, S. 10–14].

*Невосполнимая утрата!
Зачем же ты уходишь прочь,
Как дождь, как снег, как день, как ночь,
Как дым, пыль, прах, как луч заката,
Как зов, стон, крик, плач, возглас, смех,
Боль, страх, успех и неуспех,
Как жизнь, как время, – без возврата?!
(Перевод Л. Гинзбурга) [15, с. 19].*

Это стихотворение Веккерлина очень показательное для барокко и открывает, как и многие его произведения, новую страницу в истории немецкой поэзии. Весь текст подчинен выражению лейтмотива – мысли о бренности всего сущего. Не произнося ни разу само слово «бренность», поэт превращает все стихотворение в своеобразную энциклопедию метафор бренности: *вдох, плач, туман, пыль, роса, воздух, снег* и т. д. Все эти метафоры так или иначе являются развитием, дополнением того спектра значений, которые скрыты в центральном концепте Экклесиаста – *тэвэль*. Таким образом, Веккерлин стремится к исчерпывающему определению бренной человеческой жизни. Для этого он использует особый, весьма характерный для барокко, синтаксис: стихотворение представляет собой цепь перечислений, номинативных конструкций. Как справедливо отмечает С. Шлапоберская, «такого рода перечисления, как правило, состоявшие из одних существительных, “цепи сравнений”, служившие для всеобъемлющего охвата явлений природы и человеческой жизни, были весьма распространенным художественным средством поэзии немецкого барокко» [19, с. 797–798]. Следует добавить, что Веккерлин первым употребляет подобный прием в немецкой поэзии.

В хорошем переводе Л. Гинзбурга, в целом передающем общую атмосферу стихотворения, более или менее точно – его лексический состав, очень точно – ритм, тем не менее не выдержан генеральный композиционный принцип текста – принцип перечисления и единоначалия (анафоры), вступающий в силу с середины первой строфы. Переводчик динамизирует оригинал, вводя развернутые глагольные конструкции, и не сохраняет принцип «энциклопедичности», исчерпывающий охват проявлений и метафор бренности жизни. Зато в финальной строфе Л. Гинзбург постарался сохранить еще один чрезвычайно важный прием барочной поэзии, впервые использованный Веккерлином, – прием *conclusio*: собирание воедино рассыпанных ранее топосов-метафор и их бессоюзное, через асиндетон, перечисление, причем именно в том порядке, в каком они профигурировали в предшествующем тексте. Все это придает финальной строфе исчерпывающее резюмирующее значение и передает – благодаря задействию в асиндетоне односложных или усеченных слов, в результате чего возникает большое скопление ударений, – невыносимую тяжесть и трагизм этой бренной жизни: *Итак, твоя жизнь (быстро пролетевшая) / Не что иное, как день, / Звезда, утренняя заря, вдох, туман, плач, / Пыль, роса, воздух, снег, цветок, радуга, / Ветвь, ливень, лед, стекло, молния, водопад, / Луч, смех, голос, эхо, / Время, сон, полет, тень и дым исчезающие*. В своем переводе Л. Гинзбург мастерски сумел передать и асиндетон, и скопление ударений в последней строфе, но не во всей полноте, ибо перед нами воистину случай непереводимости в поэзии.

Важно, что последние метафоры бренности, упомянутые Веккерлином, – *schat und rauch* ‘тень и дым’, как и ранее *wind* ‘ветер’, прямо отсылают к топике Экклесиаста, а заключительные строки предпоследней строфы представляют собой реминисценции из библейской книги: *Ein schat wan die Sonn sticht herfür, / Ein rauch welchen der wind zustöret* ‘Тень, когда ее пронизывает солнце, / Дым, который развеивает ветер’. Сравним у Экклесиаста: *Ибо кто знает, что есть благо человеку в жизни, / В считанные дни его тщетной жизни, / Которые проходят, как тень? (Еккл 6:12) [11, с. 53]; И вот, все – тщета и ловля ветра (Еккл 2:11) [11, с. 44]; ...это тоже тщета и ловля ветра» (Еккл 2:26; 4:4; 6:9) [11, с. 46, 48, 53]; Нет человека, властного над ветром, / Удержать умеющего ветер, / И над смертным часом нет власти... (Еккл 8:8) [11, с. 57]*. Вслед за Веккерлином подобный прием организации стихотворения – через цепь номинативных образов, и именно на тему *vanitas*, с обращением к топике Экклесиаста, – будут использовать Й. Штегман, Д. Чепко, А. Грифиус, С. Дах, К. Г. фон Гофмансвальдау и др. Таким образом, начиная с Веккерлина можно говорить о формировании в немецкой поэзии специфического жанра *Vanitas-Gedicht* ‘стихотворение о бренности (тщетности) [мира]’, кристаллизация которого невозможна без диалога с Экклесиастом.

Заключение

Итак, Книга Экклесиаста выступает для эпохи барокко, особенно для лирической поэзии, «осевым» архетекстом, который является опорой религиозно-философских размышлений, восприятия мира и вызывает к жизни новые тексты, возникающие как комментарии на полях библейской книги. Сам карди-

нальный ход мысли Экклесиаста – от утверждения тщетности и бренности бытия к призыву радоваться каждому его мгновению – находит многомерный и многообразный отклик в барочном парадоксальном сопряжении предельного трагизма жизни и безудержного упоения ее красотой. Ведущие принципы барочного мироощущения и барочной поэтики – *vanitas mundi* ‘бренность [тщетность] мира’, *discordia concors* ‘сочетание несочетаемого’, *Constantia* ‘Постоянство’, парадоксальность мышления – обнаруживают в Экклесиасте родственную почву и подпитку. Экклесиаст властно входит в тексты барочных поэтов на правах паратекста и «текста в тексте» – в виде прямых и скрытых цитат, аллюзий и реминисценций. Особенно осозанным и глубоким предстает диалог с Экклесиастом в немецкой поэзии XVII в. – в силу особой трагичности немецкой действительности. Экклесиаст играет для немецкой поэзии с самого начала ее формирования в эпоху Нового времени также роль архетекста, определяя ее жанровые поиски в русле религиозно-философской и медитативной лирики. В диалоге с Экклесиастом складывается особый жанр *Vanitas-Gedicht* – лирического размышления о бренности, тщетности, абсурдности бытия и поисках смысла жизни. Впервые такой жанр складывается у Г. Р. Веккерлина и затем получает развитие у всех немецких поэтов XVII в., особенно у А. Грифиуса. В целом вся немецкая барочная поэзия представляет собой своеобразный метатекст по отношению к «осевому» архетексту – Книге Экклесиаста.

Библиографические ссылки

1. Genette G. Palimpsestes: la littérature au second degré. Paris : Éditions du Seuil, 1982⁴.
2. Синоло Г. В. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.
3. Синоло Г. В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре : в 2 ч. Минск : БГУ, 2012. Ч. 1 : Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации.
4. Buber M. Ich und Du. Frankfurt a. M. : Reclam Philipp jun., 1995⁵.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочарова ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979.
6. Библиер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М. : Прогресс, 1991.
7. Синоло Г. В. Эволюция подходов к анализу библейского текста в контексте развития библеистики и литературоведения // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 34–46.
8. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха. Л. : Просвещение, 1972.
9. Аверинцев С. С. Арфа царя Давида: у истоков древнейшей лирической традиции. [Вступление] // Иностран. лит. 1988. № 6. С. 189–191.
10. כְּתוּבִים = Кетувим / пер. под ред. Д. Йосифона. Иерусалим : Мосад арав Кук, 1978.
11. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана при участии Л. В. Маневича. М. : РГГУ, 1998.
12. Дьяконов И. М. Книга Экклесиаста: примечания // Поэзия и проза Древнего Востока / общ. ред. и вступ. ст. И. Брагинского. М., 1973. С. 724–727.
13. Испанская поэзия в русских переводах / сост., предисл. и коммент. С. Ф. Гончаренко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Радуга, 1984.
14. Поэзия испанского Возрождения / сост. и коммент. В. Столбова ; вступ. ст. С. Пискуновой. М. : Худож. лит., 1990.
15. Европейская поэзия XVII века / вступ. ст. Ю. Виппера ; сост. И. Бочкарева [и др.]. М. : Худож. лит., 1977.
16. Симеон Полоцкий. Вирши / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой ; науч. ред. В. Г. Короткий. Минск : Маст. літ., 1990.
17. Синоло Г. В. Диалог с Экклесиастом в поэзии Симеона Полоцкого // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А: Гуманит. науки. 2015. № 10. С. 16–25.
18. Gedichte des Barock / hrsg. von U. Maché, V. Meid. Stuttgart : Philipp Reclam jun., 2005.
19. Шлапоберская С. Германия: Примечания // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 797–798.

References

1. Genette G. Palimpsestes: la littérature au second degré. Paris : Éditions du Seuil, 1982 (in Fr.).
2. Sinilo G. V. The Bible as the «axial» archetext of European literature (by the example of German lyric poetry). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 3. P. 19–29 (in Russ.).
3. Sinilo G. V. *Ekklesiast i ego retseptsiya v mirovoi kul'ture* [Ecclesiastes and Its Reception in World Culture] : in 2 parts. Minsk : Belarus. State Univ., 2012. Part 1 : [Precursors, Poetics, Religious Interpretations] (in Russ.).
4. Buber M. Ich und Du. Frankfurt a. M. : Reclam Philipp jun., 1995 (in Ger.).
5. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow : Iskusstvo, 1979 (in Russ.).

⁴См. также англ. перевод: Genette G. Palimpsestes: Literature in the Second Degree. Lincoln : University of Nebraska Press, 1998; сокращ. рус. перевод: Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М. : Науч. мир, 1989.

⁵См. также: Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файнгольда ; послесл. П. С. Гуревича. М. : Высш. школа, 1993.

6. Bibler V. *Mikhail Mikhailovich Bakhtin, ili Poetika i kul'tura* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin or the poetics of culture]. Moscow : Progress, 1991 (in Russ.).
7. Sinilo G. V. The evolution of approaches to the analysis of the Biblical text in the context of the development of Bible and literature studies. *Vestnik Polotskogo gos. univ. Ser. A: Gumanit. Nauki* [Bull. Polotsk State Univ. Ser. A: Human. Sci.]. 2017. No. 10. P. 34–46 (in Russ.).
8. Lotman Y. *Analiz poeticheskogo teksta: struktura stikha* [Analysis of the poetic text]. Leningrad : Prosveshchenie, 1972 (in Russ.).
9. Averintsev S. S. [The harp of King David: at the origin of the oldest lyrical tradition. (Introduction)]. *Inostr. lit.* [Foreign literature]. 1988. No. 6. P. 189–191 (in Russ.).
10. Ketuvim. Jerusalem : Mosad ha-rav Kuk, 1978 (in Hebr. and Russ.).
11. Diakonov I. M., Kogan L. E., Manevitsh L. V. (transl.) *Vetkhii Zavet: Plach Ieremii; Ekklesiast; Pesn' Pesnei* [The Old Testament: Lamentations of Jeremiah; Ecclesiastes; Song of Songs]. Moscow : Russ. State Hum. Univ., 1998 (in Russ.).
12. Diakonoff I. M. [The Book of Ecclesiastes: Commentary]. *Poeziya i proza Drevnego Vostoka* [Poetry and prose of ancient orient]. Moscow, 1973. P. 724–727 (in Russ.).
13. Goncharenko S. F. (ed.). *Ispanskaya poeziya v russkikh perevodakh* [Spanish poetry in Russian translation]. 2nd ed. Moscow : Raduga, 1984 (in Russ.).
14. Stolbov V. (ed.). *Poeziya ispanskogo Vozrozhdeniya* [Poetry of Spanish Renaissance]. Moscow : Khudozh. lit., 1990 (in Russ.).
15. Bochkareva I. (ed.). [European poetry of XVII Century]. Moscow : Hudozh. lit., 1977.
16. Simeon Polotskii. *Virshi*. [Poems]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990 (in Russ.).
17. Sinilo G. V. The dialogue with Ecclesiastes in the poetry of Simeon Polotsky. *Vestnik Polotskogo gos. univ. Ser. A: Gumanit. Nauki* [Bull. Polotsk State Univ. Ser. A: Human. Sci.]. 2015. No. 10. P. 16–25 (in Russ.).
18. Maché U., Meid V. (hrgst.). *Gedichte des Barock*. Stuttgart : Philipp Reclam jun., 2005 (in Ger.).
19. Shlapoberskaya S. [Germany: commentaries]. In: *Evropeiskaya poeziya XVII veka* [European Poetry of XVII Century]. Moscow, 1977. P. 797–798 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.02.2018.
Received by editorial board 07.02.2018.

УДК 82.09

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА И ЮНОСТИ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОЙ ПОВЕСТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Т. Р. БОГОРАДОВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Рассматривается проблема детства и юности в белорусской военной повести. Феномен детства и юности в контексте военного и послевоенного времени исследуется в двух основных аспектах: через восприятие писателей, встретивших войну в детском и юношеском возрасте, и через отражение детского видения военных событий. Анализируются способы показа военной действительности в ретроспективном ракурсе на примере творчества белорусских авторов. Определены художественные средства передачи писателями военного контекста в сравнительно-историческом аспекте. Раскрываются тенденции художественного освоения действительности на примере разноплановых произведений о войне.

Ключевые слова: двойное видение; эйдети́зм; сдвиг сознания; поток сознания; синкретизм; ретрансляция; лирический принцип типизации.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках кафедральной госбюджетной темы ГБ 2216 «Образы “свой” – “чужой” в национальной картине мира в белорусской, русской и зарубежной литературах и языках».

ФЕНОМЕН ДЗЯЦІНСТВА І ЮНАЦТВА Ў КАНТЭКСЦЕ БЕЛАРУСКАЙ АПОВЕСЦІ ПРА ВЯЛІКУЮ АЙЧЫННУЮ ВАЙНУ

Т. Р. БАГАРАДАВА^{1*}

^{1*}Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Блохіна, 29, 211440, г. Наваполацк, Беларусь

Разглядаецца праблема дзяцінства і юнацтва ў беларускай ваеннай аповесці. Феномен дзяцінства і юнацтва ў кантэксце ваеннага і пасляваеннага часу даследуецца ў двух асноўных аспектах: праз успрыманне пісьменнікаў, што сустрэлі вайну ў дзіцячым ці юнацкім узросце, і праз адлюстраванне дзіцячага бачання ваенных падзей. Аналізуюцца спосабы паказу ваеннай рэчаіснасці ў рэтрэспектыўным ракурсе на прыкладзе творчасці беларускіх аўтараў. Вызначаны мастацкія сродкі перадачы аўтарамі ваеннага кантэксту праз параўнальна-гістарычны аспект. Раскрываюцца тэндэнцыі мастацкага асваення рэчаіснасці на прыкладзе разнапланавых твораў пра вайну.

Ключавыя словы: падвойнае бачанне; эйдэты́зм; зрух свядомасці; плынь свядомасці; сінкрэты́зм; рэтрэспекты́цыя; лірычны прынцып тыпізацыі.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў межах кафедральнай дзяржбюджетнай тэмы ДБ 2216 «Вобразы “свой” – “чужы” ў нацыянальнай карціне свету ў беларускай, рускай і замежнай літаратурах і мовах».

Образец цитирования:

Багарадава Т. Р. Феномен дзяцінства і юнацтва ў кантэксце беларускай аповесці пра Вялікую Айчынную вайну // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 2. С. 17–25.

For citation:

Baharadava T. R. The phenomenon of childhood and adolescence as presented in Belarusian narratives about the Great Patriotic War. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 17–25 (in Belarus.).

Автор:

Татьяна Робертовна Богорадова – старший преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков гуманитарного факультета.

Author:

Tatsiana R. Baharadava, senior lecturer at the department of world literature and foreign languages, faculty of humanities. t.baharadava@psu.by

THE PHENOMENON OF CHILDHOOD AND ADOLESCENCE AS PRESENTED IN BELARUSIAN NARRATIVES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

T. R. BAHARADAVA^a

^aPolotsk State University, 29 Blokhin Street, Navapolack 211440, Belarus

The article dwells on the problem of childhood and adolescence as presented in Belarusian war narratives. The author of the article does the literary research of the topic of childhood and adolescence in the context of war and post-war time. This topic in the texts is revealed via the perception of writers who faced war in either their childhood or in their youth and via children's understanding of war. The author analyses the methods of war reality depiction given from the retrospective viewpoint in the works of Belarusian writers. The research novelty lies in the fact of stating the literary devices used by Belarusian authors in creating war context through the comparative historical aspect. The author finds out the tendencies of artistic understanding and depicting reality in diverse works about war.

Key words: double vision; eidetic image; shift of consciousness; stream of consciousness; syncretism; retransmission; lyrical principle of typification.

Acknowledgements. Writing the article became possible owing to the fact that the author participates in the national budget topic «The images “self” – “non-serlf” in the national picture of the world as presented in Belarusian, Russian and foreign literatures and languages» (No. 2216).

Уводзіны

Тэма ваеннага дзяцінства і юнацтва набыла актуальнае гучанне ў кантэксце мастацтва слова, калі ў літаратуру прыйшлі пісьменнікі так званага сярэдняга пакалення, якія ў ваенны перыяд былі дзецьмі. Літаратуразнавец П. Васючэнка характарызуе гэтых аўтараў наступным чынам: «Літаратары – “дзеці вайны”, далёкія ад адназначнай гераізацыі ваенных падзей, унеслі свой настрой, знайшлі свой ракурс бачання... Пакаленне беларускіх прэзаікаў у асобах В. Адамчыка, В. Казько, І. Пташнікава, Б. Сачанкі, Я. Сіпакова, М. Стральцова, І. Чыгрынава вылучылася падабенствам жыццяпісаў, лёсаў... пошукам форм мастацкага асваення матэрыялу, адназначнасцю антываеннага гучання твораў... У полі гэтага бачання – цэлы комплекс праблем эстэтычнага, маральнага, філасофскага характару» [1, с. 3–4]. Трэба дадаць, што да пісьменнікаў, якія сустрэлі вайну ў дзіцячым узросце, адносяцца таксама А. Кудравец, У. Паўлаў, Л. Арабей, У. Дамашэвіч, П. Місько, І. Навуменка, У. Караткевіч. Не ўсе яны адлюстравалі ваенныя падзеі менавіта праз жанр аповесці, аднак агульны пафас асуджэння вайны прысутнічае ў той ці іншай ступені ў творчасці кожнага з іх.

Пакаленне шасцідзясятнікаў, да якога належаць пісьменнікі, што паказвалі вайну рэтраспектыўна, праз успрыманне дзіцяці або падлетка, мела магчымасць аб'ектыўна і заострана адлюстроўваць ваенную рэчаіснасць. Падзеі эпохі 1960-х гг., звязаныя з грамадскімі пераўтварэннямі і зменай ідэйнай парадыхмы, прывялі да своеасаблівай унутранай дысгармоніі аўтараў, непрымання імі законаў існуючай рэчаіснасці, гранічна дакладнага і вострага адлюстравання сітуацыі.

Актуальным падаецца паказ тэмы Вялікай Айчыннай вайны ў сучасным ракурсе ўспрымання, бо натуральным з'яўляецца ўзнікненне разнапланавасці пры асэнсаванні ваенных падзей, ролі чалавека ў ходзе гісторыі. Праблема ваеннага дзяцінства і юнацтва ў літаратуры набыла шматаспектнае вырашэнне. Па-першае, яна стала аб'ектам мастацкага спасціжэння праз адлюстраванне пісьменнікаў, што сустрэлі вайну ў маладым узросце. Па-другое, тэма раскрывалася праз дзіцячае ўспрыманне, перададзенае ў мастацкім творы. Асноўнай мэтай гэтага даследавання з'яўляецца разгляд праблем чалавека з улікам зрухаў свядомасці і быццёвага аспекту. Вырашэнне асноўных задач ажыццяўляецца шляхам параўнання мастацкіх сродкаў адлюстравання ваеннай рэчаіснасці ў аповесцях айчынных аўтараў. Праблема вайны і дзяцінства асэнсоўвалася ў літаратурна-крытычных артыкулах і манаграфіях А. Адамовіча, С. Андраюка, В. Бечыка, П. Васючэнка, Э. Гурэвіч, П. Дзюбайлы, В. Каваленкі, М. Тычыны. Названыя аўтары разглядаюць ваеннае дзяцінства як самастойны аб'ект даследавання.

Вынікі і абмеркаванне

Па падліках гісторыкаў, у вайне са зброяй у руках удзельнічалі не менш за пяць тысяч дзяцей. Пакуты маленькага чалавека яшчэ з часоў Ф. М. Дастаеўскага сталі атаясамлівацца ў шырокім сэнсе з недасканаласцю будовы грамадства, у вузкім – з антычалавечым пачаткам і дэструктывізмам вайны. Як даводзіў Э. Гурэвіч, гэта ідэя была напоўнена «ў рэшце рэшт глыбокім гуманістычным сэнсам»

[2, с. 126]. Нечалавечыя ваенныя ўмовы для дзіцячай псіхікі з'яўляюцца разбуральнымі, у іх тоіцца пагроза адчужэння дзіцяці ад навакольнага свету, бо яго неакрэпная псіхіка не здольная вытрымаць адрыватасць і адзіноту.

Праблему асэнсавання вайны праз светаўспрыманне дзіцяці або падлетка акрэсліў М. Тычына: «Гэта пачуццё сувязі “аднаго” і “ўсіх” адлюстравалася востра і глыбока ў творчасці “дзяцей вайны”, тых, хто бачыў вайну на свае вочы...» [3, с. 307]. Для творчай манеры пісьменнікаў, якія перажылі ваенныя падзеі ў раннім узросце, характэрныя агульныя рысы ўспрыняцця рэчаіснасці. Іх лірычны герой – дзіця або падлетак, здольныя «рэтрансляваць» убачанае. Недастаткова сфарміраваная свядомасць пераасэнсоўвае мінулае ў так званым падвойным бачанні рэчаіснасці. Падвойнае бачанне адпавядае працэсу ўмоўнай вобразнасці: выкарыстанню міфа, казкі, сінкрэтызму ўспрымання. Усе гэтыя элементы ўтрымліваюць аповесці пра вайну В. Казько (нар. у 1940 г.). Побач з гэтым у творах пісьменніка існуе ірацыянальнае быццё: чорны сабака ў «Аповесці пра беспрытульнае каханне» (1975), міф пра «апошняя немца» ў аповесці «Высакосны год» (1972). Паводле П. Васючэнка, «у В. Казько элемент гульні разам з іншымі праявамі дзіцячасці паддаецца эфекту адчужэння» [1, с. 53].

Паказ ваеннага мінулага ў падвойным бачанні з'яўляецца працягам літаратурных традыцый пры адлюстраванні чалавечага існавання: паводзін у памежнай сітуацыі, смерці, ахвярнасці, пачуцця віны і г. д. Рэчаіснасць для галоўнага героя аповесці В. Казько «Суд у Слабадзе» Лецечкі ўяўляецца як супастаўленне палярных паняццяў і сіл быцця: *Ён і сам жыў у тых сорак трэцім і сорак чацвёртым, але не хацеў верыць і таму жыццю. Ён адмаўляўся, адракаўся ад яго. Імкненне спазнаць дарэштны тое жыццё і адмаўленне ад таго, што такое можа быць, адначасова жылі ў ім, але існавалі як бы асобна адно ад другога. З такой дваістасцю чалавек здольны глядзець толькі сон, здольны толькі ў сне так верыць і не верыць у яго прывідную, нерэальную рэальнасць* [4, с.152]. У творы В. Казько шукае разгадку жыццёвых чалавечых драм, «аднак не заўсёды гэты працэс азначаны ў самім тэксце. В. Казько яго агаліў, не пабаяўся падзяліцца з чытачом яго таямніцамі і яго часам неадольнымі цяжкасцямі»¹ [5, с. 100]. Асабліва раскрываецца характару перадаецца ў аўтара праз выкарыстанне ўнутраных маналагаў: *І там і там нуда мая, туга мая, душыць, цісне, што не ведаю я нічога: адкуль прыйшоў і куды пайду* [4, с. 142]. Сутнасць жыцця асэнсоўваецца праз ужыванне значнай колькасці дыялогаў персанажаў: *Калі ўжо жыць апошнія дні, дык жыць так, каб усім чарцям маташина было, і да чаго ж добра, што ён дажыў да гэтага дня, не памёр. <...> Трэба быць разам з усімі, моцным, дужым трэба быць* [4, с. 42].

Персанаж пісьменніка – асоба, у якой жывуць два Я. Герой знаходзіцца ў стане душэўнага крызісу: «Нельга не верыць... што ён укладвае ў свае творы зусім матэрыяльны боль, кроў, слёзы» [6, с. 277]. У многім тэндэнцыі мастацкага асваення рэчаіснасці бяруць пачатак з біяграфіі самога В. Казько: жыццё ў дзіцячым доме, праца на Кузбасе, вучоба ў Кемераўскім горным індустрыяльным тэхнікуме, праца на шахце, у геалагаразведцы. У аповесці «Высакосны год» аўтар за аснову сюжэта ўзяў некаторыя ўражанні сваёй маладосці. У выніку ўтварыўся фон, на якім адбываецца рэтраспектыўны пошук героем часу і сябе ў ім. Аднак нельга сцвярджаць, што аўтар і яго герой – тоесныя асобы, хоць аповесць вартая лічыць аўтабіяграфічнай. «Аповесць пра беспрытульнае каханне» адыходзіць ад Я-формы апісання. Галоўны герой Андрэй Разорка ўцякае ад самога сябе. Падаплёкай кахання героя выступае пачуццё адзіноты. Каханне адначасова з'яўляецца выйсцем з палону думак пра мінулае, аднак светлае пачуццё падаецца ілюзорным, недаўгавечным.

Своеасаблівым падагульненнем вопыту ваеннага дзяцінства В. Казько стала аповесць «Суд у Слабадзе» (1978). Кампазіцыю твора складаюць уражанні памяці галоўнага героя, які некаторы час знаходзіўся ў «кіндэрхайме»: «Вобраз Лецечкі ў аповесці “Суд у Слабадзе” – адзін з самых глыбокіх вобразаў ва ўсёй савецкай прозе чалавека, які трагічна перажыў вайну» [7, с. 282]. Трагізм сітуацыі В. Казько завастрае пры дапамозе невырашальнасці канфлікту. Лецечка сам не хоча жыць, бо яго душэўны боль занадта моцны: *Больш крыўдна было іншае: не паспеў нарадзіцца, а ўжо нібыта пракляты кімсьці, за якія грахі? Не паспеў нарадзіцца, не паспеў нічога спазнаць пра сябе, а ўжо, гавораць, час паміраць* [4, с. 28].

Па драматызме перажыванняў, сіле душэўнай адзіноты, адрыватасці ад жыцця вобраз Лецечкі блізкі да Яся Панявежы – персанажа з аповесці Б. Сачанкі (1936–1995) «Апошнія і першыя» (1968). Твор перадае душэўныя зрухі і псіхалагічны стан хлопчыка, дзяцінства якога было паранена вайной: *Я хацеў бы, каб гэта быў сон. Але гэта не сон. Не, не сон...*² Як адзначаў П. Васючэнка, «ўспрыняццю дзіцяці ўласцівы эйдэтызм – тэндэнцыя да зрокавага, чыста вонкавага асваення асяроддзя. Гульнівы пачатак...

¹ Тут і далей пераклад наш. – Т. Б.

² Сачанка Б. Апошнія і першыя // Беларуская палічка [Электронны рэсурс]. 2004. URL: http://knihi.com/BarysSachanka/Aposnija_i_piersyja.html#1 (дата звароту: 05.02.2018).

замацоўвае гэту тыпалагічную тоеснасць» [1, с. 7]. Пацвярджаецца той факт, што дзеці ад прыроды – аптымiсты, iх псiхiка «ставiць абарону» ўсiм негатыўным праявам рэчаiснасцi. Паўтаральнымi ў творах аўтараў гэтага пакалення з’яўляюцца матывы пакалечанага вайной дзяцiнства i юнацтва, маленькага чалавека як ахвяры вайны, перадаецца псiхалагiчны стан несфармаванага асобы, паказваецца разбуранне яе гарманiчнага iснавання. Пiсьменнiкi адлюстроўваюць гэтыя аспекты з розных ракурсаў: праз трагiзм паказу падзей i фiзiчную смерць падлетка, праз душэўныя пакуты i зрухi свядомасцi дзiцяцi пасля перанесеных выпрабаванняў, душэўнае перараджэнне асобы.

Падзеям вайны прысвяцiў некаторыя творы i апавесцi П. Мiсько (1931–2011). У герояў апавесцей «Поезд iшоў на захад» (1972) i «Калянае лiсце» (1974) гэтых твораў нялёгкi лёс. У гады вайны i ў пасляваенны час яны засталiся людзьмi, не зламалiся ад выпрабаванняў i жыццёвых абставiн. Вядучымi ў творчасцi П. Мiсько застаюцца вобразы жанчын i дзяцей, лёс якiх даволi трагiчны i складаны ў паказе аўтара. У апавесцi «Калянае лiсце» вастрыня канфлiкту заключаецца ў адлюстраваннi драматычнага лёсу маладога мастака-падпольшчыка, якi гiне ад рук немцаў.

Адчуванне трагiзму сiтуацыi ў апавесцях В. Казько, Б. Сачанкi, М. Стральцова ствараецца шляхам кантраснага паказу вобраза старэйшага i новага пакаленняў. Вобраз сталага чалавека Захар’i ў апавесцi В. Казько «Суд у Слабадзе» падкрэслiвае вастрыню болю знявечанага вайной дзяцiнства: *Ты не крыўдуй на мяне, хлопец, не сярчай на мяне, такi я ўжо ўдаўся, сурочлiвы i бязглузды... Малы ты лiшчэ, малы... А яно, разумееш, да смерцi трэба заздзя рыхтавацца. Ад сумы ды ад турмы, гавораць, не заракайся, а ад смерцi – не бяжы. I пад зямлiй яна цябе знойдзе, дастане ўсюды. Так стрэнь яе па-людску* [4, с. 10]. Вобраз дзеда, якi распавядае прытчу ў апавесцi Б. Сачанкi «Апошнiя i першыя», падаецца праз фальклорнае ўяўленне i спрыяе ўзмацненнi трагiзму сiтуацыi быцця ў дачыненнi да светаўспрымання маленькага хлопчыка, вучыць яго жыццёвай кемнасцi: *Што ёй тутака рабiць, той нечысцi, у гразi, пяску ды брудзе? Яна заўсёды тамака, дзе багацце, грошы...*³

Пiсьменнiк-фiлосаф М. Стральцоў (1937–1987), якога цікавяць зрухi чалавечай душы, паказвае рэфлексiю сталага чалавека: *Божа, не пакiнь мяне без помачы, – думаў дзед. – Нешта здарылася са мной. У мяне падбiлася душа. У мяне не стала душы – засталася адно iшканаванне. Мне ўсiх iшкана, жалба сцiскае мне сэрца, i мне хочацца плакаць*⁴. Галоўная мэта героя iншая – гарманiзацыя пачуццяў, цэласнасць светаўспрымання на фоне трагiчнасцi быцця. У творчасцi М. Стральцова i I. Пташнiкава прасочваецца тэндэнцыя да паказу ваеннай рэчаiснасцi шляхам ачышчальнага ўспрымання дзiцяцi. Быццё адлюстроўваецца праз погляд маленькага чалавека, праз так званую чыстую лiнiю. Дзiцячае бачанне ваенных падзей з’яўляецца своеасаблiвым маральным каталiзатарам, судом над створаным злом. Як заўважыла Т. Шамякiна, пiшучы пра лiрычны пачатак творчасцi прэзаiкаў, «сучасныя беларускiя пiсьменнiкi, лiрыкi па складзе свайго таленту, – Я. Брыль, раннi I. Навуменка, М. Стральцоў, У. Караткевiч – успрынялi лепшыя традыцыi як аналiтыка-эпiчнай, сiнтэтычна-драматызаванай, так i лiрычнай прозы М. Багдановiча, З. Бядулi, Я. Коласа, М. Зарэцкага, М. Лынькова, хоць пiсьменнiкi гэтыя вельмi ўсе розныя, ды i лiрызм iх значна адрознiваецца ад сучасных яго выяўленняў» [8, с. 4]. Агульнай для ўсiх разгледжаных твораў з’яўляецца тэндэнцыя ўвядзення прыродных апiсанняў у плынь сюжэта, якая мае своеасаблiвае аўтарскае выражэнне i падпарадкавана вырашэннi розных задач. У М. Стральцова праяўляюцца прыёмы лiрызацыi: пiсьменнiка цікавiць узаемадзеянне прыроды i чалавека. У апавесцi «Адзiн лапаць, адзiн чунь» (1970) лiрызацыя прыроды з’яўляецца фонам для перадачы фiзiчнага i псiхiчнага стану дзiцяцi: *На раскапаным ля пограба сумёце таксама была стрэшка, сутонлiва-белая i лёгкая, як аблачынка цi птушынае пярэ, i – мройлiвая ў сваёй прыцемненай белi. Пазёмка сцiшана шоргала па сумёце, празрыста-дымна распаўзаючыся за агародам у полi. Ён увабраў галаву ў плечы, не зважаючы, што непрыемна-халадна дакранаўся да iшчакi зледзянелы матузок ад аблавушкi, i – глядзеў*⁵. Увогуле варта казаць пра адсутнасць класiчнага сюжэта ў творы. Апавесць з’яўляецца ўзорам лiрычнай прозы.

Прыёмы лiрызацыi прыроднага пачатку сустракаюцца i ў апавесцi I. Навуменкi (1925–2006) «Замець жаўталiсця» (1977). Творчасць пiсьменнiка характарызуецца пэўнай рамантызацыяй маладосцi, супастаўленнем яе сутнасцi з антычалавечым пачаткам вайны. Своеасаблiвым фонам для адлюстравання псiхалагiчнага стану маладых людзей, а таксама кантрасу двух несумяшчальных быцiйных пачаткаў – ваенных падзей i мiрнага жыцця – выступае ў названай апавесцi паказ прыродных з’яў. Пiсьменнiк наогул паэтызуюе ваенную маладосць. Першасны ваенны вопыт маладых людзей мяжуе

³ Сачанка Б. Апошнiя i першыя // Беларуская палiчка [Электронны рэсурс]. 2004. URL: http://knihi.com/BarysSacanka/Aposnija_i_piersyja.html#1 (дата звароту: 05.02.2018).

⁴ Стральцоў М. Адзiн лапаць, адзiн чунь // Belarusianreading [Электронны рэсурс]. 2015. URL: <https://belarusianreading.wordpress.com/2015/08/23/straltsou-adzin-lapaz-adzin-chun/> (дата звароту: 29.01.2018).

⁵ Стральцоў М. Адзiн лапаць, адзiн чунь // Belarusianreading [Электронны рэсурс]. 2015. URL: <https://belarusianreading.wordpress.com/2015/08/23/straltsou-adzin-lapaz-adzin-chun/> (дата звароту: 29.01.2018).

з летуценнасцю і недастатковым разуменнем глыбіні і вастрэні сітуацыі, якая праз паказ прыродных малюнкаў набывае схематычнае адлюстраванне. Сталенне лірычнага героя І. Навуменкі адбываецца паступова, пад уплывам жыццёвых абставін, а прырода з'яўляецца гарманізатарам унутранага стану асобы: *Сонца вісіць даволі нізка, яго перадвячэрняе святло часам кранае макушы таполяў, клёнаў, і тады ў іх зеляніне на імгненне ўспыхваюць залатыя бляскі. Іржышча амаль усюды пераарана, над полем, прабуючы моц крылляў перад адлётам у вырай, носяцца чародкі іпакоў*⁶.

Спалучэннем рамантызаванага ўспрымання з рэалістычным паказам падзей вайны прасякнута апавесць У. Караткевіча (1930–1984) «Лісце каштанаў» (1972). Тэмай восені, вобразам лістоты, назвай апавесць пераклікаецца з прыгаданымі творамі П. Місько і І. Навуменкі. Аповед у творы У. Караткевіча вядзецца ад імя беларускага хлопца Васіля Стасевіча, якога лёс закінуў у толькі што вызвалены ад немцаў Кіеў. Апісаньня падзеі прапускаюцца праз успрыманне юнака, чыё дзяцінства і юнацтва прыпалі на ваенную пару, паказваецца, як знявечвае вайна лёсы, характары, псіхіку несфарміраваных у маральным плане маладых людзей. Аповесць, безумоўна, варта аднесці да твораў з рэтраспектыўным паказам вайны – праз апісанне яе з пазіцыяй падлеткаў ці дзяцей, аднак прысутнасць рамантызаванага кантэксту вылучае «Лісце каштанаў» з шэрагу падобных твораў. У гульнях, адносінах падлеткаў выразна назіраецца прысутнасць мінулай вайны. Псіхіка маладых людзей рэагуе на жорсткія і несправядлівыя жыццёвыя праявы. Недарэчная смерць некаторых падлеткаў наступае на фоне таго, як ападае лісце каштанаў. Прыродны фон спрыяе раскрыццю трагічнасці развязкі і ўзмацненню драматызму і вастрэні сітуацыі: *Вулкі ў залатых каштанах ныраюць то ўгору, то ўніз. Наводдаль цьмяна, як праз ваду, плаваюцца ў няяркім сонцы залатыя купалы цэркваў. Лістота звініць, калі яе зграбуюць у купы, у якіх так добра купалы дзецям і закаханым юнакам. Замілаванне такое, што глянь на ўсё гэта – і памры, бо сэрца разрываецца ад прыгажосці ўвядання. І адначасова ад балеснай тугі, ад незваротнасці ўспамінаў, ад спозненых шкадаванняў, ад непараўнасці... ад нянавісці; Пачынаюць аблятаць каштаны. І ў гэты журботны час наша апаленае, спаленае, наша забітае вайной, наша знявечанае юнацтва заўсёды, заўсёды ўспамінаецца мне*⁷.

Апісанне краявідаў і прыродных з'яў у апавесці Б. Сачанкі «Апошнія і першыя» падаецца праз светаўспрыманне маленькага хлопчыка. Аўтар выкарыстоўвае прыём фальклорнага звароту. Рамантызаванае апісанне спрыяе адлюстраванню рэалістычнай знешняй падзейнасці твора, падкрэслівае кантраст праяў мірнага жыцця і ваеннай рэчаіснасці: *Я спыніўся, аслеплены сонцам, толькі на ўзлеску, перад полем. Лёгка ранішні ветрык калыхаў загоны жыта, што падступала да самай сцежкі, і яно лясцілася, выгіналася і роўна, вусцішна гуло, шумела сівым, яшчэ неналітым коласам. <...> І адусюль, аглушаючы чудадзейную, гаючую цішыню раніцы, у неба рваліся песні, песні бязмежнай хвалы і крылатай птушынай веселасці...*⁸ Абвостранаму ўспрыманню ваенных падзей спрыяе выкарыстанне аўтарам прыёму апаведу ад імя першай асобы. Стыль апавесцей Б. Сачанкі ўтрымлівае элементы лірызацыі (калі гэта датычыцца прыродных з'яў і псіхалогіі героя): у творах «Пакуль не развіднела» (1966) і «Аксана» (1971) раскрываюцца вобразы дзяўчат ва ўмовах ваеннай рэчаіснасці. Іх вобразы па-мастацку паэтызуюцца, нават калі аўтар апісвае іх у крытычных абставінах. Пры выкананні заданняў дзяўчаты праяўляюць кемлівасць, пісьменнік паказвае іх маральнае сталенне, дакладна абмалёўвае псіхалагічныя партрэты, падаючы ўнутраныя маналогі ў выглядзе плыні свядомасці. Эпічнасць апавесцей Б. Сачанкі спрыяе раскрыццю сюжэта, а публіцыстычнасць – абвастрэнню сітуацыі, якая праяўляецца гранічна і даследуецца чалавекам-аналітыкам. Так, апавесць-быль «Загадка аднаго падполля» (1970) прысвечана гібелі сарака сямі юнакоў і дзяўчат у палескім горадзе Вепры: *У Беларусі, якую ў гады вайны цалкам заняў вораг, усюды былі падпольшчыкі. У кожнай вёсцы. У кожным горадзе. Хто яны? Што мы пра іх чулі?... Герояў было куды больш, чым мы пакуль ведаем. <...> Ні адно імя не павінна быць забыта, ні адзін подзвіг – не ўслаўлены*⁹.

У творы І. Пташнікава (1932–2016) «Тартак» (1967) пейзажы і вобразы прыроды – хвоя, неба, месца, зоркі, воблакі – набываюць сімвалічнае значэнне: *Месца, круглы і жоўты, што ячны блін з вялікай скаварады, стаяў цяпер за плячыма над самай зямлёй. З воза здавалася, што ён бег ззаду ўздагон – ад адной сасны да другой. У небе над галавой пагусцелі зоркі, сталі чырвоныя... на небе стаяла блеклая зеленаватая зара...* [9, с. 106]. Акрамя таго, прырода выступае як праекцыя чалавечай душы, на ёй адбываецца складанасць і зменлівасць псіхалагічнага стану кожнага героя твора.

⁶ Навуменка І. Замець жаўталісія [Электронны рэсурс]. 2017. URL: <http://znichka.16mb.com/wp-content/uploads/2017/05/137.pdf> (дата звароту: 09.02.2018).

⁷ Караткевіч У. Лісце каштанаў // Беларуская палічка [Электронны рэсурс]. 2015. URL: <http://knihi.com/UladzimirKaratkevich/Liscie.html> (дата звароту: 09.02.2018).

⁸ Сачанка Б. Апошнія і першыя // Беларуская палічка [Электронны рэсурс]. 2004. URL: http://knihi.com/BarysSacanka/Aposnija_i_piersyja.html#1 (дата звароту: 05.02.2018).

⁹ Сачанка Б. Загадка аднаго падполля // Помстай гарэлі сэрцы [Электронны рэсурс]. 2016. URL: <http://www.vuchoba.org/b-sachanka-zagadka-adnago-padpollja.html> (дата звароту: 11.02.2018).

У аповесці І. Пташнікава «Найдорф» (1976) спалучаюцца як бы дзве жыццёвыя стыхіі: вайна і мір, жыццё і смерць, стварэнне і разбурэнне. Вайна жыве ў чалавечай свядомасці: «Псіхалагічна насычанай і змястоўнай была аповесць “Найдорф”... у якой І. Пташнікаў працягнуў даследаваць вытокі гераізму» [10, с. 196]. Суадносячы «Найдорф» з іншымі творамі пра вайну канца 1970-х гг., можна заўважыць эвалюцыю яго напаўнення сучаснымі духоўнымі тэндэнцыямі: гераічная нота ў агульнай танальнасці аповесці становіцца вызначальнай, падпарадкоўваючы сабе трагічны матыў.

На фарміраванне чалавека накладваюць адбітак абставіны – сацыяльныя, бытавыя, прыродныя. У сваім творы І. Пташнікаў выключную ўвагу надаваў мастацкаму ўзнаўленню жыццёвых абставін: свет рэальнага жыцця, з аднаго боку, натуральны, а з другога – арганічна звязаны з унутраным светам чалавека. Письменник у аповесці «Найдорф» выкарыстоўвае апісанне прыроды для вызначэння ідэі твора, стварэння агульнага эмацыянальнага ладу. Падзею вялікага маштабу – аперацыю «Кармаран», якая праводзілася сіламі рэзерваў групы армій «Цэнтр», – аўтар паказвае праз сітуацыю, абмежаваную ў прасторы і часе: *Грому не было чуваць; пахла дажджом і гарам. Цяжка ісці, спірае ў грудзях; за спінай, дзе вісіць ручны кулямёт Ушакова, робіцца мокра, а Жаваранка ступае і ступае па сіўцы і па верасе. Усюды ціха і трывожна* [11, с. 54]. У творы раскрыты народны характар партызанскай вайны, які пазней знайшоў свой працяг у творах А. Адамовіча, І. Чыгрынава, В. Адамчыка. Сюжэты твораў І. Пташнікава носяць пераважна хронікальны характар: у аповесці «Лонва» (1964–1982) падаецца хроніка жыцця аднайменнай вёскі ў першы пасляваенны год; у аповесці «Найдорф» гаворка ідзе пра першыя пасля вызвалення з-пад нямецкай акупацыі дні жыцця в. Венеры.

Падабенства згаданых твораў усіх аўтараў «сярэдняга пакалення» заключаецца ў тым, што перадача ўнутранага стану героя ў іх адбываецца праз паказ сімволікі знешніх праяў – пахаў, гукаў і колераў. У М. Стральцова чытаем: *Яго абступілі пахі, і зноў жа здаліся яны нясцёрпна, аж да пакутлівасці, вострымі, і зноў усяго яго скаланула трывога. Пахі не адступалі, і за імі прыйшла слабасць і прыкрасць да сябе. Прыйшла, і зрабілася душна: ужо не яснілася ў галаве, нудна і слаба пачало стукаць у скроні. Ён не мог ужо так ляжаць, яму захацелася ўстаць, і, устаючы, нават узрадаваўся, што рашыўся на гэта: ён ужо ведаў, што яму трэба зрабіць*¹⁰. Для раскрыцця быццёвых пытанняў, адлюстравання ўнутранага стану чалавека В. Казько ў аповесці «Суд у Слабадзе» выкарыстоўвае прыём паказу пахаў прыроды, зямлі, якія суправаджаюць чалавечае жыццё: *Ён ужо даўно ўмеў пазнаваць жыццё і жывое па пахах, па колеры, таму што... ён часта сядзеў вась тут, на ганку, і сустракаў раницу* [4, с. 13].

Элементарам стварэння сітуацыі ў творы можа выступаць ужыванне пэўнай колеравай палітры, спецыфічнай у кожнага пісьменніка. Чэшскі крытык В. Жыдліцкі падкрэсліваў адметную ролю і ўплыў дэталі ў творах І. Пташнікава пры стварэнні карцін чалавечага быцця, адным з элементаў адлюстравання якога з’яўляецца выкарыстанне пэўнага колеру: *Ён убачыў цяпер, што немцы ўсе ў жоўтых дзяхах: і падпяразаны шырокімі жоўтымі дзяхамі, і плечы ў іх пераматаны, што ў коней, жоўтымі набераткамі, і вінтоўкі ў іх кароткія і жоўтыя. <...> Самі сівыя ад пылу і ўсе дробныя і маладыя, маладзей за мужчын у вёсцы* [12, с. 177–178]. Паказ асаблівасцей псіхалагічнага стану дзіцяці, напрыклад дваістасць натуры Лецечкі ў аповесці В. Казько «Суд у Слабадзе», таксама дасягаецца шляхам выкарыстання колеравага фону, найчасцей сіняга і чырвонага: *Жыць за кожную высмактаную ў яго гарачую чырвоную кроплю крыві. Жыць... [4, с. 53]. Багатая прыродная сімволіка, а таксама традыцыйны матыў дарогі дапамагаюць аўтару ў вобразнай абмалёўцы чалавечага быцця: *І вась Лецечка пільнуе сонца. Не хочацца яму паміраць, жудасна паміраць. Ведаць пра тое, што ён памрэ на ўсходзе сонца. Сонца ўздыдзе, а цябе ўжо няма, нідзе няма [4, с. 8]; Была, была ў яго такая дарога ў сакавіку сорак чацвёртага ці ў жніўні сорак трэцяга – гэтага ён не памятае. Для яго тады не існавала пары года. Час быў падзелены на святло і змрок. А дарога была адначасова ў святле і ў змроку [4, с. 120]. У аповесці Б. Сачанкі «Апошнія і першыя» для стварэння філасафічнасці і глыбіні апавяду пры паказе трагізму быцця выкарыстоўваюцца прытчы, алегорыі, ужываюцца мастацкія дэталі: *А то раней, калі яшчэ і дзеда не было на гэтым свеце, у іхняй каморы пасяліўся быў Страх. Удзень ён спакойна спаў, заваліўшыся недзе ў цёмны кут, а ўночы прачынаўся, шалеў і чаго толькі не вытвараў*¹¹.**

У зборніках апавяданняў і аповесцей У. Паўлава (нар. у 1935 г.) «Годы нашы – птушкі» (1970) і «Ад агню і мяча» (1973) заўважна гераізуюцца ўчынкі маладых людзей. Гранічная завостранасць падзей дасягаецца дзякуючы метафарычнаму пачатку, які праяўляецца нават у назве другога зборніка: тут відавочная алюзія на словы А. Неўскага, сказаныя на адрас крыжакоў: «Хто да нас з мячом прыйдзе, ад мяча і загіне».

¹⁰ Стральцоў М. Адзін лапаць, адзін чунь // Belarusianreading [Электронны рэсурс]. 2015. URL: <https://belarusianreading.wordpress.com/2015/08/23/straltsou-adzin-lapaz-adzin-chun/> (дата звароту: 29.01.2018).

¹¹ Сачанка Б. Апошнія і першыя // Беларуская палічка [Электронны рэсурс]. 2004. URL: http://knihi.com/BarysSachanka/Aposnjia_i_piersyja.html#1 (дата звароту: 05.02.2018).

Асноўныя тэмы твораў У. Дамашэвіча (1928–2014) – жыццё сялян Заходняй Беларусі, барацьба супраць нямецкай акупацыі, пасляваенная адбудова, маральныя праблемы ваеннага і пасляваеннага жыцця. Аповесці, прысвечаныя ваеннай тэматыцы, па маральна-этычным нападзенні абвостраныя, гранічна трагічныя. Назвы твораў «Між двух агнёў» (1963) і «Порахам пахла зямля» (1975) маюць фразеалагізавана-метафарычны пачатак. Аповесць-хроніка «Порахам пахла зямля» напісана жывой мовай. Асабліваю мастацкую вартасць маюць старонкі твора, якія праўдзіва адлюстроўваюць жыццё: эпізод, калі Глеб Клімёнак аб'язджае свайго каня; пошукі батарэі на першых вучэннях, першае спатканне з белафінамі і першае раненне. Тым не менш твор з'яўляецца белетрызаванай хронікай: у ім шмат падрабязных апісанняў, якія не заўсёды апраўданы мастацкім кантэкстам, назіраецца перагружанасць персанажамі, якія не рухаюць сюжэт і не ўплываюць на яго развіццё (гэта ў пэўных момантах датычыцца і вобраза галоўнага героя – Глеба Клімёнка). Паводле Г. Шупенькі, «шлях галоўнага героя – традыцыйны, у гэтым трэба шукаць нейкіх іншых, чыста мастацкіх формаў паказу жыццёвай гісторыі, расказанай аўтару прататыпам героя» [6, с. 237]. У творы няма вострага канфлікту, які рухае дзеянне, мала фабульнай цікавасці – дадзены факт з'яўляецца тыповым пры адлюстраванні рэчаіснасці шляхам апасродкаванага раскрыцця ваенных калізій. Вядучым у творы з'яўляецца аўтарскі голас, які стварае своеасаблівы падмурак для развіцця дзеяння, адметную атмасферу. Хранікальны аповед аддалае чытача ад падзейнай канвы твора. Характарызуючы твор, Г. Шупенька адзначае: «Гісторыя яшчэ аднаго чалавечага жыцця не стала адкрыццём новага арыгінальнага мастацкага характару» [6, с. 238].

У аповесці І. Пташнікава «Найдорф» паказаны кантраст паміж вайной і мірам, жыццём і смерцю, стварэннем і разбурэннем: *Над выганчыкам узляцеў бацян – ад стрэлу; уцякаў на Пагурак – на балота* [11, с. 233]. Аўтар выкарыстоўвае розныя сродкі і спосабы перадачы ваеннага быцця. Сярод іх П. Васючэнка выдзяляе зрокавыя (шэрыя, жоўтыя, белыя, цёмныя таны), слыхавыя (стрэлы, выбухі), пахавыя (порах, пыл, дым – у кантрасце з пахамі зямлі, травы, сена, зерня), дотыкавыя (боль, гарачыня, холад), смакавыя (горыч, соль, кроў на вуснах). Даследчык адзначае: «Праявы вайны часта атаясамліваюцца з дэталю сялянскага побыту, эпізодамі вясковай працы» [1, с. 46]. У паказе псіхалагічнага стану чалавека на парозе жыцця і смерці відавочны катарсічны пачатак (Жаваранка бачыць сваіх дзяцей). Для ўзмацнення псіхалагізму ў творы аўтар выкарыстоўвае антытэзу (гарманіст і труна дзіцяці).

Натуральным з'яўляецца факт выкарыстання пісьменнікамі прыёму рэтраспекцыі для мастацкага асэнсавання ваенных падзей. У аповесці М. Стральцова «Адзін лапаць, адзін чунь» няма прамога паказу ваенных дзеянняў, але зварот у мінулае неабходны для апісання фізічнага і псіхалагічнага стану хлопчыка, у дзяцінстве якога было шмат выпрабаванняў. Своеасаблівая формула знявечанага ваеннага і пасляваеннага дзяцінства, якое праходзіла ў нястачы, заключаецца ў назве твора.

Параўноўваючы мастацкае ўвасабленне ваеннай тэмы ў творчасці пісьменнікаў, адзначым разнапланавасць адлюстравання аўтарамі ваеннай рэчаіснасці. Вобразы М. Стральцова ў многім суб'ектыўныя, больш лірычныя: пісьменнік прапускае апісанне падзей праз настрой, асабіста перажывае і адчувае. Рэаліі рэчаіснасці служаць адзінай мэце – перадаць зрухі пачуццяў пісьменніка. Стыль аўтара напружаны: адчуваецца неспакой, унутраны канфлікт. Стылявая палітра І. Пташнікава больш складаная і рэчыўная: наваколле ўспрымаецца героем шматгранна, ствараецца рэалістычны малюнак свету. У дачыненні да ўнутранага напаўнення асобы мае месца поўнае адлюстраванне ўсіх зрухаў і праяў чалавечай псіхікі, што таксама стварае цэласнае ўяўленне пра характар персанажа. Вядучым элементам стылю пісьменніка з'яўляецца перанасычанасць фразы, дэталей, выразна адчуваецца аб'ектыўны пачатак. Стыль аўтараў ахарактарызавала Т. Шамякіна: «Сімвалічныя вобразы, метафары нібы “абапіраюцца” на “намёкі” прыроды, асяроддзя, пісьменнік пазбягае ў параўнаннях адцягненых паняццяў. У стылях І. Пташнікава і М. Стральцова аб'ектыўны і суб'ектыўны пачаткі па-рознаму ўзаемадзейнічаюць, суб'ектыўнае па-рознаму ўваходзіць у аб'ектыўны змест вобраза» [8, с. 13].

У творчасці І. Пташнікава заўважаецца спецыфічнае вобразнае абагульненне, «дзе праз самую трагедыю... раскрываецца і веліч перажытага чалавекам, і яго гераізм» [7, с. 30]. У аповесці «Лонва» галоўным для аўтара было паказаць не пэўную падзею, а жыццё вёскі ў цэлым. Драматызм і трагізм дзіцячага светабачання трансфармуюцца і адлюстроўваюць сітуацыю ўжо з пункта погляду разумення дарослым чалавекам складанасці жыцця наогул, супярэчнасці кожнай асобы. Трагізм вынікае з падзей мінулай вайны. У аповесці адчуваецца ўплыў вайны на паводзіны, фарміраванне характараў людзей. Унутраны свет чалавека даследуецца І. Пташнікавым у руху супярэчлівых пачуццяў, аналітызм перадачы якіх базіруецца на сінтэзе традыцый Я. Коласа і К. Чорнага.

Адзначаецца ўплыў эстэтыкі В. Быкава на сюжэтную лінію аповесці І. Пташнікава «Тартак», героі якой, розныя па характарах, узросце, жыццёвым вопыце, ставяцца ў аднолькавую сітуацыю, перад імі ўзнікае праблема выбару: прага жыцця і непазбежнасць смерці, дабро і зло, здрадніцтва і гераізм. У сімвалічным плане падаецца смерць кожнага з герояў. У беларускай прозе аповесць дае найбольш доказныя падставы для перасэнсавання паняцця ахвярнасці ў вайне з нацызмам. Усе героі па сваім

становішчы ў вострай сітуацыі з’яўляюцца ахвярамі вайны: *Не дзеці, дык мы астанёмся жыць. Не мы – дык дзеці. <...> Не свае – чужыя. Нехта астанецца. Усе не згараць. <...> Ты думаеш, і мне не баліць?..* [9, с. 112]. Трагізм вайны ў аповесці І. Пташнікава паказаны праз малюнак душэўных пакут людзей, якія адчуваюць безвыходнасць свайго становішча. У творы прысутнічае інтанацыя незакончанасці: пісьменнік часта ўжывае шматкроп’і, якія перадаюць інтанацыю трылогі і напружанасці. Як адзначала Т. Шамякіна, па трагічным напаўненні, па стылі аповесць «Тартак» – адзін з самых «бязлітасна драматычных твораў у беларускай літаратуры» [8, с. 73]. Наогул вытокі псіхалагізму творчасці І. Пташнікава варта шукаць у традыцыі рускіх класікаў: Л. Талстога, І. Буніна, А. Чэхава. Паэтыка твораў аўтара мае сувязь з мастацкай традыцыяй Я. Коласа, якая тлумачыцца падабенствам прыроднага і нацыянальнага пачаткаў. На думку даследчыкаў (Т. Шамякіна, С. Андраюк), творчасць В. Быкава, І. Пташнікава, Б. Сачанкі, В. Адамчыка, В. Казько і іншых беларускіх пісьменнікаў базіруецца на ўзорах прозы К. Чорнага ў іх сучаснай інтэрпрэтацыі. Цікава, да творчасці К. Чорнага ў аўтараў была выклікана неабходнасцю ўсвядоміць вайну з этычнага пункта гледжання, пад знакам сучасных канцэпцый маральнага вопыту мінулага.

У аповесці І. Пташнікава «Тартак» асабліва моцна праявілася ўздзеянне К. Чорнага, пра што сведчаць напружаны рытм і цяжкаватасць фразы ў творы. Даследчык А. Кучар адзначаў таксама ўплыў У. Фолкнера: «Сапраўды, Фолкнер, як і некаторыя іншыя сучасныя пісьменнікі, з ярка выражаным імкненнем да стварэння сучаснай міфалогіі, любіў браць, як ён казаў, “групу людзей” і прымушаў іх перажываць нейкія, часцей прыродныя, катастрофы» [8, с. 61–62]. У аснову аповесці «Тартак» былі пакладзены рэальныя падзеі – лёс спаленай разам з людзьмі в. Дальвы ў час блакады 1944 г. на воз. Палік.

Тэма спаленых вёсак знайшла далейшае развіццё ў творчасці А. Адамовіча, аднак адным з першых аўтараў, які ўзняў і асвятліў у айчынай літаратуры дадзеную тэму, стаў Б. Сачанка. Па словах В. Локун, «гуманізм Б. Сачанкі абвостраны і балючы» [12, с. 36]. Аповесць «Апошнія і першыя» – гэта рэквіем жыхарам в. Вялікі Бор, якіх спалілі ў чэрвені 1943 г. Тэма ваенных гадоў з’яўляецца скразной у творчасці пісьменніка. Кніга «Барвы ранняй восені» (1961) змяшчае аповесць «Палон», у якой аўтар распрацоўваў новую, актуальную, але забароненую на той час тэму. Аповесць характарызуецца рэалістычнай дакладнасцю ў раскрыцці абставін, увагай да мастацкай дэталі і апісаннем чалавечых паводзін. Тэма выжывання чалавека на акупаванай тэрыторыі становіцца чарговай для разгляду пісьменнікамі. Ад імя шараговага салдата Макара Хатулькі ў аповесці падаецца праўдзівае апісанне чалавека ва ўмовах знаходжання на акупаванай тэрыторыі, дзе па чарзе пануюць партызаны і немцы. Тэму нямецкага палону і няволі закранае аповесць Б. Сачанкі «Аксана».

Чарговым этапам у адлюстраванні ваенных падзей праз светаўспрыманне дзіцяці стаў ракурс паказу вайны як паўсядзённага быту ва ўмовах акупацыі. Пісьменніца Л. Арабей (1925–2015), якая належыць да пакалення, чыё юнацтва прыпала на ваенныя гады, у аповесцях «Сярод ночы» (1968), «На другой зіме вайны» (1968), «Іскры ў папялішчы» (1970) у новым ракурсе паказала жыццё народа падчас акупацыі. На акупаванай тэрыторыі ваявалі партызаны і мірнае насельніцтва, сярод якога былі і дзеці. Адным з вострых пытанняў ваеннага часу стала праблема харчавання, што, як паказвае гісторыя, вырашалася вельмі неадназначна. Самы яскравы твор Л. Арабей – аповесць «На другой зіме вайны», у якой распавядаецца пра цяжкасці, з якімі сутыкаецца маленькая дзяўчынка Ніна, здабываючы ежу ў абмен на рэчы. Дзіця вымушана цягнуць цяжкі груз за плячыма: *Яшчэ не развіднела, калі Ніна пакідала вёску. Знарок выйшла так рана, каб болей было светлага дня на дарогу. Мяшок за плячыма даволі ёмкі. Кілаграмаў з сем, а мо і паўпуда* [13, с. 46]. Ежу адбірае нямецкі патруль. Праз апісанне трагічнай сітуацыі пісьменніца перадае зрухі свядомасці даведзенай да апошняй мяжы адчаю дзяўчынкі: *Яна ўпала, але торбы не выпусціла. Снег набіваўся ў рукавы, раставаў на твары. Яна захлыналася і снегам, і слязьмі і крычала: – Памажыце, людзі! Памажыце! Гады, сволачы... Не аддам... Не аддам...* [13, с. 54]; *Яна ўпала тварам у снег і загаласіла. Ёй здавалася, што яна галосіць моцна, крычыць на ўвесь горад, на ўвесь свет. Але гэта быў стогн зняможанай, даведзенай да адчаю істоты* [13, с. 54]. На гэты твор І. Мележ звярнуў увагу І. Навуменкі, адзначаючы своеасаблівае бачанне падзей акупацыі, якое мела пісьменніца. Пазней І. Навуменка, якому былі блізкія ваенныя пытанні, напісаў рэцэнзію на гэты твор. Па словах Л. Савік, «Лідзія Арабей адна з першых пачала пісаць пра жыццё беларусаў пад акупацыяй, на ўласным вопыце выяўляць непрадзятую праўду пра тыя цяжкія часы, калі людзі вымушаны былі выжываць “сярод ночы”, якая працягвалася чатыры гады» [13, с. 9].

Аповесць У. Дамашэвіча «Кожны чацвёрты» (1983) працягвае тэму жыцця беларусаў на акупаваных тэрыторыях. Аўтар па-наватарску вырашае праблему ўзаемадачыненняў партызан і мясцовага насельніцтва, раскрываючы і трагічна абвастраючы тэму помсты, распачатую ў айчынай літаратуры І. Шамякіным. Вырашэнне праблемы У. Дамашэвіч пераводзіць у іншы маральны ракурс: яно набывае ў творы трагічнае гучанне, становячыся часткай самасуду, калі людзі падначальваюцца амаль жывёльнаму інстынкту. Проза пісьменніка вылучаецца зладзённасцю, псіхалагічнай заглыбленасцю, стрыманасцю ў фарбах, жывой мовай.

Заклучэнне

Такім чынам, падыходы да адлюстравання ўплыву ваенных падзей на дзяцінства і юнацтва ў аўтараў розныя: у творах В. Казько, М. Стральцова, Б. Сачанкі, У. Караткевіча вайна знішчае радасць існавання маладога чалавека, у аповесцях І. Навуменкі, Л. Арабей – разбурае дзяцінства, у творы П. Місько – забірае жыццё. Праблема ваеннага дзяцінства і юнацтва знайшла вырашэнне праз адлюстраванне зрухаў свядомасці чалавека, раздваенне асобы (В. Казько), лірычны прынцып тыпізацыі (М. Стральцоў), рэчыўнасць вобразных сродкаў, напружанасць рытмікі (І. Пташнікаў). Дыскусія асэнсавання ваенных з’яў падаецца аўтарамі ў новым рэчышчы. Літаратура, якая служыць на карысць асобе, пры паказе ўплыву ваенных падзей на жыццё маленькага чалавека, яго несфарміраваную псіхіку, «імкнулася вырвацца са строга дэтэрмінаваных прасторава-часавых і іншых прадметна-лакальных вызначэнняў... узняцца да ўсведамлення сутнасці праблем быцця свету і чалавека» [14, с. 7]. Выкарыстанне дзіцячай тэматыкі пры абмалёўцы ваеннай рэчаіснасці абумоўлівае гранічную трагічнасць апаведу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Васючэнка П.* Пошукі страчанага дзяцінства: беларускія празаікі «сярэдняга пакалення» аб Вялікай Айчыннай вайне. Мінск : Навука і тэхніка, 1995.
2. *Гурэвіч Э.* Гуманістычныя аспекты праблемы: дзеці і вайна // Літаратура о войне и проблемы века : материалы респ. науч. конф. (Мінск, апрель 1983 г.). Мінск, 1986. С. 126–134.
3. *Тычына М.* Народ і вайна. Мінск : Навука і тэхніка, 1985.
4. *Казько В.* Судны дзень. Мінск : Маст. літ., 1998.
5. *Егоренкова Г.* Звено связующее : лит.-крит. ст. Мінск : Маст. літ., 1990.
6. *Шупенька Г.* Прага мастацкасці. Мінск : Маст. літ., 1996.
7. *Коваленко В. А.* Общность судеб и сердец. Мінск : Наука и техника, 1985.
8. *Шамякіна Т.* На лінії перасячэння : літ.-крит. нагадкі. Мінск : Маст. літ., 1981.
9. *Пташнікаў І.* Тартак. Мінск : Маст. літ., 2000.
10. *Ламека Л., Ламека Н.* Сучасная беларуская літаратура: аналіз твораў, матэрыялы да экзамену. Мінск : Кніж. дом, 2003.
11. *Пташнікаў І.* Пагоня : апавесць, апавяданні. Мінск : Маст. літ., 2009.
12. *Локун В. І.* Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы: 1950–1960-я гг. Мінск : Навука і тэхніка, 1995.
13. *Арабей Л.* Выбраныя творы. Мінск : Кнігазбор, 2013.
14. *Гаранін Л. Я.* Філасофскія ісканія в белорусской литературе. Мінск : Наука и техника, 1984.

References

1. Vasiuchenka P. *Poshuki strachanaga dzjacinstva: belaruskija prazaiki «sjarjednjaga pakalennja» ab Vjalikaj Ajchynnaj vajne* [In search of lost childhood: Belarusian writers «of the middle generation» about the Great Patriotic war]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1995 (in Belarus.).
2. Hurevich E. [Humanistic aspects of the problem: children and war]. In: *Literatura o voine i problemy veka* [Literature about war and problems of the century] : mater. of the rep. sci. conf. (Minsk, April, 1983). Minsk, 1986. P. 126–134 (in Belarus.).
3. Tychyina M. *Narod i vajna* [People and war]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1985 (in Belarus.).
4. Kaz’ko V. *Sudny dzen’* [The great inquest]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1998 (in Belarus.).
5. Yegorenkova G. *Zveno svyazuyushchee* [The link] : lit. crit. essays. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990 (in Russ.).
6. Shupen’ka H. *Praga mastackasci* [Thirst for artistry]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1996 (in Belarus.).
7. Kovalenko V. *Obshchnost’ sudeb i serdets* [Unity of destinies and hearts]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1985 (in Russ.).
8. Shamiakina T. *Na linii perasjachjennja* [On the intersection line] : crit. notes about lit. Minsk : Mastackaja litaratura, 1981 (in Belarus.).
9. Ptashnikau I. *Tartak*. Minsk : Mastackaja litaratura, 2000 (in Belarus.).
10. Lameka L., Lameka N. *Suchasnaja belaruskaja litaratura* [Modern Belarusian literature: works analysis, materials for examination]. Minsk : Knizhny dom, 2003 (in Belarus.).
11. Ptashnikau I. *Pagonja* [Chase] : narrative, short stories. Minsk : Mastackaja litaratura, 2009 (in Belarus.).
12. Lokun V. *Maral’na-filosofskija poshuki belaruskaj vaennaj i gistorychnaj prozy: 1950–1960-ja gg.* [Moral and philosophical strivings of Belarusian war and historical prose: 1950–1960’s]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1995 (in Belarus.).
13. Arabej L. *Iybranyja tvory* [Selected works]. Minsk : Knigazbor, 2013 (in Belarus.).
14. Garanin L. *Filosofskie iskaniya v belorusskoi literature* [Philosophical strivings in Belarusian literature]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1984 (in Russ.).

Артыкул настуніў у рэдкалегію 22.02.2018.
Received by editorial board 22.02.2018.

УДК 821.581

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ БЕЛАРУСИ XX–XXI вв.

*В. В. ЖУКОВЕЦ*¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе выявленных критических и литературоведческих статей раскрыта специфика рецепции китайской литературы в Беларуси на протяжении четырех этапов: 1910–1959 гг.; 1960 – начало 1985 г.; 1985–1990 гг.; с 1991 г. по настоящее время. Значительное внимание уделено интерпретации творческого наследия писателей Китая в белорусском эстетическом пространстве, а также неоспоримому вкладу литературоведов и переводчиков (В. Рудман, Г. Кашуба, А. Карлюкевич, Д. Факторович и др.) в изучение и популяризацию китайской литературы в разные исторические периоды.

Ключевые слова: китайская литература; классическая китайская литература; современная китайская литература; проза; поэзия; культурные связи; литературные связи; рецепция; переводы; этапы развития; литературоведение.

КІТАЙСКАЯ ЛІТАРАТУРА Ў КРЫТЫЦЫ І ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ БЕЛАРУСІ XX–XXI стст.

В. В. ЖУКАВЕЦ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На падставе выяўленых крытычных і літаратуразнаўчых артыкулаў раскрыта спецыфіка рэцэпцыі кітайскай літаратуры ў Беларусі на працягу чатырох этапаў: 1910–1959 гг.; 1960 – пачатак 1985 г.; 1985–1990 гг.; з 1991 г. па цяперашні час. Значная ўвага нададзена бясспрэчнаму ўкладу беларускіх літаратуразнаўцаў і перакладчыкаў (В. Рудман, Г. Кашуба, А. Карлюкевіч, Д. Фактаровіч і інш.) у вывучэнне і папулярнацыю кітайскай літаратуры ў розныя гістарычныя перыяды.

Ключавыя словы: кітайская літаратура; класічная кітайская літаратура; проза; паэзія; культурныя сувязі; літаратурныя сувязі; рэцэпцыя; пераклады; этапы развіцця; літаратуразнаўства.

CHINESE LITERATURE IN BELARUSIAN CRITICISM AND LITERARY STUDIES OF XX–XXI CENTURIES

V. V. ZHUKAVETS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The thesis is based on the system analysis of Chinese literature translations, literary articles were taken as a basis for working out periodization, which corresponds to the four cultural and historical stages of the development, occurring in the Belarusian cultural space: 1910–1959; 1960 – beginning of 1985; 1985–1990; 1991 – till present. Considerable

---

Образец цитирования:

Жуковец В. В. Китайская литература в критике и литературоведении Беларуси XX–XXI вв. // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 26–32.

For citation:

Zhukavets V. V. Chinese literature in Belarusian criticism and literary studies of XX–XXI centuries. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 26–32 (in Russ.).

Автор:

Вероника Вячеславовна Жуковец – преподаватель кафедры китайской филологии филологического факультета.

Author:

Veronika V. Zhukavets, lecturer at the department of Chinese philology, faculty of philology.
veronazhukovets@gmail.com

attention was paid to the individuality of Chinese writers' creative thought, indisputable contribution of Belarusian literary critics (B. Rudman, G. Kashuba, A. Karljukevich, D. Factorovich, et al.) in study and popularization of Chinese literature of different periods of historical stages.

Key words: Chinese literature; classical Chinese literature; modern Chinese literature; poetry; prose; cultural contacts; literary contacts; reception; translations; stages of development; history and criticism of literature.

Многовековые традиции и непрерывность развития китайской литературы вызывали интерес белорусских критиков еще более ста лет назад. Своеобразие философской мысли, форм и содержания литературы Среднего государства всегда привлекало переводчиков и литературоведов, которые стремились познать и донести ее особенности до отечественного читателя. Хотя процесс осмысления китайской литературы и ее переводы на белорусский язык и носили нестабильный характер, но оказали немалое влияние на формирование представлений о Китае и его искусстве в культурном пространстве Беларуси.

В данной статье рассматривается место китайской литературы в белорусском литературно-критическом дискурсе, а также раскрывается специфика рецепции китайской литературы в Беларуси на протяжении четырех культурно-исторических этапов: зарождения культурных отношений (1910–1959); «изоляции» (1960 – начало 1985 г.); «возрождения» (1985–1990); укрепления белорусско-китайских отношений (с 1991 г. по настоящее время) (см. подробнее в [1]).

На протяжении первого этапа белорусские литературоведы, опираясь на достижения советских синологов, стремились к собственному осмыслению национальной специфики китайской литературы. Их первостепенной задачей являлось ознакомление отечественного читателя с искусством слова Китая и его популяризация. Революционная китайская литература, которая стала точкой отсчета для письменности XX в., была горячо воспринята и активно переводилась в первые годы советской власти, так как ее содержание соответствовало духу времени. К 1950-м гг. фрагментарность знаний о литературе дружественной страны была преодолена благодаря имеющимся переводам на русский и белорусский языки, о чем, например, свидетельствовала статья В. Рудмана «Новая літаратура кітайскага народа» [2], которая содержала краткий экскурс в творчество известных писателей того времени (Лу Синь, Мао Дунь, Ай Цин, Го Можо и др.).

Заслуживают внимания и другие статьи В. Рудмана, которые публиковались в журнале «Польмя»: с каждым номером они приобретали все более развернутый и концептуальный характер. В статье «Апавяданні аб новым Кітаі» [3] автор выделял следующие черты китайской литературы: «Гэта літаратура, якая адлюстроўвае вялікія зрухі, выкліканыя ў краіне новадэмакратычнай рэвалюцыяй, літаратура шматлікая і вельмі разнастайная...» [3, с. 145]. Исследователь предлагал читателям ознакомиться с творчеством молодых писателей Китая, произведения которых были изданы в Москве и объединены в «Сборник китайских рассказов» (отметим тот факт, что в 1953 г. произведения из этой книги были переведены на белорусский язык А. Саприкой), подчеркивал важную роль военной тематики у каждого из них. Особое внимание В. Рудман уделил романам Лю Байюя «Шесть часов утра», Мяо Кана «У отца героя и сын храбрец», Чжао Шули «Земельный налог». Исследователь пришел к следующим выводам, основанным на целостном, но идеологически ангажированном анализе: «Новадэмакратычная кітайская літаратура яшчэ вельмі маладая, і творцамі яе ў большасці выпадкаў з'яўляюцца пачынаючыя аўтары. Сярод іх твораў нямала таленавітых работ, але сустракаюцца і слабыя, няспелыя рэчы... Аднак гэтыя недахопы ўвогуле не зніжаюць вялікага пазнавальнага значэння зборніка. Кніга, дзе нашаму чытачу даецца даволі грунтоўнае знаёмства з тым, як пад кіраўніцтвам кампартыі кітайскі народ заваяваў свабоду і незалежнасць і як ён на сваёй вызваленай зямлі будзе цяпер новае жыццё» [3, с. 146].

В статье «Паэзія міру і братэрства народаў» [4] В. Рудман попытался проанализировать современную китайскую поэзию. Исследователь отметил, что многочисленные стихотворения благодаря народной любви стали песнями, которые звучат в каждом доме, потому что каждый из авторов «апявае любоў да Радзімы, напамінае аб пільнасці, прапагандуе ідэі ўсеагульнага міру і братэрства народаў, кліча на працоўныя подзвігі, паказвае вобразы, раскрывае пачуцці простых людзей: рабочых, сялян, салдат» [4, с. 149]. Анализируя сборник «Поэзия освобожденного Китая» (1951), который вышел в переводе А. Гитовича, критик раскрывает особенности стиля Ай Цина, Мао Цзэдуна, Лю Цзяна, Сю Шужэня, Тянь Цзяна, Ван Линя. В данной статье В. Рудману удалось объективно оценить качество переводов на основе изучения структуры стихосложения классической китайской поэзии, противостоящей в своей сложности так называемому новому стилю, в котором создавали свои произведения большинство современных писателей Китая. В качестве примера литературовед приводит стихотворение Мао Цзэдуна, которое лидер партии специально написал в классическом стиле, чтобы доказать тот факт, что эта форма стихосложения, переосмысленная в плане содержания поэтами и писателями, может и должна служить народу. По мнению В. Рудмана, переводчик «не знайшоў адпаведнай формы, і гэта пазбавіла

яго магчымасці перадаць... глыбокую нацыянальную спецыфіку». Но, учытваю прадланную работу над другімі лірычнымі произведениями, автор статьи утверждает: «Справядліваць патрабуе адзначаць, што перакладчыку ўсё ж удалося даволі дакладна перадаць сэнс і дух арыгінала...» [4, с. 151].

Статья «Кніга заснавальніка рэвалюцыйнай літаратуры Кітая» была посвящена творчеству Лу Синя [5]. Отмечая мастерство писателя, В. Рудман также обращал внимание на его публицистические статьи («Вспоминаю», «Утратили ли китайцы веру в себя?»), анализируя которые приходит к выводу о том, что китайский автор «кляйміў прадажнасць, двудушнасць і подласць... выкрываў планы імперыялістаў, накіраваныя на далейшае закабаленне кітайскага народа, жорстка высмейваў цемру, невуцтва феадальна-буржуазнага грамадства» [5, с. 164]. Переводы произведений Лу Синя на белорусский язык и их литературно-критическое осмысление [6, с. 180] были обусловлены тем, что самобытное и национально уникальное творчество этого писателя отвечало всеобщим требованиям времени: преодолению негативных последствий патриархальных традиций, воспитанию в современном человеке решимости и ответственности за свою судьбу, а также за судьбу народа.

В газете «Чырвоное знамя» была опубликована статья Л. Шкавро «Малая літаратура новага Кітая» [7], в которой публицист знакомил читателей с творчеством писателей, удостоенных Сталинской премии в 1950 г. Например, Дин Лин, автор романа «Солнце над рекой Сянган» (в 1954 г. книгу на белорусский язык перевел Л. Соловей), показывает жизнь китайского народа того времени, а «высокая ідэйнасць рамана надае яму неаслабную жыццёвую сілу» [7, с. 7]. Произведение Чжоу Либо «Ураган» перекликается с тематикой романа Дин Лин: оба автора обеспокоены современным состоянием жителей деревни, которые больше других пострадали во времена феодализма. В своей статье Л. Шкавро отмечает гуманистический замысел молодого писателя и его веру в народ, гнев которого «як ураган, змятае памешчыкаў і кулакоў» [7, с. 7]. В 1953 г. вышла публикация В. Рудмана «Дзін Лін – лаўрэат Сталінскай прэміі» [8]. В этой статье литературовед подчеркивал силу социальной тематики Дин Лин, ее способность видеть и пробуждать перерождение китайского крестьянина-труженика в полноценного гражданина своей страны.

На первом этапе рецепции китайской литературы в Беларуси журнал «Полымя» оставался одним из лидирующих изданий, на страницах которого печатались литературно-критические обзоры китайской литературы. В статье «Голас Маякоўскага ў кітайскай паэзіі» [9] В. Рудман писал о близости творчества советского поэта китайскому народу, которое не только было востребовано в Китае на протяжении 30 лет, но и пользовалось неизменным уважением. Перед тем как обратиться к истории переводов поэзии В. Маяковского, автор статьи отметил сложность данного процесса: «Кітайская мова амаль не дапускае збегу зычных, што вельмі абмяжоўвае магчымасць канчатковай сугучнасці рускіх вершаў і тым больш багатай і бясконцай маляўнічай рыфмоўкі Маякоўскага» [9, с. 130]. Далее упоминались имена переводчиков В. Маяковского, познавших сложность русского стихосложения, среди которых – Цюй Цюбо, Го Можо. Также В. Рудман знакомил белорусского читателя с жанрово-стилевыми разновидностями революционной китайской поэзии, на которую оказало влияние художественное своеобразие поэтики В. Маяковского (например, к ним автор относит «лансуши» – «вершы для дэкламацыі», «цзетоўшы» – «вулічныя вершы», а также «хуанчуан» – «жанр, які аб'ядноўвае малюнкi і карыкатуры, забяспечаныя кароткім вершаваным тэкстам» [9, с. 132–133]).

В статье «Выбраныя творы Го Мажо» [10], посвященной выходу одноименного сборника на русском языке, В. Рудман сделал попытку раскрыть творческую индивидуальность китайского автора как «паэта і навіліста і як драматурга, літаратуразнаўца і публіцыста» [10, с. 154]. С особым вдохновением исследователь китайской литературы говорит об истинном предназначении творчества, приводя в качестве примера строки из стихотворения «Декларация», в котором поэзия наделяется чертами живого человека и силой стихий, призванных не только бушевать и греметь, но и доносить любовь, оказывать покровительство. Автор статьи раскрывает мастерство Го Можо как драматурга, которое особенно заметно в произведениях «Цюй Юань» и «Близнецы», а также как публициста – автора статей «Учиться у народных масс», «Течение литературной мысли в Китае». Завершил публикацию В. Рудман следующими словами: «Зборнік каштоўны тым, што дае чытачу магчымасць адчуць і паэтычнае характэрнае вершаў Го Мажо, і пругкасць, і выразнасць глыбока лірычнай мовы яго прозы, і ўсхваляванасць, і рамантычны ўздыв мовы яго трагедый, і палемічную страснасць публіцыстыкі. <...> Перад чытачом паўстаюць... сцэны з часоў антыяпонскай вайны і малюнкi далёкіх эпох кітайскай гісторыі, якія напоўнены гераічнай барацьбой патрыётаў за вызваленне радзімы, яе мірнае існаванне, яе мірную працу» [10, с. 154].

На страницах газеты «Советская Белоруссия» [11] появилась статья Д. Факторовича «Успехи новой китайской литературы», в которой особое внимание уделялось творчеству Лу Синя, Мао Дуня, Го Можо, Дин Лин, Эми Сяо. Эти писатели, по мнению автора, «разделили судьбу своего народа, его безмерные испытания и радости освобождения» [11, с. 3]. В 1956 г. активно выходили публикации,

посвященные знаменательной дате – 75-летию со дня рождения Лу Синя, который был признан одним из основоположников китайской революционной литературы, что и отразил Д. Факторович в своей статье «Вялікі кітайскі пісьменнік – Лу Сін» [12]. Один из номеров газеты «Літаратура і мастацтва» в 1959 г. был посвящен десятилетию со дня образования Китайской Народной Республики и содержал обзорную статью о китайской литературе М. Павлова «Маладосць старажытнай літаратуры» [13]. Ключевая мысль публикации заключалась в следующем: «Перадавыя пісьменнікі ішлі разам з народам... З першых дзён устанаўлення народнай улады яны сваю творчасць, свой талент аддаюць маладой рэспубліцы» [13, с. 2].

Таким образом, литературно-критические статьи на первом этапе рецепции китайской литературы в Беларуси в большинстве своем носили информационно-обзорный характер и часто имели идеологическую окраску. Однако появлялись и публикации, в которых исследовались типологические и контактологические аспекты китайской и советской (белорусской) литературы на примере конкретных авторов и их произведений.

Второй и третий этапы, охватывающие период с 1960 по 1990 г., ознаменованы всего лишь двумя публикациями, выявленными на данный момент. Одна из них – статья «Дзеці вялікага народа», посвященная новой литературе Китая, написанная В. Галайшей, который отмечал определенные недостатки перевода, но обращал внимание и на то, что книга станет достойным примером для молодого отечественного читателя: «“Шчасце Радзімы, шчасце народа – маё шчасце”, – як бы свярджаюць аўтары апавяданняў» [14, с. 4]. К 70-летию творчества Го Можо вышла статья Д. Факторовича «Абуджаць волю мільёнаў» [15], в которой белорусский литературовед акцентировал внимание читателя на основных этапах творчества китайского поэта, его новаторском вкладе в создание современной формы стихосложения Поднебесной. В заключение Д. Факторович отметил: «Уся літаратурная, навуковая і грамадская дзейнасць Го Мажо скіравана на тое, каб людзі Зямлі лепш спазналі адзін аднаго, іменна гэтым прасякнута яго дзейнасць у сусветным руху прыхільнікаў міру» [15, с. 4].

В пятом томе издания «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» в разделе «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі сацыялістычных краін Азіі і Лацінскай Амерыкі» была опубликована статья Г. Е. Адамович о связях белорусской и китайской литератур [6]. Энциклопедический характер статьи позволил лишь в краткой форме изложить основные достижения в подготовке и издании переводной китайской литературы на белорусском языке, а также упомянуть белорусских писателей, востребованных в социалистическом Китае (А. Кулешов, М. Танк, Я. Колас, И. Шамякин, В. Быков).

Четвертый этап, характеризующийся укреплением белорусско-китайских отношений (с 1991 г. по настоящее время), имеет совершенно новое содержание: происходит переосмысление литературоведческих исследований от их прямой службы идеологии и государственной политике к пониманию многовековой мудрости и идейно-художественного потенциала классической китайской литературы, диалогу с белорусской литературной традицией. Начиная с 1996 г. в многотомном издании «Беларуская энцыклапедыя» (под редакцией Г. П. Пашкова) размещались небольшие заметки о китайских писателях: Бо Цзюйи [16, с. 224–225], Ван Вэе [16, с. 501], Ду Фу [17, с. 264]. Восьмой том содержит полноценную статью о Китае с кратким изложением истории китайской литературы от зарождения первых письменных памятников (XII–V вв. до н. э.) до XX в. – начала новой китайской литературы [18, с. 305–306]. Информация о Ли Бо [19, с. 237] была опубликована в девятом томе, а в восемнадцатом томе содержится информация о Гао Синцзяне [20, с. 369].

Статья Г. Кашубы «В зеркале истории», опубликованная в литературно-художественном журнале «Всемирная литература», знакомит белорусского читателя с закономерностями развития истории китайской литературы, а также наиболее выдающимися представителями каждой эпохи (династии) от зарождения китайской цивилизации до провозглашения КНР [21]. Григорий Кашуба являлся одним из членов правления общества «Беларусь – Китай» и проявлял интерес к китайской культуре и литературе: свои первые переводы он начал публиковать уже в 1950–60-х гг. В 1996 г. белорусский синолог издал сборник переводных китайских рассказов 1958–1989 гг. «Жизнь после смерти» [22], над которым он работал в течение многих лет. В предисловии составитель и переводчик отметил, что эти произведения «без прикрас показывают жизнь китайского общества, приоткрывают некоторые стороны тех процессов, которые происходили в период “культурной революции”, рассказывают о новых веяниях в жизни китайского народа после нее» [22, с. 2].

Заметным событием культурной жизни Беларуси последних лет стал выход книг китайской поэзии в переводе на белорусский язык: коллективного сборника «Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая» (2012); авторских книг серии «Светлыя знакі: паэты Кітая»: Ли Бо «Флейты сумныя гукі» (2014), Ван Вэй «Альтанка ля возера» (2014), Ду Фу «Адзінота горных вышынь» (2014), Ай Цин «Водар стоенага лесу» (2015), Ли Хэ «Песня бамбукавай флейты» (2016), Ли Цинчжао «Мост цераз млечны шлях», Ван Гачжэнь «Мелоды адкрытага сэрца» (2016), Мэн Хаажань «Мудрасць гор маўклівых» (2017); Сюй Чжимо «Лілеі тварык чароўны» (2017); книги поэзии и прозы «Стагоддзе на знаёмства» (2014). Пре-

дисловия к этим сборникам написал А. Карлюкевич. Эти издания небольшого объема, но их содержание выходит за рамки прежних обзорных публикаций. В сборнике произведений Ван Вэя А. Карлюкевич сумел предельно точно определить особенность поэтического искусства великих классиков Китая: «Чалавек сам па сабе – усяго толькі пячынка, невялікі фрагмент неабсяжнай мазаікі. Творца, які бярэ ў рукі пэндзаль альбо пяро, павінен разумець, якога ўзроўню адказнасць ляжыць на ім, на яго ўваходжанні ў святло красак і фарбаў. Відаць, у тым і сакрэт доўгажыхарства мастацкага адкрывальніка, што перамагае ў барацьбе з часам найболей вострая і дакладная думка, найболей востры і пранізлівы погляд» [23, с. 7–8].

Новые аспекты в осмысление белорусско-китайских литературных связей привнесли сборники научных статей «Беларусь – Китай» [24–26], «Белорусско-китайский культурный диалог: история, современное состояние, перспективы» [27–29]. В данных изданиях опубликованы работы белорусских и китайских авторов, посвященные вопросам осмысления истории культуры, литературы и образования Китая в белорусском социокультурном дискурсе. В качестве примера можно привести статью В. П. Рагойши «Падарожжа Максіма Танка ў Кітай (паводле дзённікаў паэта)» [27, с. 27–32]. В ней автор рассматривал влияние «китайской темы» на творчество белорусского поэта, который на протяжении 20 лет после первого визита в Китай воплощал в своем творчестве образы и символы китайской культуры. Народный поэт Беларуси посвятил Поднебесной 26 стихотворений, в которых в лирической форме выразил восхищение культурой и историей страны, трудолюбием ее народа. Данный цикл составил основу изданного в Пекине в 1958 г. сборника избранных произведений Максима Танка (перевод Гэ Баоцзюня). Статья «Жоўтая кніга: унікальная з’ява перакладной літаратуры 50–70-х гг. ХХ стагоддзя» В. Карлюкевич [27, с. 93–97] рассказывает о неисследованном ранее феномене переводной литературы: о книге, которая была предназначена «для внутреннего пользования» и была доступна только избранному кругу деятелей культуры.

На проходившей в 2014 г. ХХІІ Международной книжной выставке-ярмарке в Минске китайская сторона являлась почетным гостем. Благодаря этому стала возможной встреча с известными современными писателями Китая, среди которых были А Лай, Си Чуань, Ла Ма, Сюй Чжэнь. Творческий отчет о встрече был опубликован в газете «Літаратура і мастацтва» [30]. Во время беседы писатель А Лай, рассуждая о предназначении литературы, заметил: «Калі ў творы ідзе гаворка пра чалавека, яго лёс у пэўным этнасе, краіне, культуры, ніякіх значных перашкод для разумення няма» [30, с. 14]. В этом же номере газеты, помимо обзорных статей о уже изданных сборниках переводов китайской поэзии и прозы на белорусский язык, была опубликована статья М. Кеньки «Цвіце Мэй Хуа. Гісторыя аднаго перакладу», посвященная идейно-художественному своеобразию творчества китайской классической поэтессы Ли Цинчао [31, с. 6].

В заключение стоит отметить тот факт, что интерес к китайской литературе в нашей стране с годами возрастает. На основе анализа публикаций, составляющих отечественную литературоведческую синологию, можно сделать ряд выводов.

1. Материалы, посвященные проблемам развития и переводам китайской литературы, можно классифицировать следующим образом: энциклопедические статьи информационного и обзорного характера; публицистические труды, в которых исследуются типологические и контактологические аспекты китайской и советской (белорусской) литературы на примере творчества отдельных авторов; работы, в которых разрабатываются проблемы рецепции китайской литературы в Беларуси.

2. В отечественном литературоведении на протяжении первого и второго этапов творческого диалога китайской и белорусской культур тенденция изучения революционной китайской литературы коррелировала с идеологическими установками, соответствовала военному и послевоенному общественному настроению. Предпочтение в выборе и анализе произведений было отдано реалистической прозе (Лу Синь, Мао Дунь), отражающей идеи и борьбу пролетариата против буржуазных устоев (Дин Лин), противостояние захватчикам времен Второй мировой войны (Мяо Кай, Лю Байю), провозглашение братских отношений с Советским Союзом (Цюй Цюбо, Го Можо). Особое место занимала гражданская и патриотическая поэзия (Го Можо, Ай Цин).

3. Четвертый период белорусско-китайских литературных взаимосвязей характеризуется растущим интересом к классической прозе и поэзии. Незыблемые ценности и традиции китайской литературы, некогда созданные мудрецами и писателями древности, обретают свою актуальность в современном белорусском культурном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Жуковец В. В. Китайская литература в Беларуси: этапы и особенности рецепции // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 27–31.
2. Рудман У. Новая літаратура кітайскага народа // Полымя. 1950. № 5. С. 106–114.
3. Рудман У. Алавяданні аб новым Кітаі // Полымя. 1951. № 1. С. 145–146.

4. Рудман У. Паэзія міру і братэрства народаў // Польша. 1951. № 7. С. 149–151.
5. Рудман У. Кніга заснавальніка рэвалюцыйнай літаратуры Кітая // Польша. 1951. № 9. С. 164–165.
6. Адамовіч Г. Я. Сувязі беларускай і кітайскай літаратур // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. Т. 5. Мінск, 1987. С. 179–180.
7. Шкаўро Л. Маладая літаратура новага Кітая // Чырвоное знамя. 1952. 5 жн. С. 7.
8. Рудман У. Дзін Лін – лаўрэат Сталінскай прэміі // Работніца і сялянка. 1953. № 12. С. 9.
9. Рудман У. Голас Маякоўскага ў кітайскай паэзіі // Польша. 1953. № 6. С. 130–135.
10. Рудман У. Выбраныя творы Го Мажо // Польша. 1953. № 10. С. 150–154.
11. Фактаровіч Д. Успехі новай кітайскай літаратуры // Сов. Беларусія. 1954. 6 окт. С. 3.
12. Фактаровіч Д. Вялікі кітайскі пісьменнік – Лу Сінь // ЛіМ. 1956. № 39. С. 4.
13. Паўлаў М. Маладосць старажытнай літаратуры // ЛіМ. 1959. 30 вер. С. 2–3.
14. Галайша У. Дзеці вялікага народа // ЛіМ. 1960. № 7. С. 3.
15. Фактаровіч Д. Абуджаць волно мільёнаў // ЛіМ. 1962. 16 лістап. С. 5.
16. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Т. 3 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 1996.
17. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Т. 6 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 1991–2004. 1998.
18. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Т. 8 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 1991–2004. 1999.
19. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Т. 9 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 1991–2004. 1999.
20. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Т. 18 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 1991–2004. 2004.
21. Каішуба Г. В зеркале истории // Всем. лит. 2001. № 9. С. 180–184.
22. Каішуба Г. Жизнь после смерти. Китайская проза 1958–1989. Минск : МППО им. Якуба Коласа, 1996.
23. Ван Вэй. Альтанка ля возера : зб. паэзіі / уклад.: А. Карлюкевіч, В. Аляксеева. Минск : Звязда, 2014.
24. Беларусь – Кітай : сб. науч. ст. / науч. ред. Цзян Цюнь. Минск : Изд. центр БГУ, 2007. Вып. 1.
25. Беларусь – Кітай : сб. науч. ст. / науч. ред. И. А. Малевич. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 7.
26. Беларусь – Кітай : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Стражев. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. Вып. 8.
27. Беларусско-кітайскі культурны дыялог: історыя, сучаснае становішча, перспектывы : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельніцкага. Минск : РИВШ, 2014.
28. Беларусско-кітайскі культурны дыялог: історыя, сучаснае становішча, перспектывы : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельніцкага. Минск : РИВШ, 2016. Вып. 2.
29. Беларусско-кітайскі культурны дыялог: історыя і сучаснае становішча : сб. науч. ст. / под ред. Н. Н. Хмельніцкага. Минск : РИВШ, 2017. Вып. 3.
30. Вясёлуха М. Зразумець суседа па «глабальнай вёсцы» // ЛіМ. 2015. № 5. С. 14.
31. Кенька М. Цвіце Мэй Хуа. Гісторыя аднаго перакладу // ЛіМ. 2015. № 5. С. 6.

References

1. Zhukovets V. V. Chinese literature in Belarus: stage and peculiarities of reception. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016. No. 1. P. 27–31 (in Russ.).
2. Rudman U. [The new literature of Chinese people]. *Polymja*. 1950. No. 5. P. 106–114 (in Belarus.).
3. Rudman U. [The literature of new China]. *Polymja*. 1951. No. 1. P. 145–146 (in Belarus.).
4. Rudman U. [Poetry of piece and brotherhood of nations]. *Polymja*. 1951. No. 7. P. 149–151 (in Belarus.).
5. Rudman U. [The book of the founder of Chinese revolutionary literature]. *Polymja*. 1951. No. 9. P. 164–165 (in Belarus.).
6. Adamovich G. Y. [Relation of Belarusian and Chinese literature]. In: *Jencyklapedyja litary i mastactva Belarusi*. Vol. 5. Minsk, 1987. P. 179–180 (in Belarus.).
7. Shkawro L. [Young literature of modern China]. *Chyrvonae znamja*. 1952. 5 August. P. 7 (in Belarus.).
8. Rudman U. [Din Lin – the laureat of the Stalin Prize]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1953. No. 12. P. 9 (in Belarus.).
9. Rudman U. [The voice of Mayakovsky in Chinese poetry]. *Polymja*. 1953. No. 6. P. 130–135 (in Belarus.).
10. Rudman U. [The best works of Guo Moruo]. *Polymja*. 1953. No. 10. P. 150–154 (in Belarus.).
11. Faktorovich D. [The successes of modern Chinese literature]. *Sov. Belorussiya*. 1954. 6 Oct. P. 3 (in Russ.).
12. Faktorovich D. [The great Chinese writer – Lu Sin’]. *LiM*. 1956. No. 39. P. 5 (in Belarus.).
13. Pawlaw M. [Youth of ancient literature]. *LiM*. 1959. 30 Sept. P. 2–3 (in Belarus.).
14. Galaisha U. [The children of a great nation]. *LiM*. 1960. No. 7. P. 3 (in Belarus.).
15. Faktorovich D. [Awakening the will of millions]. *LiM*. 1962. 16 Novemb. P. 5 (in Belarus.).
16. Pashkou G. P., Sachanka B. I., Malashevich J. V., et al. (eds). *Belaruskaja jencyklapedyja* [The Belarusian encyclopedia] : in 18 vols. Vol. 3. Minsk : Belarus. Jencyklapedyja, 1996 (in Belarus.).
17. Pashkou G. P., Sachanka B. I., Malashevich J. V., et al. (eds). *Belaruskaja jencyklapedyja* [The Belarusian encyclopedia] : in 18 vols. Vol. 6. Minsk : Belarus. Jencyklapedyja, 1998 (in Belarus.).
18. Pashkou G. P., Sachanka B. I., Malashevich J. V., et al. (eds). *Belaruskaja jencyklapedyja* [The Belarusian encyclopedia] : in 18 vols. Vol. 8. Minsk : Belarus. Jencyklapedyja, 1999 (in Belarus.).
19. Pashkou G. P., Sachanka B. I., Malashevich J. V., et al. (eds). *Belaruskaja jencyklapedyja* [The Belarusian encyclopedia] : in 18 vols. Vol. 9. Minsk : Belarus. Jencyklapedyja, 1999 (in Belarus.).
20. Pashkou G. P., Sachanka B. I., Malashevich J. V., et al. (eds). *Belaruskaja jencyklapedyja* [The Belarusian encyclopedia] : in 18 vols. Vol. 18. Minsk : Belarus. Jencyklapedyja, 2004 (in Belarus.).
21. Kashuba G. [In the mirror of the history]. *Vsemirn. lit.* 2001. No. 9. P. 180–184 (in Russ.).
22. Kashuba G. *Zhizn’ posle smerti. Kitaiskaya proza 1958–1989 g.* [Life after death: Chinese prose of 1958–1989]. Minsk : MPPPO imeni Yakuba Kolasa, 1996 (in Russ.).
23. Wang Wei. *Al’tanka lja vozera* [Pavilion by the lake] : collect. of poems. Minsk : Zvjazda, 2014 (in Belarus.).
24. Jian Qun (ed.). *Belarus’ – Kitaj* [Belarus – China] : collect. of sci. articles. Minsk : BSU Publ. Center, 2007. Issue 1 (in Russ., in Belarus.).

25. Malevich I. A. (ed.). *Belarus' – Kitai* [Belarus – China] : collect. of sci. articles. Minsk : BSU Publ. Center, 2010. Issue 7 (in Russ., in Belarus.).
26. Strazhev V. I. (ed.). *Belarus' – Kitai* [Belarus – China] : collect. of sci. articles. Minsk : BSU Publ. Center, 2010. Issue 8 (in Russ.; in Belarus.).
27. Khmel'nitsky N. N. (ed.). *Belorussko-kitaiskii kulturnyi dialog: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Belarusian-Chinese cultural dialogue: history, current state, prospects] : collect. of sci. articles. Minsk : RIVSH, 2014 (in Russ., in Belarus.).
28. Khmel'nitsky N. N. (ed.). *Belorussko-kitaiskii kulturnyi dialog: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Belarusian-Chinese cultural dialogue: history, current state, prospects] : collect. of sci. articles. Minsk : RIVSH, 2016. Issue 2 (in Russ., in Belarus.).
29. Khmel'nitsky N. N. (ed.). *Belorussko-kitaiskii kulturnyi dialog: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Belarusian-Chinese cultural dialogue: history, current state, prospects] : collect. of sci. articles. Minsk : RIVSH, 2017. Issue 3 (in Russ., in Belarus.).
30. Vesjaluha M. [How to understand you neighbor by the «global village»]. *LiM*. 2015. No. 5. P. 14 (in Belarus.).
31. Ken'ka M. [Mei Hua Blossoms: the history of one translation]. *LiM*. 2015. No. 5. P. 6 (in Belarus.).

Статья поступила в редакцию 09.10.2017.
Received by editorial board 09.10.2017.

УДК 821.161.3.09-3(091)«19»+82.0

АТТРАКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЫ 1920–30-х гг.)

А. М. ЧЕРНООКАЯ¹⁾

¹⁾Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируются образы роковой женщины, женщины-искусительницы и девушки-жертвы в произведениях Ядвигина Ш., Змитрока Бядули, Михася Зарецкого и Михася Лынькова. Обосновывается тезис о том, что женские образы этих типов, как правило, выполняют аттрактивную функцию – являются своеобразной приманкой как для героя-мужчины, так и для читателя. Определены характерные черты образов аттрактивного типа с использованием сравнительных методов, подходов и методов гендерных исследований. Сделан вывод о том, что женские образы аттрактивного типа обусловлены стереотипами фемининности, являются схематическими и одномерными: героиня репрезентируется как сексуальный объект и привлекает главного героя интригующими обстоятельствами личной жизни либо возможностью развития любовной истории. Показано, что динамическое деконцентрированное описание героини компенсирует статичность образа. Отмечается, что в большинстве произведений данного периода любовная сюжетная линия вводится с целью заинтересовать читателя описанными социально-политическими процессами. Предложена типология женских образов, основанная на их художественных функциях. Охарактеризован один из распространенных подходов к конструированию женских образов в литературе.

Ключевые слова: образ-персонаж; типология; функциональность; психологизм; амплуа; стереотипы феминности; Ядвигин Ш.; Змитрок Бядуля; Михась Зарецкий; Михась Лыньков.

АТРАКТЫЎНАЯ ФУНКЦЫЯ ЖАНОЧЫХ ВОБРАЗАЎ У МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЫ 1920–30-х гг.)

А. М. ЧАРНАВОКАЯ^{1*}

^{1*}Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца вобразы ракавой жанчыны, жанчыны-спакусніцы і дзяўчыны-ахвяры ў творах Ядвігіна Ш., Змітрака Бядулі, Міхася Зарэцкага і Міхася Лынькова. Абгрунтоўваецца тэзіс аб тым, што жаночыя вобразы, якія адносяцца да гэтых тыпаў, як правіла, выконваюць атрактыўную функцыю – з’яўляюцца своеасаблівай прынадай як для героя-мужчыны, так і для чытача. Вызначаюцца характэрныя рысы вобразаў атрактыўнага тыпу з выкарыстаннем параўнальных метадаў, падыходаў і метадаў гендарных даследаванняў. Зроблена выснова пра тое, што жаночыя вобразы атрактыўнага тыпу абумоўлены стэрэатыпамі фемінінасці, з’яўляюцца схематычнымі і аднамернымі: гераіня рэпрэзентуецца як сексуальны аб’ект і прываблівае галоўнага героя інтрыгуючымі абставінамі асабістага жыцця або магчымасцю развіцця любоўнай гісторыі. Паказана, што

Образец цитирования:

Чарнавокая А. М. Атрактыўная функцыя жаночых вобразаў у мастацкай прозе (на матэрыяле беларускай прозы 1920–30-х гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 2. С. 33–43.

For citation:

Tscharnavokaya A. M. Attractive function of female images in fiction (by Belarusian prose of 1920–30s). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 33–43 (in Belarus.).

Автор:

Александра Михайловна Черноокая – аспирантка отдела теории и истории литературы. Научный руководитель – кандидат филологических наук С. В. Колядко.

Author:

Aleksandra M. Tscharnavokaya, postgraduate student at the department of theory and history of literary. *lecsa87@gmail.com*

дынамічнае дэканцэнтраванае апісанне герані кампенсуе статычнасць вобраза. Адзначаецца, што ў большасці твораў акрэсленага перыяду любоўная сюжэтная лінія ўводзіцца з мэтай зацікавіць чытача апісанымі сацыяльна-палітычнымі працэсамі. Абгрунтавана тыпалогія жаночых вобразаў, заснаваная на іх мастацкіх функцыях. Ахарактарызаваны адзін з пашыраных падыходаў да канструявання жаночых вобразаў у літаратуры.

Ключавыя словы: персанаж; тыпалогія; функцыянальнасць; псіхалагізм; амплуа; стэрэатыпы фемінінасці; Ядвігін Ш.; Змітрок Бядуля; Міхась Зарэцкі; Міхась Лынькоў.

ATTRACTIVE FUNCTION OF FEMALE IMAGES IN FICTION (BY BELARUSIAN PROSE OF 1920–30s)

A. M. TSCHARNAVOKAYA^a

^a*Yanka Kupala Institute of Literature Studies, Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article presents the results of a comparative analysis of the images of «femme fatale», «woman-temptress» and «girl-victim» in the works of Jadvihin Sh., Zmitrok Bjadulja, Michas Zarecki, Michas Lynkou. The study found, that female characters of these types perform an attractive function – they are a «lure» for the the main character and for the reader. The purpose of this article is to determine the characteristics of attractive female images using methods and approaches of gender studies. It's concluded, that attractive female images represent the stereotypes of femininity; they are schematic and one-dimensional. The character is represented as a sexual object; intriguing circumstances of woman's personal life are frequently accented. Dynamic deconcentrated description compensates for the static nature of the image. It's noted, that in many works of these period a love story is introduced to interest the reader in described social and political processes. The results of the research clarify the typology of female images based on their functions and help to characterize one of the most common approaches to the construction of female characters.

Key words: character; typology; functionality; psychologism; amplua; stereotypes of femininity; Jadvihin Sh.; Zmitrok Bjadulja; Michas Zarecki; Michas Lynkou.

Уводзіны

Распрацоўка тыпалогіі жаночых персанажаў, прадуктыўнай для іх аналізу і супастаўлення, з'яўляецца абавязковым, першасным этапам для вызначэння асноўных тэндэнцый рэпрэзентацыі жанчыны ў мастацкай літаратуры пэўнага перыяду. У гэндарнай тэорыі гэтай праблеме надаецца недастатковая ўвага. Адзіная тыпалогія, у межах якой вылучана дастаткова вялікая колькасць падтыпаў, распрацавана В. Кардапольцавай на матэрыяле твораў рускіх пісьменнікаў [1, с. 46–114]. Аднак гэтая класіфікацыя не рэлевантная для беларускай прозы першай паловы XX ст., а значыць, не з'яўляецца ўніверсальнай. У дадзеным артыкуле прапануецца тыпалогія жаночых персанажаў, якая грунтуецца на літаратуразнаўчай традыцыі даследавання герояў мастацкіх твораў. Мэта даследавання – абгрунтаваць правамоцнасць вылучэння атрактыўнай функцыі жаночага вобраза і вызначыць характэрныя рысы жаночых персанажаў гэтага тыпу ў беларускай прозе 1920-х – пачатку 1930-х гг. Для дасягнення мэты неабходна вырашыць наступныя задачы:

- акрэсліць тыпалогію жаночых вобразаў;
- прааналізаваць вобразы-тыпы ракавой жанчыны, жанчыны-спакусніцы і дзяўчыны-ахвяры на матэрыяле твораў Ядвігіна Ш., Змітрака Бядулі, Міхася Зарэцкага і Міхася Лынькова;
- вызначыць характэрныя рысы жаночых вобразаў атрактыўнага тыпу.

У артыкуле выкарыстоўваюцца параўнальны і сістэмна-структурны метады, метады і прыёмы гэндарных даследаванняў.

Вынікі і абмеркаванне

1. Функцыі жаночых вобразаў у мастацкай прозе. Мастацкі твор – складаная сістэма, кожны элемент якой мае канцэптальную значнасць у агульнай аўтарскай задуме. Вызначэнне асноўных мастацкіх функцый жаночых вобразаў дазваляе вылучыць чатыры групы персанажаў. Агульнасць аднатыпных вобразаў тлумачыцца адзінствам аўтарскага падыходу да рэпрэзентацыі жанчыны, апеляваннем да канкрэтных літаратурных і культурных традыцый, асаблівасцямі чытацкага ўспрымання.

Першую групу ўтвараюць персанажы, якія пазіцыянуюцца ў тэксце як станоўчыя ці адмоўныя і выконваюць прэскрыптыўную функцыю (ад лац. *praescrīptum* ‘прадпісанне’, ‘норма’, ‘выказванне, якое абавязвае, дазваляе ці забараняе штосьці зрабіць’). У навуковай літаратуры сустракаюцца такія сэнсава блізкія да гэтага паняцця тэрміны, як этычная, нарматыўная, пастулатыўная, дэкларатыўная функцыі. Праз вобразы герояў першай групы ў творах замацоўваюцца маральна-этычныя і сацыяльныя нормы, фарміруецца стаўленне чытача да розных тыпаў паводзін, жыццёвых арыенціраў і прыярытэтаў. У межах гэтага тыпу можна вылучыць вобразы-ідэалы, станоўчыя і адмоўныя вобразы, вобразы-прыклады і вобразы-антыпрыклады. Да гэтай групы ў беларускай літаратуры 1920–30-х гг. адносяцца вобразы новай савецкай жанчыны як станоўчай гераіні ў творах сацрэалістычнага канона (Леаніла Чарняўская «Падарожніца» (1927), Якуб Колас «Арыніна перамога» (1931), Кузьма Чорны «Ідзі, ідзі...» (1930)), вобразы жанчын, якія ўвасабляюць пэўную загану: сварлівасць (Я. Колас «Дзяліцьба» (1911)), сквапнасць (Ядвігін Ш. «Шчаслівая» (1913)), зласлівасць (К. Крапіва «Мядзведзічы» (1932)) і інш.

Другая вялікая група персанажаў – вобразы, якія маюць значны пазнавальны патэнцыял і выконваюць кагнітыўную (гносеалагічную) функцыю. Яна рэалізуецца праз распрацоўку пісьменнікам мастацкага характару – «вобраза чалавека, акрэсленага з належнай паўнатай і індывідуальнай канкрэтнасцю, праз які раскрываецца як гістарычна абумоўлены тып паводзін, так і ўласцівая аўтару маральна-эстэтычная канцэпцыя чалавечага існавання» [2, с. 1708]. Найбольш прэзэнтатыўныя характары робяцца тыповымі ў гісторыка-культурным кантэксце свайго часу. Складзі ўяўленне пра пэўную эпоху, яе асноўныя праблемы і тэндэнцыі дапамагаюць вобразы-тыпы, якія ўвасабляюць характэрныя рысы прадстаўнікоў пэўнай сацыяльнай групы (героі апавесцей Я. Коласа «У палескай глушы» (1923), «У глыбі Палесся» (1927), рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1932) і г. д.).

Для многіх жаночых вобразаў вызначальнай з’яўляецца сімвалічная функцыя, такія персанажы ўтвараюць трэцюю групу. Вобразы жанчыны-маці і дзяўчыны-нявесты выступаюць як сімвал Радзімы, нацыі (трагікамедыя Янкі Купалы «Тутэйшыя» (1921); апавяданне Янкі Брыля «Маці» (1957)). Вобраз дзяўчынкі ў прозе 1940-х гг. – сімвал будучыні, працягу роду (апавяданне Кузьмы Чорнага «Маленькая жанчына» (1942)).

Да трох названых груп жаночых вобразаў-персанажаў трэба дадаць яшчэ адну дастаткова вялікую групу персанажаў: гэта вобразы прывабных жанчын, удзельніц любоўных гісторый. Такія гераіні з’яўляюцца аб’ектам цікавасці герояў-мужчын і адначасова робяць уласны выбар у сферы прыватных адносін. Усе думкі персанажаў гэтага тыпу скіраваны на развіццё адносін з мужчынам. Гераіні не выяўляюць сябе ў сферах сацыяльнай ці прафесійнай дзейнасці, а іх учынкi, зробленыя пад уплывам пачуццяў, не прадугледжваюць адназначнай ацэнкі.

Тэма кахання распрацоўваецца ў творах рознага мастацкага ўзроўню. З аднаго боку, калізіі прыватных адносін могуць быць прадметам даследавання псіхалогіі, сямейных дачыненняў, сацыяльных праблем, як у раманах «Мадам Бавары» Г. Флабера або «Анна Карэніна» Л. Талстога. Жаночыя вобразы гэтых твораў выконваюць у першую чаргу кагнітыўную функцыю: праз гісторыю гераіні аўтар выяўляе складанасць чалавечай псіхалогіі, акрэслівае становішча жанчыны ў грамадстве, вылучае праблемы, з якімі сутыкаецца жанчына ў канкрэтны гістарычны перыяд. З іншага боку, любоўны сюжэт можа быць дзейсным сродкам стварэння інтрыгі, якая дапамагае завабіць чытача і складзі займальную, але трывіяльную гісторыю, пазбаўленую сур’ёзнага зместу і творчай інаватыўнасці. У такіх творах жаночыя вобразы выступаюць у якасці своеасаблівай прынады як для героя-мужчыны, так і для чытача і выконваюць атрактыўную функцыю (ад англ. *to attract* ‘прыцягваць, прывабліваць’). Вобраз атрактыўнай гераіні схематычны, створаны паводле літаратурнай мадэлі, шматразова ўзноўленай у творах іншых аўтараў і, як правіла, супадае з пэўным амплуа (*какет, інжэню, грандам* і г. д.). Істотная характарыстыка вобразаў гэтага тыпу – зададзенасць, абумоўленасць стэрэатыпамі фемінінасці і культурнымі міфамі пра жанчыну.

У беларускай прозе першай паловы XX ст. адносна няшмат жаночых вобразаў атрактыўнага тыпу. Знаходзім іх галоўным чынам у творах 1920-х – пачатку 1930-х гг.: у апавяданні Андрэя Мрыя «Гармонія ў ружовым» і яго рамана «Запіскі Самсона Самасуя», апавяданнях Цішкі Гартнага «Дыягназ», Кузьмы Чорнага «Пачуцці» і інш. У дадзеным артыкуле разглядаюцца апавесці Ядвігіна Ш. «Золата» (1920), апавесць Міхася Зарэцкага «Голы звер» (1926), яго раманы «Сцежкі-дарожкі» (1928) і «Вязьмо» (1932), апавесць Міхася Лынькова «Апошні зверыядавец» (1929), раман Змітрака Бядулі «Язэп Крушынскі» (1931). Характэрна, што, пішучы пра літаратурнае майстэрства аўтараў у гэтых творах, даследчыкі ў якасці мастацкіх здабыткаў называюць вобразы герояў-мужчын, якія распрацаваны больш дэтальна ў параўнанні з жаночымі вобразамі (гл. артыкулы Л. Голубевай [3, с. 101], М. Мушынскага [4, с. 513–515], І. Навуменкі [3, с. 258]). Жаночыя персанажы, за выключэннем вобразаў Раісы Янавай («Сцежкі-дарожкі») і Веры Засуліч («Вязьмо»), якія дастаткова ўважліва аналізаваліся М. Мушынскім [5, с. 85–86, 256–259] і І. Воюш [6], застаюцца на перыферыі ўвагі літаратуразнаўцаў.

Зварот да абраных твораў дазваляе вылучыць характэрныя рысы вобразаў-тыпаў ракавой жанчыны, жанчыны-спакусніцы, дзяўчыны-ахвяры, вызначыць спецыфіку атрактыўных жаночых вобразаў у прозе 1920-х – пачатку 1930-х гг.

2. Вобразы ракавой жанчыны, жанчыны-спакусніцы і дзяўчыны-ахвяры ў беларускай прозе 1920–30-х гг. Пры разглядзе жаночых вобразаў у творах Ядвігіна Ш., Змітрака Бядулі, Міхася Зарэцкага і Міхася Лынькова мы не імкнуліся да шматаспектнага супастаўлення персанажаў ці дэталёвага аналізу сюжэта і спыніліся на вызначэнні якасцей, характэрных для вобразаў пэўнага тыпу.

2.1. Вобраз ракавой жанчыны ў апавесці Ядвігіна Ш. «Золата» і рамане Міхася Зарэцкага «Сцежкі-дарожкі». Характэрнай асаблівасцю вобраза ракавой жанчыны (*femme fatale*) з’яўляецца надзвычайная прыгажосць герайні, якая спалучаецца з магчнай прыцягальнасцю, «здольнасцю выкарыстоўваць сваю жаночую прыроду і сексуальнасць як зброю, якая дазваляе дамінаваць над зачараванымі мужчынамі»¹ [7, с. 108]. У знешнасці герайні падкрэсліваецца дзіўная прывабнасць, таямнічасць, адчуванне адмоўнай, разбуральнай сілы. Так, Ядвігін Ш. у апавесці «Золата» параўноўвае вочы галоўнай герайні Зосі з *цёмнымі хмарами, на каторых час ад часу быццам мігане маланка* [8, с. 95]. Аўтар адзначае: *Гэтыя вочы так іншым разам глянуць умелі, што Васілю ажно жутка рабілася так блізка да іх сядзець. Чула яго душа, што чаго б не зажадалі такія вочы – ён, як малое дзіця, быў бы паслухмяны ім*² [8, с. 95]. Для іншага закаханага героя – Васіля Лясніцкага з рамана Міхася Зарэцкага «Сцежкі-дарожкі» вобраз маладой паненкі Раісы доўгі час падаецца *чароўна-прывабным і бязмежна-патрэбным* [9, с. 364]. Прыгожая, зграбная, вытанчаная дзяўчына бачыцца герою ўвасабленнем ідэалу жаночасці, але ўжо ў пачатку адносін ён заўважае, што ў душы Раісы ёсць нешта нядобрае [9, с. 167].

Стасункі паміж героямі ў абодвух творах не прыносяць ім спакойнага шчасця. Так, Раіса ў купальскую ноч з гарчай злосцю апісвае Васілю свае ўяўленні пра адносін з мужчынамі: *Я хачу, каб хто пакахаў мяне... Але ведаеце, як я хачу, каб мяне кахалі?.. Каб той, хто мяне пакахае, забыўся на ўсё, што ёсць у яго ў жыцці, апрача мяне, каб ён хадзіў за мной, як ценё... Я здэкавалася б над ім, я яго мучыла б, катавала... О, я загубіла б яго, я атруціла б яму ўсё жыццё, я выдумала б яму самую страшную, самую дзікую кару... Я яго ненавідзела б, як толькі можа ненавідзець жанчына...* [9, с. 16]. Письменнік неаднойчы падкрэслівае дэспатычнае стаўленне Раісы да мужчын: яна імкнецца спалучыць каханне і боль, адчувае задавальненне, калі робіць балюча [9, с. 234, 237].

У апавесці Ядвігіна Ш. Зося не можа пагадзіцца на тое, каб каханы Алёкса ажаніўся з багачкай Прузынай [8, с. 88]. Адмоўныя пачуцці ахопліваюць дзяўчыну і яна падштурхоўвае закаханага ў яе Васіля да забойства саперніцы. Дзякуючы злачынству Зося – ужо нявеста Васіля – атрымлівае тры шчаслівыя тыдні спатканняў з Алёксам, тым часам як Васіль праз некалькі гадоў здзяйсняе самагубства. Злоўжыванне сваёй прывабнасцю, выкарыстанне ўлады над мужчынамі з карыслівымі мэтамі і абьяквасць да іх лёсу – адна з характэрных рыс ракавой жанчыны [7, с. 107].

Герайня гэтага тыпу незалежная, настойлівая, эгацэнтрычная, мае выключнае адчуванне ўнутранай свабоды. Яна не жадае падпарадкоўвацца абставінам, не лічыцца з правіламі прыстойнасці і сацыяльнымі нормамаі, бо абсалютызуе свае жаданні і лічыць сябе вышэйшай за іншых. У рамане М. Зарэцкага Раіса не стрымлівае сімпатыі да роднага дзядзькі і такім чынам таксама ідзе насуперак сацыяльным нормамаі [9, с. 381]. Ракавая жанчына дапускае магчымае злачынства: Зося падштурхоўвае Васіля да забойства, Раіса здзяйсняе самагубства, што ў хрысціянскай традыцыі лічыцца смяротным грахам.

Вобразу ракавой жанчыны спадарожнічае матыў таямніцы і шматлікія знакі-прадказанні трагічнага лёсу герайні і яе блізкіх. Так, у абодвух творах прысутнічае матыў таямнічага паходжання [8, с. 88; 9, с. 150]. Герайні маюць трагічны лёс, але іх рашэнні і дэструктыўныя ўчынкі звязваюцца ў творах не толькі з заганамаі (эгаізм, самалюбства) і псіхаэмацыянальнымі якасцямі персанажаў, але і з сацыяльнымі праблемамаі. У апавесці Ядвігіна Ш. калізію вызначаюць праблемы сацыяльна-эканамічнай няроўнасці, моцнай залежнасці дзяцей ад бацькоў у патрыярхальнай сям’і, няздольнасці самастойна абраць спадарожніка жыцця. Зося не хоча падпарадкоўвацца мужчынскай уладзе, бацькам, імкненне вырашыць праблему праз злачынства можна лічыць крокам насуперак нормамаі традыцыйнага грамадства. У рамане Міхася Зарэцкага смерць герайні прыспешваюць рэвалюцыйныя падзеі 1917 г.

Тое, што вобразы Зосі і Раісы створаны паводле традыцыйных літаратурных мадэлей, можна пацвердзіць іх адпаведнасцю двум падтыпам, вылучаным А. Пацехінай у межах тыпу ракавой жанчыны: ракавая жанчына, якая пакутуе (Зося), і каварная жанчына-спакусніца, якая разбурае жыццё мужчын (Раіса) [7, с. 107]. Амплуа ракавой жанчыны ў пэўным сэнсе было свядома абрана Раісай, культурная мадэль прадвызначыла лёс герайні.

¹Тут і далей пераклад наш. – А. Ч.

²Тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала. – А. Ч.

2.2. Вобраз жанчыны-спакусніцы ў раманах Змітрака Бядулі «Язэп Крушынскі» і Міхася Зарэцкага «Вязьмо». У хрысціянскай традыцыі жанчына часта паказвалася як асоба, схільная да зла (пачынаючы з вобраза Евы). У рэлігійнай літаратуры хітрая, разбэшчаная, хлуслівая жанчына-спакусніца неаднойчы з'яўляецца зброяй д'ябла. Вобраз жанчыны-спакусніцы сустракаецца і як камічны персанаж еўрапейскай літаратуры. Какетка (*какет, грандкакет*) уваходзіць у пералік ампула еўрапейскага тэатра XVIII ст.

У беларускай прозе вобраз жанчыны-спакусніцы прысутнічае ў раманах Змітрака Бядулі «Язэп Крушынскі» (Стэфа) і Міхася Зарэцкага «Вязьмо» (Вера Засуліч). Гэтыя вобразы не супадаюць паводле аб'ёму: вобраз Веры Засуліч больш распрацаваны і, адпаведна, больш даследаваны. Разам з тым абодва вобразы маюць шэраг агульных рыс і выконваюць атрактыўную функцыю.

Спакусіць – значыць «прывабіць чым-небудзь захапляючым прыемным; дабіцца інтымнай блізкасці» [10, с. 615]. Гэта слова ўтрымлівае негатыўную канатацыю: «спакуслівы» – той, які «абуджае пачуццёвую цягу, наводзіць на грэшныя думкі» [10, с. 615]. У выпадку адносін паміж мужчынам і жанчынай непажаданай лічылася любоўная сувязь, калі адзін з партнёраў парушаў шлюбныя абавязкі. Такім чынам, спакусніца – не проста прывабная гераіня, а жанчына, якая падштурхоўвае мужчыну да здрады, разбурае сям'ю.

У абодвух творах спакусніца не з'яўляецца ініцыятарам адносін і не адыгрывае ў іх вядучую ролю – хутчэй, яна ідзе насустрач мужчынскім жаданням. Мужчынская цікавасць выступае як вызначальны фактар, а на ўзроўні сюжэтабудовы – як завязка сюжэта. Так, у раманах Змітрака Бядулі Язэп Крушынскі шукае настаўніцу для дачок і ўжо падчас размовы на гэту тэму з братавай у парку зацікаўлена аглядае кожную маладую жанчыну [11, с. 182]. Па вяртанні са Стэфай у вёску Крушынскі пэўны час не адчувае цікавасці да дзяўчыны, і Стэфа першая пачынае какетнічаць з гаспадаром. Яна вучыцца фліртаваць, праз песні намякае на магчымае развіццё стасункаў, кожны яе рух разлічаны на эфект: *...яна ведала, што Крушынскаму падабаецца яе тонкая ножка, – і як бы незнарок выстаўляла ножку* [11, т. 4, с. 317].

У раманах «Вязьмо» дырэктар школы Сымон Карызна ад пачатку дэманструе настойлівую цікавасць да настаўніцы Веры Засуліч. Падчас адной з сустрэч яна першая падказвае магчымасць самага інтымнага развіцця іх адносін: пасля гарачых пацалункаў Карызны *на твары ў яе засвяцілася сарамлівая давольнасць і ласка – яна абшчыла яго вольнай рукой за шыю і пяшчотна прытуліла да сваіх грудзей* [12, с. 104]. Гэты рух, паводле сістэмы культурных кодаў, успрымаецца як сексуальнае запрашэнне, сведчыць пра пачуццёвасць, фізічныя жаданні жанчыны. Разам з тым Карызну было прыемна адчуваць сябе лідарам у стасунках з жанчынай [12, с. 192], для героя істотна, што адносінны адпавядаюць традыцыйнай схеме: мужчына – суб'ект дзеяння, жанчына – аб'ект яго ўвагі.

У адрозненне ад вобраза ракавой жанчыны вобраз жанчыны-спакусніцы пазбаўлены дэманізацыі, гераіня надзелена меншай духоўнай сілай, яна менш эгацэнтрычная і эгаістычная. Адпаведна, у творах дастаткова выразна выяўляецца матыў віны. У раманах «Вязьмо» Вера Засуліч адчувае віну перад жонкай і дачкой Карызны. У творы «Язэп Крушынскі» Стэфа з жахам думае пра цяжарнасць ад гаспадара, шкадуе дачок Крушынскага, якія праз яе страцілі родную маці.

Калі ракавая жанчына асэнсоўвае свае намеры і нават вербалізуе іх, то жанчына-спакусніца нібыта недастаткова ўсведамляе свае дзеянні (супрацьпастаўленне ўсвядомленага/інтуітыўнага, пачуццёвага/інстынктыўнага, духоўнага/плочевага). Змітрак Бядуля падкрэслівае, што прыгожая жанчына мае інстынктыўнае жаданне фліртаваць, какетнічаць: *Стэфка пачала адчуваць у сабе нейкую захапаную сілу – уладу над такім чалавекам, як Крушынскі. Дзівілася яна гэтай «сіле», як той казачны асілак. <...> Ёй вельмі прыемна, што знайшла ў сабе такія цікавыя, незразумелыя ёй самой скарбы. Ігра з Крушынскім ёй спадабалася* [11, с. 317]. Дзяўчына не ўсведамляе ў поўнай ступені небяспеку гульні і потым шкадуе пра наступствы.

Калі ў раманах «Вязьмо» аналізаваць выключна фактуальны ўзровень твора (не ўлічваючы суб'ектывізацыю ацэнкі гераіні), узнікае ўражанне, што Вера Засуліч таксама не можа супрацьстаяць жаданню какетнічаць з мужчынамі. Яна адчувае сябе вінаватай перад жонкай і дачкой Карызны і адначасова атрымлівае задавальненне ад сімпатыі дырэктара школы, яго катэгарычныя рашэнні цешаць яе жаночае самалюбства. Цялеснае дамінуе над душэўным, а потым наадварот – на гэтай аснове будуюцца траекторыя раскрыцця вобразаў гераінь.

Міхась Зарэцкі і Змітрак Бядуля дэманструюць, што імкненне падабацца мужчынам спалучаецца з адсутнасцю значных прафесійных здольнасцей: Стэфа засяроджвае ўвагу на стасунках з Крушынскім пасля таго, як спазнае фіяска як выхавальніца [10, с. 237]. Для Веры настаўніцкая праца істотная не як пакліканне, жыццёвае прызначэнне, а як магчымасць мець высокі сацыяльны статус у мястэчку, складаныя задачы вымагаюць вялікага напружання [12, с. 17, 43, 381].

У абодвух творах жаночая прыгажосць герайн спалучаецца з іх легкадумнасцю, няпэўнасцю, адсутнасцю адказнасці, зменлівасцю намераў і неабачлівасцю. Прыгажосць дазваляе жанчыне адчуць уладу над мужчынам, гэта прыносіць задавальненне, але з'яўляецца небяспекай для яе самой. Нядоўгая радасць, задаволенасць жанчыны неўзабаве змяняецца расчараваннем: Вера губляе цікавасць да абранніка, Стэфа шкадуе пра свае паводзіны. Жанчына-спакусніца і мужчына, які пагарджае сямейнымі абавязкамі, не з'яўляюцца станоўчымі героямі. Парушэнне маральных норм дзеля плоцевага кахання сведчыць пра наяўнасць іншых недахопаў і ў большай ці меншай ступені дыскрэдытуе героя і герайню.

2.3. Вобраз дзяўчыны-ахвяры ў аповесцях Міхася Зарэцкага «Голы звер» і Міхася Лынькова «Апошні зверьядавец». Вобраз цнатлівай, прыгожай дзяўчыны, якая праз сваю даверлівасць робіцца ахвярай мужчынскіх жаданняў, надзвычай пашыраны ў сусветнай літаратуры. У драматургіі яму адпавядае ампула *інжэню* (фр. *ingénu*) з трагічным лёсам, якое ўзнікла ў XVIII ст. як канкрэтызацыя больш абагуленага ампула «закаханых». У беларускай прозе 1920–30-х гг. вобраз дзяўчыны-ахвяры быў надзвычай пашыраны, але ніколі не разглядаўся даследчыкамі як значнае мастацкае дасягненне. Аналізуючы аповесць Міхася Зарэцкага «Голы звер» – адзін з найбольш вядомых твораў, дзе прысутнічае вобраз дзяўчыны-ахвяры, – М. Мушынскі адзначаў, што ўзаемаадносінны Віктара Яроцкага і Лідачкі не ўяўляюць для даследчыка асаблівай цікавасці: «Тут няма значных псіхалагічных знаходак, наватарскіх паваротаў тэмы. Перад намі – даволі распаўсюджаны ў літаратуры сюжэт спакушэння знешне абаяльным, лоўкім прайдзісветам маладой наіўнай дзяўчыны» [5, с. 55]. Гэта выказванне сведчыць пра тое, што для даследчыка была відавочнай зададзенасць жаночага вобраза, яго адпаведнасць літаратурнай мадэлі.

Аднак з'яўленне шматлікіх твораў, у якіх распрацоўваўся сюжэт спакушэння дзяўчыны, было абумоўлена хутчэй не адкрыццём літаратурнай традыцыі, якая можа зацікавіць айчыннага чытача, а рэальнымі сацыяльнымі праблемамі. Наступствам сексуальнай рэвалюцыі 1920-х гг. было рэзкае павелічэнне колькасці пакінутых жанчын і дзяцей-сірот, рост прастытуцыі, венерычных захворванняў, павелічэнне колькасці абортаў [13, с. 242]. Аўтары, якія звярталіся да матыву спакушэння дзяўчыны, найчасцей пазбягалі эратычных сцэн, імкнуліся не столькі «завабіць» чытача, колькі падкрэсліць вострыя сацыяльныя праблемы, агучыць вырак адмоўнаму герою, які прадказальна з'яўляўся ворагам савецкай улады (гл. апавяданні П. Галавача «Загубленае жыццё», «Абмылілася», аповесць Я. Коласа «На прасторах жыцця» і інш.).

Разам з тым зварот да матыву спакушэння дзяўчыны дазваляў пісьменніку засяродзіцца на эпізодах, якія гарантавалі цікавасць чытачоў, дапамагаў заінтрыгаваць развіццём падзей, і ў асобных выпадках гэтыя магчымасці выкарыстоўваліся. Характэрным прыкладам з'яўляюцца аповесці Міхася Зарэцкага «Голы звер» і Міхася Лынькова «Апошні зверьядавец», пра што яскрава сведчыць пасаж з даследавання А. Гужалоўскага «Сексуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.», прысвечаны рэцэпцыі твора Міхася Зарэцкага. У аповесці, паводле гісторыка, «увагу чытачоў і крытыкаў прыцягнулі перш за ўсё адкрытыя апісанні сцэн кахання. Першы наклад “Голага зверя” разышоўся імгненна... У бібліятэках аповесць зачытвалася да дзірак, прычым узбуджаныя маладыя чытачы вырывалі адпаведныя старонкі, рабілі на палях каментарыі і эратычныя малюнкi. <...> Л. Бэндэ абвінаваціў М. Зарэцкага ў “эратызацыі прыроды”, а карэспандэнт “Чырвонай змены” П. Шамшур абураўся тым, што “кніжка беларускага Малашкіна” раздавалася ўдзельнікам Усебеларускага піянерскага злёту» [13, с. 138].

Такім чынам, нягледзячы на тое, што драматычны лёс дзяўчыны-ахвяры, здавалася б, неспалучальны з атракцыяй, вобраз *інжэню* можа выконваць атрактыўную функцыю і, адпаведна, разглядаецца ў межах дадзенага тыпу.

Калі жанчына-спакусніца ў творах Міхася Зарэцкага і Змітрака Бядулі мае недастаткова высокі інтэлектуальны ўзровень, то *інжэню* – увасабленне прастасардэчнасці – адразу характарызуецца як наіўная, недасведчаная асоба. *Сэрца ў Валі – маленькае сэрца. Таму ў ім не знойдзеш ні вялікіх таямніц, ні крыўд балючых, ні жыццёвага суму* [14, с. 145] – так пачынаецца аповесць «Апошні зверьядавец». Дзяўчына працуе машыністкай у гуце, але праз няўважлівасць і хваляванне неаднойчы робіць памылкі ў рабоце [14, с. 147], не мае ўяўлення пра тое, што адбываецца на заводзе [14, с. 155]. Лідачка ў аповесці «Голы звер» паводзіць сябе амаль як дзіця. Міхась Зарэцкі падкрэслівае, што жанчыны часта сентыментальныя, не могуць мысліць рацыянальна, калі справа датычыцца прыватных адносін [9, с. 13].

У абодвух творах адмоўны герой падаецца дзяўчыне дасведчаным і разумным, яго зброя – абыходлівасць, ласкавыя словы, пшчота. Аблічча спакусніка ўяўляецца герайні загадкавым, таямнічым, хоць варта было б заўважыць у ім злаваснасць і няшчырасць. Такім чынам, негатыўныя якасці аб'екта ігнаруюцца або падаюцца герайням прывабнымі. Так, пры стварэнні вобраза *інжэню* ўзнаўляюцца

гендарныя стэрэатыпы: жанчыны «любяць вушамі», яны сентыментальныя, рамантычныя, жыццёвая недасведчанасць робіць іх лёгкай здабычай. Ліда (як і Валя з твора Міхася Лынькова) дзеля хлуслівага, нашмат старэйшага за сябе мужчыну адмаўляецца ад адносін з хлопцам, які быў бы для яе добрай парай. У абодвух творах дзяўчына прыпадабняецца да апетытнага плода, які мужчына хоча паглынуць, спажаць ва ўласнае задавальненне: *Анішто дзяўчына... Яблычка на адбор – без чарвінкі, без цвілі... свежае яблычка, румянае – вясной пахне і сонцам* [14, с. 150]; *Так узяць бы яе – любую, свежую – узяць, як цукерку, як дарагі падарунак-гасцінец, і гладзіць, гладзіць* [9, с. 11].

Вобразу *інжэню* ўласцівая душэўная шчырасць, здольнасць кахаць і дараваць. Гэтыя якасці адпавядаюць гендарнаму ідэалу, яны ўпрыгожваюць дзяўчыну, што прымушае чытача вастрэй спачуваць гераіні і робіць правіну героя яшчэ большай.

Гісторыя спакушэння дзяўчыны мае прадказальны сюжэт: папярэджанне → сустрэча → з’яўленне сімпатыі → развіццё адносін → першая блізкасць → сумненні і роздумы → негатыўныя наступствы → выкрыццё адмоўнага героя. У аповесці «Голы звер» сюжэт сярод іншага ўтрымлівае матыў падзення гераіні. Лідачка трапляе пад уплыў светапогляду Віктара Яроцкага і пераймае яго перакананні: *...галоўнае – гэта пажыць весела, радасна, добра* [9, с. 25]; *Чалавек – эгаіст па сваёй уродзе, і ён такім павінен быць* [8, с. 32]. Письменнік падкрэслівае, наколькі натуральна і адначасова небяспечна, калі дзяўчына не можа супрацьстаяць жарснаму рамантычнаму каханню, пазбаўлена сілы волі і пакорліва пагаджаецца быць аб’ектам мужчынскага жадання [9, с. 43; 14, с. 193].

3. Спецыфіка жаночых вобразаў атрактыўнага тыпу. Далейшы аналіз абраных твораў дазваляе вызначыць характэрныя рысы, агульныя для жаночых вобразаў, якія выконваюць атрактыўную функцыю.

1. Ракавая жанчына, жанчына-спакусніца і дзяўчына-ахвяра выступаюць у творах як эратычны аб’ект, што ўвасабляецца праз увядзенне эратычных сцэн і апісанняў. Мужчынскі погляд на жанчыну як эратычны аб’ект прадстаўлены ва ўсіх аналізаваных творах (за выключэннем аповесці Ядвігіна Ш.) і дазваляе вызначыць намеры героя, спецыфіку яго стаўлення да жанчыны. У рамане «Язэп Крушынскі», аповесцях «Голы звер» і «Апошні зверыядавец» галоўны герой адразу ацэньвае дзяўчыну як будучую палюбоўніцу (*каханне-людус*) і заўважае найперш эратычныя, інтрыгоўныя часткі цела: *белая шыйка* [11, с. 186], *стройныя ножкі* [14, с. 180]. Героі Міхася Зарэцкага Васіль Лясніцкі і Сымон Карызна – носьбіты больш высокага пачуцця (*каханне-эрас*). Лясніцкі ў першую чаргу звяртае ўвагу на вочы, валасы, рукі маладой паненкі [9, с. 129], Сымон Карызна *ўзіраецца... у прыгожыя вусны, у броўкі, у вялікія – не то цёмна-карыя, не то зусім чорныя вочы* [12, с. 17]. Дарэчы, усе чатыры гераіні, якія адносяцца да тыпу ракавой жанчыны і жанчыны-спакусніцы, маюць чорныя (цёмныя) вочы. Паводле семантычнага дыферэнцыялу, чорны колер ацэньваецца як вельмі моцны, негатыўна афарбаваны, атаясамліваецца са злом.

Міхасю Зарэцкаму любоўны сюжэт дазволіў увесці ў творы шматлікія эратычныя сцэны, тым часам як іншыя аўтары канстатавалі блізкасць паміж галоўнымі героямі, пазбягаючы выяўлення «аголенай натуры»: у рамане Змітрака Бядулі галоўны герой бярэ дзяўчыну амаль сілай, што не можа эстэтызавацца; Міхась Лынькоў, падводзячы чытача да інтымнага эпізоду, перадае момант блізкасці герояў праз алегарычнае апісанне прыроды (зорнага дажджу над ракой), што з’яўляецца класічным літаратурным прыёмам.

2. Ствараючы атрактыўны жаночы вобраз, письменнікі надаюць максімальную ўвагу знешнасці. Гэтым атрактыўныя вобразы прыкметна адрозніваюцца ад вобразаў, якія выконваюць іншыя функцыі – прэскрыптыўную, сімвалічную, кагнітыўную. Статычнасць, нязменнасць вобраза ў плане псіхалагічным кампенсуецца дынамічным дэканцэнтраваным апісаннем. З кожнай новай старонкай чытач можа больш дэталёва ўявіць гераіню ці прасачыць, як змяняецца яе аблічча. Так, у рамане «Вязьмо» Міхась Зарэцкі ўводзіць невялікую загадку: якога колеру вочы Веры Засуліч [12, с. 17, 100, 103]. Адказ знаходзіцца ў вечар шчаслівай блізкасці Сымона і Веры [12, с. 104]. Дынамічнае апісанне жанчыны ў творах Міхася Зарэцкага мае свае кульмінацыйныя моманты – эпізоды, у якіх адбываецца «распрананне» гераіні.

У рамане Змітрака Бядулі «Язэп Крушынскі» адмоўная ацэнка змен, якія адбываюцца ў жыцці гераіні, выяўляецца праз мадэляванне знешнасці: пасля шлюбу з Крушынскім Стэф пакрыжвала, пастарэла, стала *лянівай, вечна заспанай, часта пазяхала, рукі яе заплылі тлустасцю* [15, с. 125]. Напрыканцы твора заплаканая Стэф ідзе прасіць, каб вызвалілі Крушынскага, арыштаванага як кулака, але слёзы жанчыны з *тлустым чырвоным тварам* [15, с. 190] нікога не кранаюць.

Партрэтная характарыстыка гераіні атрактыўнага тыпу ўключае апісанне яе адзення. У рамане Міхася Зарэцкага «Сцежкі-дарожкі» адзенне з’яўляецца яркім спосабам характарыстыкі гераіні, у аповесці Міхася Лынькова праз увагу да дэталей адзення письменнік выяўляе падсвядомую заклапочанасць Валі стаўленнем дырэктара да яе знешнасці.

У апісанні жанчын ва ўсіх пяці творах сустракаецца агульная істотная дэталі: галоўны герой звяртае ўвагу на нешта «дзяціннае» ў абліччы гераіні. У творах Міхася Зарэцкага гэта рыса выклікае замілаванне, бо «дзяціннасць» атаясамліваецца з чысцінёй, наіўнасцю. Падабенства гераіні-спакусніцы да дзіцяці служыць своеасаблівым прыкрыццём, за якім распальваецца цікавасць мужчыны. Напрыклад, Вера Засуліч неаднойчы параўноўваецца з дзіцём [12, с. 17, 103, 135], дзяўчынкай-падлеткам [12, с. 133], і Карызну нават здаецца, што ён *кахае яе не як жанчыну, а як дзіця* [11, с. 133]. Крушынскі лічыць Стэфу амаль *малым дзіцянем* і разумее, што яна не ў яго гусце: *Яго расчуляе толькі яе гладкая, белая шыйка з кволенькімі завіткамі валаскоў, як у дзіцяці* [11, с. 240]. У лісце да цёткі Стэфа піша, што *лічыць сябе яшчэ малой дзевачкай* [11, с. 321], і такім чынам спрабуе пераканаць сябе ў несур'езнасці, бяскрыўднасці сваіх паводзін, што не адпавядае апісанай сітуацыі.

У дачыненні да ўсіх пяці твораў можна адзначыць, што «дзяціннасць» гераіні актуалізуе класічнае супрацьпастаўленне мужчыны і жанчыны як мацнейшага і слабейшага, разумнага і недасведчанага. Такім чынам, сімвалізацыя і псіхалагічная інтэрпрэтацыя «дзяціннасці», інфантальнасці з'яўляюцца канстантамі ў стварэнні жаночага вобраза, што сведчыць пра аднолькавыя аўтарскія стратэгіі ў раскрыцці жаночай ідэнтычнасці і наданні ёй залежнай ад мужчынскіх жаданняў ролі.

3. Характэрная рыса атрактыўных персанажаў – іх статычнасць. Кажучы словамі М. Бахціна, «нягледзячы на выяўленне жыццёвага шляху героя, яго вобраз... пазбаўлены сапраўднага станаўлення і развіцця, змяняецца, будзе жыццё героя, яго лёс, але сам герой застаецца, па сутнасці, нязменным» [16, с. 207]. Гераіні перажываюць крызісы, але не ведаюць перараджэнняў. Нягледзячы на тое, што жыццёвы падзеі павінны выклікаць пераацэнку многіх учынкаў, аўтары не выяўляюць гэта ў творах, і нязменнасць гераінь часта выглядае непраўдападобнай (напрыклад, у рамане «Золата»). Нярэдка аўтар канстатуе змены ў паводзінах ці светапоглядзе гераіні, што выяўляецца на знешнім (падзейным), а не на ўнутраным узроўні твора, што тлумачыцца адсутнасцю глыбокай псіхалагічнай распрацоўкі вобраза.

Аўтар канструюе атрактыўны жаночы вобраз паводле літаратурных мадэлей, апрабаваных у прыгожым пісьменстве. Паводзіны і ўчынкі гераіні, асэнсаванне ёй падзей прыватнага жыцця з'яўляюцца шаблоннымі і схематычнымі. У творах падмацоўваецца пашыранае ўяўленне пра тое, што стасункі з мужчынам – галоўнае для жанчыны. Самая радасная падзея – усведамленне мужчынскай сімпатыі, самая змрочная – расчараванне ў каханым і думка пра непажаданую цяжарнасць [14, с. 228; 15, с. 26]. Абмалёўваючы ўнутраны стан гераіні, аўтары найчасцей звяртаюцца да прыёмаў знешняга псіхалагізму: у крызісных сітуацыях гераіня чырванее [14, с. 147; 15, с. 70], плача [12, с. 48; 14, с. 227], губляе прытомнасць [8, с. 128], хварэе [8, с. 122]. Калі ж гераіня перажывае праблемы ў сабе, характарыстыка яе псіхалагічнага стану лаканічная і трывіяльная, аўтары, як правіла, звяртаюцца да метафар-штампаў, трафарэтных параўнанняў: *скамянела балела сэрца; крышылася, ірвалася на часткі нутро* [9, с. 40], *робіцца як у сне, як звар'яцелая* [9, с. 41], *някучая крўда апаліла сэрца, ашчапіла яго гарачымі абцугамі, ад якіх, здаецца, застывала кроў і рабілася суха ў роце* [14, с. 227]. Па сутнасці, аўтары не даюць нічога новага ў выяўленне жаночай псіхалогіі, перажывання кахання ў параўнанні, напрыклад, з «Раманам пра Энэя», напісаным невядомым французскім манахам у сярэдзіне XII ст. (гл. [17, с. 47]). Рэакцыя на падзеі і змены ў адносінах з мужчынам часцей за ўсё не падмацоўваецца асэнсаваннем сваіх учынкаў і іх матываў, што можа тлумачыцца той ці іншай якасцю гераіні: наіўнасцю, абмежаванасцю, «дзяціннасцю» (Лідачка, Валя), загадкавасцю (Засуліч), легкадумнасцю (Стэфа), імпульсіўнасцю, парывістасцю (Раіса).

На падставе выяўленых заканамернасцей даследчыкі прыходзяць да высновы пра тое, што мужчыны-пісьменнікі схільныя паказваць жанчын як асоб эмацыянальных, недальнабачных, няздатных да самакантролю ў складаных сітуацыях, у плане інтэлектуальным – нясхільных да рэфлексіі і прыняцця абгрунтаваных рашэнняў. На нашу думку, больш абгрунтаваным з'яўляецца іншае тлумачэнне: зварот да шаблонных сітуацый, прадказальных псіхаэмацыянальных рэакцый дае магчымасць аўтарам абмінуць невядомае – сферу жаночай псіхалогіі. Жаночыя вобразы, якія здзіўляюць чытачоў глыбокай псіхалагічнай распрацоўкай, – Мадам Бавары, Анна Карэніна і іншыя – плён карпатлівай пісьменніцкай працы, якую айчынныя аўтары часта лічылі неактуальнай ці збытковай.

4. Вобраз гераіні атрактыўнага тыпу, як правіла, аднамерны: пісьменнік надае асноўную ўвагу выяўленню эмацыянальна-пачуццёвай сферы, абсалютызуецца прыватнае жыццё, галоўным накіраваннем гераіні прызнаецца перажыванне пачуццяў, адносін з упадабаным мужчынам. У творах дакладна акрэсліваецца сацыяльны статус, прафесія і паходжанне гераінь, але яны нібыта выкраслены са сферы прафесійнага, сацыяльнага, культурнага ўзаемадзеяння. Апісваючы, згодна з літаратурнай традыцыяй, перажыванні закаханай дзяўчыны, аўтары нічога не даюць у асэнсаванне свету і чалавека, у тым ліку з той прычыны, што не звяртаюцца да псіхалагічнай распрацоўкі жаночых персанажаў, хоць і надаюць

ім пэўныя псіхалагічныя характарыстыкі. Жаночыя вобразы, якія выконваюць атрактыўную функцыю, блізкія да тыпу меладраматычнай гераіні, найбольш дакладна яму адпавядае вобраз дзяўчыны-ахвяры.

Лёсы гераінь дазваляюць зрабіць выснову пра наяўнасць пэўных сацыяльных праблем (прававая неабароненасць, уразлівасць жанчыны як закладніцы сексуальнай рэвалюцыі), аднак самі гераіні далёкія ад роздумаў над сацыяльнымі супярэчнасцямі, праблемамі, якія паўстаюць у іх бліжэйшым асяроддзі (вёска, завод і г. д.).

Яскравым выключэннем з'яўляецца вобраз Веры Засулч, які, акрамя атрактыўнай, выконвае кагнітыўную функцыю. Ствараючы партрэт загадкавай жанчыны-спакуніцы, пісьменнік адначасова дэманструе чытачу небяспечны тып савецкага прыстасаванца – асобы, не ўпэўненай у сваёй будучыні, пазбаўленай выразных сацыяльна-палітычных поглядаў, якая найперш дбае пра тое, каб *усё было добра, усё чысценька, каб ніхто ні да чаго не мог прычапіцца...* [12, с. 381] (падрабязней гл. [6, с. 20]). У рамане «Сцежкі-дарожкі» вобраз Раісы Янавай таксама інтэграваны ў гістарычную рэальнасць. У эпілогу Міхась Зарэцкі звязвае смерць Раісы з рэвалюцыяй, выяўляе супярэчлівае стаўленне гераіні да сацыяльна-палітычных змен, што дазваляе даследчыкам аднесці гэты вобраз да тыпу «былых» [6, с. 19].

5. Атрактыўная функцыя жаночых вобразаў нярэдка спалучаецца з прэскрыптыўнай. Гераіні або арыентуюцца на няправільны тып паводзін, або здзяйсняюць учынак, які мае ў далейшым цяжкія наступствы, што дазваляе аднесці іх да вобразаў-антыпрыкладаў. У творах прысутнічае адмоўная ацэнка ўчынкаў гераіні або паказваецца трагічны фінал яе жыцця.

Адначасова ў згаданых творах назіраецца трывіялізацыя праблематыкі, спрошчаны падыход да выяўлення любоўных калізій. Развіццё любоўнай гісторыі прымушае згадаць вядомыя сентэнцыі тыпу: «Нельга здабыць жаночае шчасце праз нядобры ўчынак»; «Небяспечна саступаць мужчыну, які не мае сур'ёзных намераў»; «Сэрца не павінна перамагаць розум»; «Стасункі з жанатым мужчынам не будуць шчаслівымі» і г. д. Трывіяльнасць агульнапрынятых ісцін, прадказальнасць развіцця сюжэта не дазваляюць усур'ёз аналізаваць лёс гераіні ў маральна-этычным аспекце.

Істотна і тое, што аўтары ўстрымліваюцца ад катэгарычнай ацэнкі гераінь, кожная з іх мае «змякчальныя абставіны»: нядобры ўчынак можа тлумачыцца складанай жыццёвай сітуацыяй («Золата», «Язэп Крушынскі») ці псіхаэмацыянальнымі якасцямі гераіні – імпульсіўнасцю, парывістасцю, зменлівасцю («Сцежкі-дарожкі»), шчырасцю, непасрэднасцю («Вязьмо»). Паказальнай з'яўляецца дыскусія ў айчынным літаратуразнаўстве, прысвечаная ацэнцы вобраза Веры Засулч (гл. [5, с. 256, 258; 6; 18, с. 141]), якая сведчыць пра тое, што гераіні атрактыўнага тыпу надзелены як станоўчымі, так і адмоўнымі рысамі, а таму не ўкладваюцца ў сістэму ацэнак з палярнымі апазіцыямі. Рашэнні, прынятыя інтуітыўна, па поклічы сэрца, не прадугледжваюць катэгарычнага меркавання.

6. Разглядаючы згаданыя жаночыя вобразы ў сацыякультурным аспекце, варта падкрэсліць, што ўсе гераіні па паходжанні не з'яўляюцца сялянкамі і маюць дэфармаваную сям'ю (адсутнасць аднаго з бацькоў ці яго недзеяздольнасць). Няпоўная сям'я сведчыць пра аслабленне родавых сувязей, недастатковы кантроль і выхаваўчае ўздзеянне бацькоў, што з'яўляецца перадумовай для развіцця любоўнай інтрыгі.

Схільнасць да какецтва і флірту, імкненне падабацца мужчынам і празмерная рамантычнасць – якасці, непрымальныя ў сялянскім і шляхецкім асяроддзях. Адпаведна, атрактыўная гераіня беларускай прозы першай паловы XX ст. найчасцей з'яўляецца мяшчанкай (М. Зарэцкі «Голы звер» і «Вязьмо», М. Лынькоў «Апошні зверыядавец», З. Бядуля «Язэп Крушынскі», А. Мрый «Запіскі Самсона Самасуя», І. Шамякін «Выпрабаванне пачуццяў»), што адпавядае стэрэатыпнаму стаўленню да горада (мястэчка) як да месца, дзе магчымыя больш вольныя паводзіны, чым у традыцыйнай вёсцы.

7. У праявітых творах 1920–30-х гг., напісаных пасля аповесці Ядвігіна Ш., любоўная лінія, як правіла, з'яўляецца другаснай і дапаўняе расповед пра імклівыя сацыяльныя пераўтварэнні ці нядобрая ўчынкі «ворага» савецкай улады – кулака Язэпа Крушынскага, махляра Віктара Яроцкага, былога белага афіцэра Анатоля Іванавіча. Меладраматычны сюжэт (як і, напрыклад, матыў пазнавання) уводзіўся аўтарамі, каб зрабіць твор больш займальным для чытача – праз пастаяннае пераклучэнне з адной сюжэтнай лініі на другую, своеасаблівую «пульсацыю» планаў («Вязьмо», «Сцежкі-дарожкі», «Апошні зверыядавец», «Язэп Крушынскі»). У аповесці «Голы звер» расповед пра стасункі Віктара і Ліды аздоблены аўтарскімі адступленнямі і ўстаўнымі гісторыямі (паляванне на зайчаныя, казка пра бярозку), якія ўтвараюць вобразныя суадносіны паміж выяўленай сімвалічнай сітуацыяй і знешнім узроўнем сюжэтнай лініі. Калі супаставіць творы ў храналагічнай паслядоўнасці іх з'яўлення, робіцца відавочна, што ўмацаванне прынцыпаў сацрэалізму абумовіла памяншэнне ролі любоўнага сюжэта ў агульнай канцэпцыі твора.

Заклучэнне

Аналіз твораў Ядвігіна Ш., Змітрака Бядулі, Міхася Зарэцкага і Міхася Лынькова дазваляе аднесці жаночыя вобразы ў іх да аднаго тыпу на падставе вылучэння шэрагу характэрных рыс:

- жанчына рэпрэзентуецца як эратычны аб’ект, значная ўвага надаецца апісанню аблічча, фігуры, адзення, зменаў знешняга выгляду;

- абсалютызуецца сфера прыватнага жыцця гераіні, адначасова аўтар «выводзіць» яе са сферы прафесійнага, сацыяльнага, культурнага ўзаемадзеяння;

- атрактыўная функцыя, як правіла, спалучаецца з прэскрыптыўнай, развіццё падзей дазваляе аднесці гераіню да вобразаў-антыпрыкладаў, пры гэтым аўтар устрымліваецца ад катэгарычнай ацэнкі жаночых учынкаў;

- аўтар не імкнецца да псіхалагічнай распрацоўкі персанажа, канструюе яго паводле літаратурных мадэлей, апрабаваных у прыгожым пісьменстве, што абумоўлівае зададзенасць і статычнасць вобраза.

Акрэсленыя характарыстыкі з’яўляюцца тым комплексам прыкмет, які дазваляе вылучыць тып атрактыўнай гераіні з мноства жаночых персанажаў.

Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што жаночыя вобразы, якія выконваюць атрактыўную функцыю, з’яўляюцца ўвасабленнем гендарных стэрэатыпаў і культурных міфаў пра жанчыну.

Вобраз ракавой жанчыны актуалізуе міф пра небяспеку жаночай прыгажосці: дзівосная прыцягальнасць дазваляе падпарадкаваць мужчынскую волю і такім чынам на доўгі час пазбавіць спакою («Сцежкі-дарожкі») і нават здзейсніць злачынства («Золата»). Выключная прывабнасць спалучаецца з эгацэнтрызмам, эгаізмам, ігнараваннем маральных і сацыяльных норм.

Жанчына-спакусніца ў адпаведнасці з літаратурнай традыцыяй выяўляецца як легкадумная і недалёкабачная асоба. Усведамленне ўласнай прывабнасці падштурхоўвае гераіню да флірту з мужчынамі. Прыязнасць героя, яго смелыя ўчынкі пэўны час цешаць жаночае самалюбства, разам з тым жанчына-спакусніца не мае сур’ёзных намераў.

Дзяўчына-ахвяра – увасабленне прыгажосці і цнатлівасці. Такія станоўчыя якасці, як шчырасць, сціпласць, дабрыня, у вобразе дзяўчыны-ахвяры спалучаюцца з наіўнасцю, даверлівасцю, недасведчанасцю. Гераіня схільная да ідэалізацыі, яна знаходзіцца ў палоне мар і не можа адэкватна ацэньваць рэчаіснасць. Праз гэты вобраз увасабляецца пашыранае ўяўленне пра маладых прывабных жанчын, абмежаваных і рамантычных асоб, прастачак.

Беларускія пісьменнікі неаднойчы звярталіся да любоўных сюжэтаў і калізій, разам з тым адносна невялікая колькасць жаночых вобразаў атрактыўнага тыпу сведчыць пра тое, што ў беларускай культуры 1920–30-х гг. амаль адсутнічала імкненне замацаваць у свядомасці чытача стэрэатыпы фемінінасці, сфарміраваць стаўленне да жанчыны як да эратычнага аб’екта. Адпаведна, паняцце жаночасці не культывавалася той літаратурай, якая не вымагала карыстацца вызначэннем фемінінасці як адзнакі жаночай ідэнтычнасці.

Аналіз жаночых вобразаў атрактыўнага тыпу і матываў спакушэння, расчаравання, злачынства можа быць плённым пры вывучэнні сюжэтыкі беларускай прозы, даследаванні мастацкіх падыходаў да рэпрэзентацыі жанчыны, асэнсавання сацыякультурных рэалій і іх уплыву на ідэйна-тэматычнае поле тагачаснай літаратуры.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2000.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 2003.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. Т. 1. 1901–1920 / Л. А. Гаранін [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2001.
4. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. Т. 2. 1921–1941 / І. Э. Багдановіч [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2002.
5. Мушыньскі М. І. Нескароны талент: праўдзівая гісторыя жыцця і творчасці Міхася Зарэцкага. Мінск : Маст. літ., 1991.
6. Вокш І. Д. У непрыгульным свеце... Жаночыя вобразы ў прозе Міхася Зарэцкага // Род. слова. 2004. № 9. С. 9–12 ; № 10. С. 19–21.
7. Потехина Е. А. Культурные модели феминного: роковая женщина и женщина-вамп // XX Царскосельские чтения (Санкт-Петербург, 20–21 апр. 2016 г.). СПб., 2016. Т. 1. С. 106–110.
8. Ядвігін Ш. Выбраныя творы. Мінск : Маст. літ., 2006.
9. Зарэцкі М. Збор твораў : у 4 т. Т. 2. Голы звер : аповесць. Сцежкі-дарожкі : раман. Мінск : Маст. літ., 1990.
10. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мінск : БелЭН, 2005.
11. Бядуля З. Збор твораў : у 5 т. Т. 4. Язэп Крушынскі : раман. Кн. 1. Мінск : Маст. літ., 1987.
12. Зарэцкі М. Вязьмо. Мінск : Маст. літ., 2006.

13. Гужалоўскі А. Сексуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг. Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017.
14. Лынькоў М. Над Бугам. Мінск : Маст. літ., 2002.
15. Бядуля З. Збор твораў : у 5 т. Т. 5. Язэп Крушынскі : раман. Кн. 2. Мінск : Маст. літ., 1989.
16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
17. Дэкс П. Семь веков романа. М. : Изд-во иностр. лит., 1962.
18. Майсеенка А. Ф. Творчасць Міхася Зарэцкага: станаўленне таленту. Мінск : Выш. школа, 1978.

References

1. Kardapol'ceva V. N. *Zhenskie liki Rossii* [Russian female imagies]. Ekaterinburg : Human. Univ., 2000 (in Russ.).
2. Bol'shoi Rossiiskii entsiklopedicheski slovar' [Big Russian encyclopedic dictionary]. Moscow : Bol'shaya Russ. entsikl., 2003 (in Russ.).
3. Haranin L. J., Laushuk S. S., Mushynski M. I., et al. *Gistoryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja* [History of Belarusian literature of the XX century] : in 4 vols. Vol. 1 (1901–1920). Minsk : Belarus. navuka, 2001 (in Belarus.).
4. Bahdanovich I. E., Arochka M., Tychyna M. *Gistoryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja* [History of Belarusian literature of the XX century] : in 4 vols. Vol. 2 (1921–1941). Minsk : Belarus. navuka, 2002 (in Belarus.).
5. Mushynski M. I. *Neskarony talent: prawdzivaja gistoryja zhyccja i tvorchasci Mihasja Zarjeckaga* [Unconquered talent: real history of M. Zarecki's life and creative work]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1991 (in Belarus.).
6. Vojush I. D. [In an inhospitable world... Female images in Zarecki's prose]. *Rodnae slova*. 2004. No. 9. P. 9–12 ; No. 10. P. 19–21 (in Belarus.).
7. Potehina E. A. [Cultural models of the feminine: femme fatale and the vamp]. *XX Carskosel'skie chteniya*. (Saint Petersburg, 20–21 April, 2016). Saint Petersburg, 2016. Vol. 1. P. 106–110 (in Russ.).
8. Jadvihin Sh. *Vybranyja tvory* [Selected works]. Minsk : Mastackaja litaratura, 2006 (in Belarus.).
9. Zarjecki M. *Zbor tvoraw* [Collected works] : in 4 vols. Vol. 2 [Naked beast. Paths and Roads]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990 (in Belarus.).
10. Sudnik M. R., Krywko M. N. (eds). [Explanatory dictionary of Belarusian language]. Minsk : BelEN, 2005 (in Belarus.).
11. Bjadulja Z. *Zbor tvoraw* [Collected works] : in 5 vols. Vol. 5 [Jazjep Krushynski]. Book 1. Minsk : Mastackaja litaratura, 1987 (in Belarus.).
12. Zarecki M. *Vjaz'mo* [Sheaf]. Minsk : Mastackaja litaratura, 2006 (in Belarus.).
13. Guzhalouski A. *Seksual'naja rjevaljucyja w Saveckaj Belarusi: 1917–1929 gg.* [Sexual revolution in the Soviet Belarus: 1917–1929]. Minsk : A. M. Janushkevich, 2017 (in Belarus.).
14. Lynkou M. *Nad Bugam* [Above the river Bug]. Minsk : Mastackaja litaratura, 2002 (in Belarus.).
15. Bjadulja Z. *Zbor tvoraw* [Collected works] : in 5 vols. Vol. 5 [Jazjep Krushynski]. Book 2. Minsk : Mastackaja litaratura, 1989 (in Belarus.).
16. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow : Iskusstvo, 1986 (in Russ.).
17. Daix P. *Sem' vekov romana* [Seven centuries of the novel]. Moscow : Izd. inostr. lit., 1962 (in Russ.).
18. Majsejenka A. F. *Tvorchasc' Mihasja Zarjeckaga: stanawlenne talentu* [Creative work of M. Zarecki: achievement of talent]. Minsk : Vyshjeshaja shkola, 1978 (in Belarus.).

Артыкул настуніў у рэдкалегію 24.01.2018.
Received by editorial board 24.01.2018.

УДК 821.111(71)

ФЕМИНИСТСКАЯ РЕВИЗИЯ ГОТИКИ В РОМАНЕ М. ЭТВУД «МАДАМ ОРАКУЛ»

А. В. ЯНКУТА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается роман канадской писательницы М. Этвуд «Мадам Оракул» с целью определить характер переосмысления готической традиции в постмодернистскую эпоху, для чего в произведении выявляются элементы классических готических романов. Указано, что научная новизна работы состоит в сочетании исследования жанровой природы романа М. Этвуд с анализом форм взаимодействия произведения с феминистскими теориями. Дается обзор истории готического жанра и рассматривается модификация готических героев, мотивов, образов и сюжетных ходов в романе «Мадам Оракул». Анализируется пародийная составляющая романа и образ творческой личности, который имеет как комические, так и трагические черты. Сделан вывод о феминистском характере жанровой ревизии в произведении: переосмысление готического романа дает М. Этвуд возможность вскрыть социальные и культурные коды, заложенные в готических произведениях, и продемонстрировать их влияние на женскую сознание. Отмечено, что результаты работы могут быть использованы в дальнейшем изучении женской литературы, как иностранной, так и белорусской, и усвоения ей опыта классической литературы прежних эпох.

Ключевые слова: жанр; готический роман; феминизм; ревизия; пародия.

ФЕМІНІСЦКАЯ РЭВІЗІЯ ГОТЫКІ Ў РАМАНЕ М. ЭТВУД «МАДАМ АРАКУЛ»

Г. В. ЯНКУТА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца раман канадскай пісьменніцы М. Этвуд «Мадам Аракул» з мэтай вызначыць характар пераасэнсавання гатычнай традыцыі ў постмадэрнісцкую эпоху, для чаго ў творы выяўляюцца элементы класічных гатычных раманаў. Адзначана, што навуковая навізна працы заключаецца ў спалучэнні даследавання жанравай прыроды рамана М. Этвуд з аналізам форм узаемадзеяння твора з фемінісцкімі тэорыямі. Даецца агляд гісторыі гатычнага жанру і разглядаецца мадыфікацыя гатычных герояў, матываў, вобразаў і сюжэтных хатоў у рамане «Мадам Аракул». Аналізуецца парадыйны складнік рамана і вобраз творчай асобы, які мае як камічныя, так і трагічныя рысы. Зроблена выснова пра фемінісцкі характар жанравай рэвізіі ў творы: пераасэнсаванне гатычнага рамана дае пісьменніцы магчымасць ускрыць сацыяльныя і культурныя коды, закладзеныя ў гатычных творах, і прадэманстраваць іх уплыў на жаночую свядомасць. Заўважана, што вынікі працы могуць быць выкарыстаны ў далейшым вывучэнні жаночай літаратуры, як замежнай, так і беларускай, і засваення ёй досведу класічнай літаратуры ранейшых эпох.

Ключавыя словы: жанр; гатычны раман; фемінізм; рэвізія; пародыя.

Образец цитирования:

Янкута Г. В. Феминистская ревизия готыки ў рамане М. Этвуд «Мадам Аракул» // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 2. С. 44–52.

For citation:

Yankuta H. V. Feminist revision of gothic romance in the novel «Lady Oracle» by M. Atwood. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 44–52 (in Belarus.).

Автор:

Анна Валерьевна Янкута – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутырчик.

Author:

Hanna V. Yankuta, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
magic.realizm@gmail.com

FEMINIST REVISION OF GOTHIC ROMANCE IN THE NOVEL «LADY ORACLE» BY M. ATWOOD

H. V. YANKUTA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reviews the novel «Lady Oracle» by the Canadian writer M. Atwood in order to determine the nature of the revision of Gothic tradition in the postmodern era. For this, the elements of classical Gothic in the novel are revealed. Scientific novelty of the article is in combining research of the genre nature of M. Atwood's novel with an analysis of the forms of novel interaction with feminist theories. An overview of Gothic genre history is given and a modification of the Gothic heroes, motifs, images and plot devices in the novel «Lady Oracle» is explored. The parody component of the novel and the image of a creative personality that has both comic and tragic features are analyzed. The article states that genre revision in the novel has feminist nature: reinterpretation of Gothic genre gives the writer the opportunity to delineate the social and cultural codes embedded in the Gothic stories and demonstrate their influence on the female consciousness. The results of the work can be used in the further study of women's literature, both foreign and Belarusian and its assimilation of the classical literature experience.

Key words: genre; Gothic romance; feminism; revision; parody.

Другая палова XX ст. прынесла шмат зрухаў у сацыяльнае жыццё паўночнаамерыканскага грамадства, і гэта не магло не адлюстравана ў літаратуры таго перыяду. Грунтоўныя змены закранулі жаночую літаратуру 1960–70-х гг.: у гэты перыяд адбываецца ўздым другой хвалі фемінізму і на літаратурную арэну выходзіць пакаленне жанчын-пісьменніц, што асэнсоўваюць у творах новую рэчаіснасць. Пад уплывам сацыяльных абставін жанравая сістэма літаратуры пачынае трансфармавацца. Пісьменніцы засвойваюць тыя жанры, якія раней выкарыстоўваліся пераважна творцамі-мужчынамі (яркі прыклад – жанр антыўтопіі), адаптуюць іх для сваіх патрэб і актыўна звяртаюцца да метараманнага тэхнік, што прыводзіць да з'яўлення самарэфлексіўных поліфанічных тэкстаў са складанай сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыяй. Мэта дадзенага артыкула – выявіць асаблівасці адаптацыі жанру гатычнага рамана ў творы канадскай пісьменніцы М. Этвуд (*Margaret Atwood*, нар. у 1939 г.) «Мадам Аракул» (*Lady Oracle*, 1976) да рэаліі постмадэрнісцкай эпохі, для чаго ў ім прасочваюцца рысы класічных гатычных раманаў і даследуецца дыялог гатычнай традыцыі з ідэямі, якія актуалізаваў фемінісцкі рух. Раман «Мадам Аракул» амаль не разглядаўся ў беларускім літаратуразнаўстве (выключэнне – асобныя артыкулы Н. Макей) і шырока прааналізаваны ў манаграфіях замежных даследчыкаў як у аспекце яго сувязі з літаратурнай готыкай (Дж. Віскер, Н. Кук, Х. С. Макферсан і інш.), так і праз прызму фемінісцкай літаратурнай традыцыі (Ф. Толан), аднак няма ніводнай працы, у якой даследаванне жанравай прыроды гэтага твора спалучалася б з асэнсаваннем уплыву на яго фемінісцкіх тэорый. Такі падыход дае магчымасць па-новаму паглядзець на рэвізію жанравай сістэмы жаночай літаратуры ў другой палове XX ст. і ўпісаць літаратуразнаўчыя даследаванні ў шырэйшы сацыякультурны кантэкст.

Раман М. Этвуд «Мадам Аракул» – постмадэрнісцкі твор, у цэнтры якога знаходзіцца постаць жанчыны-аўтара і ў якім асэнсаванне працэсу пісання, а таксама рэфлексія над сутнасцю творчасці ў эпоху постмадэрну займае важнае месца. Галоўная гераіня рамана Джоан Фостэр піша разнапланавыя творы: з аднаго боку, гэта паэма-бестселер «Мадам Аракул», з другога – шэраг папулярных кніг з серыі «Касцюміраваная готыка», створаных для масавага рынку пад псеўданімам Луіза К. Дэлакур. Сам раман пабудаваны як гісторыя, якую Джоан раскажае журналісту, змяшчае ўстаўныя фрагменты з яе кніг «Пабег ад каханья» (*Escape from Love*), «Каханне, маё збавенне» (*Love, My Ransom*) і «Гнаныя каханнем» (*Stalked by Love*). Раман напісаны ў рэчышчы гатычнай традыцыі.

У сучасным літаратуразнаўстве паняцце «гатычны раман» мае шырокае значэнне. Першым узорам гэтага жанру лічыцца твор Х. Уолпала (*Horace Walpole*) «Замак Отранта» (*The Castle of Otranto*, 1764). Аўтар апісаў яго як спалучэнне двух тыпаў рамана, старадаўняга і сучаснага, такім чынам падкрэсліўшы значнасць для новага жанру як фантастычнага, так і рэалістычнага пачаткаў. Такое спалучэнне можна назваць вызначальнай рысай гатычнага рамана: напрыклад, Т. Красаўчанка характарызуе яго як «раман жахаў і таямніц», «пабудаваны на фантастычных сюжэтах, што яднаюць, як правіла, развіццё дзеяння ў незвычайных абставінах (у пакінутых замках, абацтвах, на могілках, на фоне злавесных пейзажаў) з рэалістычнасцю дэталей быту, апісанняў, што яшчэ больш узмацняе вастрыню, напружанне аповеду, адцяняе яго кашмарнасць»¹ [1, стб. 184]. Фантастычны элемент у сучас-

¹Тут і далей пераклад наш. – Г. Я.

ных мадыфікацыях гатычнага рамана часам саступае месца трывожнай атмасферы чакання (*suspense*). Росквіт класічнага гатычнага рамана прыйшоўся на другую палову XVIII – першую палову XIX ст., калі пабачылі свет творы, якія сфарміравалі гатычны канон: «Ватэк» (*Vathek*, 1782) У. Бэкфарда (*William Beckford*), «Удальфскія таямніцы» (*The Mysteries of Udolpho*, 1794) і «Італьянец» (*The Italian*, 1797) Э. Рэдкліф (*Ann Radcliffe*), «Манах» (*The Monk*, 1796) М. Г. Льюіса (*Matthew Gregory Lewis*), «Франкенштайн, або Сучасны Праметэй» (*Frankenstein; or, The Modern Prometheus*, 1818) М. Шэлі (*Mary Shelley*), «Мельмот-бадзяга» (*Melmoth the Wanderer*, 1820) Ч. Р. Мэцьюрына (*Charles Robert Maturin*) і інш. Пачынаючы з канца XIX ст. гатычны раман перажывае шэраг істотных трансфармацый: на думку Т. Красаўчанка, у гэты час «страх перад тагасветным, прывідамі, пасланцамі мінулага, мерцвякамі, характэрны для класічнай готыкі, саступіў месца страху перад цёмнымі прорвамі душы чалавека, на першы план высоўваецца страх перад грамадствам, інстытутамі падаўлення асобы, перад будучыняй» [1, стб. 185]. У XX ст. з’яўляюцца такія разнавіднасці гатычнага рамана, як псіхалагічны гатычны раман, раман жаху (*horror*), фантастычны трылер, неагатычны раман і інш. Жанр застаецца запатрабаваным у межах постмадэрнісцкай літаратуры, дзе, як адзначае Т. Красаўчанка, адбываецца сімбіёз готыкі з фантастыкай і пародыяй, «“гатычны” робіцца сінонімам літаратуры гратэску, нерэальнага, бесчалавечнага» [1, стб. 186]. Такім чынам, готыка аказалася гнуткай і жыццяздольнай мастацка-філасофскай формай, у якой адлюстроўвалася светаадчуванне розных гістарычных эпох.

Гатычны жанр мае сваю гісторыю даследаванняў у рэчышчы фемінісцкай літаратурнай крытыкі, што абумоўлена папулярнасцю гэтага жанру сярод жанчын-пісьменніц. У 1976 г. Э. Мурз (*Ellen Moers*) у кнізе «Літаратурныя жанчыны: вялікія пісьменніцы» (*Literary Women: The Great Writers*) увяла паняцце «жаночая готыка» (*female Gothic*), прапанаваўшы разглядаць гатычныя творы жанчын-пісьменніц як асобную мастацкую з’яву. Пачынальнай жаночай гатычнай традыцыі даследчыца называе Э. Рэдкліф, творы якой леглі ў аснову жаночага гатычнага канона: цэнтральнай фігурай такіх раманаў з’яўляецца маладая жанчына, «адначасова ахвяра пераследу і смелая гераіня» [2, р. 91]. Вызначальная рыса акрэсленага кірунку – дыдактызм: дабрадзейныя гераіні ў жаночых гатычных творах звычайна перамагаюць, аднак сам зварот пісьменніц да гэтага жанру з яго спецыфічным тыпам канфілікту і сістэмай вобразаў можа інтэрпрэтавацца як бунт супраць навязаных грамадствам гендарных і сацыяльных роляў і той небяспекі, якую цягне за сабой іх выкананне. Матыў уцёкаў у дадзеным выпадку звязаны са спробай пазбегнуць гэтай небяспекі.

У расійскім літаратуразнаўстве В. Малкіна выдзяляе дзве разнавіднасці гатычных раманаў: сентыментальна-гатычны, у цэнтры якога знаходзіцца ідэальны герой (гераіня), што змагаецца са злодзеям і ў канцы твора заваёўвае каханне [3, с. 27], і чорны гатычны раман, канфілікт у якім завязваецца вакол барацьбы добра са злом [3, с. 31]. Сентыментальна-гатычны раман можна часткова суаднесці з жаночай готыкай – аўтарамі твораў гэтага тыпу часта выступаюць жанчыны, напрыклад Э. Рэдкліф і К. Рыў (*Clara Reeve*). Паказальна, што чытачамі гатычных раманаў, напісаных жанчынамі, былі пераважна жанчыны: тэматычна такія творы блізкія жаночай аўдыторыі.

Асобнае месца ў гісторыі гатычнага жанру займае раман Ш. Бронтэ (*Charlotte Brontë*) «Джэйн Эйр» (*Jane Eyre*, 1847). Гэты твор з’яўляецца не чыстым узорам жанру, а толькі змяшчае ў сабе пэўныя яго рысы, аднак, як адзначае Ю. Дэламот (*Eugenia C. DeLamotte*), ён зрабіўся прататыпам вялікай колькасці пазнейшых жаночых гатычных твораў [4, р. 193]. Як мяркуе даследчыца, асаблівасць рамана «Джэйн Эйр» заключаецца ў «спалучэнні рэалістычнага і любоўнага раманаў, што мае дачыненне з ідэнтычнасцю звычайных жанчын, іх жыццём і гатычным кашмарам і даследуе праблему жаночага “Я” і яго меж у кантэксце модусаў трансэндэнтнасці, даступных для жанчын» [4, р. 193]. Даследчыцы С. Гілберт і С. Губар называюць раман «Джэйн Эйр» «маральнай готыкай» і іранічна адзначаюць, што твор задае «архетыпны сцэнарый для ўсіх тых лагодна ўзбуджальных рамантычных сутычак паміж хмурым байранічным героем (што валодае змрочным маёнткам) і трапяткой гераіняй (няздольнай раабрацца з планам паверхаў асабняка)» [5, р. 337]. Вобразы, матывы і сюжэтныя хады рамана Ш. Бронтэ замацаваліся ў масавай літаратуры і леглі ў аснову формулы папулярнага гатычнага рамана (*Gothic romance*). Менавіта ў гэтым жанры працуе галоўная гераіня рамана «Мадам Аракул», пішучы для серыі «Касцюміраваная готыка»: кнігі Джоан Фостэр «Пабег ад кахання», «Каханне, маё збавенне» і «Гняныя каханнем», фрагменты з якіх уключаны ў раман, уяўляюць сабой тыповыя ўзоры *Gothic romance*. Як адзначае Н. Кук, адрозненне *Gothic romance* ад класічнага гатычнага рамана заключаецца ў тым, што ў чыстай готыцы жах адчувае чытач, а ў *Gothic romance* – гераіня твора: жах у яе выклікае неадзначныя і двухсэнсоўныя паводзіны галоўнага мужчынскага персанажа, і да канца твора яна не можа канчаткова вызначыць, герой ён ці нягоднік [6, р. 94]. Гераіня *Gothic romance* мусіць прайсці праз шэраг неверагодных выпрабаванняў, такіх як выкраданні, уцёкі, пагрозы згвалтавання, аднак у канцы яе абавязкова чакае шчаслівы фінал і шлюб. Важную ролю ў сюжэце такога твора адыгрывае вобраз «іншай жанчыны» – жонкі галоўнага героя, якая жадае гераіні зла і часта імкнецца яе забіць (варта згадаць

вобраз звар'яцелай жонкі містара Рочэстэра, якая спрабуе падпаліць дом). У творах Джоан Фостэр М. Этвуд дакладна ўзнаўляе вобразы і сюжэтныя хады, тыповыя для *Gothic romance*. Геранія рамана «Гнанья каханнем» Шарлота – сірата, што мае высакароднае паходжанне, але вымушана зарабляць на жыццё рамонтам упрыгожанняў. Галоўны герой, Рэдманд, уласнік маёнтка, як і сэр Эдмунд з рамана «Пабег ад кахання», – амбівалентны гатычны мужчынскі вобраз, адначасова і пераследнік, і ратавальнік няшчаснай жанчыны. Жонка Рэдманда Феліцыя ставіцца да нанятай Рэдмандам Шарлоты непрыхільна і, магчыма, спрабуе ёй нашкодзіць, аднак па сюжэце яе чакае смерць: *...такім быў лёс жонак* [7, р. 344]. Важную ролю ў жанры *Gothic romance* адыгрывае вонкавая атрыбутыка класічнай гатычнай прозы (сярэднявечныя замкі, змрочныя асабнякі, зачыненыя пакоі і г. д.). У кнізе Джоан Фостэр «Гнанья каханнем» месцам, ахутаным таямніцай, і адначасова ключом да ратавання з'яўляецца лабірынт. Лакацыі такога кшталту, якія ўяўляюць сабой небяспечную замкнёную прастору, звязаны з гатычным матывам пасткі, у якую трапляе геранія.

Устаўныя фрагменты з гатычных раманаў кантрастуюць з асноўным сюжэтам рамана – аповедам Джоан Фостэр пра сваё жыццё, аднак гэты аповед таксама будзеца паводле законаў гатычнага жанру. У ім ёсць фантастычныя эпізоды, у якіх геранія з'яўляецца прывід яе маці, аднак, нягледзячы на іх камічны характар (першы раз Джоан бачыць прывід маці яшчэ пры яе жыцці), яны могуць інтэрпрэтавацца як сведчанні шчыльнай сувязі паміж Джоан і маці. Збегшы з дома і спыніўшы кантакты з сям'ёй, геранія рамана не можа разарваць гэту сувязь і ў нейкі момант пераасэнсоўвае дзіцячыя ўспаміны. Джоан пачынае разумець, што маці, якая ў дзяцінстве спрабавала кантраляваць яе вагу, была няшчаснай і самотнай жанчынай. Джоан – нежаданае дзіця, і, зразумеўшы пачуцці маці, чыё жыццё так доўга залежала ад дачкі, зрабіла выснову, што мацярынства стала для яе пасткай. Тэма адносін паміж маці і дачкой грунтоўна вывучаецца ў фемінісцкай літаратуры, як мастацкай, так і навуковай, і М. Этвуд даследуе ў рамана «Мадам Аракул» тыя бакі матчына-дачыных стасункаў, якія раней лічыліся табуяванымі. Такім чынам, вобраз сіраты з гатычнага рамана пераасэнсоўваецца ў творы М. Этвуд як вобраз нежаданага дзіцяці, што не атрымлівае бацькоўскай любові.

У інтэрв'ю з Дж. Р. Струтэрзам (*J. R. Struthers*) у 1976 г. М. Этвуд назвала раман «Мадам Аракул» «антыгатычным» (*anti-Gothic*), растлумачыўшы, што ў ім яна аналізуе пагрозы гатычнага мыслення, адна з якіх – навязаны жанчыне сцэнарый, што прадугледжвае шэраг роляў: «...загадкавы дасведчаны мужчына, які можа быць добрым і можа быць злым, ратавальнік, звар'яцелая жонка і г. д., – і калі ты трапляеш у рэальнае жыццё, то спрабуеш размяркоўваць гэтыя ролі сярод людзей» [8, р. 64]. Такім чынам, пісьменніца наўпрост указвае на сваё рэвізіянісцкае стаўленне да гатычнага жанру, які будзеца на гендарных стэрэатыпах. У рамана ў пастку гатычнага мыслення трапляе галоўная геранія.

Джоан Фостэр – ненадзейны апавядальнік, што глядзіць на сваё жыццё праз прызму гатычнага жанру. Карані такога тыпу мыслення прасочваюцца ў дзяцінстве гераніі: з аднаго боку, маці Джоан задала дачцэ сістэму каардынат, у якой немагчыма рэалістычна ацаніць характар мужчыны (*Паводле маёй маці, мужчыны дзяліліся на дзве катэгорыі: тыя, што робяць нешта для цябе, і тыя, што робяць нешта з табой* [7, р. 70]); з другога боку, Джоан выходзіла на сумесных з цёткай Лу праглядах папулярных рамантычных фільмаў і гісторыях цёткі пра зніклага мужа, у якіх праступае вобраз тыповага амбівалентнага гатычнага героя: *...ён быў высокі, цёмны і прыгожы. <...> Аднаго дня ён проста больш не вярнуўся. Магчыма, яго застрэлілі за нявыплату даўгоў. Хацела б я ведаць, ці ён яшчэ жывы; калі так, то я думаю, мы ўсё яшчэ жанатыя* [7, р. 86–87]. Гэтыя гісторыі, а таксама непаразуменні з бацькамі схілялі Джоан да рамантычных мрой: *Я часта ўяўляла, што цётка Лу – мая сапраўдная маці, якая з нейкай цьмянай, але даравальнай прычыны аддала мяне маім бацькам на выхаванне. Магчыма, я была дачкой таго прыгожага гульца, які аднойчы вернецца, ці цётка Лу нарадзіла мяне па-за шлюбам, калі была яшчэ зусім маладой* [7, р. 91–92]. У апаведзе Джоан Фостэр выкарыстоўваюцца прыёмы гатычнага жанру, а людзей яна апісвае з дапамогай клішэ, характэрных для гатычнай прозы. У гэтых апісаннях увага акцэнтуюцца толькі на пэўных рысах асобы, і вобразы ў рамана застаюцца аднабаковымі. Так, напрыклад, Джоан вымалёўвае вобраз дэспатычнай маці, якая ў яе апаведзе пачынае нагадваць хтанічную пачвару: *У сне я глядзела на маці і раптам зразумела, што замест трох адлюстраванняў у яе тры сапраўдныя галавы, якія ўздываюцца над захутанымі ручніком плячамі на трох асобных шыях* [7, р. 68], – і вобраз заўжды адсутнага бацькі, які не бярэ ўдзелу ў хатнім жыцці. Дзяцінства Джоан, як і дзяцінства гатычных гераній, апісваецца як нешчаслівае і поўнае расчаравання, што звязана са збытковай вагой дзяўчыны і адсутнасцю бацькоўскага клопату.

Выбудаваныя ў рамана мужчынскія вобразы маюць рысы амбівалентных гатычных персанажаў. Джоан няздольная вызначыцца са сваім стаўленнем да ўчынкаў мужчын і апісвае іх схематычна, надаючы мужчынскім вобразам рамантычнага флёру. Вобраз бацькі Джоан звязаны са смерцю: гэта анестэзіялаг, які ратуе самагабцаў, а за ваенным часам працаваў у падполлі і забіваў падвойных агентаў. Няздольнасць Джоан разабрацца, герой ён ці забойца, падкрэсліваецца ў эпізодзе, калі яна вярнулася дадому

пасля смерці маці і западозрыла, што бацька мае да гэтага дачыненне. Яшчэ адзін амбівалентны вобраз – мужчына з нарцысамі, якога Джоан сустрэла ў дзяцінстве на мосце: ён і эксгібіцыяніст (і ў такім выпадку Джоан – яго ахвяра), і ратавальнік, што вызваліў яе, пасля таго як яе звязалі дзяўчаты са скаўцкага аграда. Найбольш ярка рысы гатычнага героя выявіліся ў вобразе Польскага Графа, першага каханка Джоан, які апісваецца як арыстакрат паводле паходжання з гераічным мінулым (нелегальны пераход праз мяжу). Нягледзячы на камічны характар гэтага вобраза (Пол, як выяўляецца, – аўтар рамантычных кніг пра медыясцёр, якія ён піша пад псеўданімам Мэвіс Куілл), у ім ёсць таямнічыя рысы (...ён паказаў мне нярсцёнак з пячаткай, які насіў на мезенцы. На ім была міфічная птушка, грыфон ці фенікс... [7, р. 158]) і злавесныя (аглядаючы кватэру, калі яго не было, Джоан знаходзіць рэвальвер). Апісанне знаёмства Джоан з Польскім Графам – клішэ, характэрнае для рамантычных раманаў: Граф уратаваў дзяўчыну, калі яна выпала з аўтобуса і расцягнула лытку. Асэнсаванне свету праз прызму такога кшталту клішэ не дазваляе Джоан правесці мяжу паміж добром і злом і адрозніць добрага мужчыну ад дрэннага. Усе героі ў рамане вядуць падвойнае жыццё, і гэта яшчэ адна праява іх амбівалентнасці.

Ролю «іншай жанчыны» ў рамане выконвае Марлена. Яна ідэальная жонка і папличніца, што валодае якасцямі, якіх няма ў Джоан. Менавіта яна з дапамогай сябровак прывязала скакалкай галоўную гераіню рамана да слупа. Аднак М. Этвуд пераасэнсоўвае тыповы гатычны вобраз «іншай жанчыны», мяняючы яго функцыю ў сюжэце. Марлену абвінавачваюць у забойстве Джоан, хаця насамрэч яна дапамагла галоўнай гераіні інсцэніраваць самагубства: яна не жадае ёй смерці, бо Джоан не канкурыруе з ёй за ўвагу мужчын.

Іранічнае пераасэнсаванне сюжэтных ходоў і сістэмы вобразаў гатычнага рамана дазваляе сцвярджаць, што «Мадам Аракул» – гэта пародыя на гатычны жанр. Традыцыя такіх пародый мае багату гісторыю і з’явілася неўзабаве пасля ўзнікнення самога гатычнага рамана – варта згадаць творы Дж. Остэн (*Jane Austen*) «Нортэнгерскае абацтва» (*Northanger Abbey*, 1818) ці Т. Л. Пікака (*Thomas Love Peacock*) «Абацтва жахаў» (*Nightmare Abbey*, 1818). Гатычны раман даваў шмат матэрыялу для пародыі: пераймацца маглі гатычныя штампы, вобразы, атрыбутыка. Так, напрыклад, назвы абодвух згаданых вышэй твораў абыгрваюць цікавасць гатычных аўтараў да манастыроў і абацтваў як месца дзеяння тагасветных сіл. У выпадку з творам Т. Л. Пікака іронія ў выбары назвы, якая мае тыпова гатычнае гучанне, даходзіць да абсурду: насамрэч ніякіх жахаў у рамане не адбываецца. У творы «Нортэнгерскае абацтва» на ўзроўні сюжэту высмейваецца гатычная сітуацыя пераследу і знікнення, і гераіня твора трапляе ў камічныя сітуацыі праз тое, што бачыць свет праз прызму гатычнага мыслення. Такім чынам, М. Этвуд можна назваць прадаўжальніцай традыцыі, закладзенай Дж. Остэн і Т. Л. Пікакам. Сама пісьменніца ў інтэрв’ю з Б. Лаянзам (*Bonnie Lyons*) у 1987 г. згадала пра сваё знаёмства з гісторыяй гатычнага жанру, дадаўшы, што дзеля большага паглыблення ў прадмет яна дадаткова кансультавалася са спецыялістам па сучасных мадыфікацыях готыкі [8, р. 231].

Вобраз Джоан Фостэр, што апісвае сваё жыццё штампамі з гатычнага рамана, не падобны да вобразаў класічных гатычных гераінь. Джоан валодае пачуццём гумару і, нават губляючы кантроль над сітуацыяй, абাপіраецца толькі на ўласныя сілы. Аднак яна тыповая гатычная ахвяра (дзяўчат са скаўцкага гуртка, эксгібіцыяніста, шантажыста Б’юкенена), якая ўвесь час ставіць свой статус ахвяры пад сумнеў (*Тыцкала я ў яго цыцкамі тым вечарам ці не?* [7, р. 318]) і асэнсоўвае сваю ідэнтычнасць, прымаючы ўсе тыя вобразы, якія ёй навязваюцца, і спрабуючы ім адпавядаць. Апавед пабудаваны такім чынам, што гераіня нібыта назірае за сваім жыццём збоку і іранічна каментуе тое, што адбываецца (*Я ніколі не біла нікога бутэлькай, а таму пра гэты бок маёй асобы ніхто дагэтуль не ведаў* [7, р. 374–375]). У гэтым сэнсе слухным падаецца меркаванне Н. Кук пра тое, што раман «Мадам Аракул» – гэта пародыя на асэнсаванне ўласнай ідэнтычнасці [6, р. 93]. У адрозненне ад гатычнай гераіні, Джоан не адчувае страху перад нягодамі, аднак ёй увесь час даводзіцца ўцякаць. Пастаянныя ўцёкі, у тым ліку ад самой сябе (галоўная пастка, у якую трапіла Джоан – гэта яе ўласнае цела), – адзін з парадыйных складнікаў рамана. Парадзіруецца і сам працэс напісання гатычных твораў: для таго каб стварыць раман, гераіні дастаткова вывучыць гісторыю касцюма і скласці спіс экзатычных слоў [9, с. 81]. Адна з лакацый у творы адсылае да гатычнай класікі: пасля інсцэніравання самагубства Джоан з’язджае ў Італію, краіну, дзе адбываецца дзеянне шэрагу знакавых гатычных раманаў, напрыклад «Замак Отранта» Х. Волпала ці «Італьянец» Э. Рэдкліф. Назва мястэчка, Тэрэмота, у якім апынаецца Джоан, яе чысцец ці дантаўскі лімб, *the Other Side*, перакладаецца з італьянскай мовы як «землятрус». Варта згадаць, што землятрус – агульнае месца для гатычнай прозы: так, у рамане «Замак Отранта» ён суправаджае выкананне старажытнага прароцтва. Пародыйнай на готыку можна лічыць спірытычныя сеансы з медыумам і лэдзі Спрот, яшчэ адным амбівалентным персанажам: дзякуючы яе парадзе Джоан дазналася пра аўтаматычнае пісьмо і напісала паэму «Мадам Аракул», аднак лэдзі Спрот – махлярка, якая час ад часу змяняе род дзеянняў і зарабляе на веры людзей у іншы свет. Можна сказаць, што раман «Мадам Аракул» мае пад-

крэслена парадыйны, негатычны ці, як сказала сама М. Этвуд, «антыгатычны» характар, і менавіта на фоне негатычнага антуражу гатычнае мысленне Джоан выглядае асабліва камічным.

Пародыя ў рамане «Мадам Аракул» носіць фемінісцкі характар. На думку Дж. Віскер, у гэтым творы М. Этвуд крытыкуе гісторыі, якія жанчыны расказваюць самі сабе і ў пастку якіх у выніку яны трапляюць, а таксама сацыяльныя і культурныя міфы, што спрыяюць папулярнасці такіх гісторый [10, р. 77]. Джоан Фостэр, выбудоўваючы свой жыццёвы наратыў паводле законаў гатычнага жанру і прымяраючы ролі гатычных персанажаў на людзей навокал, губляе сувязь з рэальнасцю і не можа разабрацца ў сваіх адносінах з іншымі. Яна верыць, што галоўнае ў жыцці – гэта рамантычнае каханне, і культывуе ў сабе гэта пачуццё да выпадкова сустрэтых мужчын. У момант расчаравання, перад тым як рашыцца на інсцэніроўку самагубства, Джоан прыходзіць да разумення штучнасці канцэпту кахання, што апісваецца ў гатычных раманах: *Я адчувала, што ніколі нікога па-сапраўднаму не кахала, ні Пола, ні Чака Каралеўскага Дзікабраза, ні нават Артура. Я паліравала іх сваім каханнем і спадзявалася, што яны заблішчаць – дастаткова ярка для таго, каб вярнуць мне маё адлюстраванне, палепшанае і зіхоткае* [7, р. 308–309]. Аднак адзінае выйсце, даступнае Джоан, – гэта ўцёкі. Геранія ўвесь час збягае – ад свайго цела, ад маці, ад мужчын, ад уласнага жыцця; апафеоз уцёкаў Джоан – гэта інсцэніроўка самагубства. *Я была майстрам, майстрам уцёкаў* [7, р. 362], – гаворыць пра сябе Джоан: жыццё ўяўляецца ёй шэрагам пастак, з якіх ёй, як герані гатычных раманаў, кожны раз даводзіцца збягаць.

З гледзішча фемінісцкай крытыкі, як адзначае Ф. Толан, матыў пасткі звязаны з жаночым досведам існавання ў патрыярхальным грамадстве [11, с. 73]: жанчына мусіць увесь час быць абачлівай, каб не аказацца ў небяспецы. Адна з пастак, у якую трапляе Джоан, – пастка сюжэту: геранія губляе мяжу паміж ім і жыццём. Яе апантанасць гатычнымі штампамі даходзіць да крайнасці ў той момант, калі яна разумее, што ўцёкі ў Італію не дапамаглі ёй пазбавіцца ад праблем. Джоан спрабуе дапісаць раман «Гнанья каханнем», каб атрымаць за яго ганарар, аднак у сюжэт твора трапляюць людзі з яе рэальнага жыцця. У размове з Рэдмандам Феліцыя называе яго Артурам і раптам аказваецца жанчынай, якая выбралася з вады, гэта значыць самой Джоан. Потым Рэдманд зноў ператвараецца ў Артура ў эпізодзе, дзе яна якога адбываецца ў лабірынце. Атаясамленне Джоан з Феліцыяй, «іншай жанчынай» з гатычнага рамана, супярэчыць усім законам гатычнага жанру: саперніца галоўнай герані *Gothic romance* мусіць быць адмоўным персанажам і не павінна выклікаць у чытача спачування. Але Джоан пачынае аддаваць перавагу менавіта Феліцыі: *Як я магла аддаць яе Шарлоце ў ахвяру? Я ўжо стамілася ад Шарлоты, ад яе непадкупнай цноты і чысценькага нораву. Яна была як валасяніца – ад яе ў мяне ўсё часалася, і я хацела, каб яна плюхнулася ў брудную лужыну, каб у яе пачаліся менструальныя болі, каб яна пацела, адрыгвала, пярдзела* [7, р. 347–348]. Такі перагляд роляў у гатычным рамане рабіўся ў фемінісцкай літаратуры і да М. Этвуд. Яркім прыкладам можа служыць раман Дж. Рыс (*Jean Rhys*, 1890–1979) «Шырокае Саргасава мора» (*Wide Sargasso Sea*, 1966), прыквел да рамана Ш. Бронтэ «Джэйн Эйр», у якім прапаноўвалася свая версія гісторыі першай жонкі містара Рочэстэра, маладой жанчыны-крэолкі, якую няўдалае замужжа давяло да вар'яцтва. У рамане крытыкуецца патрыярхальнае грамадства, што дало Рочэстэру бязмежную ўладу над жонкай, якую ён прывёз у свой маёнтак у Брытаніі і трымаў да канца яе жыцця пад замком. Вобраз звар'яцелай жонкі з рамана «Джэйн Эйр» цікавіў і М. Этвуд: у інтэрв'ю з К. Хаманд (*Karla Hammond*) у 1978 г. яна згадала гэты твор і задавала фемінісцкае прачытанне гатычнай тэмы з пазіцыі увязненай жанчыны, разважаючы над пытаннем, у які момант у звар'яцелую жонку ператворыцца і сама Джэйн Эйр [8, р. 108]. У рамане «Гнанья каханнем» адмоўным героем пакрысе пачынае рабіцца не Феліцыя, а яе муж: Джоан апісвае стому Рэдманда ад жонкі і яго захапленне маладой Шарлотай, такім чынам уведзячы фемінісцкае прачытанне гатычнага сюжэта. У расчараванні Феліцыі жыццём бачыцца такое ж расчараванне самой Джоан.

Вера герані рамана ў гатычныя сцэнарыі прыводзіць да таго, што яна ўвесь час хаваецца за маскамі, якіх, на думку Н. Кук, у яе чатыры: маска Джоан Фостэр – жонкі Артура, маска Джоан Фостэр, якая з'яўляецца пісьменніцай і піша паэму «Мадам Аракул», маска цёткі Дэйдрэ, за якую геранія хаваецца, баючыся расказаць пра сваё мінулае, і маска Луізы К. Дэлакур, аўтара кнігі для серыі «Касцюміраваная готыка»; у дадатак да масак у герані ёсць яшчэ ўнутраны вобраз Жанчыны-Гары, які Н. Кук называе душой Джоан (*psyche*) [6, р. 88]. З гэтымі маскамі звязаны праблемы герані ў адносінах: ніхто з мужчын не ведае яе сапраўднай сутнасці. Гатычны сцэнарыі прымушае яе падманваць і выдаваць сябе за тую, кім, як ёй здаецца, яе хоча бачыць партнёр. Такім чынам, у рамане адлюстравана крытычнае стаўленне да гатычных і рамантычных наратываў, якія, як адзначае Дж. Віскер, «прапануюць ідэалістычнае вырашэнне праблем у стасунках» [10, с. 77]. Сама М. Этвуд у інтэрв'ю з К. Хаманд адзначала, што галоўная праблема яе герані – гэта стэрэатып пра рамантычнае каханне, які культывуецца ў грамадстве: «Гэта асоба, што спрабуе ўвасабляць у жыццё рамантычны міф, які навязваюць жанчынам у нерамантычным свеце» [8, р. 107]. Джоан прагне хэпі-эндаў і сапраўднага кахання, аднак урэшце прыходзіць да разумення таго, што рэцэпты, якія даюцца ў жаночых гатычных раманах, у рэальным жыцці не працуюць.

Матыў уцёкаў у рамане звязаны не толькі з непрыдатнасцю для жыцця схематычных рашэнняў, што прапануюць гатычныя раманы. Магчымасць збегчы ад рэчаіснасці патрэбная жанчынам, прыгнечаным цяжкімі ўмовамі існавання: *Жыццё было для іх занадта цяжкім, яны не маглі змагацца і развальваліся, як суфле ад моцнага ветру. Уцёкі былі для іх не раскошай, а неабходнасцю* [7, р. 33]. Уцёкі, такім чынам, аказваюцца звязанымі з радасцю, святам і маскаратам: экзатычныя і вусцішныя лакацыі ў кнігах «Касцюміраванай готыкі» даюць чытачам адчуць сябе кімсьці іншым і перажыць немагчымыя ў сапраўдным жыцці эмоцыі. Джоан Фостэр уцякае ад сямейнага жыцця ў яркі свет карнавалу з Каралеўскім Дзікабразам, яна апантаная гісторыяй касцюма. Як адзначае Н. Кук, для гатычнага рамана адзенне – гэта адзін з найважнейшых ключоў да ідэнтычнасці індывідуума, а таксама яго маскіроўка [6, р. 95], гэта значыць адзін з атрыбутаў уцёкаў. І калі для чытачак «Касцюміраванай готыкі» серыя аказваецца спосабам уцячы ад нягод рэальнага жыцця, то для самой Джоан уцёкамі аказваецца працэс пісання, у якім яна чэрпае тое, чаго ёй не хапае ў сапраўднасці. Аднак неабходнасць уцякаць сведчыць пра тое, што ў жыцці жанчын не стае шчасця і гармоніі, і раман прымушае задумацца пра прычыны такой сітуацыі. Уцёкам ад рэчаіснасці, якія прапануюць жанчынам папулярныя гатычныя раманы, у творы супрацьпастаўляецца змаганне грамадска-палітычных рухаў за сацыяльную справядлівасць, і Джоан агучвае меркаванне пра тое, што абодва спосабы барацьбы маюць аднолькавы вынік. Такім чынам, у рамане ставіцца пад сумнеў эфектыўнасць тых сродкаў, якія ўзялі на ўзбраенне грамадскія актывісты.

У нейкі момант Джоан разумее, што ўцёкі не прыносяць жаданага выніку: *Не было сэнсу спрабаваць збегчы, я ўсіх іх прынесла з сабой і ўсё яшчэ чую іх галасы, што ракочуць, як далёкі, але разлаваны натоўп* [7, р. 338]. Немагчымасць уцёкаў у рамане раскрываецца з дапамогай вобразаў чырвоных чаравічкаў і Русалачкі. «Чырвоныя чаравічкі» – гэта казка Х. К. Андэрсена, у якой чаравічкі выступаюць сімвалам пыхлівасці і прагі зямных радасцей; яны прымушаюць сваю ўласніцу танцаваць і не даюць спыніцца. У рамане згадваецца фільм 1948 г. «Чырвоныя чаравічкі»: яго галоўная гераіня – балерына Вікі Пейдж, што танцуе ў пастаноўцы паводле казкі Х. К. Андэрсена і разрываецца паміж каханнем да мужа і любоўю да балета. Задумаўшы чарговыя ўцёкі, гэтым разам з Тэрэмота, Джоан затанцавалася на балконе і параніла ногі разбітым шклом. Параненыя ногі, пачырванелыя ад крыві, робяць Джоан падобнай адначасова і на балерыну ў чырвоных чаравічках, і на Русалачку, якая, ператварыўшыся ў звычайную жанчыну, адчувае пры хадзьбе моцны боль у ступнях. Так, атрымаўшы свабоду, пра якую марыла, галоўная гераіня не можа ёй скарыстацца: уяўленне чарговы раз падкідвае ёй злы жарт. Фантазіруючы пра танец, Джоан не заўважае таго, што атачае яе ў рэальнасці. Два гэтыя вобразы таксама звязаны са складаным выбарам творчай жанчыны: балерына гіне, бо не можа адмовіцца ні ад танцаў, ні ад кахання; Русалачка, набыўшы здольнасць танцаваць, губляе мову. У падобнай сітуацыі аказваецца і Джоан: спрабуючы сумясціць ролі аўтара серыі «Касцюміраваная готыка» і жонкі Артура, яна вядзе падвойнае жыццё: *Я танцавала за зачыненымі дзвярыма* [7, р. 234], – кажа яна, спадзяваючыся, што гэта дапаможа ёй пазбегнуць лёсу Русалачкі і Вікі Пейдж. Танец у такім выпадку робіцца метафарай творчасці, і, калі жанчына выбірае творчасць, яе чакае пакаранне. Аднак вобраз чырвоных чаравічкаў не пазбаўлены і тыповай для М. Этвуд іроніі. У рамане выяўляецца супярэчлівы ўплыў фільма «Чырвоныя чаравічкі» на фарміраванне псіхікі Джоан: фільм рамантызуе пакуты балерыны, а прыгожыя ўборы і асабліва чаравікі з чырвонага атласу дадаюць яе вобразу маскараднасці, робячы яго яркім і прывабным. Дзяўчынка зайздросціць яе лёсу: *Я таксама гэтага хацела, хацела танцаваць і быць замужам за прыгожым дырыжорам, усяго адразу* [7, р. 84], – і такім чынам вобраз чырвоных чаравічкаў набывае сваё першапачатковае значэнне, якое ім надаецца ў казцы Х. К. Андэрсена: яны – спакуса для Джоан, якая скажае яе погляд на рэальнасць. Яшчэ адны чаравічкі для танцаў – гэтым разам чорныя, са стальнымі насамі – з’яўляюцца ў рамане ў эпізодзе з Каралеўскім Дзікабразам. Джоан танцуе з ім у гэтых чаравіках вальс, аднак вельмі хутка ў яе пачынаюць балец ногі. Адмова танцаваць у іх, бо радасць, якую яны дарылі, больш не апраўдвала болю, – гэта адмова ад ролі Русалачкі, ад рамантызаванага бачання кахання, калі даводзіцца цяраць пакуты, каб заставацца прыгожай.

Важнае месца ў рамане займае асэнсаванне таго, як жанчына-аўтар стварае мастацкія тэксты. Джоан працуе ў двух прынцыпова адрозных кірунках, пераключаючыся, як зазначае Ф. Толан, з высокай культуры на нізкую [11, р. 62]. Кнігі для «Касцюміраванай готыкі» Джоан піша дзеля заробку, а паэму «Мадам Аракул» стварае метадам аўтаматычнага пісьма – на гэту ідэю яе наштурхнула спроба прайграць акультны рытуал з лустэркам, для таго каб апісаць яго ў адной з кніг. Як адзначае Н. Кук, у рамане прадстаўлены шэраг стратэгий, «якія сучасная пісьменніца-феміністка можа выкарыстаць, каб кінуць выклік літаратурнай традыцыі, у цэнтры якой стаяць мужчыны» [6, р. 79]. Цікава, што ў рамане ёсць і мужчына-творца – Каралеўскі Дзікабраз, які выстаўляе ў вітрынах-лядоўнях збітых машынамі жывёл. Сваю творчасць ён называе канкрэатыўнай паэзіяй (*con-creative poetry*), сябе вызначае як чалавека, што *вяртае крэатыўнасць да канкрэтыкі* [7, р. 262], а сваім аб’ектам дае назвы накшталт *Кампазіцыя*

#72, 5'x 9', акрылавыя і нейлонавыя трубка [7, р. 262]. У адрозненне ад кніг галоўнай гераіні, створаных бурнай фантазіяй, яго арт-аб'екты максімальна канкрэтныя, яны звязаны з рэальнасцю і нават маюць пэўны экалагічны пасыл, аднак перадусім гэта абстракцыя, што адлюстроўвае смерць. Творчасць Каралеўскага Дзікабрана яшчэ больш адарвана ад рэальнасці, чым «Касцюміраваная готыка»: мастак не мае кантакту з аўдыторыяй і жыве ў вакууме ўласных мастацкіх тэорый, а яго эксцэнтрычнасць аказваецца не больш як маскай для гульні на публіку: у нейкі момант Каралеўскі Дзікабраз ператвараецца ў Чака Бруера і марыць не пра творчасць і маскарад, а пра ўцёкі з Джоан. Ён безапеляцыйна дае сваю ацэнку творчасці гераіні: *Ашаламляльная назва, – сказаў ён. – Жахлівая кніга. Перажытак дзевятнаццацатага стагоддзя* [7, р. 260]. Такім чынам у рамане паказваецца стаўленне мужчын-творцаў да жанчын-калег. Таксама ў творы закранаюцца іншыя праблемы, з якімі сутыкаюцца жанчыны-пісьменніцы, напрыклад інтэрпрэтацыя іх твораў праз прызму іх біяграфіі: крытыкі ўспрынялі паэму «Мадам Аракул» як гісторыю пра шлюб Джоан, тым часам як у паэме, на думку Ф. Толан, адлюстраваны неасэнсаваныя бакі адносін гераіні з маці [11, р. 66].

Трагічны лёс жанчыны-творцы ў рамане ілюструе вобраз лэдзі Шалот, узяты з паэмы А. Тэнісана «Чараўніца Шалот». Гераіня паэмы ўсё жыццё тчэ, гледзячы ў лустэркавы адбітак, і калі выпадкова выгледвае ў рэальны свет, то вызваляецца ад пракляцця і памірае. З вобразам чараўніцы Шалот у рамане суадносіцца вобраз маці Джоан, адзіным сэнсам жыцця (творам) якой была дачка: *...яна надта доўга была маім адлюстраваннем* [7, р. 358]. Зразумеўшы гэта, Джоан атрымлівае магчымасць прымірыцца з мінулым, адпусціць яго і такім чынам вызваліцца ад яго ўплыву. На думку Н. Кук, паэма «Чараўніца Шалот» стала крыніцай для паэмы «Мадам Аракул» [6, р. 91]: у творы Джоан Фостэр пазнаюцца матывы, пазычаныя ў А. Тэнісана. Вобраз чараўніцы, як і чырвоных чаравічкаў, іранічна абыгрываецца ў рамане: калі Джоан зазірае ў слоўнік, шукаючы значэнне слова «шалот», яна дазнаецца, што так называецца гатунак дробнай цыбулі, і яна перарабляе радкі з паэмы А. Тэнісана: «*Я стамілася ад ценяў*», – сказала лэдзі Дробнай Цыбулькі² [7, с. 154]. Такое балансаванне на мяжы камічнага і трагічнага – характэрная рыса іроніі М. Этвуд, што дае магчымасць паглядзець на адну і тую ж з'яву з двух бакоў. Пісьменніца пазбягае драматызму ў асэнсаванні праблемы жанчыны-творцы; у інтэрв'ю на гэту тэму яна таксама звычайна выказваецца з пэўнай доляй іроніі. Джоан, як і чараўніца з паэмы А. Тэнісана, бачыць жыццё ў лустэрку ўласнай творчасці. Каб вызваліцца ад сваіх тэкстаў і трапіць у жыццё, Джоан, як і чараўніца Шалот, трэба памерці. Яна інсцэніруе самазабойства, і тое яе Я, што жыве гатычнай свядомасцю, мусіць сысці ў нябыт. Джоан назірае за наступствамі гэтай смерці, аднак у нейкі момант разумее, што мінулае працягвае яе даганяць. Як мяркуе Ф. Толан, фіктыўная смерць Джоан – гэта іранічнае перасэнсаванне М. Этвуд канцэпцыі смерці аўтара Р. Барта [11, р. 60–61]: фемінісцкае літаратуразнаўства крытычна ставілася да гэтай канцэпцыі, бо адна з яго мэт – узнаўленне жаночых галасоў, якія доўга змушаліся да маўчання [11, р. 69]. Яшчэ адна з інтэрпрэтацый самагубства Джоан магчымая ў кантэксце паэмы А. Тэнісана: паколькі гераіня рамана працягвае пісаць для серыі «Касцюміраваная готыка», чараўнае лустэрка гатычных сюжэтаў, праз якое яна глядзіць на свет, не разбіваецца, і Джоан не атрымлівае чаканай свабоды. Яе новыя адносіны пачынаюцца па тым жа сцэнарыі, што і папярэднія: спярша журналіст, які спрабуе адшукаць яе ў Італіі, выступае ў аповедзе Джоан небяспечным пераследнікам, аднак потым яна мяняе да яго стаўленне, і ён ператвараецца ў ратавальніка (дапамагае ёй разабрацца ў яе забытаным жыцці і набывае ёй квіток дадому), робячыся такім чынам тыповым гатычным героем. У канцы рамана Джоан задумвае чарговыя ўцёкі, гэтым разам у новы жанр – у навуковую фантастыку, якая, у адрозненне ад гатычнага рамана, мае сувязь з будучыняй. Такім чынам, М. Этвуд паказвае, што сацыяльныя і культурныя міфы не адпускаюць тых, хто трапіў у іх пастку: нават захацеўшы вызваліцца ад дыктату готыкі, гераіня рамана «Мадам Аракул» рызыкуе трапіць у палон новага жанру з яго наборам сюжэтных клішэ.

Падсумоўваючы ўсё, згаданае вышэй, можна зрабіць шэраг высноў.

1. Рэвізуючы ў рамане «Мадам Аракул» гатычны жанр, М. Этвуд падвяргае рэвізіі сацыяльныя і культурныя канвенцыі, што прадпісваюць жанчыне пэўны стэрэатып паводзін і пэўную оптыку, якая скажае бачанне рэальнасці.

2. У рамане пераглядаецца сістэма вобразаў гатычнага рамана: у характары амбівалентнага героя робіцца акцэнт на адмоўных рысах, «іншая жанчына» становіцца аб'ектам спачування і набывае станоўчыя якасці, а галоўная гераіня паказваецца як жанчына, што забыталася ў клішэ, якія множыць папулярная культура.

3. Жанчына ў рамане паказана не толькі як гатычная гераіня, што трапляе ў пасткі і ўцякае ад пераследу, але і як творчая асоба, стваральніца раманаў у гатычным жанры.

²У арыгінале гэты радок А. Тэнісана гучыць наступным чынам: «*I am half sick of shadows*», said / *The Lady of Shalott* «Я стамілася ад ценяў», – сказала / лэдзі Шалот».

4. Парадэйна складнік рамана прадугледжвае сумяшчэнне ў творы негатычнага антуражу з гатычным мысленнем галоўнай гераіні, дыялог з шэрагам класічных гатычных тэкстаў, іранічнае пераасэнсаванне тыповых гатычных вобразаў, матываў і сюжэтных хадоў.

5. Жанравая рэвізія ў рамане мае фемінісцкі характар: пісьменніца крытыкуе рамантычны канцэпт кахання, праз вобразы чырвоных чаравічкаў, Русалачкі і чараўніцы Шалот асэнсоўвае праблемы жанчыны-творцы ў патрыярхальным грамадстве, аналізуе стасункі паміж маці і дачкой і іх уплыў на мастацкую творчасць і выяўляе пошук уласнай ідэнтычнасці жанчынай, якая паддаецца ўплыву чужых інтэрпрэтацый і навізанага ёй бачання сябе.

Вынікі гэтага даследавання могуць быць выкарыстаны ў далейшым вывучэнні жаночай літаратуры, як замежнай, так і беларускай, і аналізу шляхоў засваення ёй досведу класічнай літаратуры ранейшых эпох.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Красавченко Т. Готический роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 184–186.
2. Moers E. Literary Women: The Great Writers. New York : Doubleday, 1976.
3. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002.
4. DeLamotte E. C. Perils of the Night: a Feminist Study of Nineteenth-Century Gothic. New York ; Oxford : Oxf. Univ. Press, 1990.
5. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic: the Woman Writer and Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 2000.
6. Cooke N. Margaret Atwood: a Critical Companion. Westport : Greenwood Press, 2004.
7. Atwood M. Lady Oracle. London : Virago Press, 2009.
8. Atwood M. Conversations. Princeton : Ontario Rev. Press, 1990.
9. Makej H. A. Трансфармацыя асобы ў рамане Маргарэт Этвуд «Мадам Аракул» // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. 2007. № 3 (45). С. 81–85.
10. Wisker G. Contemporary Women's Gothic Fiction: Carnival, Hauntings and Vampire Kisses. London : Palgrave Macmillan, 2016.
11. Tolan F. Margaret Atwood: Feminism and Fiction. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007.

References

1. Krasavchenko T. [Gothic novel]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopaedia of terms and concepts]. Moscow, 2001. С. 184–186 (in Russ.).
2. Moers E. Literary Women: The Great Writers. New York : Doubleday, 1976.
3. Malkina V. J. [Poetics of historical novel: the problem of invariant and typology of genre]. Tver : Tver State Univ., 2002 (in Russ.).
4. DeLamotte E. C. Perils of the Night: a Feminist Study of Nineteenth-Century Gothic. New York ; Oxford : Oxf. Univ. Press, 1990.
5. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic: the Woman Writer and Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 2000.
6. Cooke N. Margaret Atwood: a Critical Companion. Westport : Greenwood Press, 2004.
7. Atwood M. Lady Oracle. London : Virago Press, 2009.
8. Atwood M. Conversations. Princeton : Ontario Rev. Press, 1990.
9. Makej N. A. Transformation of the personality in the novel Lady Oracle by Margaret Atwood. *Vesnik Vitebskaga dzjarzhavna-ga univ.* [Vitebsk State University bull.]. 2007. No. 3 (45). P. 81–85 (in Belarus.).
10. Wisker G. Contemporary Women's Gothic Fiction: Carnival, Hauntings and Vampire Kisses. London : Palgrave Macmillan, 2016.
11. Tolan F. Margaret Atwood: Feminism and Fiction. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 26.02.2018.
Received by editorial board 26.02.2018.

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

А. А. МАТЮНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья выполнена в русле исторической функциональной семантики. Выявлены семантические особенности древнерусских действительных причастий настоящего и прошедшего времени в целях установления функциональных отличий внутри обозначенного лексико-грамматического класса слов на материале Повести временных лет. Установлен характер выражаемого причастиями признака, и в соответствии с этим выделены четыре семантические группы действительных причастий настоящего и прошедшего времени, употребляемых в исследуемом тексте: причастия, которые называют временный адъективный акциональный признак; причастия, которые называют постоянный адъективный акциональный признак; субстантивированные причастные лексемы; причастия со значением второстепенного акционального признака. Доказано, что семантические отличия действительных причастий настоящего и прошедшего времени следует учитывать при прочтении древнерусского текста носителями современного русского языка для адекватного понимания смысла, вложенного средневековым автором в текст.

Ключевые слова: семантика; функционирование; причастие; процессуальный признак; адъективный признак; акциональный признак; предикативный признак.

Образец цитирования:

Матюнова А. А. Функционально-семантические особенности действительных причастий настоящего и прошедшего времени в Повести временных лет // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 53–59.

For citation:

Matsiunova A. A. Functional-semantic features of the actual participles of the present and past time in the Tale of Bygone Years. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 53–59 (in Russ.).

Автор:

Антонина Александровна Матюнова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Antonina A. Matsiunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of russian language, faculty of philology.
kozhevnikova_ant@mail.ru

ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ДЗЕЕПРЫМЕТНІКАЎ НЕЗАЛЕЖНАГА СТАНУ ЦЯПЕРАШНЯГА І ПРОШЛАГА ЧАСУ Ў АПОВЕСЦІ МІНУЛЫХ ГАДОЎ

А. А. МАЦІУНОВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Артыкул выкананы ў рэчышчы гістарычнай функцыянальнай семантыкі. На матэрыяле Аповесці мінулых гадоў выяўлены семантычныя асаблівасці старажытнарускіх дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу з мэтай вызначэння функцыянальных адрозненняў унутры акрэсленага лексіка-граматычнага класа слоў. Даследуецца характар прыкметы азначаных дзеепрыметнікаў. Вылучаны чатыры семантычныя групы дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу, якія ўжываюцца ў тэксе Аповесці мінулых гадоў: дзеепрыметнікі, якія называюць часовую ад'ектыўную акцыянальную прыкмету; дзеепрыметнікі, якія называюць пастаянную ад'ектыўную акцыянальную прыкмету; субстантыўныя дзеепрыметнікі; дзеепрыметнікі са значэннем другой ад'ектыўнай прыкметы. Даказана, што семантычныя адрозненні дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу варта ўлічваць пры чытанні старажытнарускага тэксту носьбітамі сучаснай рускай літаратурнай мовы з мэтай адекватнага разумення сэнсу, укладзенага сярэднявечным аўтарам у тэкст.

Ключавыя словы: семантыка; функцыянаванне; дзеепрыметнік; працэсуальная прыкмета; ад'ектыўная прыкмета; акцыянальная прыкмета; прэдыкатывная прыкмета.

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF THE ACTUAL PARTICIPLES OF THE PRESENT AND PAST TIME IN THE TALE OF BYGONE YEARS

A. A. MATSIUNOVA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is written in the vein of the historical functional semantics. The article describes semantic features of the ancient Russian participles. Aim of the article is to establish semantic and functional differences between participles, which are used in The tale of bygone years. The article defines four groups of words: participles, which expressed the temporary adjective actional attribute; participles, which expressed a permanent adjective actional attribute; substantivized participial words; participles which called secondary actional attribute. It is proved that the semantic differences between Old Russian participles should be taken into account, when the speakers of the modern Russian language read Old Russian text, for the adequate understanding of the meaning, which is invested by the medieval author in the text.

Key words: semantics; functional; participle; processual attribute; adjectival attribute; action attribute; predicate attribute.

Повесть временных лет в лингвистическом освещении. Актуальность исследования

Несмотря на то что Повесть временных лет (ПВЛ) – достаточно подробно изученный памятник древнерусского литературного языка, у лингвистов остается очень много вопросов, связанных с исследованием особенностей семантики и функционирования языковых единиц в его тексте. В данной работе мы обратились к описанию языка ПВЛ по Лаврентьевскому списку [1]. В этот свод ПВЛ вошла в редакции начала XII в., что отразилось на правописании и языке произведения. Анализируемое издание подготовлено к печати Е. Ф. Карским, который в орфографии старался максимально придерживаться подлинника, что важно для ученых, поскольку «в лингвистических исследованиях, которые не ограничиваются примерами-иллюстрациями, а ставят своей целью исчерпывающее описание той или иной грамматической категории или лексической группы в тексте ПВЛ, мы неизбежно встретимся

с трудностями, когда в каждом конкретном случае приходится решать, как понять и осмыслить испорченный текст» [2, с. 582].

Язык ПВЛ исследовал Д. Н. Кудрявский, который в 1910 г. опубликовал статью о распределении глагольных форм в Лаврентьевской летописи [3]. Исследователь пришел к следующим выводам: употребление определенных форм зависит от содержания повествования; «литературно обработанные рассказы об отдельных исторических событиях писались в старом славянском стиле, и поэтому аорист в них встречается чаще» [3, с. 51]; причастия на -л особенно употребительны при передаче в летописи прямой речи.

В 1920–30-х гг. появляются труды Е. Ф. Карского [4], в которых описываются особенности функционирования в ПВЛ собирательных существительных, анализируется употребление падежных форм, предложное и беспредложное управление.

Многочисленные работы о языке ПВЛ появились в 1950-х гг. В этих исследованиях рассмотрены типы словообразования существительных [5], особенности их склонения [6], префиксальные существительные, соотносимые с глаголами [7], и др. Известны лингвистические работы, в которых подробно описываются особенности форм прошедшего времени глаголов в ПВЛ [8], функции глагольных приставок [9], специфика местоимений [10], предлогов и предложно-падежных сочетаний [11] и др.

Однако анализу особенностей семантики и функционирования причастий в тексте ПВЛ уделено мало внимания лингвистов, а в русле исторической функциональной семантики причастия в древнерусском литературном языке вовсе не рассматривались. На наш взгляд, для данной лингвистической парадигмы причастия являются весьма интересным объектом описания, поскольку характеризуются семантической неоднородностью, обусловившей функциональные различия единиц внутри одной лексико-грамматической группы. Выявление функционально-семантических особенностей древнерусских причастий важно для описания особенностей мировосприятия средневекового русича, помогает лучше понимать древнерусский текст и те внутренние смыслы, которые в него вкладывал автор. Все эти факторы определили актуальность, теоретическую и практическую значимость настоящего исследования.

Цель данной работы – выявить семантические особенности причастий, употребляемых в тексте ПВЛ, и определить их влияние на функционирование причастий в тексте. Объектом исследования стали полные и краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени, употребляемые в тексте ПВЛ. Количество анализируемых причастий зависит от степени оригинальности отрывка ПВЛ: во фрагментах, содержащих буквальный перевод Хроники Георгия Амартола, причастных форм заметно больше, чем в отрывках, описывающих непосредственно события на Руси. И в переводных, и в оригинальных отрывках имеет место функционально-семантическая неоднородность действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Однако, прежде чем рассматривать особенности семантики и функционирования причастий непосредственно в тексте ПВЛ, следует обратиться к анализу семантики причастия как части речи.

Семантика причастия как части речи

Причастие в древнерусском литературном языке является особой глагольной формой, существовавшей еще в праславянском языке и перешедшей в древнерусский литературный язык посредством старославянского языка. Употребление причастных форм в древнерусском языке было атрибутом книжной речи, что указывает на сложность и синкретичность данных единиц. Сложность причастия как части речи обусловлена сочетанием в его семантике признаков глагола и имени прилагательного. На двуприродность причастий указывал еще М. В. Ломоносов в «Русской грамматике» (1755): «Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: *приведенный* вместо *которого привели*. Они в переменах причастны имени: *приведенный*, *приведенного* и проч., также и глагола: *бывший*, *будущий*, потому имеют место не последнее меж прочими частями слова»¹ [12, с. 25].

В «Русской грамматике» (1980) причастие рассматривается как «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т. е. значения действия и собственно определительное» [13, с. 155]. В издании «Русской грамматике» 1990 г. Н. Ю. Шведова так определяет причастие: «...это атрибутивная глагольная форма, сочетающая категориальные свойства глагола и прилагательного» [14, с. 310].

Авторы сборника «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол» отмечают, что причастия «рассматриваются и внутри класса глаголов... и внутри класса имен, и как самостоятельный

¹Цитата приводится в соответствии с современными нормами орфографии. – А. М.

класс слов... В зависимости от условий употребления, а также лексико-грамматических особенностей формообразующих глаголов до известной степени подвижными оказываются грамматические и семантические свойства одних и тех же причастных форм в одной и той же языковой системе» [15, с. 280].

Еще со времен М. В. Ломоносова исследователи описывали причастие как атрибутивную форму глагола, полученную в результате стремления человека к экономии языковых средств при выражении значения признака по действию, что обусловило особый статус данных форм. Таким образом, акцент во всех дефинициях делается на функции причастия в предложении (атрибутивность). Исследуя причастие в одной синхронно взятой языковой системе, ученые неизбежно объединяют морфологический и синтаксический планы, при этом функционально-семантический аспект анализа нивелируется. На наш взгляд, серьезное упущение всех приведенных определений состоит в том, что в них нет семантического анализа причастия как лексико-грамматического класса слов, не определен характер признака, который выражается причастием, не установлено, чем этот признак принципиально отличается от тех признаков, которые называются глаголом и прилагательным.

Нам кажется логичным описать характер признаков, выражаемых глаголами, прилагательными и причастиями, следующим образом: глагол называет акциональный признак (активный или пассивный), который в предложении (высказывании) характеризуется предикативностью; прилагательное называет постоянный адъективный признак, который в предложении (высказывании) характеризуется атрибутивностью. В отличие от прилагательных и глаголов причастия называют временный адъективный акциональный признак, который в древнерусском тексте мог характеризоваться в зависимости от семантических условий как предикативностью, так и атрибутивностью. То, что признак, называемый причастиями, отличается от признака, называемого прилагательными и глаголами, прослеживается в употреблении причастных форм в текстах древнерусской письменности и отражается на характере выполняемых причастиями функций.

Семантика причастий в древнерусском литературном языке

Содержательная характеристика признака, который объективируется причастием, принципиально важна при описании особенностей функционирования причастных форм в древнерусском литературном языке, а также при передаче значения причастных форм древнерусского языка на современный русский язык. Раскроем этот тезис на материале ПВЛ.

Рассмотрим первый контекст из ПВЛ, в котором употребляется причастие: *...си же творяху Шбычая кривичи и прочии погани не вѣдуще закона Бжга но творацие сами собѣ законъ* [1, с. 14]. В данном контексте причастия называют временный адъективный акциональный признак и выполняют атрибутивную функцию в предложении (высказывании). При таком употреблении конструкции с причастием легко трансформируются в сложные предложения со словом *который*. На современный русский язык значения этих причастий передаются при помощи причастных форм: «...эти же обычаи творили кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божия, но творящие сами себе закон»². Как видим, функционально-семантические особенности действительных причастий настоящего времени в данном контексте принципиально не отличаются от функционально-семантических особенностей действительных причастий настоящего времени современного русского языка.

Рассмотрим другой контекст: *Полеми же жившемъ Шсобѣ и володѣющемъ и роды своими иже и до сее братѣ бѣху Полане и живѣху кождо съ своимъ родомъ...* [1, с. 12]. Признаки, названные полными причастиями настоящего и прошедшего времени действительного залога *жившемъ* и *володѣющемъ*, в данном контексте мыслятся как постоянные акциональные признаки, свойственные полянам и принципиально отличающие, по мнению автора летописи, эти славянские племена от других племен. В данном контексте действительные причастия не выполняют собственно атрибутивную функцию, хотя с точки зрения формального синтаксиса мы можем их рассматривать как определения. С функционально-семантической точки зрения данные причастия называют не просто адъективный акциональный признак, а адъективный предикативно-акциональный признак и выполняют предикативную функцию в предложении (высказывании). Автор акцентирует внимание читателей на том, что поляне жили отдельно и владели своим родом. Однако в сознании летописца эти действия не активны, они являются, скорее, постоянным признаком образа жизни полян, а поскольку причастие мыслится как глагольно-именная форма, сочетающая в себе признак и действие и, соответственно, имеющая возможность выполнять функции и предиката, и атрибута, автор считает допустимым называть ею постоянный адъективный предикативно-акциональный признак, в данном случае признак лица. Однако для носителя современного русского языка такое употребление причастий не совсем обычно, и поэтому

² Здесь и далее перевод наш. – А. М.

при переводе на современный русский язык используются глагольные формы: ‘Поляне жили отдельно и владели своими родами, ибо и до той братии были уже поляне и жили каждый со своим родом...’ Предлагая такое объяснение особенностей употребления причастий в приведенном контексте, мы неизменно приближаемся к следующему вопросу: почему автор летописи в начале предложения (высказывания) адъективные акциональные признаки *жили* и *владели* вербализует посредством причастных форм, а ниже употребляет имперфект *живѣху*, также описывая акциональный признак, присущий полянам? Как дифференцируются акциональные признаки, называемые причастием *жившемъ* и глаголом *живѣху*? На наш взгляд, эти два признака отличаются такими характеристиками, как постоянство/временность. Для автора ПВЛ *жившемъ* и *володѣющемъ* – это постоянные адъективные акциональные признаки полян, отличающие их от других славянских племен, жизнь которых автор описывает в сравнении. Для автора ПВЛ принципиально важно найти постоянные отличительные признаки каждого славянского племени. Функционирование данных причастий – это вербализация, в том числе на грамматическом уровне, мировоззренческих категорий автора. Переводя эти слова на современный русский язык просто глагольными лексемами, мы теряем важный компонент смысла, а именно постоянство названного признака лица. На наш взгляд, правильнее перевести этот отрывок следующим образом: ‘Поляне постоянно (всегда) жили отдельно и постоянно (всегда) владели своими родами, ибо и до той братии были уже поляне и жили каждый со своим родом...’ В данном случае уточнение *постоянно* (*всегда*) семантически очень важно, поскольку без него теряется общий смысл отрывка, нивелируется установка автора на описание славянских племен путем сравнения их образа жизни, обычаев.

Подобных примеров в тексте ПВЛ много: *...древляне живѣху звѣринскимъ образомъ живуще скотски оубиваху...; ...не хожаше зѣть по невѣсту но приводѣху вечеръ а завѣтра приношаху по ней что вдадуче* [1, с. 12] и т. д. Такое употребление свидетельствует о том, что автор видел в причастии особую единицу, семантически отличную от глагола и прилагательного, способную выражать особое значение, которое не могло быть объективировано словами других частей речи. Соответственно, в данных контекстах сводить функцию причастия к простой компрессии и экономии языковых средств неправильно, поскольку при таком подходе теряется важный компонент смысла текста, более того, утрачивается особое мироощущение автора древнерусского текста, упрощается картина мира древнего русича.

Рассмотрим еще один контекст, в котором присутствует причастная форма: *Ини же не свѣдуще рекоша ѿкоже Киѣ есть перевозникъ былъ...* [1, с. 9]. В данном контексте наблюдается, как временный адъективный акциональный признак, выраженный субстантивированным причастием *свѣдуще*, соотносится с человеком и его познавательной деятельностью. Однако именование лица по его временному адъективно-акциональному признаку указывает, соответственно, и на временность владения этим лицом данным признаком. Именно поэтому такая номинация не является семантически достаточной, она нуждается в конкретизации, поскольку ею может быть назван абсолютно любой человек, но при определенных условиях. Летописец использует субстантивированное причастие для номинации лица для того, чтобы этим словом назвать многих, но в то же время никого конкретного. Такое употребление свойственно и причастиям современного русского языка.

Обратим внимание на еще одну группу контекстов: *Словѣномъ живуцимъ кричѣмъ и княземъ ихъ Ростиславъ и Спкъ и Коцель послаша ко црю Михаилу глѣче...; Се прислаласѣ ко мнѣ Словѣньска землѣ просѣщи оучителѣ...* [1, с. 26]. В данном случае мы наблюдаем, как действительные причастия настоящего времени *глаголяще* и *просѣщи* переосмысливаются автором ПВЛ не как названия постоянных или временных атрибутивных акциональных признаков, а как именованья второстепенных действий, происходивших одновременно с главным или следующих за ним. Такое употребление свидетельствует о формировании лексико-грамматического класса деепричастий. Этот процесс был обусловлен «затуханием всех функций причастий, кроме аппозитивной, и усиливающимся тяготением аппозитивного причастия к глаголу-сказуемому при ослаблении его семантических связей с именем – подлежащим» [15, с. 302]. Количество причастных форм, называющих второстепенное действие, в тексте ПВЛ значительно, при этом преобладают слова, называющие второстепенное действие, происходящее одновременно с главным. Лексемы данной группы семантически и функционально отличаются от лексем трех предыдущих групп, поэтому к их описанию мы обратимся в отдельной работе.

Выводы

Таким образом, анализ контекстов из ПВЛ, в которых употребляются действительные причастия настоящего и прошедшего времени, показал, что названная группа лексем была функционально-семантически неоднородна. В ее составе выделяются: 1) лексем, которые называли временный адъективный акциональный признак и выполняли в предложении (высказывании) атрибутивную функцию; 2) лексе-

мы, которые называли постоянный адъективный акциональный признак и выполняли в предложении предикативную функцию; 3) субстантивированные причастные лексемы; 4) лексемы со значением второстепенного акционального признака. Анализ текста ПВЛ свидетельствует о том, что все описанные группы действительных причастий настоящего и прошедшего времени были широко употребительны.

Семантические отличия действительных причастий следует учитывать при переводе текстов древнерусского литературного языка на современный русский язык, чтобы не потерять важные компоненты смысла, особые мировоззренческие коды, на которых акцентировал внимание читателей автор летописи.

Библиографические ссылки

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М. : Языки слав. культуры, 2001.
2. Творогов О. В. Лексический состав Повести временных лет: словоуказатели и частотный словник // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 581–601.
3. Кудрявский Д. Н. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1910. Т. 14, кн. 2. С. 48–54.
4. Карский Е. Ф. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи // Изв. Акад. наук СССР по рус. яз. и словесности. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 1–75.
5. Пастушенков Г. А. Система словообразования имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1955.
6. Тележникова А. А. Склонение имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
7. Колеватова Г. И. Префиксальные имена существительные, соотносящиеся с глаголами (на материале Повести временных лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
8. Сими́на Г. Я. К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку // Исследования по грамматике русского языка. Л., 1955. Т. 2. С. 42–59.
9. Самохвалова Е. И. Функции глагольных приставок в Лаврентьевской летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.
10. Маловицкий Л. Я. Из истории местоимения 3-го лица (по материалам Повести временных лет) // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1963. Т. 245. С. 195–200.
11. Выгонная М. П. О соотношении предложных и беспредложных конструкций в выражении падежных отношений (на материале Повести временных лет по Лаврентьевскому списку) // Вопросы изучения русского языка. Ростов-н/Д, 1963. С. 114–116.
12. Ломоносов М. В. Российская грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 10.10.2017).
13. Русская грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (дата обращения: 01.09.2016).
14. Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1990.
15. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М. : Наука, 1982.

References

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* 2nd ed. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001 (in Russ.).
2. Tvorogov O. V. [The lexical composition of the Tale of Bygone Years: word-markers and frequency dictionary]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian annals]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'*. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. P. 581–601 (in Russ.).
3. Kudryavsky D. N. [To the statistics of verbal forms in the Laurentian Chronicle]. *Izv. Otd. Rus. yaz. i lit.*, 1910. Vol. 14, issue 2. P. 48–54 (in Russ.).
4. Karsky E. F. [From syntactic observations of the Laurentian list of the annals]. *Izv. Akademii nauk SSSR po rus. yaz. i slovesnosti*. 1929. Vol. 2, issue 1. P. 1–75. (in Russ.).
5. Pastushenkov G. A. [System of word-formation of nouns in the Tale of Bygone Years according to the Laurentian list of the chronicle] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Kuibyshev, 1955 (in Russ.).
6. Telezhnikova A. A. [The declension of nouns in the Tale of Bygone Years according to the Lavrentyevsky list] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Moscow, 1955 (in Russ.).
7. Kolevatova G. I. [Prefix names of nouns, correlated with the verbs (on the material of the Tale of Bygone Years)] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Leningrad, 1954 (in Russ.).
8. Simina G. Y. [On the use of verbal forms of the past tense in the Tale of Bygone Years according to the Lavrentiev List]. *Issledovaniya po grammatike russkogo yazyka*. Leningrad, 1955. Vol. 2. P. 42–59 (in Russ.).
9. Samokhvalova E. I. [The functions of verbal attachments in the Laurentian Chronicle] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Leningrad, 1953 (in Russ.).
10. Malovitskiy L. Y. [From the history of the pronoun of the third person (based on the materials of the Tale of Bygone Years)]. *Uchen. zap. Leningr. ped. inst.* 1963. Vol. 245. P. 195–200 (in Russ.).

11. Vygonnaya M. P. [On the relationship between prepositional and non-predestructible constructions in the expression of case relations (on the material of the Tale of Bygone Years on the Lavrentiev List]. *Voprosy izucheniya russkogo yazyka* [Questions on the study of the Russian language]. Rostov on Don, 1963. P. 114–116.
12. Lomonosov M. V. [Russian grammar]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/1/mode/1up> (date of access: 10.10.2017).
13. [Russian grammar]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (date of access: 01.09.2017) (in Russ.).
14. Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N., at al. Ananesov R. I., Ivanov V. V. (eds.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. 2nd ed. Moscow : Russ. yaz., 1990 (in Russ.).
15. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Glagol. Historical grammar of the Russian language. Morphology]. Moscow : Nauka, 1982 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 29.12.2017.
Received by editorial board 29.12.2017.*

УДК 811.111'42(045)

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМПУЛЬСИВНОГО ТИПА ПЕРСОНАЖА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОРОТКИХ РАССКАЗАХ

А. Г. КЛОКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается актуальный в настоящее время аспект соотношения особенностей речи с психологическими причинами, лежащими в основе тех или иных специфических способов речевого выражения. Проводится лингвопсихологический анализ слов автора и речи персонажа, который опирается на типологию личностей, состоящую из трех характерологических типов. Описывается импульсивный персонаж, представленный сначала в словах автора, а затем через собственную речь. На основе сравнительного анализа выявляются речевые особенности (дискурсивные маркеры), отличающие речевое поведение героев импульсивного типа в англоязычных коротких рассказах.

Ключевые слова: речь персонажа; слова автора; импульсивный тип личности; тактические приемы; дискурсивные маркеры.

МАЎЛЕНЧЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ІМПУЛЬСІЎНАГА ТЫПУ ПЕРСАНАЖА Ў АНГЛАМОЎНЫХ КАРОТКІХ АПАВЯДАННЯХ

Г. Г. КЛОКАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца актуальны на сучасным этапе аспект суадносін асаблівасцей маўлення з псіхалагічнымі прычынамі, якія ляжаць у аснове тых ці іншых спосабаў маўленняга выражэння. Праводзіцца лінгвапсіхалагічны аналіз слоў аўтара і маўлення персанажа, які абапіраецца на тыпалогію асоб, якая складаецца з трох характаралагічных тыпаў. Апісваецца імпульсіўны персанаж, які прэзентуецца спачатку ў словах аўтара, а потым праз уласнае маўленне. На падставе параўнальнага аналізу выяўляюцца маўленчыя асаблівасці (дыскурсіўныя маркеры), якія адрозніваюць маўленчыя паводзіны герояў імпульсіўнага тыпу ў англамоўных кароткіх апавяданнях.

Ключавыя словы: маўленне персанажа; словы аўтара; імпульсіўны тып асобы; тактычныя прыёмы; дыскурсіўныя маркеры.

SPEECH PECULIARITIES OF THE CHARACTER'S IMPULSIVE TYPE IN ENGLISH SHORT STORIES

A. G. KLOKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with a relevant present time aspect of the correlation between speech features and psychological reasons for different specific ways of speech representation. Lingvopsychological analysis of the character's and the author's speech which is based on the personality typology of three characterological types is given. The article describes an

---

Образец цитирования:

Клокова А. Г. Речевые особенности импульсивного типа персонажа в англоязычных коротких рассказах // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 60–66.

For citation:

Klokova A. G. Speech peculiarities of the character's impulsive type in English short stories. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 60–66 (in Russ.).

Автор:

Анна Герардовна Клокова – кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов.

Author:

Anna G. Klokova, PhD (philology); associate professor at the department of English for humanities.
anna@anitex.by

impulsive character that is embodied through the author's speech first and then through his own speech. The comparative analysis helps reveal speech features (discursive markers) defining speech behavior of the impulsive type in English short stories.

Key words: a character's speech; an author's speech; an impulsive personality type; tactic means; discursive markers.

Введение

Интердисциплинарность дискурса приобретает все большее значение на настоящем этапе развития гуманитарных наук, так как возможности взаимовыгодного переплетения тех или иных дисциплин открывают дальнейшие перспективы для научных изысканий. Можно сказать, что явление междисциплинарности – постоянное свойство процесса познания и изменяется оно лишь в зависимости от историко-культурных этапов развития общества и науки. Это значит, что если в фокус междисциплинарно ориентированного исследования попадает человек, то ближайшие к языкознанию гуманитарные науки играют в этом случае роль «равноправных партнеров». Данное исследование построено на стыке лингвистики, психологии и литературоведения. Англоязычный короткий рассказ дает основу для анализа психологического портрета персонажа. В результате этого анализа выявляется набор языковых характеристик (дискурсивных маркеров), диагностирующих определенный тип личности героя. Короткий рассказ – такое художественное произведение, на протяжении которого личность героя реализуется с достаточной (с точки зрения писателя) полнотой. Сам жанр рассказа «укрупняет» характерологические черты и заостряет психологизм повествования; сжатая до нескольких страниц фабула не оставляет для личности персонажа ничего случайного.

Материалы и методы, теоретические основы исследования

В качестве методики определения психотипа персонажа была избрана типология личностей, созданная грузинскими авторами В. Г. Норакидзе и Д. Н. Узнадзе [1]. В соответствии с этой типологией человек может относиться к одному из трех психотипов, в том числе к импульсивному с вариабельной установкой. В целом концепция грузинской школы основывается на том, что установка, как тенденция личности действовать в определенном направлении, является центральным фактором, обуславливающим особенности других составных частей в структуре этой личности (например, черты характера). Характеристика импульсивного типа личности соотносится с авторским описанием персонажа. Наиболее общие языковые приемы (выбор лексики, употребление специфических грамматических форм, особых фигур речи), используемые авторами для описания личностных особенностей героев, составляют ту или иную тактику авторов англоязычных коротких рассказов. Исследование прямой речи персонажа призвано выявить все без исключения языковые средства и получить определенные количественные показатели. На основе сопоставительного анализа речи героев определяется набор повторяющихся языковых средств, которые возводятся в ранг дискурсивных маркеров.

Результаты и обсуждение

Импульсивный тип личности, согласно избранной типологии, подвержен большому влиянию: жизнью такого человека управляет импульс интенсивных потребностей и интересов. Импульсивность личности реализуется в эксцентричных поступках, моральное поведение напоминает обусловленный благородным «инстинктом» материнский поступок. Такая личность чрезвычайно экстравертивна. При этом человек находится под давлением внутренних конфликтов, которые обусловлены трудностью осуществления его сильных и многообразных стремлений, вызываемых склонностью к импульсивности действий. Приспособление к внешней среде также вызывает внутренние конфликты. Жалость и страдание – главные свойства эмоций этой личности [1, с. 111]. Человек, принадлежащий к такому типу личности, изменчив во взаимоотношениях с окружающими людьми. В нем нет ничего постоянного, все его свойства неустойчивы и текучи. Для такой личности характерны искусственность, нарочитость, некоторая аморфность [1, с. 123]. Основным фактором, обуславливающим ее поведение, является ситуация. Такая характеристика соотносится с художественным образом четырех персонажей из нашей выборки. Представим авторское описание этих героев.

Главная героиня рассказа А. Кристи «Случай богатой дамы» (*The Case of the Rich Woman*) миссис Раймер не знает, что делать со своими деньгами, ее жизнь невероятно скучна и несчастна. Паркер Пайн усыпляет героиню и перевозит ее в маленькую деревушку, где ей приходится заниматься фермерством и жить в совершенно другой атмосфере. Женщина, сама того не замечая, обретает гармонию и счастье. В самом начале произведения автор описывает внешность героини с помощью экспрессивной лексики:

Her face was big and broad and highly coloured. Her black hair was fashionably dressed; and there were many tips of curled ostrich in her hat [2, p. 305] ‘У нее было широкое, сильно накрашенное лицо. Ее черные волосы были уложены по последней моде, а на шляпке раскачивался целый лес завитых страусиных перьев¹’; ...*leaving a cloud of expensive mixed essences behind her* [2, p. 308] ‘...оставив за собой облако дорогих, но слишком уж сильных духов’. Такая внешность свидетельствует об эксцентричности женщины, что подтверждается ее поведением. Миссис Раймер приходит к Пайну, «плюхается» на стул (...*she plumped herself down on a chair* [2, p. 305] ‘...она плюхнулась в кресло’) и озвучивает свою оригинальную проблему – как потратить деньги. Такое представление героини дает основания отнести ее к импульсивному типу личности, который характеризуется эксцентричными поступками. Женщина находится под давлением своего внутреннего конфликта (она пресытилась деньгами и самой жизнью) и пытается найти выход из ситуации: *She looked hopefully at Mr. Pyne* [2, p. 306] ‘Она выжидающе уставилась на мистера Паркера Пайна’. Такая характеристика (стремление преодолеть свой конфликт) тоже является чертой импульсивной личности. Свойства вариабельной установки, сопутствующей этому типу личности, присущи миссис Раймер. Ее поведение обусловлено ситуацией, характер меняется в новых условиях (оказавшись в деревне, она быстро адаптируется к новым обстоятельствам): *For the present she would accept things, for the present she would accept that role, after the first week she found herself slipping into the ways of the farm* [2, p. 314] ‘Она вынуждена смириться! Через неделю она погрузилась в фермерские будни’. Даже ее эмоции обретают иной, позитивный оттенок: ...*Mrs. Rymer accepted her role with perfect good temper, even with a kind of sardonic amusement* [2, p. 314] ‘...миссис Раймер стала терпимее относиться к своей новой роли и даже получать от нее некоторое мрачное удовольствие’. В начале и в конце рассказа перед нами предстает одна и та же героиня с различными свойствами, что еще раз убеждает читателя в том, что ее личность изменчива и изменения в ней происходят в соответствии с жизненной ситуацией. В начале рассказа это эксцентричная особа, недовольная своей жизнью, а в конце – уравновешенная женщина, нашедшая гармонию. Автор описывает ее на фоне солнца, которое, по-видимому, символизирует здесь счастье: *She stood there with the dying sun behind her, a great blue-green cabbage in her hands... A grand figure of a peasant woman, outlined against the setting sun* [2, p. 317] ‘Она стояла, гордо откинув голову и расправив плечи, все еще держа в руках огромный голубовато-зеленый кочан. Ее фигура отчетливо вырисовывалась на фоне заходящего солнца. Величественная фигура крестьянки’.

Сюжет рассказа К. Мэнсфилд «Чашка чаю» (*A Cup of Tea*) основан на эпизоде из жизни очень богатой молодой женщины, которая никогда в жизни не испытывала никаких трудностей и всегда шла на поводу у своих желаний и капризов. Вот как автор описывает героиню: *She was young, brilliant, extremely modern, exquisitely well dressed, amazingly well read...* ‘Она была молода, остроумна, необычайно современна, безупречно одета, потрясающе осведомлена обо всех новейших книгах...’² [3, p. 39] *gazed in her dazzled rather exotic way* [3, p. 39] огляделась своими необыкновенно блестящими глазами’. И далее о привычках и образе жизни Розмэри автор говорит так: *They were rich, really rich... If Rosemary wanted to shop she would – go to Paris... If she wanted to buy flowers, the car pulled up at that perfect shop in Regent Street* [3, p. 39] ‘Они были богаты, по-настоящему богаты... Если Розмэри нужно было что-нибудь купить, она отправлялась в Париж... Если ей хотелось цветов, ее автомобиль подъезжал к лучшему цветочному магазину на Риджент-стрит’. Суть эпизода состоит в том, что нищая девушка просит у героини на улице денег на чашку чая. Эта ситуация кажется Розмэри необычной, даже увлекательной: *How more than extraordinary! And suddenly it seemed to Rosemary such an adventure* [3, p. 41] ‘Не просто странно, – поразительно! И вдруг Розмэри решила, что это – настоящее приключение’. Она подумывает о том, чтобы пригласить девушку домой: *Supposing she took the girl home?* [3, p. 41] ‘А что если отвезти девушку к себе домой?’ Но такое желание обусловлено не состраданием, а сильным интересом к сложившимся обстоятельствам, напоминающим ей роман Достоевского или театральные постановки: *It was like something out of a novel by Dostoevsky... Supposing she did do one of those things she was always reading about or seeing on the stage, what would happen?* [3, p. 41] ‘Встреча в сумерках, совсем как у Достоевского! А что если отвезти девушку к себе домой? Если сделать то, о чем столько пишут в романах, говорят со сцены, – что тогда произойдет?’ Такое эксцентричное поведение дает основания предположить, что героиня является импульсивной личностью. Тем более, как подчеркивает автор, Розмэри может не знать, что скажет в следующую минуту: ...*for she didn't know how the sentence was going to end* [3, p. 42] ‘...не знавшей, как закончить начатую фразу’. Пригласив нищенку к себе домой,

¹Здесь и далее перевод рассказа А. Кристи цитируется по: Кристи А. Случай богатой дамы [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/1F/agata-kristi-sluchay-bogatoy-damy/1.html>.

²Здесь и далее перевод рассказа К. Мэнсфилд цитируется по: Мэнсфилд К. Чашка чаю [Электронный ресурс]. URL: http://smartfiction.ru/prose/a_cup_of_tea/.

героиня проявляет заботу о попрошайке: *She plied the poor little creature with everything... and every time her cup was empty she filled it with tea, cream and sugar* [3, p. 43] 'Она подсовывала бедняжке все, что было на столе... и непрерывно подливала ей горячий чай с молоком и сахаром'. Но когда муж героини отмечает, что нищая девушка весьма привлекательна, Розмэри резко меняет свое отношение к ней. Она решает дать ей денег и не оставлять в доме ни на минуту. Ее злость и недовольство комментируются автором так: *She opened a drawer and took out five pound notes, looked at them, put two back, and holding the three squeezed in her hand, she went back to her bedroom* 'Она открыла ящик, вынула пять бумажек, по фунту стерлингов каждая, посмотрела на них, две сунула назад в ящик, три сжала в руке и отправилась в спальню'.

Подобное поведение подтверждает вариабельность установки, которая обуславливает различное поведение в зависимости от ситуации. Согласно утверждению С. А. Сухих импульсивному типу личности также свойственна тенденция к быстрой смене взглядов на одно и то же явление. Партнер по общению может легко воздействовать на данную личность [4, с. 19]. Как упоминалось выше, реплика мужа сразу же повлияла на его жену и, как результат, она изменила свое мнение и поведение.

В рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» (*Cat in the Rain*) автор описывает ключевые моменты поведения героини, используя повторы. Она все время смотрит в окно: *The American wife stood at the window looking out* [5, p. 159] 'Американка стояла у окна и смотрела в сад'³ *...went over to the window and looked out* [5, p. 162] '...подошла к окну и выглянула', *...his wife was looking out of the window* [5, p. 162] '...его жена смотрела в окно', *...his wife looked out of the window* [5, p. 162] '...его жена выглянула в окно'. Такой прием, по-видимому, подчеркивает напряжение, существующее между супругами, ведь они практически не общаются: *...the husband went on reading* [5, p. 160] '...муж продолжал читать'; *George was on the bed, reading* [5, p. 161] 'Муж продолжал читать, полулежа на кровати'; *George was reading again* [5, p. 161] 'Джордж читал вновь'; *...he was reading again* [5, p. 162] '...он опять читал'; *George was not listening. He was reading his book* [5, p. 162] 'Джордж не слушал. Он читал книгу'. Дискомфорт в отношениях между мужем и женой выражается также в использовании автором повтора глагола *like* 'нравиться', чтобы показать, что героине очень импонирует другой мужчина – владелец отеля: *She liked the hotel-keeper, the wife liked him, she liked the deadly serious way. <...> She liked his dignity, she liked the way he wanted to serve her, she liked the way he felt. She liked his face, liking him she opened the door...* [5, p. 160] 'Ей нравился хозяин отеля. Ей нравилась необычайная серьезность, с которой он выслушивал все жалобы <...>. Ей нравился его почтенный вид. Ей нравилось, как он старался услужить ей. Ей нравилось, как он относился к своему положению хозяина отеля. Ей нравилось его старое массивное лицо и большие руки. Думая о том, что он ей нравится, она открыла дверь'. Из слов автора ясно, что женщина находится под давлением своих внутренних конфликтов, которые в результате приводят к совершению импульсивного поступка (черта импульсивного типа личности) – взять к себе кошку, которая прячется от дождя под столом в саду. Описывая чувства героини, автор употребляет наречие и прилагательное со значением внезапности, мгновенности: *She was suddenly disappointed* [5, p. 160] 'Американка вдруг почувствовала разочарование', *She had a momentary feeling of being of supreme importance* [5, p. 161] 'На минуту она почувствовала себя необычайно значительной'. Это подчеркивает изменчивость характера героини (свойство вариабельной установки).

Главный герой рассказа И. Во «Экскурсия в жизнь» (*Excursion in Reality*) сэр Джеймс – режиссер, идея которого состоит в постановке фильма по «Гамлету». Особенность будущего фильма герой видит в том, что язык Шекспира будет передан с помощью современных средств. Работа над фильмом в самом разгаре, когда сэр Джеймс вдруг резко меняет свое решение: язык оригинала нужно оставить, ведь народ хочет видеть настоящего Шекспира. Сюжет произведения сам по себе дает основания воспринимать его героя как импульсивную личность с вариабельной установкой, главной его чертой является изменчивость поведения. Речь автора также свидетельствует об этом. Вот как описываются неожиданные перемены в процессе работы над фильмом: *The film meanwhile grew rapidly, daily putting out new shoots and changing under their eyes in a hundred unexpected ways. Each conference produced some radical change in the story* [6, p. 230] 'Фильм тем временем все рос, ежедневно выдавая новые кадры и стократно изменяясь у них на глазах самым неожиданным образом. Каждое совещание вносило в сюжет какое-нибудь радикальное изменение'⁴. Такая спонтанность в профессиональной деятельности сопровождается авторским описанием эксцентричного внешнего вида сэра Джеймса: *...where Sir James Macrae was standing before the fire, dressed in ginger-coloured plus-fours* [6, p. 223] '...где стоял перед камином сэр Джеймс Макрэ в брюках-гольф рыжего цвета'. Некоторая нарочитость и искусственность (качество

³Здесь и далее перевод рассказа Э. Хемингуэя цитируется по: Хемингуэй Э. Кошка под дождем [Электронный ресурс]. URL: http://librebook.me/cat_in_the_rain/vol1/1 (дата обращения: 10.01.2018).

⁴Здесь и далее перевод рассказа И. Во цитируется по: Во И. Экскурсия в жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/WO/r_excursion.txt (дата обращения: 10.01.2018).

импульсивной личности) образа героя отражена в словах автора так: *Sir James would sit with his head in his hands, rocking slightly from side to side and giving vent to occasional low moans and whimpers... Round him sat the experts, eager to attract the great man's attention* [6, p. 230] 'Сэр Джеймс обычно сидел, положив голову на руки, раскачиваясь слегка из стороны в сторону и время от времени испуская низкие стоны и завывания... Вокруг него сидели эксперты, жаждущие привлечь внимание великого человека'.

В прямой речи героини рассказа «Случай богатой дамы» 163 высказывания. Внутренний конфликт, как свойство импульсивной личности, выражается в негативно окрашенной лексике: *I don't like the sea, bores me to death* [2, p. 306] 'Я не люблю море, до смерти наскучило'; *I'm sick of it [life], I've no friends* [2, p. 307] 'Меня тошнит от нее [жизни], у меня даже друзей нет'. В то же время Миссис Раймер, вспоминая свою жизнь до смерти мужа, использует слова с позитивной коннотацией: *It was rare fun, grand fun it was, we enjoyed it* [2, p. 306] 'Очень все это смешно нам тогда казалось, и развлекались мы от души'. Это подтверждает вариативность ее характера, склонного меняться в зависимости от ситуации. Новая атмосфера сельской жизни, в которую попадает героиня, также влияет на ее характер. Женщина собирается замуж за местного жителя и счастлива: *I've not been as happy as I am now since Abner died. I-I am going to marry a man, we are going to be happy. I'm not going to let money come between me and happiness* [2, p. 316–317] 'Я давно уже не была так счастлива. Собственно говоря, с тех пор, как умер Эбнер. Я... я собираюсь выйти замуж за одного человека. И не позволю деньгам разрушить наше счастье'. Так, отрицательные эмоции (*don't like* 'не нравится', *bores* 'надоело', *sick of* 'тошнит') сменяются положительными, в выражении которых ключевым словом выступает *happy* 'счастливый'. Подверженность ситуации (импульсивность) проявляется в отношении героини к своим деньгам. Когда Пайн предлагает ей отдать их больницам, она вначале категорически отказывается: *What? Give it away, you mean? No, that I won't do!* <...> *I want to spend it* [2, p. 306] 'Что? Просто так взять и отдать свои деньги? Еще чего! <...> Я хочу их потратить'. Но в другой ситуации, обретя гармонию и счастье, Миссис Раймер готова отдать все, кроме небольшой суммы: *The rest of it – well, let the hospitals have it* [2, p. 317] 'Ну, а остальное... отдайте, что ли, больницам'. Импульсивная личность характеризуется некоторой язвительностью, иронией (по Норакидзе), что часто выражается переспросом [1, с. 155]. Прямая речь миссис Раймер подтверждает это: *Lived here! Five years?* [2, p. 311] 'Здесь? Пять лет?'; *A birthmark?* [2, p. 313] 'Родинка?'; *Happy?* [2, p. 316] 'Счастливая' и др. Для языковой личности героини характерны формы простого будущего времени, что в данном контексте говорит о спонтанности, мгновенности принятия решений, другими словами, о ее импульсивности: *I won't do* 'Я этого не сделаю'; *I'll tell you...* 'Расскажу вам...'; *...I'll risk...* '...рискну...'; *I'll send...* 'Пошлю...'.
Дискурс Розмэри (рассказ «Чашка чаю») состоит из 81 высказывания. Согласно утверждению С. А. Сухих личности импульсивного типа свойственно стремление к увеличению императивности высказываний [4, с. 19], что в дискурсе исследуемого персонажа выражено в следующих фразах: *Give me four bunches of those. Come home to tea with me.* <...> *Come along.* <...> *Don't cry anymore.* <...> *Do stop crying* 'Четыре букета вот этих. <...> Пойдемте ко мне, выпьем чаю у меня дома. <...> Пойдемте. <...> Ну, не плачьте! <...> Перестаньте же плакать' (12 высказываний с императивным значением). Для героини характерно употребление формы простого будущего времени, что указывает на спонтанность принятия решений: *Yes, I'll have all the roses in the jar* [3, p. 39] 'Да, я возьму все розы из кувшина'; *I'll look after you* [3, p. 43] 'Я позабочусь о вас'; *Miss Smith won't dine with us tonight* [3, p. 46] 'Она ни за что не захотела остаться'. Речь Розмэри отличается использованием переспросов, что в данном контексте указывает на иронию, недовольство и является чертой импульсивной личности, например: – *Madam, may I speak to you a moment? – Speak to me?* [3, p. 40] 'Сударыня, можно мне обратиться к вам с просьбой? – С просьбой?'; – *Would you let me have the price of a cup of tea? – A cup of tea?* [3, p. 41] 'Не подадите ли вы мне на чашку чая? – На чашку чая?'; *...but, she's so astonishingly pretty. Pretty? Do you think so?* [3, p. 45] '...она же потрясающе хорошенькая. – Хорошенькая?' Стоит обратить внимание на то, что характерным глаголом в прямой речи героини является глагол *want* 'хотеть': *I want those...* 'Я хочу те...'; *I want you to...* 'Я хочу, чтобы ты...'; *No, I only want...* 'Нет, я всего лишь хочу...' и др. Этот факт, на наш взгляд, также подтверждает принадлежность языковой личности Розмэри к импульсивному типу, отражая подверженность героини своим сиюминутным желаниям: *I want to. Isn't that a reason?* [3, p. 45] 'Мне хочется. Разве этого недостаточно?' Вариативность характера отражается в смене состояний Я персонажа (по Берну) [7]: с девушкой она ведет себя как Родитель, проявляя заботу (*I'll look after you* [3, p. 43] 'Я позабочусь о тебе'), а с мужем выбирает стратегию поведения Ребенка, выпрашивая понравившуюся вещь (*I saw a fascinating little box today. May I have it?* [3, p. 46] 'Я видела сегодня восхитительный ларчик. Можно, я куплю его?').

Прямая речь героини рассказа «Кошка под дождем» состоит из 26 высказываний. Отличительной особенностью ее речи является повтор глагола *want* 'хотеть'. Частотность использования этого слова (16 высказываний, т. е. более половины) возводит его в ранг ключевого. Такая одержимость своими

желаниями говорит о внутреннем конфликте как следствии неудовлетворенности своей жизнью (*I want to pull my hair* 'хочу крепко стянуть волосы', *I want to have a kitty to sit on my lap* 'Хочу кошку, чтобы она сидела у меня на коленях', *I want to eat at a table* 'И хочу есть за своим столом', ...*I want candles* '...хочу, чтоб горели свечи' и др.). Героиня совершает импульсивный поступок, чтобы как-то компенсировать свое ощущение дискомфорта: *I want a cat. I want a cat now. If I can't have long hair or any fun, I can have a cat* [5, p. 162] 'А все-таки я хочу кошку, хочу кошку сейчас же. Если уж нельзя длинные волосы и чтобы было весело, так хоть кошку-то можно?' Состояние конфликта внутри героини подтверждается лексикой с отрицательной коннотацией: *I get so tired of it... I get so tired of looking like a boy* [5, p. 162] 'Мне надоело... Мне так надоело быть похожей на мальчика'. Мгновенность принятия решения выражается в речи с помощью употребления глагола в форме простого будущего времени: *No, I'll get it* [5, p. 159] 'Нет, я схожу за ней'. Вариабельность установки реализуется в быстрой смене темы речевого поведения: разговор о кошке чередуется с другим желанием (*Don't you think it would be a good idea if I let my hair grow out?* [5, p. 161] 'Как ты думаешь, не отпустить ли мне волосы?'). Это выражается сменой реального времени изложения на нереальное (сослагательное). Такое речевое действие согласуется со словами Т. А. ван Дейка о том, что «изменение времени (или периода) является маркером смены темы» [8, с. 62].

Прямая речь героя рассказа «Экскурсия в жизнь» состоит из 85 высказываний. Одной из отличительных особенностей речевого поведения сэра Джеймса оказывается форма повелительного наклонения глаголов (8 высказываний): ...*have some rabbit pie...* <...> *Ring for some more cocoa* [6, p. 223] 'Пробуйте пирог с крольчатинной... <...> Позвоните, чтобы принесли еще какао'; *Make a note of that, Lent...* [6, p. 230] 'Запишите это, Лент...'; *Make a note of it, Miss Grits* [6, p. 232] 'Запишите это, мисс Гритс' и др. Простое будущее время также занимает в речи языковой личности героя значительное место: 11 высказываний построены с использованием этой формы, которая говорит о спонтанности, мгновенности принятия решений (*we'll have to wait* [6, p. 223] 'Нам нужно подождать'; *I'll let you know...* [6, p. 223] 'Я дам вам знать...'; *It won't do...* [6, p. 231] 'Это не подойдет', *I'll tell you what we'll do. We'll use...* [6, p. 231] 'Я скажу вам, что мы сделаем. Мы используем...' и др.). Что касается лексического состава дискурса героя, то здесь наблюдается тенденция употреблять глагол *want* 'хотеть': *I want, ladies and gentlemen...* [6, p. 226] 'Я хочу, леди и джентльмены...'; *I want to produce a film of Hamlet* [6, p. 226] 'Я хочу снять фильм «Гамлет»', *I want him to write dialogue for us* [6, p. 226] 'Я хочу, чтобы он написал для нас диалог' и др. (всего 5 высказываний, на отрезке из 8 высказываний – 3 с этим глаголом). Такая черта речевого поведения, очевидно, свидетельствует о том, что герой находится под давлением своих потребностей и интересов (качество импульсивной личности). Стоит сказать, что перечисленные свойства сэра Джеймса в значительной мере объясняются его профессией и статусом. Герой – руководитель, инициатор, творческая личность, поэтому он употребляет и формы повелительного наклонения (отдает распоряжения), и формы простого будущего времени (сиюминутно принимает решения). И даже глагол *want* 'хотеть', возможно, не что иное, как средство реализации статуса героя.

Вариабельность установки, сопутствующая данному типу личности, реализуется в резкой смене взгляда героя на суть фильма: *We must scrap the whole thing. We've got much too far from the original story* [6, p. 231] 'Это нужно выкинуть на свалку. Больно далеко мы отошли от первоначального сюжета'. Сэр Джеймс использует переспросы, удивляясь собственным поступкам, что, в свою очередь, также говорит о необдуманности, импульсивности его действий: – *Well, I thought you wanted to see me. – Did I?* [6, p. 223] '– Но я думал, это вы хотите видеть меня. – Неужели?'; *But, sir, they were your own suggestions at the last conference. – Were they? Well I can't help it* [6, p. 231] '– Но, сэр, это были ваши личные указания на последнем совещании'. – В самом деле? Ну, что тут поделаешь?'

Заключение

Итак, результаты сравнительного анализа прямой речи персонажей позволили выявить следующие дискурсивные маркеры импульсивного типа:

- тенденция к использованию простого будущего времени;
- частотность использования глагола *want* 'хотеть';
- высказывания в повелительном наклонении;
- переспрос.

Для дискурса отдельных героев характерна смена лексики с положительной и отрицательной коннотацией (миссис Раймер) и смена времени изложения (героиня рассказа «Кошка под дождем»).

Сопоставительный анализ слов автора, которыми описывается образ импульсивных персонажей, дал возможность определить наиболее общие тактические приемы представления импульсивной личности в коротком англоязычном рассказе:

- употребление наречий и прилагательных со значением спонтанности, внезапности (*suddenly, rapidly, momentary, unexpected*) для описания поведения героев, подверженных сиюминутным желаниям, а не обдуманым решениям;
- использование экспрессивно-оценочной лексики для описания внешнего вида персонажей (*many tips of curled ostrich in her hat, ginger-coloured plus-fours*);
- употребление повторов (*for the present she would accept things, for the present she would accept that role; rich, really rich, supposing she took... supposing she did*). Рассказ «Кошка под дождем» почти полностью построен на этой фигуре.

Таким образом, в статье выявлены лингвopsихологические закономерности отражения личности персонажа в англоязычном коротком рассказе. Проведен анализ слов автора и прямой речи персонажей, в которых выявлены слова, словосочетания, предложения, грамматические формы, стилистические приемы, наиболее часто повторяющиеся в персонажной партии и, следовательно, выступающие в качестве отличительной характеристики речевого поведения. Полученные результаты подтвердили предположения о характере героя, выдвинутые на основе слов автора.

Представленное исследование реализует цель, состоящую в установлении корреляции употребления языковых средств с психологическими характеристиками персонажей англоязычных коротких рассказов. Разработанная модель интерпретации художественного текста, а именно способ характеристики личности его персонажей, может быть использован на практических занятиях в рамках спецкурсов «Интерпретация текста», «Лингвистика текста», «Интерпретация коммуникативного поведения». Представляется, что результаты проведенного исследования актуальны для анализа литературных произведений на любом, в том числе белорусском языке. Более того, представленная методика может быть использована также при составлении лингвopsихологического портрета героев произведений различных жанров, например романа, повести, автобиографических очерков и т. д. Некоторые результаты работы представляют интерес для диагностики характерологических особенностей личности.

Библиографические ссылки

1. Норакидзе В. Г. Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси : Мецниереба, 1966.
2. Christie A. The Case of the Rich Woman. Moscow : Raduga Publ., 1988.
3. Mansfield K. A Cup of Tea. Moscow : Manager Publ., 2002.
4. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19. Краснодар, 1998.
5. Hemingway E. Cat in the Rain. Moscow : Progress Publ., 1971.
6. Waugh E. Excursion in Reality. Moscow : Progress Publ., 1980.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М. : Прогресс, 1988.
8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.

References

1. Norakidze V. G. *Tipy kharaktera i fiksirovannaya ustanovka* [Disposition types and a fixed attitude]. Tbilisi : Metsniereba, 1966 (in Russ.).
2. Christie A. The Case of the Rich Woman. Moscow : Raduga Publ., 1988.
3. Mansfield K. A Cup of Tea. Moscow : Manager Publ., 2002.
4. Suhikh S. A. [Pragmalinguistic measuring of the communicative process] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.01; 10.02.19. Krasnodar, 1998 (in Russ.).
5. Hemingway E. Cat in the Rain. Moscow : Progress Publ., 1971.
6. Waugh E. Excursion in Reality. Moscow : Progress Publ., 1980.
7. Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii. Lyudi, kotorye igrayut v igry. Psikhologiya chelovecheskoi sud'by* [The Games People Play. Psychology of Human Relationships. People Who Play the Games. Psychology of a Person's Destiny]. Moscow : Progress, 1988 (in Russ.).
8. Dejk T. A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow : Progress, 1989 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.02.2018.
Received by editorial board 21.02.2018.

УДК 811.133.1'412+811.133.1'37

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ФИЛЬМА В РЕЖИССЕРСКОМ СЦЕНАРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

О. А. ПАНТЕЛЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются особенности описания аудио- и видеоряда фильма в репликах и ремарках французского режиссерского сценария. Выявлено, что режиссерский сценарий по сравнению с литературным сценарием предлагает более детальную репрезентацию вербальных и невербальных компонентов фильма. Разработана авторская структурно-функциональная типологизация описания аудиовизуального пространства фильма с выделением двух основных типов и установлением при их более детальной структуризации шести способов описания. На основе критерия денотативности/коннотативности реплик и ремарок определены модели их взаимодействия, обуславливающие специфику смысловой организации режиссерского сценария. Указано, что материалы статьи могут быть использованы в практическом преподавании французского языка для формирования коммуникативной компетенции и вербально-невербальной культуры обучаемого через продукцию сферы киноиндустрии, при чтении лекционных курсов по теории и практике перевода, аудиовизуальному переводу.

Ключевые слова: реплика; ремарка; визуальная метонимия; аудиовизуальная метонимия; денотация; коннотация; нулевой знак.

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ВЕРБАЛЬНЫХ І НЕВЕРБАЛЬНЫХ КАМПАНАЕНТАЎ ФІЛЬМА Ў РЭЖЫСЁРСКІМ СЦЭНАРЫІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФРАНЦУЗСКАЙ МОВЫ)

А. А. ПАНЦЯЛЕЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца асаблівасці дэскрыпцыі аўдыя- і відэарада фільма ў рэпліках і рэмарках французскага рэжысёрскага сцэнарыя. Вызначана, што рэжысёрскі сцэнарыі ў параўнанні з літаратурным сцэнарыем прапануе больш дэталёвае апісанне вербальных і невербальных кампанентаў фільма. Распрацавана аўтарская структурна-функцыянальная тыпалягізацыя аўдыявізуальнай прасторы фільма з вызначэннем двух асноўных тыпаў і выяўленнем пры іх больш дэталёвай структурызацыі шасці спосабаў дэскрыпцыі. На аснове крытэрыю дэнататыўнасці/канататыўнасці рэплік і рэмарак вызначаны мадэлі іх узаемадзеяння, якія абумоўліваюць спецыфіку сэнсавай арганізацыі рэжысёрскага сцэнарыя. Адзначана, што атрыманыя вынікі могуць знайсці прымяненне ў практычным выкладанні французскай мовы для фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі і вербальна-невербальнай культуры навучэнца праз прадукцыю сферы кінаіндустрыі, у лекцыйных курсах па тэорыі і практыцы перакладу, аўдыявізуальным перакладзе.

Ключавыя словы: рэпліка; рэмарка; візуальная метанімія; аўдыявізуальная метанімія; дэнатацыя; канатацыя; нулявы знак.

Образец цитирования:

Пантелеенко О. А. Репрезентация вербальных и невербальных компонентов фильма в режиссерском сценарии (на материале французского языка) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 67–75.

For citation:

Panteleenko A. A. Representation of the verbal and nonverbal components of the film in the shooting script (on the material of the French language). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 67–75 (in Russ.).

Автор:

Олеся Александровна Пантелеенко – кандидат филологических наук; доцент кафедры романского языкознания филологического факультета.

Author:

Alesia A. Panteleenko, PhD (philology); associate professor at the department of the Romance linguistics, faculty of philology. alessia@list.ru

REPRESENTATION OF THE VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS OF THE FILM IN THE SHOOTING SCRIPT (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

A. A. PANTELEENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of the specificities of the audio and video tracks description of the film in the cues and stages directions of the French shooting script. The feature of the shooting script relatively to the literary scenario to present in more detailed form the verbal and nonverbal elements of the film is clarified. The author's structural-functional classification of the description of the audiovisual film space is singled out, it's structured in two main types and six means. On the bases of denotative or connotative meaning of cues and stage directions were identified the models of its correlation, which determine conceptual arrangement of the shooting script. The material of the research may be used in teaching the French language for the development of the communication skills and verbal-nonverbal culture of the learner through the film industry products, in lectures on the theory and practice of translation and audiovisual translation.

Key words: cue; stage direction; visual metonymy; audiovisual metonymy; denotation; connotation; zero sign.

Введение

В настоящее время средства массовой информации обеспечивают неуклонный рост объемов вербальной и невербальной информации, интенсивно воздействующей на общество. Статусом одного из наиболее популярных и влиятельных продуктов этой индустрии обладает фильм, что побуждает лингвистов к его разноаспектному изучению. В частности, интенсивно разрабатывается вопрос о корреляции слова и изображения для решения проблемы взаимодействия вербальных и невербальных кодов [1–6]. В отличие от других работ в данном исследовании предлагается изучить функционирование структурных компонентов режиссерского сценария при описании различных кодов. Это позволит раскрыть особенности межсемиотического перевода вербального текста режиссерского сценария в аудиовизуальное пространство.

Результаты и обсуждение

Изучаемый автором режиссерский сценарий является инструментом актуализации фильма, который, в свою очередь, рождает образы и эмоциональный отклик реципиентов. Картины, живущие в нашем сознании в «одежде слов», подвергаются своеобразной расшифровке в режиссерском сценарии. Таким образом, он является неким знаменителем, который замещает изобразительно-чувственную систему при описании вербальных и невербальных кодов фильма.

Выбор именно режиссерского сценария в качестве материала исследования обоснован тем, что, в отличие от других видов киносценарных текстов, в том числе литературного сценария, режиссерский сценарий характеризуется детальным описанием аудио- и видеоряда фильма. Литературный сценарий выглядит следующим образом:

SEQUENCE 11. EXTERIEUR. STADE DE FOOTBALL. MATIN

Il est onze heures du matin. Beaucoup de soleil. Stade de football de Barcelone. C'est le match de Barça contre le Real Madrid. Dans les tribunes, pleines de monde, s'agitent les drapeaux des deux équipes. On entend des chansons.

Le match commence. Un joueur, le numéro 8, prend la balle, le public crie, il entre dans la surface de réparation et tire... [7, p. 82].

‘СЦЕНА 11. НАТУРА. УЛИЦА. ФУТБОЛЬНЫЙ СТАДИОН. УТРО

Одиннадцать часов утра. Много солнца. Футбольный стадион Барселоны. Матч «Барса» – «Реал» (Мадрид). На забитых битком трибунах развеваются флаги двух команд. Слышна музыка.

Матч начинается. Публика кричит. Игрок номер 8 получает мяч. Он входит в штрафную площадку и наносит удар...¹

Литературный сценарий, как видно из примера, делится на сцены (*séquences*). Автор указывает время происходящего (*Il est onze heures du matin* ‘Одиннадцать часов утра’), погодные условия (*Beaucoup de soleil* ‘Много солнца’), место действия (*Stade de football de Barcelone* ‘Футбольный стадион Бар-

¹Здесь и далее перевод наш. – О. П.

селоны'), событие (*C'est le match de Barça contre le Real Madrid* 'Матч «Барса» – «Реал» (Мадрид)'), характеризует обстановку на трибунах с визуальной (*Dans les tribunes, pleines de monde, s'agitent les drapeaux des deux équipes* 'На забитых битком трибунах развеваются флаги двух команд') и звуковой точки зрения (*On entend des chansons* 'Слышна музыка'), описывает начало матча (*Le match commence* 'Матч начинается'), действия публики (...*le public crie* '...публика кричит'), действия игрока (*Un joueur, le numéro 8, prend la balle* 'Игрок номер 8 получает мяч'; ...*il entre dans la surface de réparation et tire* '... он входит в штрафную площадку и делает удар').

Литературный сценарий служит базой для создания режиссерского сценария. В отличие от литературного текста режиссерский сценарий делится на кадры (*plans*):

Plan 22. Caméra normal, fixe PG. Tribune pleine de monde. Le match commence. Cris et chansons. Un rayon de soleil traverse le stade. Les drapeaux s'agitent vivement. Durée 1 minute.

Plan 23. Caméra contre-plongée. Joueur PE prend la balle. Joueur PA court vers la surface. Joueur PG tire vers le but [7, p. 82].

'Кадр 22. Камера фиксирует ОП (общий план). Трибуны заполнены. Матч начинается. Крики и песни. Солнечный луч пересекает стадион. Флаги живо развеваются. Длительность – 1 минута.

Кадр 23. Наезд камеры снизу вверх. Игрок ДП (дальний план) получает мяч. Игрок АП (американский план) бежит к площадке. Игрок ОП наносит удар по воротам'.

Содержание литературного сценария сохраняется и в режиссерском сценарии, однако представлено оно в несколько иной форме. Абстрактное описание (*Beaucoup de soleil* 'Много солнца') заменяется на более конкретное – *Un rayon de soleil traverse le stade* 'Солнечный луч пересекает стадион'. Упрощается синтаксис: при описании трибун сложные предложения заменяются простыми (*Tribune pleine de monde. Le match commence. Cris et chansons. Un rayon de soleil traverse le stade* <...>. *Les drapeaux s'agitent vivement* 'Трибуны заполнены. Матч начинается. Крики и песни. <...> Флаги живо развеваются'). Вводятся специальные термины: указания передвижений игрока по полю сопровождаются кинотерминами (*PE – plan d'ensemble* 'дальний план'; *PA – plan américain* 'американский план'; *PG – plan général* 'общий план'). Режиссерский сценарий создает впечатление видимости и слышимости происходящего на стадионе, картина как бы «оживает».

Материалом нашего исследования являются четыре французских режиссерских сценария [8–11]. Несмотря на четкое деление режиссерского сценария на кадры, в данной работе в качестве его структурных единиц мы выделяем **реплику** и **ремарку**. Реплика служит для описания аудиоряда фильма. Ремарка отображает различные коды аудиоряда (музыкальный, шумовой и др.) и видеоряда (вестиментарный, проксемический, мимико-жестовый и др.).

Именно анализ реплики, а также ремарки и выполняемых ими функций стал основой для разработки структурно-функциональной типологизации описания аудио- и видеоряда фильма в режиссерском сценарии. Это позволило выделить два основных типа и установить при их более детальной структуризации шесть способов дескрипции (см. таблицу).

Способы дескрипции аудио- и видеоряда фильма в режиссерском сценарии

Techniques of the audio and video tracks description in the shooting script

Типы дескрипции	Функция структурных единиц		Способы дескрипции
	Дескрипция аудиоряда фильма	Дескрипция видеоряда фильма	
Тип 1	+	+	Визуально-речевой
	+	–	Авизуально-речевой
Тип 2	+	+	Визуально-звуковой неречевой (визуально-шумовой, визуально-мелодический)
	–	–	Нулевой
	+	–	Авизуально-звуковой неречевой (авизуально-шумовой, авизуально-мелодический)
	–	+	Визуальный

Для образования способов дескрипции кинотекста первого типа необходимо сочетание реплик и ремарок, для второго типа – только ремарок. Было обнаружено, что реплики самостоятельно, без сопро-

вождения ремарок, не используются. Это обусловлено тем, что в киносценарии всегда описывается видеоряд. При возникновении необходимости кодирования в киносценарии фрагмента фильма, когда реципиент ничего не видит, но слышит речь, реплику сопровождает ремарка, описывающая цвет экрана, так как в данном случае требуется зафиксировать реплику, звучащую на фоне черного (или белого) экрана.

Для **визуально-речевого** способа описания характерно использование реплик и ремарок в целях описания аудио- и видеоряда фильма. При этом данные структурные единицы в фильме сосуществуют, происходит их параллельное развертывание:

Plan 194. Jim poursuit: «C'est logique, non?»
[8, p. 87].

‘Кадр 194. Джим продолжает: «Это логично, нет?»’

В 194-м кадре отражен фрагмент фильма, где реплика служит для описания аудиоряда фильма, а ремарка, обозначая главного героя, указывает на присутствие в видеоряде фильма актера, исполняющего роль Джима.

Разновидностью визуально-речевого способа описания является **визуально-речевой нулевой** способ, который используется для обозначения молчания. При этом молчание понимается в исследовании как коммуникативный акт в рамках теории нулевого знака, подготовленной трудами Ф. де Соссюра [12], Ш. Балли [13], Р. О. Якобсона [14]. В режиссерском сценарии молчание обозначается многоточием в реплике, а коммуникативное значение раскрывается в ремарке.

Plan 141. Chamblin: «Ne ratez pas le coche, Ferraud! C'est votre heure... (léger zoom avant sur le comte). Lorsque deux intérêts puissants s'opposent, la sottise est de croire qu'on peut menager l'un...» Rejet sonore sur le plan suivant. Le comte Ferraud serre l'accoudoir de son fauteuil en signe de tourment intérieur; boit avidement les paroles de son interlocuteur. CUT.

Plan 142. Raccord sonore sur Chamblin: «...et de servir l'autre» [9, p. 119].

‘Кадр 141. Шамблен: «Не упустите шанс, Ферро! Это ваш час... (легкий наезд на графа). Когда у власти сильное противодействие двух структур, глупо думать, что можно управлять одной и...» Звуковая синхронизация со следующим кадром. Граф Ферро сжимает подлокотник кресла в знак внутреннего напряжения, жадно слушает своего собеседника. Гладкий срез.

Кадр 142. Звуковая синхронизация с Шамбленом: «...и служить другой»’.

В представленном фрагменте реплика Шамблена разорвана на два кадра. Шамблен, используя повелительное предложение (*Ne ratez pas le coche, Ferraud!* ‘Не упустите шанс, Ферро!’), ждет от графа ответа, оставляя паузу, которая маркируется в режиссерском сценарии многоточием. Его собеседник граф Ферро молчит, однако в ремарке есть указание на то, что это молчание коммуникативно значимо. Переживания графа описаны через его невербальное поведение (...*serre l'accoudoir de son fauteuil* ‘...сжимает подлокотник кресла’), при этом обозначается его эмоциональное состояние (*tourment intérieur* ‘внутреннее напряжение’), передаваемое указанными жестами. Таким образом, ответ, который мог бы прозвучать в виде реплики, передается изображением, что приводит к экономии средств аудиоряда. Это важно для предельно функционального использования различных кодов фильма с целью вложить максимум информации в минимум времени.

Авизуально-речевой способ описания встречается достаточно редко, так как его реализация предполагает описание эпизода фильма, который зритель слышит, но не видит. Правильнее будет сказать, что в данном случае зритель воспринимает монохромный экран (черного или любого другого цвета), при этом ремарка, служащая для описания такого эпизода, может иметь денотативное или коннотативное значение. Так, если в сцене фильма во время реплики выключают свет и экран становится темным, то описание черного экрана в режиссерском сценарии имеет денотативное значение. Коннотативное значение подобная реплика приобретает, когда содержащаяся в ней информация основывается на различных ассоциативных связях. Например, описание черного экрана может быть использовано для обозначения смены суток. Понимание коннотативного значения зависит от наличия у адресата знания определенного культурного кода, социальных связей, национальной специфики.

Третий способ – **визуально-звуковой неречевой** – условно можно подразделить на **визуально-шумовой** и **визуально-мелодический**. Данные способы предполагают использование только ремарочной части для описания аудио- и видеоряда фильма. При этом визуально-шумовой способ предполагает обозначение различных шумов в сочетании с описанием всех кодов, создающих видеоряд:

Plan 184. Bruit de pluie [8, p. 85].

‘Кадр 184. Шум дождя’.

Визуально-мелодическая стратегия имеет аналогичную функцию и отличается от визуально-шумовой только тем, что служит для описания музыки, а не шумов:

Plan 266. Musique militaire triomphal [9, p. 138]. 'Кадр 266. Военная триумфальная музыка'.

Нулевой способ дескрипции применяется при использовании реплик и ремарок для создания такого аудио- и видеоряда, воспринимая который зритель слушает тишину и видит монохромный экран. Данный способ нередко используется для обозначения финала фильма. Вместе с тем за ним можно закрепить статус одного из наименее употребительных в режиссерском сценарии способов дескрипции.

Fin du film [9, p. 202]. 'Конец фильма'.

Авизуально-звуковой неречевой способ дескрипции подразделяется на **авизуально-шумовой** и **авизуально-мелодический**. Он предполагает описание ремарками шумов и музыки соответственно, которые в фильме сопровождаются монохромным экраном. На наш взгляд, описание в репликах и ремарках эпизодов, в которых зритель воспринимает монохромный экран в сочетании с шумами или музыкой, значительно снижает употребительность данного способа и его разновидностей в режиссерском сценарии.

Визуальный способ дескрипции обеспечивается ремарками, в которых содержится описание различных кодов видеоряда, которые сопровождаются в фильме абсолютной тишиной.

Выделенные способы могут быть использованы в режиссерском сценарии как в чистом, так и в комбинированном виде. Способность к комбинированию обусловлена их одинаковым функционированием (описание аудио- или видеоряда).

К возможным вариантам совмещения различных способов дескрипции на основе их предназначения для описания кодов видеоряда можно отнести следующие:

- 1) авизуально-шумовой + авизуально-речевой;
- 2) авизуально-мелодический + авизуально-речевой;
- 3) авизуально-мелодический + авизуально-шумовой;
- 4) авизуально-мелодический + авизуально-шумовой + авизуально-речевой.

К возможным вариантам совмещения различных способов дескрипции на основе их предназначения для раскрытия кодов аудио- и видеоряда относятся следующие:

- 1) визуально-шумовой + визуально-речевой;
- 2) визуально-мелодический + визуально-речевой;
- 3) визуально-мелодический + визуально-шумовой;
- 4) визуально-мелодический + визуально-шумовой + визуально-речевой.

Важно исследовать и вопрос об отношениях между структурными компонентами режиссерского сценария. Поскольку реплика и ремарка предназначены для создания поликодового текста, то прослеживаются различные их корреляции в плане содержания. Оба структурных компонента принимают равноправное участие в организации текста киносценария и, взаимодействуя друг с другом, создают одно структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на создание аудио- и видеоряда фильма.

При выборе критерия для выделения моделей взаимодействия реплики и ремарки важно показать их двоякость: формирование вербальными средствами и направленность на описание аудио- и видеоряда фильма. В связи с этим был выбран подход к описанию денотативности и коннотативности сообщения, предложенный Р. Бартом. Данный метод, разработанный французским ученым на основе анализа фотографии, может быть применен к любому знаку, который несет в себе сообщение, в том числе к вербальному знаку. Под денотативным исследователь понимает «буквальное» сообщение, под коннотативным – «символическое», возникающее на основе ассоциаций, которые зависят от «различных типов знания, проецируемых на изображение (знания, связанные с нашей повседневной практикой, национальной принадлежностью, культурным, эстетическим уровнем)» [15, с. 313].

В зависимости от денотативного или коннотативного характера реплик и ремарок можно выделить четыре модели их взаимодействия: 1) реплика и ремарка денотативны; 2) реплика денотативна, а ремарка коннотативна; 3) реплика коннотативна, а ремарка денотативна; 4) оба компонента коннотативны. Все четыре модели реализуются в выделенных ранее способах и их подтипах дескрипции (см. таблицу).

Учитывая, что модели взаимодействия реплики и ремарки для выделенных способов дескрипции в принципе одинаковы, рассмотрим эти модели на примере визуально-речевого способа. Такой выбор обусловлен тем, что для его реализации задействуется описание и аудиоряда, и видеоряда фильма, а также обе структурные составляющие – реплика и ремарка.

При визуально-речевом способе дескрипции аудио- и видеоряда корреляция реплики и ремарки, когда оба компонента имеют денотативное значение, называется **комплементарной**.

Plan 161. Alice: «Pardon» [11, p. 23].

‘Кадр 161. Алис: «Простите»’.

В данном случае как реплика, так и ремарка денотативны в описании аудио- и видеоряда фильма. Комплементарный характер реплики и ремарки создается за счет разноаспектной дескрипции одного и того же сообщения. Реплика описывает тот аспект, который при просмотре фильма воспринимается слуховым каналом, ремарка – зрительным.

Корреляция реплики и ремарки, при которой реплика имеет денотативный характер, а ремарка коннотативный, получила название **реплико-ремарочная иллюстрация**.

Plan 155. Amorce des deux mains de Catherine et voix HC: «Un morceau de porcelaine» [8, p. 81].

‘Кадр 155. План «восьмерка», руки Катрин и голос за кадром: «Кусочек фарфора»’.

В ремарке упоминание рук Катрин служит для создания визуальной метонимии в фильме. Метонимия создается по принципу «часть от целого», переносное значение возникает на основе смежности. При этом если в сценарии мы понимаем, о чьих руках идет речь, и, соответственно, знаем, кому принадлежит реплика, то при просмотре фильма зритель может лишь догадываться, какой персонаж говорит. Определить это помогают просодические характеристики голоса, а также изображение рук, указывающее на гендерную принадлежность персонажа. Реплика же денотативна, в ней лишь описывается, что находится в видеоряде, – кусочек фарфора. Реплико-ремарочные отношения в данном фрагменте сценария синсемантические, они не зависят друг от друга.

Данный фрагмент интересен тем, что в нем заключены следы визуальной метонимии фильма. При этом в реплике раскрывается механизм ее создания: обозначаются и «часть» (руки Катрин), и «целое» (Катрин), в то время как в фильме «целое» угадывается из контекста, но не обозначается.

Кроме визуальной метонимии, были обнаружены случаи дескрипции аудиовизуальной метонимии:

Plan 157. Voix peu audible de Catherine: «Allez, allez» [8, p. 81].

‘Кадр 157. Еле различимый голос Катрин: «Идите, идите»’.

Использование определения *peu audible* ‘еле различимый’ дает понять, что в кадре Катрин не присутствует, а просодическая характеристика ее голоса по параметру громко/тихо создает пространство картины, указывая на дистантную локализацию героини. Она где-то далеко от происходящей сцены. В режиссерском сценарии это создает коннотацию, связанную с проксемической характеристикой. Между репликой и ремаркой устанавливаются синсемантические отношения, когда вербальная часть не обладает смысловой самостоятельностью.

Под **реплико-ремарочным комментарием** мы понимаем корреляцию реплики и ремарки, при которой ремарка несет денотативную нагрузку, реплика – коннотативную. При этом коннотация в реплике может иметь различную степень выраженности: имплицитную, имплицитно-эксплицитную, эксплицитную.

Об **эксплицитном** характере коннотации речь идет в случае ее раскрытия различными языковыми средствами:

Plan 61. Monsieur Hire balbutiant: «Si vous me connaissiez mieux» [10, p. 94].

‘Кадр 61. Господин Гир шепотом: «Если бы только вы знали меня лучше»’.

В 61-м кадре киносценария к фильму «Паника» используется конструкция, состоящая из частицы *si* ‘если’ и глагола *connaître* ‘знать’ в форме *Imparfait*. Закрепленное за этой конструкцией коммуникативное значение пожелания эксплицитно выражено грамматико-синтаксическими средствами. Сопровождающая реплика ремарка с глаголом *balbutier* ‘говорить шепотом’ определяет способ произнесения, указывая на некие мимико-просодические характеристики речи мсье Гира.

Под **имплицитно-эксплицитной** коннотацией мы понимаем такой способ ее выражения, при котором содержится указание на ее наличие в реплике. Как правило, в качестве такого маркера выступает восклицательный знак:

Plan 592. La comtesse: «Enfin Mathilde, rentrez-les!» [9, p. 188].

‘Кадр 592. Графиня: «Ну же, Матильда, отведите их домой!»’

Об *имплицитной* коннотации следует говорить, когда реплика не сохраняет ее следов, коммуникативное значение раскрывается в ремарке и без нее не может быть правильно осмыслено:

Plan 178. Mona câline: «Tu vas avoir froid»
[11, p. 24].

‘Кадр 178. Мона ласковая: «Ты замерзнешь»’.

В приведенном фрагменте режиссерского сценария к фильму «Мсье Гир» в реплике констатируется, что собеседник замерзнет. Однако благодаря использованию в ремарке прилагательного *câline* ‘ласковая’ реплика Моны получает коннотацию, обозначающую нежное отношение к партнеру по кадру. Следствием имплицитности является тесная синсемантическая связь реплики и ремарки: невозможно правильно трактовать смысл анализируемого фрагмента по составляющим его компонентам вне их зависимости друг от друга.

Можно заключить, что в модели реплико-ремарочного комментария существует смысловая зависимость ее компонентов от способа выражения коннотации в реплике. Если коннотация выражена эксплицитно, то между репликой и ремаркой существуют автосемантические отношения. Если же коннотация в реплике выражена имплицитно-эксплицитным или имплицитным способом, то речь идет о синсемантических отношениях. При синсемантических отношениях обязательным для ремарки является пояснение реплики различного рода комментариями (обозначение мимико-жестового поведения, просодических характеристик и т. п.).

Реплико-ремарочный символ образуется при корреляции реплики и ремарки, когда оба компонента передают коннотативную информацию.

Plans 586–590. Chabert: «J’ai vu le héron s’envoler. <...> J’ai vu le nid: trois oeufs!» Il tend la main ouverte contenant les oeufs. Il fait glisser l’un des oeufs entre son pouce et son index. Il répète: «Les oeufs! Ce qu’il en sort, ce n’est pas forcément des oiseaux. <...> Des fois c’est... des serpents, des tortues... des dragons... des dragons à deux têtes!» [9, p. 187].

‘Кадры 586–590. Шабер: «Я видел, как цапля улетела. <...> Я видел гнездо с кладкой!» Он протягивает открытую ладонь, в которой яйца. Он пропускает одно из них между указательным и большим пальцами. Он повторяет: «Зародыши! Вылупятся из них не обязательно птенцы. <...> Это могут быть змеи, черепахи... драконы... двуглавые драконы!»

Один из создателей фильма И. Анжело отмечает, что изображение *héron* ‘цапли’ следует соотносить с изображением двойственности жизни, ее белой и черной сторон, добра и зла [16]. По его задумке, подобная философия должна была найти свое развитие в эпизоде, когда полковник Шабер, отыскав гнездо цапли с кладкой, говорит о том, что из яиц могут вылупиться птенцы, а могут и драконы. В режиссерском сценарии этот эпизод находит отражение в реплико-ремарочном единстве, которое распространено на пять кадров. Для краткости изложения представлены только те части этого единства, которые формируют его коннотативность. Опосредованная соотнесенность имен существительных *oeufs* ‘яйца’ и *oiseaux* ‘птицы’ с добром, а *dragons* ‘драконы’ со злом, при которой слова в обоих компонентах обозначают разные предметные ситуации объективного мира, связанные между собой тематически, создает в режиссерском сценарии метафору. Такую метафору можно назвать аудиовизуальной, так как элементы, ее формирующие, находящиеся в реплике и ремарке, направлены на создание аудио- и видеоряда фильма. Однако сформированная метафора сложна для однозначной интерпретации, о чем свидетельствует интервью с И. Анжело. Анализируя символичность цапли, журналист, беседующий с И. Анжело, заметил, что египтяне рассматривали ее как птицу-феникс, способную возродиться из пепла, причем некоторые воспринимали ее как хищницу, другие – как жертву. Интервьюер следующим образом трактует рассматриваемый фрагмент: «Птица представляет собой Шабера, отсылает к военным действиям в Египте [в которых он участвовал] и к египетскому мифу о бессмертной птице-фениксе» [16, с. 21].

Значение подобных метафор, закодированное в сценарии, раскрывается полностью лишь в фильме, и не всегда интерпретация подобных приемов является верной, как мы это показали выше. Ремарка отличается именно своей способностью констатировать и лишь опосредованно вызывать образы (необходим просмотр фильма). Эта особенность практически сводит на нет возможность анализа языковых средств формирования метафор в режиссерском сценарии.

Заключение

Анализ способов дескрипции аудио- и видеоряда фильма и выделенных на их основе моделей корреляции реплик и ремарок позволил сделать следующие выводы.

Определение в качестве критерия классификации реплик и ремарок выполняемых ими функций позволило объединить способы описания аудио- и видеоряда фильма в два типа, которые дают расшифровку, в частности, визуальной и аудиовизуальной метонимий.

Для формирования способов дескрипции первого типа используются оба структурных компонента режиссерского сценария – реплики и ремарки. Данная группа представлена визуально-речевым и аудиовизуально-речевым способами. При образовании способов дескрипции второго типа задействованы только ремарки. Второй тип распадается на визуально-звуковой неречевой, нулевой и визуальный способы, которые функционируют самостоятельно, причем большинство из них могут комбинироваться друг с другом. Комбинации возможны лишь при наличии одинаковых условий функционирования и связаны с тем кодом, который подлежит дескрипции. Так, для описания кодов видеоряда способны к совместной работе аудиовизуально-речевой и аудиовизуально-звуковой неречевой способы, для описания одновременного развертывания аудио- и видеоряда фильма – визуально-речевой и аудиовизуально-речевой способы.

На основе критерия денотативности/коннотативности реплик и ремарок выявлены следующие модели корреляции этих структурных единиц: комплементарная модель, реплика-ремарочная иллюстрация, реплика-ремарочный комментарий, реплика-ремарочный символ. Комплементарная модель имеет место, если реплика и ремарка денотативны. Реплика-ремарочная иллюстрация возможна в случае, когда реплика денотативна, а ремарка коннотативна. Реплика-ремарочный комментарий представляет собой взаимодействие денотативной ремарки и коннотативной реплики. Реплика-ремарочный символ формируется, если реплика и ремарка имеют денотативное значение.

Библиографические ссылки

1. Ващункина И. В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 2009.
2. Воробьева Е. В. К вопросу о взаимодействии вербальных и визуальных средств в креолизованном тексте // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. 2009. № 10. С. 54–58.
3. Михайловская Е. В., Рабеккина Д. А. Смыслообразующий конфликт вербального и невербального как основа стилистики кинематографа Вуди Аллена (на материале фильма «Annie Hall» (1977)) // Науч. диалог. 2016. № 3 (51). С. 52–63.
4. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 1997.
5. Попова И. А. Динамика вербальной и невербальной составляющих киноповествования как объект филологической герменевтики (на материале художественных фильмов Ф. Ф. Коппола) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 2012.
6. Сигарева Н. В. Перевод аудиовизуальных произведений как особый вид переводческой деятельности // Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы межвуз. науч. конф. (Санкт-Петербург, 15–16 мая 2014 г.). СПб., 2014. С. 148–150.
7. Selinger V. C. Les secrets du scénario: cinéma et B. D., théorie et pratique. Nantes : Ecrire aujourd'hui, 1995.
8. Bessière E. Découpage plan par plan // Deux «Jules et Jim»: analyse comparée des oeuvres d'Henri-Pierre Roché et de Francois Truffaut. Évreux, 1998. P. 61–147.
9. Bessière E. Découpage plan par plan // Deux «Le Colonel Chabert»: analyse comparée des oeuvres d'Honoré de Balzac et d'Yves Angélo. Évreux, 1997. P. 97–204.
10. Bourgeois N. Découpage: rédaction plan a plan «Panique» // L'Avant-scène cinéma: P. Leconte, «Monsieur Hire» suivi de «Panique» de J. Duvivier, d'après le roman de G. Simenon «Les fiancailles de M. Hire». Paris, 1990. P. 84–162.
11. Fernandez C. Découpage: rédaction plan a plan «Monsieur Hire» // L'Avant-scène cinéma: P. Leconte, «Monsieur Hire» suivi de «Panique» de J. Duvivier, d'après le roman de G. Simenon «Les fiancailles de M. Hire». Paris, 1990. P. 11–49.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. ; под ред. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
14. Якобсон Р. О. Нулевой знак // Избранные работы : сб. ст. / сост. В. А. Звегинцев. М., 1985. С. 222–230.
15. Барп Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / сост. Г. С. Косиков ; пер. Г. С. Косикова. М. : Прогресс, 1989.
16. Bessière E. Entretien avec Y. Angélo // Deux «Le Colonel Chabert»: analyse comparée des deux oeuvres d'Honoré de Balzac et d'Yves Angelo. Évreux, 1997. P. 9–36.

References

1. Vashunina I. V. *Vzaimovliyaniye verbal'nykh i neverbalnykh (ikonicheskikh) sostavlyayushchikh pri vospriyatii kreolizovannogo teksta* [Interaction of verbal and nonverbal (iconic) components in the perception of the creolized text] : diss. abstr. ... dr. of sci. (philol.) : 10.02.19. Moscow, 2009 (in Russ.).
2. Vorobyeva E. V. To the problem of the interaction of verbal and visual means in the creolized text. *Izv. Volgogr. gos. ped. univ. Ser. Filol. nauki*. 2009. No. 10. P. 54–58 (in Russ.).
3. Mikhaylovskaya E. V., Rabekina D. A. [The sense-formative conflict of verbal and nonverbal as the basis of the Woody Allen's style (on the material of the film «Annie Hall» 1997)]. In: *Nauchnyi dialog*. 2016. No. 3 (51). P. 52–63 (in Russ.).
4. Poymanova O. V. *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta* [Semantic space of the videoverbal text] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.19. Moscow, 1997 (in Russ.).
5. Popova I. A. *Dinamika verbal'noi i neverbal'noi sostavlyayushchikh kinopovestvovaniya kak obyekt filologicheskoi germeneytiki (na materiale khudozhesvennykh filmov F. F. Koppoly)* [Dynamic of the verbal and nonverbal elements of the film narration as object of the filological Hermeneutics] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.04. Moscow, 2012 (in Russ.).
6. Sigareva N. V. [The translation of the audiovisual texts as a specific kind of the translation activity]. In: *Gertsenovskiy chteniya. Inostranniyazyki* : mater. of interuniv. sci. conf. (Saint Petersburg, 15–16 May, 2014). Saint Petersburg, 2014. P. 148–150 (in Russ.).

7. Selinger V. C. Les secrets du scénario: cinéma et B. D., théorie et pratique. Nantes : Ecrire aujourd'hui, 1995 (in Fr.).
8. Bessière E. Découpage plan par plan. *Deux «Jules et Jim»: analyse comparée des oeuvres d'Henri-Pierre Roché et de Francois Truffaut*. Évreux, 1998. P. 61–147 (in Fr.).
9. Bessière E. Découpage plan par plan. *Deux «Le Colonel Chabert»: analyse comparée des oeuvres d'Honoré de Balzac et d'Yves Angélo*. Évreux, 1997. P. 97–204 (in Fr.).
10. Bourgeois N. Découpage: rédaction plan a plan «Panique». *L'Avant-scène cinéma: P. Leconte, «Monsieur Hire» suivi de «Panique» de J. Duvivier, d'après le roman de G. Simenon «Les fiancailles de M. Hire»*. Paris, 1990. P. 84–162 (in Fr.).
11. Fernandez C. Découpage: rédaction plan a plan «Monsieur Hire». *L'Avant-scène cinéma : P. Leconte, «Monsieur Hire» suivi de «Panique» de J. Duvivier, d'après le roman de G. Simenon «Les fiancailles de M. Hire»*. Paris, 1990. P. 11–49 (in Fr.).
12. Saussure F. de. *Trudy po yazikoznaiyu* [Works on linguistics]. Moscow : Progress, 1977 (in Russ.).
13. Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. 2nd ed. Moscow : Editorial URSS, 2001 (in Russ.).
14. Jakobson R. O. *Nulevoi znak* [Zero sign]. In: *Izbranniye raboty*. Moscow, 1985. P. 222–230 (in Russ.).
15. Bart R. *Izbranniye raboty. Semiotica. Poetika* [Favorites. Semiotics. Poetics]. Moscow : Progress, 1989 (in Russ.).
16. Bessière E. Entretien avec Y. Angélo. *Deux «Le Colonel Chabert»: analyse comparée des deux oeuvres d'Honoré de Balzac et d'Yves Angelo*. Évreux, 1997. P. 9–36 (in Fr.).

Статья поступила в редколлегию 02.03.2018.
Received by editorial board 02.03.2018.

УДК 81'42:591.556.22

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА: СИНТЕЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

О. А. ТУРКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Сосредоточено внимание на актуальной для лингвистики дискурса методике – тематическом анализе, рожденном в русле социологических исследований и адаптированном под лингвистические задачи. Продемонстрировано, что данный вид анализа помогает реконструировать предмет-ориентированное (референтное) содержание конкретных дискурсов – текстов с «вписанной» в них контекстуальной информацией. Показано, как при помощи данного метода реконструируются когнитивные, прагматические, парадигматические и синтагматические структуры макротекстового пространства. Описана процедура глубинного тематического анализа, при которой интегрируется тематический анализ качественной социологии, диалого-перформативный анализ нарративных исследований, методы реконструкции дискурс-картин мира и дискурс-портретов адресантов в контексте функционирования дискурсов. Отмечено, что метод включает в себя ряд частных методик и техник для сбора и организации базы данных, описания, верификации, теоретического моделирования. Констатируется, что пошаговое исследование вербального ряда включает в себя идентификацию тем с учетом эксплицитной и имплицитной репрезентации, в связи с чем актуализируется значимость метода абдукции, предваряющего переход от индуктивного сбора информации к дедуктивному и обратно. Выявлена специфика проведения тематического анализа в лингвистическом исследовании на примере отдельного случая: дискурсии победителя первого выпуска русскоязычного реалити-шоу «Последний герой – 1».

Ключевые слова: тематический анализ; маркеры; технология когнитивного картирования; качественный анализ.

ТЭМАТЫЧНЫ АНАЛІЗ ЯК РАЗНАВІДНАСЦЬ ДЫСКУРС-АНАЛІЗУ: СІНТЭЗ САЦЫЯЛАГІЧНАГА І ЛІНГВІСТЫЧНАГА ПАДХОДАЎ

А. А. ТУРКИНА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Засяроджана ўвага на актуальнай для лінгвістыкі дыскурсу методцы – тэматычным аналізе, народжаным у рэчышчы сацыялагічных даследаванняў і адаптаваным пад лінгвістычныя задачы. Прадэманстравана, што гэты від аналізу дапамагае рэканструяваць прадмет-арыентаваны (рэферэнтны) змест канкрэтных дыскурсіў – тэкстаў з «упісанай» у іх кантэкстуальнай інфармацыяй. Паказана, як пры дапамозе дадзенага метаду рэканструюцца кагнітыўныя, прагматычныя, парадыгматычныя і сінтагматычныя структуры макратэкставай прасторы. Апісана працэдура глыбіннага тэматычнага аналізу, пры якой інтэгруецца тэматычны аналіз якаснай сацыялогіі, дыялога-перфарматыўны аналіз наратыўных даследаванняў, метады рэканструкцыі дыскурс-карціны свету і дыскурс-партрэтаў адрасантаў у кантэксце функцыянавання дыскурсаў. Адзначана, што метадаў уключае ў сябе шэраг прыватных метадык і тэхнік для збору і арганізацыі баз даных, апісання, верыфікацыі, тэарэтычнага ма-

Образец цитирования:

Туркина О. А. Тематический анализ как разновидность дискурс-анализа: синтез социологического и лингвистического подходов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 76–83.

For citation:

Turkina A. A. Thematic analysis as a type of discourse analysis: synthesis of sociological and linguistic approaches. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 76–83 (in Russ.).

Автор:

Оксана Анатольевна Туркина – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей факультета международных отношений.

Author:

Aksana A. Turkina, senior lecturer at the department of the English language for humanities, faculty of international relations.
turkinaoks@mail.ru

дэлявання. Канстатуецца, што пакрокавае даследаванне вербальнага шэрагу ўключае ў сябе ідэнтыфікацыю тэм з улікам экспліцытнай і імпліцытнай рэпрэзентацыі, у сувязі з чым актуалізуецца значнасць метаду абдукцыі, які папярэднічае пераходу ад індуктыўнага збору інфармацыі да дэдуктыўнага і наадварот. Выяўлена спецыфіка правядзення тэматычнага аналізу ў лінгвістычным даследаванні на прыкладзе асобнага выпадку: дыскурсіі пераможцы першага выпуску рускамоўнага рэаліці-шоу «Апошні герой – 1».

Ключавыя словы: тэматычны аналіз; маркеры; тэхналогія кагнітыўнага картавання; якасны аналіз.

THEMATIC ANALYSIS AS A TYPE OF DISCOURSE ANALYSIS: SYNTHESIS OF SOCIOLOGICAL AND LINGUISTIC APPROACHES

A. A. TURKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article focuses attention on the actual for linguistic discourse methodology – a thematic analysis, born in the course of sociological research and adapted for linguistic tasks. The article describes and demonstrates how this kind of analysis helps to reconstruct the subject-oriented (reference) content of specific discourses (texts with contextual information inscribed in them), namely, how to reconstruct cognitive, pragmatic, paradigmatic and syntagmatic structure of macrotext space. The article describes the procedure of in-depth thematic analysis, in which the thematic analysis of qualitative sociology is integrated, a dialogue-performative analysis of narrative studies, methods for reconstructing discourse pictures of the world and discourse-portraits of addressees in the context of the functioning of discourses. The method includes a number of private techniques and techniques for the collection and organization of a database, description, verification, theoretical modeling. A step-by-step study of the verbal series involves identifying topics with an explicit and implicit representation. In this connection, the abduction method is significant, which precedes the transition from inductive collection of information to the deductive and back. The article describes the specifics of conducting a thematic analysis in a linguistic study on the example of an individual case: the discourse of the winner of the first issue of the Russian-language reality show «The Survivor – 1».

Key words: thematic analysis; markers; technology of cognitive mapping; a qualitative analysis.

Введение

Современная гуманитарно-социальная наука предлагает два исследовательских пути, которые являются общепризнанными и принимаются как научно состоятельные, приносящие достоверные результаты – количественный и качественный, – оба подхода используются для анализа продуктов культуры (в том числе текстов). Методы их инструментальны, т. е. носят характер технологий, с той лишь разницей, что опираются на различные базовые теоретические установки. Тем не менее оба пути направлены на установление связи между содержанием, автором, социальным контекстом и адресатом [1, с. 110], что и определяет их значимость для относительно нового направления языковедения – лингвистики дискурса. Целевая установка статьи – показать актуальную для современной лингвистической науки, изучающей макротекстовое пространство, тенденцию расширения методического аппарата за счет применения методик качественного анализа текстового пространства, используемых в социологии. Задачами статьи стали репрезентация тематического анализа и иллюстрация его использования.

Социологические методики, адаптированные лингвистикой

В конце XX в. языковедение начинает активно использовать социологические методы изучения содержательного потенциала текстов и подсчета формантов текстового пространства – единиц, содержательно значимых для порождения и функционирования текстов. Таким методом был прежде всего контент-анализ. Количественная характеристика исследуемого объекта (текстового пространства) стала в контент-анализе ведущей, хотя этот метод и называют качественно-количественным. Контент-анализ родился именно в противопоставлении качественному (квалитативному) методу, а до этого изучение содержания текстового пространства предполагало использование исключительно квалитативных методов, к которым относится, например, логический анализ.

Контент-анализ был призван преодолеть такой недостаток исследовательской процедуры, как субъективизм. В лингвистику данный метод вошел в контексте новой тенденции в лингвистике – интердисциплинарного исследования. Сегодня этот метод широко используется в контексте изучения содержательного плана коммуникативных продуктов.

Оригинальной формой контент-анализа является количественная исследовательская модель, характеризующаяся, во-первых, систематичностью – алгоритмизированной, стандартизированной процедурой анализа; во-вторых, объективностью текстовой информации; в-третьих, обобщенностью результатов исследования [2, с. 269]. Данные принципы контент-анализа объяснены в словарных статьях следующим образом:

- систематичность при контент-анализе реализуется в том, что все исследование содержания проводится по единой стандартной методике, с соблюдением правил отбора элементов выборки, составляющих объект исследования;

- объективность исследования достигается благодаря соблюдению алгоритмизированного перевода текстовой информации в количественные показатели, однозначное определение единиц анализа;

- принцип обобщенности состоит в том, чтобы получить из текста информацию о внетекстовой реальности – фактах, явлениях, условиях реальной действительности, коммуникантах, – что достигается за счет реконструкции, во-первых, событий на основе самого текста, во-вторых, стратегий адресанта, в-третьих, потребностей, интересов, ожиданий аудитории, адресата [3].

Контент-анализ реконструирует предметную сторону коммуникации. Однако этого недостаточно при изучении текстов с позиции коммуникативной лингвистики, коммуникативистики, лингвистики дискурса, качественной социологии. Здесь уже не может оставаться незамеченным тот факт, что текст создается людьми и для людей (читателей, слушающих, общающихся). Соответственно, текст в своем функциональном бытии – это не только поле функциональной семантики, грамматики, стилистики, но и поле взаимодействия коммуникантов, что требует от исследователя анализа интерактивного (субъект-субъектного) речевого поведения, анализа коммуникативной деятельности субъектов коммуникации в полном объеме (информация + интеракция).

В настоящее время весьма актуален вопрос о том, насколько объективированы методики, изучающие интерактивное поле коммуникации. Понятно, что как объективные, так и субъективные показатели объекта исследования могут и должны дополнять и верифицировать друг друга [2, с. 270]. Однако так ли субъективны субъект-предметные взаимоотношения, если мы смотрим на них как на объект исследования? И здесь нам также помогает качественное направление исследований (и в русле социологии, и в русле лингвистики дискурса), которое добивается технологического совершенства в поиске процедур своего анализа.

Дискурс конструирует контент, который маркируется на трех этапах (уровнях) репрезентации:

- языковом (номинативно, в том числе парадигматически, представленном);
- речевом (тематически, в том числе синтагматически, представленном);
- дискурсном (представленном с позиции знаковой, т. е. языковой – в контексте поступательного развития языковой системы) и речевой деятельности (в контексте постоянно присутствующего процесса текстопорождения).

Удвоение кода маркирования на всех этапах репрезентации в каждом отдельном случае предполагает глубинный анализ, включающий верификацию обрабатываемой базы данных, целью которого является понимание деталей репрезентации содержания коммуникации. Перенос всех элементов такого комплексного явления, как контент, в пространство интеракции (социальной деятельности людей) предполагает уже не анализ, а *синтез*, рождение нового, иного исследовательского объекта. Каузально-генетический подход называет такой объект кластерным [4, с. 54].

Из этого следует вывод о необходимости методик синтеза наравне с методиками анализа. Дискурс-анализ, выходящий на моделирование объекта исследования (текста в социальном контексте), обеспечивает единство аналитических и синтезирующих исследовательских практик. И именно в этом контексте мы говорим о необходимости использования тематического анализа в том понимании, в котором сегодня используется данный подход к анализу контента социологических документов в социологической науке. И это весьма логично для лингвистики. Приняв контент-анализ, она не может противостоять принятию тематического анализа текстового пространства. Так что же представляет собой тематический анализ с позиции социологического знания? Для ответа на этот вопрос обратимся в дальнейшем исследовании к ставшему классическим в данном контексте источнику – книге Гэри Райана и Рассела Бернарда «Технологии идентификации тем» (*Techniques to identify themes*) [5, с. 85–109].

Каузально-генетический подход как лингвистический исследовательский ресурс. Принимая дискурс как кластерную единицу анализа (согласно каузально-генетическому подходу к исследованию дискурса), т. е. как вербализованное событие, мысль, действие [4, с. 55], как знание об адресанте и адресате, знание, социально оцененное и соотнесенное с опытом и коммуникативно актуализированными взаимоотношениями коммуникантов, мы признаем его целостность, но также и его комплексность и сложность как объекта лингвистического исследования. Следовательно, для изучения дискурса

необходим соответствующий методологический аппарат, позволяющий увидеть план содержания нашего объекта наиболее полно. Нам представляется целесообразным использовать это знание, рожденное в русле каузально-генетического подхода, предлагающего в том числе изучение дискурса как объекта лингвистики в тройном режиме: статике, функциональной данности и динамики. Иначе говоря, подход предлагает изучение и программу изучения собственно структурной организации дискурса с обязательным выходом на системное видение его типов, что в итоге приводит к их теоретическому моделированию, а значит, пониманию того, в каких функциональных моделях реализует себя определенный тип дискурса.

В рамках данного подхода системная модель содержания дискурса представлена как контекстуально ограниченная. Но при этом контекст видится во множестве его составляющих, которые взаимно пересекаются. Это определяемые временными параметрами причины порождения дискурса (фактумы), такие как речевое поведение, языковой опыт, практическая деятельность и функционирование языка. Также это определяемые пространственно причины порождения дискурса (факторы) – социальная и когнитивная практики, функционально поддержанные текстологической и языковой практиками [1, с. 37].

В результате пересечения (синтеза) указанных источников содержания дискурса, а значит и типов дискурса, выделяются следующие элементы моделирования содержания дискурса:

1) *референтный план*, социально оцененный, понятийно (когнитивно) структурированный и функционально репрезентированный в синтагматических и парадигматических планах (предмет-ориентированное содержание) – *актуализированная тема в ее многопрофильном развитии*;

2) *кортежный план*, социально оцененный, форматно-структурированный и функционально репрезентированный синтагматикой текста и парадигматикой языка – актуализированный коммуникативный кортеж в его многопрофильном развитии. Ранее этот пласт изучался социологией, будучи объектом, а точнее аспектом исследования данной науки. Теперь он изучается в качестве со-объекта лингвистики дискурса (наравне с представленным выше референтным содержательным кластером). Под кортежем мы понимаем группу коммуникантов в их коммуникативном взаимодействии в конкретной коммуникативной ситуации. При этом состав данной коммуникативной группы активно влияет на динамику содержательного формирования дискурса.

С учетом того, что каждый из планов содержания дискурса (референтный и кортежный) может стать центром содержания (контентом), в то время как другой – его периферией (контекстом), тематический анализ является хорошим подспорьем для реконструкции содержания, а значит и для моделирования дискурса в его функциональной проекции (реконструкции функциональных вариантов типа дискурса).

Обратимся к самой сути тематического анализа, показав его значимость для лингвистики дискурса.

Тематический анализ – это, согласно канонам данного метода в социологическом исследовании, фундаментальный метод качественного (качественного) анализа. *Тематический анализ включает в себя следующие этапы:*

- идентификацию тем и подтем, их сортировку, выстраивание в иерархическом порядке и связывание в теоретические модели;
- выявление тем с учетом их развития (ментальные и вербальные структуры тем, специфицирующие их развитие), построение карт, которые демонстрируют тематическую сетку, детализация тем тематической сетки с учетом их парадигматического развития [5, р. 85].

Каузально-генетическая программа исследований развивает эти позиции, предлагая свой вариант когнитивных карт, а также свой вариант синтагматического считывания значимой информации [6, с. 49].

С позиции лингвистических исследований данный подход позволяет углубить понимание центрального, фокусированного содержания конкретных дискурсов в контексте изучения конкретного типа дискурса.

Последователи тематического анализа признают, что, не выделив тематических категорий текста, нечего описывать, сравнивать и объяснять. Идентификация тем целесообразна для сторонников и качественного, и количественного исследовательских подходов. При данном типе анализа привлекаются не только традиционно интерпретационные, но и позитивистские методики, опирающиеся на количественные данные, а также методики критического и постмодернистского анализа.

Тематический анализ: маркирование тем. Как же осуществляется поиск и идентификация тем? Антрополог Моррис Оплер в середине прошлого века вывел три принципа тематического анализа:

1) темы всегда определяемы, несмотря на то, что их воплощение (вербализация) репрезентировано корпусом данных, и наоборот, их воплощение бессмысленно без «привязки» к самим темам;

2) одни темы актуализируются явно и являются культурно обусловленными, другие репрезентированы менее четко, символичны и поддаются идентификации с большим трудом;

3) каждая культура включает набор взаимосвязанных тем, приоритетных в данном социуме. Так, тема – это то, что проявляется в тексте, фильме, ином произведении искусства, изображая реальные объекты, субъекты, явления и воплощенные в вербальной форме концепты [5, р. 86]. Для нас тема – это дискурс-категория, участвующая в реконструкции дискурс-картины мира (предмет-ориентированного, тематического содержания дискурса).

Темы реконструируются на основе полученных данных (метод индукции) и исходя из понимания исследователем изучаемого объекта. Априори темы реконструируются, опираясь на характеристики исследуемого объекта, определения, уже данные ему специалистами, его обывательское общепринятое понимание, отталкиваясь от исследовательских установок, системы ценностей, убеждений и опыта самого исследователя.

Мы предлагаем остановиться на некоторых приемах идентификации тем, описанных как значимые в тематическом маркировании в работе Г. Райана и Р. Бернарда.

В качестве примера обратимся к специфике фиксации тем через *повторы, типологизацию и категоризацию, метафоричность и аналогии, сдвиги, сходства и различия* актуализированных тематических концептов.

Повторная, или регулярная, *актуализация темы* (тематического концепта) может свидетельствовать о том, что этот концепт тематизирован. *Типология* и *категоризация* концептов как индикаторов тем заключается в поиске концептов, регулярно вербализированных необычным, неконвенциональным образом в определенной группе коммуникантов. Этнографы называют это поиском типологических или классификационных схем или культурных доминант. *Метафоричность* и *аналогии* между концептами как индикаторы темы проявляются в том, что мысли, переживания, поведение коммуникантов воплощаются в метафорах и аналогиях [7]. Наоми Куин, уточняя специфику проявления метафоричности и аналогии в тематической репрезентации содержания текстового (дискурсного) пространства, утверждала, что сотенный корпус метафор может быть рассортирован на восемь взаимосвязанных групп, обозначающих для коммуникантов продолжительность, постоянство, одобрение, совместимость, взаимную выгоду, трудности, усилия, успех или неудачу, риск или неудачу. Через метафоры и аналогии, согласно подходу Н. Куин, актуализируются данные концепты, а значит, и они выступают в тексте в качестве тем.

Сдвиги, как изменения в развитии текстовой ткани, также являются маркерами тем: в письменном тексте такими сдвигами являются абзацные отступы, в устной речи – паузы, понижение тона, наличие определенных фраз, сигнализирующих о смене тем. Фиксация *сходств* и *различий* в ходе репрезентации реализует себя как на уровне концептов, так и на уровне корпусов данных, способствуя выявлению тем. Анализ начинается с построчных вопросов типа «О чем это предложение?»; «Чем схоже оно и чем отлично от предыдущего или последующего?». При использовании этого метода исследователь сосредоточен на корпусе данных, а не на своем теоретическом ходе мыслей и научном чутье. Этот метод можно применить для сравнения выражений, используемых коммуникантами (поиск общего и единичного) [5, р. 90].

Тематический анализ включает в себя такие методы, как *наблюдение, описание*, а также *статистический подсчет*.

Наблюдение включает фиксацию, идентификацию и классификацию фактов, реально номинативно организованных (денотат), ментальных (сигнификат), вербальных, событийно-деятельностных (в прагматических отношениях знака и коммуникантов), представленных парадигматически и синтагматически (в системе отношений между знаками одной системы).

Описание включает верификацию (проверку собранной базы данных), а в каких-то случаях и *статистический подсчет*, что в качественных исследованиях не принципиально, но возможно [5, р. 91].

Тематический анализ: примеры использования лингвистами. Как видим, тематический анализ действительно способен вывести исследования макротекстового пространства лингвистов на новую высоту. Первыми эту методику в лингвистических исследованиях русскоязычного пространства стали применять представители каузально-генетического подхода. Опишем кратко материал нашего исследования и процедуру тематического анализа, которую мы при этом использовали. Исследование проведено на материале телевизионной игры «Последний герой – 1» (далее – ПГ-1) (телеканал ОРТ, 2001 г.). В центре внимания оказались три корпуса текстов: общая, промежуточная и целевая выборки. Общая выборка – это все серии сезона телеигры (747 минут эфирного времени); в промежуточную выборку вошли дискурсии четырех из шестнадцати выбывавших на протяжении игры участников и двух игроков, которые впоследствии дошли до финала (2149 словоупотреблений, 32 % всей игры); в целевую выборку вошли дискурсии двух финалистов игры в трех последних эпизодах игры (3953 словоупотребления, 13 % всей игры).

Определение референтного содержания дискурса участников проекта ПГ-1 – стадия, которая следует за сбором данных. Когда очерчена исследовательская выборка, приступаем к тематическому анализу. Выявление тем, актуализированных в тексте, – их идентификация и интерпретация. Идентифицировать тему – значит определить ее *значимость* (выявление темы и уточнение ее места в иерархии других тем, актуализированных в тексте). Интерпретировать тему – значит актуализировать ее *значение* (структурное развитие). Если она получает дальнейшее развитие, поддержку подтем, то она действительно является темой. Если такого развития нет, то данная тема выделена в качестве таковой ошибочно. Исследуя текст с помощью *идентификативно-интерпретативной* методики, мы исследуем его структурную, линейную и иерархическую организацию. Данная стадия распадается на четыре шага.

Первый шаг – выявление всех тем, актуализируемых выбранными коммуникантами, что дает нам возможность определить тематический срез каждого из выбранных нами участников. *Тема* – это частная дискурс-категория, выявление которой дает представление о референте (предмете реальной действительности), отраженном в тексте. *Тематический срез* – это система всех актуализируемых в дискурсе тем, упорядоченных структурно, линейно и иерархически.

Тематическая сетка дискурсов коммуникантов-финалистов представлена с учетом как количественных (таблица), так и качественных показателей (рисунок). Сначала мы выявили вербализованные темы всей игры. Далее полученный материал был организован в таблицу. В ней отображено количество актуализаций ключевых тем игры в дискурсах участников, составивших исследование выборки – промежуточную (четыре коммуниканта) и целевую (второго финалиста и победителя).

Актуализация тем *Я* и *Другие* в дискурсах героев промежуточной выборки и финалистов

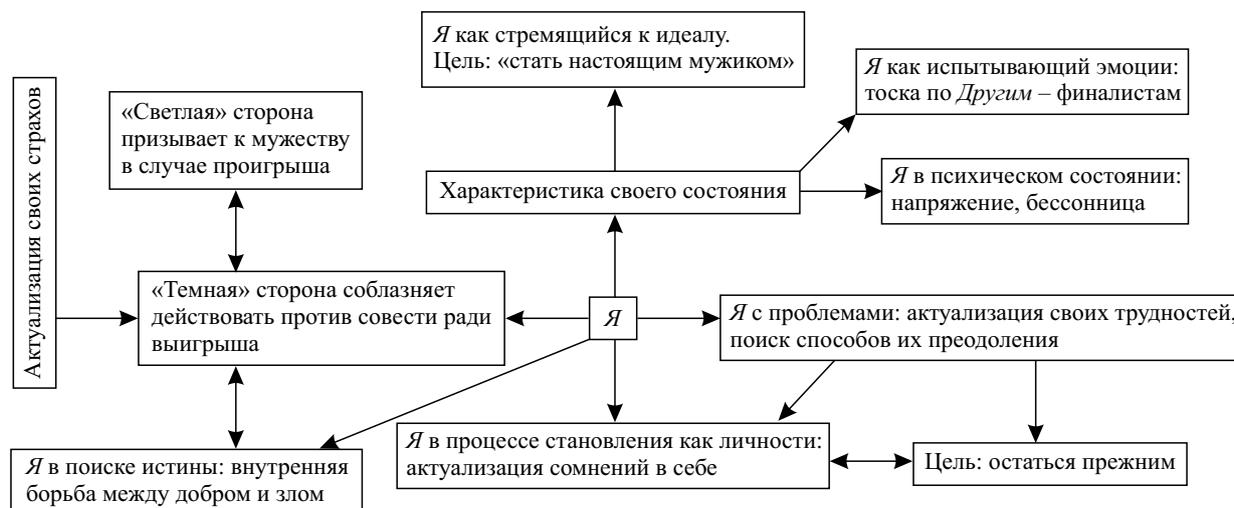
Development of the themes *I* and *Others* in the informants' discourses of the intermediary sample and of the finalists

Темы	Коммуникант 1 (3 дня)	Коммуникант 2 (12 дней)	Коммуникант 3 (30 дней)	Коммуникант 4 (33 дня)	Второй финалист	Победитель
Участники как индивиды: <i>Я</i> -репрезентация	2	4	4	2	4	13
Участники как индивиды: <i>Другие</i> -репрезентация	2	2	5	4	5	8
Участники в группах и коалициях: <i>Мы</i> -репрезентация	–	–	–	3	9	4

Такая форма репрезентации результатов идентификации тем у конкретных коммуникантов в порядке их выбывания из игры позволяет наблюдать общую тенденцию активности тематической актуализации в функциональной зависимости от критерия успешности/неуспешности выбранных коммуникантов.

Второй шаг – выявление структурной организации тематического среза дискурса. При этом текст прочитывается многократно, определяется характер развития выявленных тем по подтемам. Подтема – это подчиненная другой, более широкой, тема, наследующая ее потенциал, призванная развить и углубить ее. Для наглядности представляется целесообразным графически отображать развитие тем по подтемам в виде схем – когнитивных карт. Мы применили методику когнитивного картирования, которая отражает специфику организации базы данных нашего исследования и наглядно передает реконструкцию тем дискурсов коммуникантов в их референтном развитии. Когнитивное картирование – это ключевой элемент технологии дискурс-исследования, проводимый в рамках тематического анализа. Пример когнитивной карты развития темы *Я* победителя телеигры ПГ-1 приведен на рисунке.

Основанием для построения когнитивной карты стал следующий вербальный анализ дискурсов победителя. Тема *Я* победителя получила развитие в пяти подтемах. *Я*-репрезентация актуализируется, во-первых, как состояние внутренней борьбы между злом и добром внутри него самого, стремление добиться в этой борьбе баланса, внутреннего спокойствия, как страх проиграть эту борьбу и попасть во власть зла (*Во мне борются дьявол и ангел; чего я боюсь, стоя на грани между хорошим и плохим, – это что зло заберет меня*); во-вторых, как наличие цели – достичь идеала (*стать настоящим мужиком*); в-третьих, как описание своего эмоционального состояния после игры, как тоски по другим финалистам (*Сейчас только понимаешь, что будешь скучать по этому острову, по этим людям, с которыми на последней финальной прямой оказался*); в-четвертых, как описание своего состояния на последнем совете племени в шаге от победы или проигрыша как крайнего напряжения, проявляющегося в бессоннице (*...если мне суждено проиграть, чтобы мне хватило мужества принять это. Потому что я боролся с этим, не мог заснуть*); в-пятых, как признание своих слабых мест в игре и за ее пределами, чувство стыда (*Мне кажется, за что-то мне было стыдно. Очень тяжело оставаться таким, каким ты есть, еще тяжелее изменить себя в лучшую сторону*).

Когнитивная карта «Развитие темы Я в дискурсе победителя»
Cognitive map «I-theme development in the winner's discourse»

Чем интенсивнее «разветвляется» тема по подтемам, тем качественнее она проработана адресантом, поскольку он стремится рассмотреть ее в разных ракурсах, под различными углами зрения. Может случиться так, что первоначально выделенная нами подтема, подчиненная какой-либо теме, получает собственное достаточно интенсивное развитие и «разветвляется» по собственным подтемам. В этом случае мы признаем, что выделили ее в качестве подтемы ошибочно и приписываем ей статус темы.

Заключение

Используя тематический анализ в рамках каузально-генетического подхода, мы получаем возможность исследовать темы в их структурно-иерархическом развитии, что объединяет и количественный, и качественный подходы в исследовании плана содержания текста. Эти два подхода гармонично взаимодействуют друг друга, в результате чего исследование плана содержания поднимается на более высокую степень своей эффективности и достоверности.

Библиографические ссылки

1. Ухванова И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск : БГУ, 2014.
2. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / под общ. Ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : БГУ, 2000. Вып. 2
3. Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. М., 1999. Т. 4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abs/18/ma409912.htm> (дата обращения: 12.03.2016).
4. La table ronde. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики : в 2 ч. Минск : РИВШ, 2013. Ч. 2.
5. Ryan W. G. Techniques to identify themes // *Field Methods*. Florida, 2003. P. 85–109.
6. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Введение в дискурс-аналитические практики, или Чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. Минск, 2008. Вып. 5. С. 49–78.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. / пер. и сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршин. М., 1987. С. 126–170.

References

1. Uhvanova I. *Kauzal'no-geneticheskii podkhod v kontekste lingvistiki diskursa* [The causal-genetic approach in the context of the linguistics of discourse]. Minsk : BSU, 2014 (in Russ.).
2. [Methodology of political discourse research: actual problems of substantive analysis of social and political texts] : in 6 parts. Minsk, 2000. Issue 2 (in Russ.).
3. [Dictionary of the Russian language] : in 4 vols. Moscow, 1999. Vol. 4. URL: <http://febweb.ru/feb/mas/mas-abs/18/ma409912.htm> (date of access: 12.03.2016) (in Russ.).

4. *Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoi slavistiki* [La table ronde. Linguistics of the discourse and prospects for its development in the paradigm of modern Slavic studies] : in 2 parts. Minsk : RIVSH, 2013. Issue 2 (in Russ.).
5. Ryan W. G. Techniques to identify themes. *Field Methods*. Florida, 2003. P. 85–109.
6. Uhvanova-Shmygova I. [Introduction to discourse-analytical practices, or How does content analysis differ from discourse analysis]. *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy sodержatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Methodology of political discourse research: actual problems of substantive analysis of social and political texts]. Minsk, 2008. Issue. 5. P. 49–78 (in Russ.).
7. Lakoff J. [Metaphors by which we live]. In: *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, 1987. P. 126–170 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 29.11.2017.
Received by editorial board 29.11.2017.*

УДК 811.161.1'367.625.1

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ СУБЪЕКТА И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТА КАК «КОМПЕНСАТОРЫ» СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н. И. КРАСКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются русские и белорусские глаголы движения субъекта и перемещения объекта, способные выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия. Описаны группы глаголов движения субъекта и перемещения объекта в русском и белорусском языках и базовые глаголы данных групп. Очерчен круг компонентов значений, на основе которых соответствующие единицы в качестве функционально-текстовых глаголов включаются в состав функционально-семантических классов русских и белорусских глаголов восприятия.

Ключевые слова: функционально-семантический класс; функционально-текстовые глаголы; глаголы восприятия; глаголы движения субъекта и перемещения объекта; семантика слова; сема.

ДЗЕЯСЛОВЫ РУХУ СУБ'ЕКТА І ПЕРАМЯШЧЭННЯ АБ'ЕКТА ЯК «КАМПЕНСАТАРЫ» СЕМАНТЫКІ ДЗЕЯСЛОВАЎ УСПРЫМАННЯ Ў РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

М. І. КРАСКОЎСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца рускія і беларускія дзеясловы руху суб'екта і перамяшчэння аб'екта, здольныя выступаць у ролі функцыянальна-тэкставых дзеясловаў успрымання. Акрэслены групы дзеясловаў руху суб'екта і перамяшчэння аб'екта ў рускай і беларускай мовах і базавыя дзеясловы гэтых груп, а таксама набор кампанентаў значэнняў, на падставе якіх адпаведныя адзінкі ў якасці функцыянальна-тэкставых дзеясловаў уключаюцца ў склад функцыянальна-семантычных класаў рускіх і беларускіх дзеясловаў успрымання.

Ключавыя словы: функцыянальна-семантычны клас; функцыянальна-тэкставыя дзеясловы; дзеясловы ўспрымання; дзеясловы руху суб'екта і перамяшчэння аб'екта; семантыка слова; сема.

Образец цитирования:

Красковский Н. И. Глаголы движения субъекта и перемещения объекта как «компенсаторы» семантики глаголов восприятия в русском и белорусском языках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 84–93.

For citation:

Kraskouski M. I. Verbs of the subject's movement and object's movement as the «compensators» of semantics of perception verbs in Russian and Belarusian languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 84–93 (in Russ.).

Автор:

Николай Игоревич Красковский – аспирант кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Mikalai I. Kraskouski, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
nikolai.kraskovsky@yandex.ru

VERBS OF THE SUBJECT'S MOVEMENT AND OBJECT'S MOVEMENT
AS THE «COMPENSATORS» OF SEMANTICS OF PERCEPTION VERBS
IN RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGESM. I. KRASKOUSKI^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The Russian and Belarusian verbs of the subject's movement and object's movement are analyzed, which can be used as functional-text verbs of perception. The groups of verbs of the subject's movement and the object's movement in Russian and Belarusian languages and the basic verbs of these groups are described. Semes are named, on the basis of which words as functional-text verbs are included in the functional-semantic groups of the Russian and Belarusian verbs of perception.

Key words: functional-semantic group; functional-text verbs; verbs of perception; verbs of the subject's movement and object's movement; word semantics; seme.

Введение

Системное описание лексики предполагает изучение парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений. Комбинаторные принципы, в соответствии с которыми из более мелких языковых элементов составляются более крупные, определяются синтагматическими отношениями; парадигматические отношения характеризуют строение любых группировок или классов, выделенных в языке по принципу формальной или семантической общности их членов и в то же время противопоставленных друг другу по одному из этих оснований [1, с. 156]. Вслед за Д. Н. Шмелевым исследователи, обращаясь к деривационным связям слов, наряду с понятием парадигматики в лексике рассматривают и специальные **эпидигматические отношения**, которые отражают способность слова благодаря словообразованию и процессам его семантического развития входить одновременно в различные лексико-семантические парадигмы [1, с. 191]. Единицы одной лексико-семантической парадигмы могут **регулярно** переходить в состав другой парадигмы. В таких случаях лингвисты говорят о еще одном существенном свойстве лексических систем – **пересекаемости лексико-семантических парадигм** (Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко, И. М. Волчкова и др.).

Одним из первых данному вопросу в своих трудах стал уделять внимание А. В. Бондарко [2; 3]. Само явление лексико-семантической пересекаемости обусловлено сложностью семной организации лексики. Семная структура слова включает иерархически организованные компоненты, находящиеся в динамическом равновесии. В разных контекстных условиях соотношение этих семантических признаков меняется: одни у них актуализируются, выдвигаются в **центр**, другие затухают, удаляясь на **периферию**. Именно эта подвижность семантических признаков мотивирует существование первичных и вторичных значений, оттенков значений. Ученые, занимаясь семантической классификацией слов, прежде всего учитывают ядерные компоненты лексических значений, причем первичных, основных. Но пересекаемость словесных парадигм, их связи проявляются преимущественно на уровне вторичных значений, многозначности. Противопоставление «центр – периферия» многостороннее. Разные основания рассматриваемого членения отразились в различных подходах исследователей. Например, В. Г. Адмони взял за основу данного противопоставления полноту и максимальную интенсивность, концентрацию признаков в центре структуры и их разреженность, ослабление на периферии. Исследователи Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс считают структурной доминантой конститuent, наиболее специализированный для выражения данного значения, передающий его наиболее однозначно, систематически используемый [4, с. 7–10].

Многие лингвисты, стремящиеся к системному описанию лексического массива, занимаются исследованием лексико-семантических групп (ЛСГ) либо расширенных по своему составу лексических объединений – функционально-семантических классов слов (ФСК). Соотношение данных терминов, структурно-семантические и функциональные особенности ЛСГ и ФСК на материале глагольной лексики восприятия и перемещения в пространстве в русском и белорусском языках были подробно рассмотрены в одной из наших публикаций [5]. Если ЛСГ – это группа слов одной части речи, имеющих в своих значениях общий интегральный семантический компонент или компоненты (главным образом исходные) и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, то ФСК – это «множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соотнесенности, объединенных категориально-лексической семьей, которая может быть онтологически присущей слову

(исходной) или наведенной контекстом (производной), и выполняющих единую семантико-синтаксическую функцию в речи» [6, с. 72]. ФСК слов по отношению к соответствующей ЛСГ – объединение иного, «расширенного» типа. Так, рассматривавшийся нами ФСК глаголов восприятия включает как собственно глаголы восприятия (глаголы, составляющие ЛСГ восприятия), так и **функционально-текстовые глаголы**¹, относящиеся по своему основному значению к иным ЛСГ. Другими словами, в состав того или иного ФСК (в нашем случае глагольного) входят единицы нескольких ЛСГ, в том числе претерпевающие в определенном речевом контексте смысловые модификации: метафоризирующиеся, развивающие ассоциативно-образное значение, испытывающие актуализацию одних компонентов значения при затухании других.

Материалы и методы исследования

Согласно идее непрерывного семантического пространства языка практически от любого глагольного ФСК через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев можно прийти к другому ФСК. На более ранних этапах настоящего исследования мы установили, что в роли функционально-текстовых глаголов восприятия **регулярно и наиболее активно** выступают глаголы, относящиеся по своему основному значению к ЛСГ **перемещения в пространстве** [5]. Указанные глагольные объединения взаимодействуют (пересекаются) не хаотично – это системный процесс, причем односторонний. ФСК глаголов восприятия пополняет свой состав за счет глаголов перемещения, при этом отдавая ФСК глаголов перемещения собственных единиц. Глаголы перемещения в пространстве, обладая большим количеством дифференциальных сем, помогают представить **степень интенсивности** процесса (большая степень интенсивности: *Смуглая кожа его лица, перерезанная уродливым глубоким шрамом, дрожала, губы искривились, темные, слепо прикрытые глаза бежали по комнате, минув хозяйина...* (М. Горький)²; *Плоскія алавыяныя вочы Гвардыяна пачалі трывожна шынарыць на баках, нібы шукаючы нейкай апоры* (М. Зарэцкі); меньшая степень интенсивности: *Взгляд его сполз вниз по ее статной фигуре и вдруг загнулся...* (С. Каледин); *Шэры і гладкі тэлеграфны слуп са злавесным гудзеннем праплыў перад яе вачыма* (Я. Брыль)), разграничить ситуации, при которых субъект является инициатором процесса восприятия (**активное восприятие**) или «объекты-раздражители» окружающей действительности попадают в поле восприятия субъекта (**пассивное восприятие**): *Доктор бросил взгляд на бумажку и ахнул* (Б. Пастернак); *В темноте бросились в глаза крупно написанные мелом на воротах бесстыдные слова* (М. Горький).

Путем компонентного анализа значения функционально-текстовых глаголов восприятия, относящихся по своей основной семантике к ЛСГ глаголов перемещения в пространстве, был выявлен круг **основных сем-компенсаторов**, которые отсутствуют в семантической структуре первичных глаголов восприятия [5]. Для осуществления данной задачи в соответствии с общепринятым алгоритмом были проанализированы словарные дефиниции «Малого академического словаря», «Большого толкового словаря русского языка» (под ред. С. А. Кузнецова) и «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» в пяти томах. Вместе с тем на более поздней стадии исследования при описании рассматриваемых ФСК русского языка и построении соответствующих ФСК в белорусском языке методом «челночного» перевода³ [8; 9] мы обратились к данным новейшего идеографического издания «Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (далее – ТСРГИО) [10]. Редактором словаря выступила Л. Г. Бабенко, возглавившая уральскую семантическую школу, созданную профессором Э. В. Кузнецовой, от чьих трудов берет начало массовое изучение различных ЛСГ и ФСК. Материалы ТСРГИО помогли подробно описать особенности структуры ФСК глаголов восприятия в русском и белорусском языках [11]. Обоснованный дальнейший шаг – проведение столь же подробной классификации ранее выявленных русских и белорусских глаголов перемещения в пространстве с учетом новейших словарных данных.

¹ Вслед за Э. В. Кузнецовой и Л. Г. Бабенко функционально-текстовыми глаголами мы называем глаголы различных ЛСГ, входящие в состав определенного ФСК на базе неосновного компонента значения [6; 7]. Например, функционально-текстовыми являются глаголы типа *брать, приносить, давить* и прочие в функции предикатов чувств (глаголов эмоционального состояния): *Ее брало сомнение, слезы принесли бы ему облегчение, глубокая тоска сдавила ее грудь*. Функционально-текстовые глаголы обычно вычлениаются из текстовых объединений особого типа – «глагольных комплексов» (глагольно-именных конструкций-метафор), где глаголы различных ЛСГ испытывают контекстуальные смысловые нарушения [7].

² В работе использованы материалы текстовых корпусов русского и белорусского языков: www.ruscorpora.ru и www.bnkorpus.info.

³ Метод «челночного» перевода представляет собой многоступенчатый перевод слов с одного близкородственного языка на другой в обоих направлениях, дающий возможность составить параллельные парадигмы слов в данных языках. Впервые был предложен И. С. Ровдо в работе «Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования» [9]. Если в российском языкознании существуют идеографические словари глаголов (включающие различные ЛСГ, фрагменты ФСК), в отечественной лингвистике на данном этапе таких работ нет. Следовательно, глагольные парадигмы необходимо составлять отдельно.

Результаты и обсуждение

Соглашаясь с авторами – составителями ТСРГИО, считаем необходимым выделить в рамках тематической группы глаголов перемещения в пространстве в русском и белорусском языках групп глаголов **движения субъекта и перемещения объекта**. Указанное разграничение поможет еще более полно очертить круг компонентов значений, на основе которых соответствующие глагольные единицы в качестве функционально-текстовых глаголов включаются в состав ФСК русских и белорусских глаголов восприятия. Выделим подгруппы в рамках групп глаголов движения субъекта и перемещения объекта в русском и белорусском языках, укажем их типовую семантику и перечислим базовые глаголы каждой подгруппы в русском и белорусском языках.

1. Глаголы движения.

1.1. Глаголы поступательного движения субъекта.

1.1.1. Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (типичная семантика – двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. (обычно о горизонтальном или вертикальном движении) по твердой поверхности или в жидкой, воздушной среде (о живом существе, средствах передвижения, о чем-л. способном двигаться)):

двигаться (двинуться), перемещаться (переместиться); *рухацца (рушыць), перасунуцца (перасоўвацца).*

1.1.2. Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта (типичная семантика: двигаясь по твердой поверхности, в воздушной или водной среде, удаляться (удалиться) откуда-л. (о живых существах, средствах передвижения)):

удаляться (удалиться), двигаться (двигаться), падать (упасть); *аддаляцца (аддаліцца), рухацца (рушыць), падаць (упасці).*

1.1.3. Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта (типичная семантика: двигаясь по твердой поверхности, в воздушной или водной среде, прибывать (прибыть) куда-л., достигать (достичь) кого-л. или чего-л. (о живых существах, средствах передвижения)):

достигать (достичь), прибывать (прибыть), подниматься (подняться), добираться (добраться), равняться (поравняться); *дасягаць (дасягнуць), прыбываць (прыбыць), уздымацца (узняцца), дабірацца (дабрацца), раўняцца (параўняцца).*

1.1.4. Глаголы разнонаправленного движения субъекта (типичная семантика: двигаться в разных направлениях (о живых существах, средствах передвижения или о чем-л. способном двигаться)):

двигаться; *рухацца.*

1.2. Глаголы непоступательного движения субъекта.

1.2.1. Глаголы беспорядочного, вращательного и колебательного движения (типичная семантика: двигаться на одном месте или в пределах ограниченного пространства, совершая беспорядочные нерегулярные движения в разные стороны или мерные однообразные движения из стороны в сторону или сверху вниз):

двигаться, вращаться, колебаться, шевелиться; *рухацца, круціцца, вагацца, варушыцца.*

2. Глаголы перемещения объекта.

2.1. Глаголы направленного перемещения.

2.1.1. Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (типичная семантика: заставлять (заставить) какой-л. объект перемещаться откуда-л. куда-л.):

перемещать (переместить), перемещаться (переместиться); *перамяшчаць (перамясціць), перамяшчацца (перамясціцца).*

2.1.2. Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного пункта (типичная семантика: перемещать (переместить) какой-л. объект или позволять (позволить), заставлять (заставить) какой-л. объект перемещаться откуда-л., удаляться откуда-л.):

заставлять (заставить) перемещаться (переместиться), перемещать (переместить); *прымушаць (прымусіць) перамяшчацца (перамясціцца), перамяшчаць (перамясціць),*

перемещаться (переместиться), позволять (позволить) перемещаться (переместиться);

перамяшчацца (перамясціцца), дазваляць (дазволіць) перамяшчацца (перамясціцца).

2.1.3. Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (типовая семантика: заставлять (заставить) какой-л. объект перемещаться (переместиться) в каком-л. направлении до определенной точки, перемещать (переместить) кого, что-л. к чему-л., до чего-л., во что-л., куда-л.):

заставлять (заставить) перемещаться (переместиться), перемещать (переместить), перемещаться (переместиться), позволять (позволить) перемещаться (переместиться);

прымушаць (прымусіць) перамяшчацца (перамясціцца), перамяшчаць (перамясціць), перамяшчацца (перамясціцца), дазваляць (дазволіць) перамяшчацца (перамясціцца).

2.1.4. Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно промежуточного пункта (типовая семантика: заставлять (заставить) объект переместиться в каком-л. направлении, минуя определенную точку, лежащую между исходным и конечным пунктом движения):

перемещаться (переместиться), перемещать (переместить);

перамяшчацца (перамясціцца), перамяшчаць (перамясціць).

2.2. Глаголы ненаправленного перемещения.

2.2.1. Глаголы кругового и вращательного перемещения (типовая семантика: приводить (привести) какой-л. объект или его часть в состояние покоя – кругового, колебательного или непоступательного, неритмичного разнонаправленного движения):

делать (сделать) какие-л. движения, приводить (привести) в какое-л. движение, вызывать (вызвать) какое-л. движение;

рабіць (зрабіць) якія-н. рухі, прыводзіць (прывесці) у які-н. рух, выклікаць (выклікаць) які-н. рух.

Выявленные русские и белорусские глаголы, относящиеся по своему основному значению к ЛСГ глаголов движения субъекта и перемещения объекта, можно разделить на две группы: 1) глаголы движения субъекта и перемещения объекта, выступающие в составе вторичных номинаций, сообщающих о процессе восприятия, т. е. являющиеся функционально-текстовыми глаголами восприятия; 2) глаголы движения субъекта и перемещения объекта, не выступающие в роли функционально-текстовых глаголов восприятия в рамках корпусов проанализированных текстов. Соответствующая информация представлена в табл. 1 и 2 (в статье публикуются фрагменты таблиц, содержащие данные о глаголах однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (1.1.1)). В настоящей статье приведены начальные фрагменты таблиц, структура обеих таблиц идентична.

Таблица 1

Русские глаголы движения субъекта и перемещения объекта, включенные в состав ФСК восприятия (фрагмент)

Table 1

The Russian verbs of the subject's movement and object's movement, that were included in the composition of FSG of perception (fragment)

№	Глагол и дефиниция	Включение в состав ФСК восприятия	Характер процесса восприятия (активное/пассивное восприятие)	Компоненты значения, на основе которых осуществляется включение	Пример употребления
1	БЕЖАТЬ, несов. Двигаться откуда-л. куда-л. усиленно, скоро перебирая ногами и быстро, резко отгалкиваясь ими от поверхности земли; син. – мчаться, нестись	+	Акт.	Изменять местоположение в пространстве Двигаться поступательно Двигаться в определенном направлении Двигаться откуда-л. куда-л. Двигаться по твердой поверхности Двигаться быстро Двигаться резко Двигаться, используя ноги	<i>Впереди группы труслили двое пограничников, выполнявших смешанную роль следопытов и Пинкертонов. Их привычные глаза бежали по следам, оставленным конями тов. Светлова, следы эти, впрочем, были видны и без всякого следопытства (И. Солоневич)</i>

Окончание табл. 1
Ending table 1

№	Глагол и дефиниция	Включение в состав ФСК восприятия	Характер процесса восприятия (активное/пассивное восприятие)	Компоненты значения, на основе которых осуществляется включение	Пример употребления
2	БРЕСТИ, несов. Двигаться откуда-л. в каком-л. направлении медленно, с трудом, едва передвигая ноги; син. – <i>разг.</i> плестись, тащиться	+	Акт.	Изменять местоположение в пространстве Двигаться поступательно Двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. Двигаться по твердой поверхности Двигаться медленно Двигаться с трудом Двигаться, используя ноги	<i>Набрел смурным взглядом на часы – и обнаружил, что еще рано</i> (З. Прилепин)
3	БРОСАТЬСЯ, несов. Двигаясь быстро, стремительно откуда-л., чаще всего сверху вниз, прыгать (прыгнуть); син. – кидаться	+ (частотн.)	Пас.	Изменять местоположение в пространстве Двигаться поступательно Двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. Двигаться по твердой поверхности или в воздушной среде Двигаться быстро Двигаться сверху вниз	<i>И вдруг на одной из ледяных льдин бросились в глаза две крошечные черные точки</i> (М. Бабушкин)
4	БРЯКАТЬСЯ, несов., <i>разг.</i> Двигаясь откуда-л. сверху вниз, с силой, шумом, стуком, падать (упасть); син. – <i>разг.</i> бухаться, грохаться, хлопаться, шлепаться	—	—	—	—
5	ЗАМЫКАТЬ, несов., что. Двигаться в каком-л. направлении последним, в конце колонны, войскового соединения и т. п.	—	—	—	—

Примечание. Здесь и в табл. 2 знаком + обозначены глаголы движения субъекта и перемещения объекта, способные выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия; знаком — отмечены глаголы движения субъекта и перемещения объекта, не способные выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (соответствующие примеры употребления в процессе работы с корпусами текстов не зафиксированы); частотн. – глаголы движения субъекта и перемещения объекта, наиболее часто выступающие в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, частотные (обнаружено не менее 10 контекстных употреблений); × – для глагола отсутствует прямой эквивалент в другом языке.

Анализ показал, что примерно 22 % (137 из 620) русских глаголов движения субъекта и перемещения объекта и около 20 % (120 из 607) аналогичных белорусских глаголов являются одновременно функционально-текстовыми глаголами восприятия (рисунок).

Активнее всего в обоих языках в состав ФСК глаголов восприятия включаются следующие подгруппы:

- глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (группа 1.1.1). Из 74 русских глаголов 35 могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (47 %), из 72 белорусских глаголов – 30 (42 %): *Сергей безучастно сопроводил взглядом полет мордой оземь своего собеседника, коему кланялся до земли* (А. Терехов); *Яна суправаджала позіркам яго перамяшчэнні на пакоі і сумна маўчала* (В. Такарчук); *Взгляд скользнул по ковру,*

книжной полке и задержался на фотографии матери в рамке (А. Савельев); ...ён [наводчык] увачавідкі бялее, затуманеным **позіркам слізае** на мне... (В. Быкаў);

• глаголы разнонаправленного движения субъекта (1.1.4). Из 45 русских глаголов 26 могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (58 %), из 41 белорусского глагола – 20 (49 %): *Его карие глаза блуждали при этом по разнообразным более или менее художественным безделушкам в мастерской...* (В. Набоков); *Яна была рада, калі ён адварнуўся, заблукаў вачыма на гасцях* (І. Мележ); *Пока Митя рассказывал, Мазин рыскал глазами по лагерю, оглядывая постройку...* (В. Осеева); *Салдат нёс свой аўтамат у руцэ і пільна шырыў лупатымі вадзянымі вачыма па баках* (А. Якімовіч);

• глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (2.1.1). Из 25 русских глаголов 8 могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (32 %), из 25 белорусских глаголов – также 8 (32 %): *У девочки на лице появилась тень спокойного удивления, она не понимала, как они здесь оказались, и бросала взгляды на женщину, словно спрашивая: что же мы делаем?* (В. Распутин); *Цётка Палашка кідала велічны позірк на сваіх падначаленых...* (М. Лынькоў); *Никто из присутствующих, включая и меня самого, не понимал из проносимого менеджером ни слова, однако слушали как зачарованные. И послушно двигали глазами вслед за его руками* (Елена Хаецкая); *Крыху счакаўшы, Данік назіраў рушыў за сямстрой* (І. Шамякін).

Таблица 2

Белорусские глаголы движения субъекта и перемещения объекта,
включенные в состав ФСК восприятия (фрагмент)

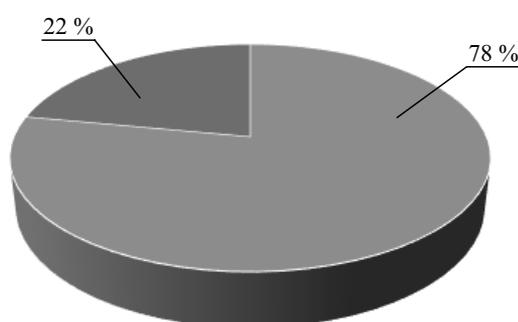
Table 2

The Belarusian verbs of the subject's movement and object's movement,
that were included in the composition of FSG of perception (fragment)

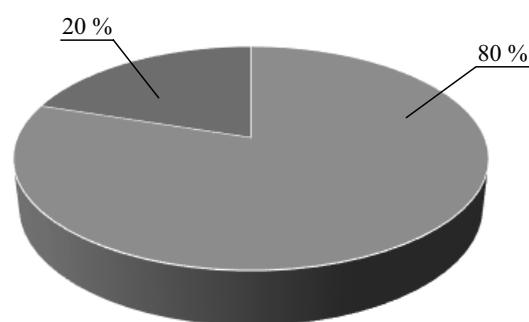
№	Глагол и дефиниция	Включение в состав ФСК восприятия	Характер процесса восприятия (активное / пассивное восприятие)	Компоненты значения, на основе которых осуществляется включение	Пример употребления
1	БЕГЧЫ, незак. Хутка рухацца, перамяшчацца, моцна адштурхоўваючыся ад зямлі нагамі. Імкліва накіроўвацца куды-н., рухацца ў якім-н. напрамку	+	Акт.	Изменять местоположение в пространстве Двигаться поступательно Двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. Двигаться по твердой поверхности Двигаться быстро Двигаться резко Двигаться, используя ноги	<i>Вочы яго міжволі беглі па дзіўных іерогліфах на столі</i> (А. Гара)
2	(нет прямого эквивалента к <i>брести</i> : рус. <i>блуждать</i> и <i>брести</i> = бел. <i>блукаць</i>)	×	×	×	×
3	КІДАЦА, незак. Мітусліва рухацца; спешна накіроўвацца, бегчы куды-н., да каго-, чаго-н.; <i>разм.</i> скакаць, падаць уніз.	+(частотн.)	Пас.	Изменять местоположение в пространстве Двигаться поступательно Двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л. Двигаться по твердой поверхности или в воздушной среде Двигаться быстро Двигаться спешно, суетливо Двигаться сверху вниз	<i>Белья шыферныя дахі кідаліся [яму] ў вочы здалёк, яшчэ кіламетры за тры</i> (А. Шашкоў)
4	ЛЯСКАЦА, зак. <i>разм.</i> Моцна стукнуцца чым-н. аб што-н.	—	—	—	—

Окончание табл. 2
Ending table 2

№	Глагол и дефиниция	Включение в состав ФСК восприятия	Характер процесса восприятия (активное / пассивное восприятие)	Компоненты значения, на основе которых осуществляется включение	Пример употребления
5	ЗАМЫКАЦЬ, незак. Ісці апошнім, знаходзіцца ў канцы калоны вайсковага злучэння і пад.	–	–	–	–

- Русские глаголы движения субъекта и перемещения объекта, способные выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (137 глаголов)
- Русские глаголы движения субъекта и перемещения объекта (620 глаголов)

- Белорусские глаголы движения субъекта и перемещения объекта, способные выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (120 глаголов)
- Белорусские глаголы движения субъекта и перемещения объекта (607 глаголов)

Соотношение русских и белорусских глаголов движения субъекта и перемещения объекта, способных выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия

The ratio of Russian and Belarusian verbs of the subject's movement and object's movement, which can be used as functional-text verbs of perception

Наименее активно в обоих языках в состав ФСК глаголов восприятия включаются следующие группы:

- глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного пункта (2.1.2). Из 81 русского глагола лишь 2 могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (2 %), из 78 белорусских глаголов – также 2 (3 %): *Он пел под общий хохот, топорицил усы и выкатывал глаза на Авдотью Ивановну* (В. Вересаев); *Гаўрыла як сядзеў, так і шлёпнуўся аб зямлю нежывы...* *А вочы на лоб выкаціў* (М. Гарэцкі); *Глаза их встретились, и Рубахин тут же отвел взгляд, смутившись вдруг скользнувших и не слишком хороших мыслей* (В. Маканин); *Аксана ўздыхнула, развяла рукі і адвяла вочы – маўляў, такія сур'ёзныя рэчы не ад яе залежаць* (А. Федарэнка);

- глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (2.1.3). Из 117 русских глаголов 12 могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия (10 %), из 111 белорусских глаголов – 10 (9 %): *Степан девок своих вспомнил. Опустил взгляд в ноги. Докуривал тихо* (В. Ремизов); *Яна выдыхнула наветра, апусціла вочы і... зрабілася зямной* (І. Шамякін); *Она с упрёком подняла глаза на мужа* (В. Гроссман); *Ракіта падняў на яго [Бадзейку] праніклівыя вочы* (Я. Колас).

Распределение в пределах остальных подгрупп выглядит следующим образом:

- глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта (1.1.2): 13 из 87 русских глаголов (15 %) могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, из 82 белорусских глаголов – 9 (11 %);

- глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта (1.1.3): 23 из 94 русских глаголов (24 %) могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, из 98 белорусских глаголов – также 23 (24 %);

- глаголы беспорядочного, вращательного и колебательного движения (1.2.1): 7 из 35 русских глаголов (20 %) могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, из 36 белорусских глаголов – 6 (17 %);
- глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно промежуточного пункта (2.1.4): 4 из 18 русских глаголов (22 %) могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, из 18 белорусских глаголов – также 4 (22 %);
- глаголы кругового и вращательного перемещения (2.2.1): 7 из 44 русских глаголов (16 %) могут выступать в роли функционально-текстовых глаголов восприятия, из 46 белорусских глаголов – 8 (17 %).

Заключение

Малый потенциал глаголов подгрупп 2.1.2 и 2.1.3 к включению в состав ФСК восприятия обусловлен их типовой семантикой. Так, например, русские глаголы *вывозить*, *выдворять*, *выкуривать*, *выселять* и соответствующие им белорусские глаголы имеют более узкое и конкретное значение, нежели русские глаголы *бежать*, *идти*, *лететь* и соответствующие им белорусские глаголы (1.1.1). У глаголов подгрупп 2.1.2 и 2.1.3 не так широко развита многозначность, они не столь универсальны в употреблении, следовательно, реже включаются в глагольно-именные конструкции-метафоры, в которых чаще всего и используются функционально-текстовые глаголы. В целом же процесс включения русских и белорусских глаголов движения субъекта и перемещения объекта в состав ФСК глаголов восприятия характеризуется регулярностью: в некоторых подгруппах глаголов движения субъекта (1.1.1, 1.1.4) практически каждая вторая лексема параллельно выступает в текстах как глагол восприятия, помогая авторам детализировать перцептивный процесс, более точно описывать фазы его протекания. Это становится возможным благодаря многообразию сем, изначально характеризовавших направленность движения субъекта (однонаправленность, разнонаправленность и др.). Обратимся к следующей фразе: *Сергей Иванович буквально следовал глазами за танцующей Татьяной Вольфганговной* (Л. Петрушевская). Автор сообщает о некотором продолжительном процессе зрительного восприятия, неоднородном, но совершенно определенном (направление взгляда задают движения танцовщицы). *Смотреть*, *вглядываться*, *рассматривать*, *наблюдать*, *взирать* – ни один из базовых русских глаголов восприятия не опишет процесс так же полно, как функционально-текстовый глагол, относящийся по своему основному значению к глаголам движения.

В заключение приведем основные семы, на основе которых осуществляется включение глаголов движения субъекта и перемещения объекта в состав ФСК восприятия в русском и белорусском языках.

Общие семы для глаголов движения субъекта и перемещения объекта:

- изменять местоположение в пространстве;
- двигаться (перемещаться) с определенной степенью интенсивности (более или менее интенсивно).

Семы для глаголов движения субъекта:

- двигаться поступательно;
- двигаться в определенном направлении откуда-л. куда-л.;
- двигаться в разных направлениях.

Семы для глаголов перемещения объекта:

- перемещаться в определенном направлении откуда-л. куда-л.;
- заставлять (заставить) какой-л. объект перемещаться откуда-л. куда-л.

Библиографические ссылки

1. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973.
2. Бондарко А. В. К теории поля в лингвистике. Залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3. С. 20–36.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969.
5. Красковский Н. И. Глаголы перемещения в пространстве как «компенсаторы» семантики глаголов восприятия в русском и белорусском языках // Весн. БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2016. С. 47–53.
6. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.
7. Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1989.
8. Красковский Н. И. «Челночный» перевод как метод формирования функционально-семантических классов и синонимических рядов русского и белорусского языков // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 1. С. 84–90.
9. Роўда І. С. Міжмоўная амасемія ва ўласна лінгвістычным і культуралагічным аспектах даследаванняў // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : матэрыялы V Міжнар. канф. (Віцебск, 25–27 мая 2000 г.) / пад агул. рэд. А. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. Віцебск, 2000. С. 132–137.
10. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.
11. Краскоўскі М. І. Дзеясловы ўспрымання ў рускай і беларускай мовах: асаблівасці структуры // Род. слова. 2017. № 11. С. 44–47.

References

1. Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow : Nauka, 1973 (in Russ.).
2. Bondarko A. V. [To field theory in linguistics]. *Vopr. yazykozn.* 1972. No. 3. P. 20–36 (in Russ.).
3. Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and aspectology questions]. Leningrad : Nauka, 1983 (in Russ.).
4. Gulyga E. V., Shendels E. I. *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical and lexical fields in modern German language]. Moscow : Prosveshchenie, 1969 (in Russ.).
5. Kraskouski M. I. Verbs of movement in space as «compensators» semantics of verbs of perception in Russian and Belarusian languages. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika.* 2016. No. 2. P. 47–53 (in Russ.).
6. Babenko L. G. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical means of referring to emotions in the Russian language]. Sverdlovsk : Publ. house of Ural Univ., 1989 (in Russ.).
7. Kuznecova E. V. *Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov* [Lexical-semantic groups of Russian verbs]. Irkutsk : Publ. house of Irkutsk Univ., 1989 (in Russ.).
8. Kraskouski M. I. «Shuttle» translation as a method of formation of functional-semantic groups and synonymous series in Russian and Belarusian languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 84–90 (in Russ.).
9. Rouda I. S. [Interlanguage amasame in their own linguistic and cultural aspects of the research]. In: *Belaruska-ruska-pol'skae supastavljaj'nae movaznavstva, litaraturaznavstva, kul'turalogija* : mater. of the V Int. conf. (Vitebsk, 25–27 May, 2000). Vitebsk, 2000. P. 132–137 (in Belarus.).
10. Babenko L. G. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [The explanatory ideographical dictionary of Russian verbs provided with English equivalents]. Moscow : AST-PRESS, 1999 (in Russ.).
11. Kraskouski M. I. Verbs of perception in Russian and Belarusian languages: features of the structure. *Rodnaje slova.* 2017. No. 11. P. 44–47 (in Belarus.).

Статья поступила в редколлегию 15.03.2018.
Received by editorial board 15.03.2018.

УДК 811.161.1'38

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АДРЕСАТА В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА

Т. В. ЗЕМЛЯНИК^{1), 2)}

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены языковые средства создания образа адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейдэнберг. Представлены и охарактеризованы обращения в начальной и срединной позициях, атрибутивные и субстантивные лексемы, являющиеся наиболее значимыми элементами языка при создании образа адресата. Описаны атрибутивные лексемы, осознанно отобранные автором для создания определенного коммуникативного образа. Показано, что они приобретают различные значения в зависимости от лексико-семантического и грамматического окружения и наделяют образ адресата присущими только ему чертами. Установлено, что при создании образа адресата автор активно использует абстрактные существительные, которые вводятся в текст для характеристики положительных черт личности адресата, отражают авторское видение и восприятие, участвуют в реализации такого приема воздействия на адресата, как похвала.

Ключевые слова: языковые средства; образ адресата; эпистолярный текст; Б. Пастернак; Е. Пастернак; М. Цветаева; З. Пастернак; О. Фрейдэнберг; обращение; атрибутивные лексемы; субстантивные лексемы.

МОЎНЫЯ СРОДКІ СТВАРЭННЯ ВОБРАЗУ АДРАСАТА Ў ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАХ Б. ПАСТЭРНАКА

Т. В. ЗЯМЛЯНИК^{1*, 2*}

^{1*}Інстытут пагранічнай службы Рэспублікі Беларусь, вул. Славінскага, 4, 220103, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўлены моўныя сродкі стварэння вобразу адрасата ў лістах Б. Пастэрнака да Я. Пастэрнак, М. Цвятавай, З. Пастэрнак, В. Фрэйдэнберг. Прадстаўлены і ахарактарызаваны звароты ў пачатковай і сярэдняй пазіцыях, атрыбутыўныя і субстантыўныя лексемы, якія з'яўляюцца найбольш значымі элементамі мовы пры стварэнні вобразу адрасата. Апісаны атрыбутыўныя лексемы, свядома адабраныя аўтарам для стварэння пэўнага камунікатыўнага вобразу. Паказана, што яны набываюць розныя значэнні ў залежнасці ад лексіка-семантычнага і граматычнага акружэння і надаюць вобразу адрасата ўласцівыя толькі яму рысы. Вызначана, што пры стварэнні вобразу адрасата аўтар актыўна выкарыстоўвае абстрактныя назойнікі, якія ўводзяцца ў тэкст для характарыстыкі станоўчых рыс асобы адрасата, адлюстроўваюць аўтарскае бачанне і ўспрыманне і ўздзельнічаюць у рэалізацыі такога прыёму ўздзеяння на адрасата, як пахвала.

Ключавыя словы: моўныя сродкі; вобраз адрасата; эпістальны тэкст; Б. Пастэрнак; Я. Пастэрнак; М. Цвятава; З. Пастэрнак; В. Фрэйдэнберг; зварот; атрыбутыўныя лексемы; субстантыўныя лексемы.

Образец цитирования:

Земляник Т. В. Языковые средства создания образа адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 94–102.

For citation:

Ziamlianik T. V. Language tools for creating an image of the addressee in the epistolary texts of B. Pasternak. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 94–102 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Валерьевна Земляник – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾; аспирантка кафедры русского языка филологического факультета²⁾. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Волынец.

Author:

Tatsiana V. Ziamlianik, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^{a)}; postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology^{b)}.
zemlyanik_tanya@mail.ru

LANGUAGE TOOLS FOR CREATING AN IMAGE OF THE ADDRESSEE IN THE EPISTOLARY TEXTS OF B. PASTERNAK

T. V. ZIAMLIANIK^{a, b}

^a*Institute of Border Troops of the Republic of Belarus, 4 Slavinskaha Street, Minsk 220103, Belarus*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The language tools for creating the recipient's image in B. Pasternak's letters to E. Pasternak, M. Tsvetaeva, Z. Pasternak, O. Freidenberg are revealed. Presented and characterized appeals (in the initial and middle positions), attributive and substantive lexemes, which are the most significant elements of the language when creating the image of the addressee. The attributive lexemes, deliberately selected by the author to create a certain communicative image, are revealed and described. They acquire different meanings depending on the lexical-semantic and grammatical environment and give the image of the addressee certain features inherent only in him. It is established that when creating an image of an addressee, the author actively uses abstract nouns. They are introduced into the text to characterize the positive traits of the recipient's personality, reflect the author's vision and perception, and participate in the realization of such a method of influencing the addressee as praise.

Key words: language tools; addressee's image; epistolary text; B. Pasternak; E. Pasternak; M. Tsvetaeva; Z. Pasternak; O. Freidenberg; appeal; attributive lexemes; substantive lexemes.

Введение

Ключевой фигурой в эпистолярной коммуникации является адресат. Настроенность на его личность определяет авторский выбор интенций, способов реализации жанровых свойств текста, преобладающих тем, средств для их воплощения и стиля общения. Как отмечает А. В. Курьянович, «автор вольно или невольно раскрывает себя с тех сторон, которые актуально/потенциально востребованы именно собеседником» [1, с. 243]. Образ адресата как доминанты моделирования текста вызывает постоянный интерес ученых-лингвистов (см. работы В. В. Виноградова, Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, Н. И. Формановской, И. И. Баклановой и др.¹), однако способы реализации дистантной коммуникации в эпистолярном жанре за счет употребления автором тех или иных грамматических единиц и моделирования образа адресата практически не разработаны.

Цель данной статьи – выявить языковые средства создания образа адресата в письмах Бориса Пастернака к Евгении Пастернак (Лурье), Марине Цветаевой, Зинаиде Пастернак (Нейгауз), Ольге Фрейденберг.

Теоретические основы исследования

Адресат речи – это «тот, кому направлено речевое произведение, кто провоцирует общение (речевое или текстовое), тот, кому отправляют письмо, телеграмму» [2, с. 77]. Каждое произведение ориентировано в той или иной степени на адресата, поэтому можно говорить о том, что адресат всегда выступает как своеобразный соавтор эпистолярного текста.

Содержание писем Б. Пастернака многогранно: в них находим литературно-критические оценки произведений современников, характеристики собственного творчества, размышления о творчестве вообще, бытовую и автобиографическую информацию, рассуждения об отношениях с окружающей действительностью, людьми и др. Разнообразие тем и ориентация на определенного адресата обуславливают разнообразие форм выражения информации.

Циклы писем, адресованных М. Цветаевой и двоюродной сестре поэта О. Фрейденберг, являются самыми объемными и значимыми в эпистолярном наследии Бориса Пастернака. По мнению Л. Гинзбург, «письма к М. Цветаевой и отчасти к О. Фрейденберг – это любовные письма, но в совсем особом, уникальном роде. В одном случае объектом любовных признаний является большой поэт (по своему обыкновению Пастернак ставит Марину Цветаеву как поэта выше себя), в другом случае – будущий большой ученый, с самого начала выдающийся интеллектуальный партнер» [3, с. 8].

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М. : Высш. школа, 1971; Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980; Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Рос. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367; Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. М. : Рус. словари, 1996; Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз., 2002; Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров // Рус. яз. в школе, 2009. № 5. С. 71–75.

В случае переписки с М. Цветаевой можно говорить об отдельном литературном произведении, так называемом романе в письмах, в котором Б. Пастернак с восхищением пишет о стихотворениях М. Цветаевой, ее поэмах «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца». Помимо эмоционального выражения отношения к творчеству М. Цветаевой, автор дает литературно-критическую оценку ее произведений, содержащую положения, важные для понимания его эстетики.

Переписка Б. Пастернака с О. Фрейденберг, продолжавшаяся с 1910 по 1954 г., занимает значительное место в эпистолярном наследии поэта. Письма адресованы талантливому ученому, который был равен по интеллектуальному уровню Б. Пастернаку и связан с ним родственными отношениями.

Эпистолярные тексты, адресованные Е. Пастернак и З. Пастернак, – это письма к любимым женщинам. Ключевая тема данных циклов писем – любовь, выраженная в особенной манере в зависимости от адресата. На ранних этапах переписки с обоими адресатами автор стремился к идеальному, наиболее точному выражению своего чувства наряду с положительной оценкой адресата. В более поздний период эпистолярной коммуникации ключевой темой писем к Е. Пастернак становится тема разрыва на фоне любви, омраченной обидами, упреками, обвинениями, бытовыми неурядицами.

Результаты и обсуждения

В эпистолярных текстах Б. Пастернака представлены различные способы и средства создания образа адресата. В данной статье нами будет рассмотрен сегмент начальных и срединных обращений к избранным адресатам, а также выявлено использование особых для каждого из коммуникативных партнеров субстантивных и атрибутивных лексем.

Обращения являются маркером внутреннего состояния автора, обусловленного характером его отношений с адресатом. Как считает Н. И. Формановская, «прагматически значимое название объектов действительности, в том числе своего партнера (при обращении), третьего лица, а также самоназывание (при знакомстве) несет информацию об оценке называемого, об ориентировке в ситуации и в социальных признаках собеседника или третьего лица и т. д. и заключается во многом в периферийных единицах языка: переносных значениях слов и форм, обращениях и названиях лиц, представлениях при знакомстве и т. д. Так, то или иное название человека, выбранное говорящим в определенной ситуации общения, несет прагматическую информацию, имеет этикетное значение...» [2, с. 6].

Начальное обращение в письмах Б. Пастернака является наиболее значимым и реализует такие функции, как установление и поддержание контакта, создание эффекта присутствия адресата, самопрезентация автора. От выбора автором формы начального обращения зависит определенное восприятие содержания эпистолярного текста адресатом. Для эпистолярного поэта характерно также отсутствие начальных обращений, обусловленное определенной авторской целью, в некоторых случаях комментируемое автором в тексте письма.

В письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак представлены начальные обращения, включающие в свою структуру формы имени адресата: *Женичка, Женичка ласочка, Женя, дорогая Женюра, дорогая Гулюшка Женя, дорогая Женичка*. Наиболее частотной в употреблении оказывается уменьшительно-ласкательная форма имени *Женичка*, задающая родственно-эмоциональный тон письма. Атрибутивная лексема *дорогая* в составе обращения выражает отношение приязни и реализует значение ‘такая, к которой испытывают привязанность, любовь, нежность, близкая сердцу; милая, любимая’ («Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой; далее – МАС). Широко представлены начальные обращения, не включающие в свой состав форму имени адресата: *дорогая гулюшка; милая белая девочка; нежно любимая моя; друг мой; дорогая моя; дорогая девочка, жена моя и друг; милый друг; родная, родимая; милая подруга; милая девочка*. Ключевые лексемы *девочка, друг, дорогой, милый, мой* подчеркивают близость отношений между коммуникативными партнерами, раскрывают авторское восприятие адресата с определенных (наиболее важных) сторон, являются маркерами эмоциональной положительно-родственной атмосферы письма, в которой выдерживается весь эпистолярный текст.

Начальное обращение является не менее значимым сегментом в структуре писем Б. Пастернака к М. Цветаевой. Каждый из шести эпистолярных текстов в цикле писем за 1922–1923 гг. имеет одинаковое начальное обращение – *Дорогая Марина Ивановна!* Официальная тональность обращения обусловлена непродолжительностью знакомства с адресатом и подчеркнута уважительным отношением к нему. Шестое письмо данного временного цикла отличается выбором постановки знака препинания в конце обращения: в нем используется точка вместо обычного восклицательного знака. В тексте письма автор поясняет, что смена знака препинания не является случайной: *Осмотрите в этом представленном: в нем найдите объяснение моего сдержанного величания Вас и дикого этого запоздания*² [4, с. 452]). В письмах 1924 г. Б. Пастернак использовал начальное обращение *Дорогая Марина!*, что

²Здесь и далее сохранена орфография автора. – Т. 3.

определяет целевую программу цикла: автор восхищается творчеством адресата, при этом наблюдается новая стадия в их отношениях, позволяющая сократить личностно-эмоциональную дистанцию. Нестандартной является форма начального приветствия, в которой использована развернутая конструкция с характеристикой автора, метафорами и тройным обращением по имени: *Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное предназначенье, утренняя дымящая моя душа, Марина, моя мученица, моя жалость, Марина* [4, с. 481]. Цель данного обращения – создание пресуппозиционного фона, позволяющего прогнозировать смысловую нагрузку письма. В представленном контексте обращение является эксплицитным маркером характеристики адресата и сочетает в себе три функции: адресации, номинации и характеристики (по Ковтуновой [5]). В словосочетании *золотой друг* атрибутивная лексема реализует переносное значение ‘дорогой, любимый’, которое в МАС приводится с пометой «в обращении», т. е. данное лексическое значение адъектив приобретает исключительно в устойчивом выражении-обращении. При этом можно наблюдать синкретизм характеристики адресата с ярко выраженным отношением автора к коммуникативному партнеру. Интересно, что со следующей парой адъективов во фразе *изумительное, сверхъестественно родное предназначенье* автор намеренно не употребляет притяжательное местоимение *мой*, чтобы не ограничивать общую семантику словосочетания, определяемую семантикой субстантивной лексемы (‘то, что предназначено кому-нибудь, судьба’). Смысловая нагрузка в данном словосочетании лежит на имени существительном, с которым коррелируют имена прилагательные. Модальность расширяется: адресат предназначен не только автору, а всему миру. С помощью атрибутивных лексем автор характеризует адресата с положительной стороны: *изумительное* ‘вызывающий изумление, поражающий своей необычностью, превосходным качеством, красотой; удивительный’ (МАС); дает эмоционально-экспрессивную оценку их отношениям, демонстрирует необыкновенно естественные, родственные отношения при полном отсутствии родственной связи (так называемое родство душ). Окказиональная (нестандартная) сочетаемость проявляется как в рассмотренных выше словосочетаниях, так и в словосочетании *утренняя душа*. Создается яркий художественный образ, имеющий индивидуально-авторскую оценку. Прилагательное *утренний* в представленном словосочетании реализует значение ‘начало дня, пробуждение ото сна’ (МАС) и моделирует сложный образ лексемы *душа*, расширяющей свою семантику также за счет сочетаемости с причастием *дымящий*.

Кроме начального приветствия, в основную часть текста данного письма включены два обращения с использованием формы имени адресата, эксплицитно раскрывающие коммуникативную цель автора: демонстрация восхищения дарованием адресата, признание в любви гению, равновеликому поэту: *Ах, Марина, Марина; О как я Вас люблю, Марина!*

Письма Б. Пастернака к М. Цветаевой следующих временных циклов отмечены почти полным отсутствием начального обращения, что, на наш взгляд, обусловлено авторским отрицанием важности конкретной личности и интенцией подчеркнуть значимость творчества, дарования, гения. Помимо этого, создается впечатление непрерывного диалога между Б. Пастернаком и М. Цветаевой, который не нужно начинать и заканчивать, а значит, приветствовать адресата и прощаться с ним нет необходимости.

Существенно отличаются начальные обращения Б. Пастернака к З. Пастернак (Нейгауз) в период с 1930 по 1931 г. (автор и адресат не являлись супругами) и в период с 1933 по 1957 г. (коммуникативных партнеров связывали супружеские отношения. На ранних этапах эпистолярной коммуникации автор использовал клишированные формы обращений (*Друг мой!; Дорогая Зина!*), а с середины 1931 г. обращения становятся более развернутыми, ориентированными на конкретную личность, задающими эмоциональный тон письма: *Родная моя, удивительная, бесподобная, большая, большая; Ангел мой; Жизнь моя, моя горячо любимая, единственная моя, мое самое большое и предсмертное, Зина, ликованье мое и грусть моя, наконец-то я с тобою; Любушка, прелесть моя неслыханная*. Обращения, употребляемые в данный период, эксплицитно выражают глубину чувства автора, силу и повышенную эмоциональность испытываемой им душевной привязанности. Неслучайно для реализации этой цели адресант отдает предпочтение атрибутивным лексемам как базисным составным частям обращений: прилагательные являются наиболее эмоционально-экспрессивной частью речи, обладающей наибольшим потенциалом в выражении субъективных авторских смыслов.

В супружеский период эпистолярной коммуникации Б. Пастернака с З. Пастернак в обращениях адресанта наблюдается преобладание стилистически окрашенных лексем: с 1933 по 1935 г. – лексемы *Киса (Кисанька)*, которая, согласно словарю русского арго, имеет значение ‘ласково-шутливое обращение к кому-либо’ (*Дорогая Киса!; Дорогая моя Киса; Киса моя золотая; чудная Киса*); с 1935 по 1941 г. – лексемы *Ляля (Лялечка)*, которому в словаре В. Даля дано толкование ‘дитя, дитяtko, ребеночек, младенец’ (*Ляля моя, жизнь моя!; Родная моя Лялечка!*); с 1941 по 1942 г. – лексемы *Дуся*,

которое в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» приводится в значении ‘дорогая, сладкая, милая; дорогой, сладкий. Обращение’ (*Дорогая моя дуся Зиночка!; Дорогая моя дуся!*); с 1941 по 1957 г. – лексемы *Зиночка* (уменьшительно-ласкательная форма имени адресата) и *мамочка*, которое, согласно МАС, используется ‘в ласково-фамильярном обращении к мужчине или женщине’ (*Дорогая моя Зиночка!; Зиночка, мамочка моя, дорогая моя радость!; Дорогая Зиночка!; Дорогая, бедная мамочка Зинуша*).

На протяжении всей долгой переписки Б. Пастернака с О. Фрейденберг почти все обращения поэта были выдержаны в одной дружелюбно-вежливой манере: они не лишены эмоционально-экспрессивной окраски, но спектр выражения эмоциональности и экспрессивности достаточно беден и достигается преимущественно за счет аффиксации имени адресата. Формально и семантически такие обращения представляют собой речевые клише: *Дорогая Оля!; Дорогая Олюшка!; Дорогая Олечка!; Дорогая Олюша; Олюшка, дорогая моя сестра!*

Автором широко востребованы не только начальные, но и срединные обращения в тексте письма, позволяющие создать атмосферу прямой, а не дистантной коммуникации, а на ранних этапах общения установить более близкие и доверительные отношения. Как заметила А. В. Курьянович, «эпистолярное обращение помогает создать в рамках дискурса столь важный для данного типа коммуникации пресуппозиционный фон» [1, с. 251]. В первом письме к Е. Пастернак (Лурье) от 22 декабря 1921 г. автором употреблено 6 обращений: в начале письма (*Женичка*); в тексте письма – четырехкратный повтор имени адресата в уменьшительно-ласкательной форме (*Женичка, Женичка, Женичка, Женичка!* [4, с. 376]); обращения, в которых не используется форма имени адресата (*золото; Ах, дорогая, дорогая!; радость* [4, с. 376–377]); в заключительной части эпистолярного текста – обращение *дорогая Женю-рочка моя* [4, с. 377]. Второе письмо к Е. Пастернак от 23 декабря 1921 г. включает 11 обращений [4, с. 377–379]. В каждом абзаце данного письма более двух раз повторяется одна форма имени адресата: в первом абзаце используются начальные обращения *Женичка ласочка* в первом предложении и *Женичка* в начале второго высказывания; в первом предложении второго абзаца употреблено обращение *Женичка, душа и радость моя и мое будущее*, а первое слово второго и третьего предложений – *Женичка*; в третьем абзаце использованы обращения *ясная моя!; Женя; О Женичка, Женичка!*; в четвертом – *Женичка* (в начале и конце абзаца). Повторяющиеся элементы в начале и в конце письма создают кольцевую композицию. Анафоричные сегменты каждого абзаца эпистолярного текста задают эмоционально-торжественный, возвышенный тон, являются смысловым и логическим выделением наиболее важной информации, объединяют все части текста. Таким образом, прозаический текст наделяется признаками поэтических произведений.

В эпистолярном цикле писем Б. Пастернака к Е. Пастернак встречаются письма-объяснения, письма-признания, акцентирующие внимание на значимости личности адресата для автора. Основные функции обращений (номинация коммуникативного партнера, привлечение внимания собеседника к высказыванию, призыв к участию в речи) коррелируют с экспрессивной оценкой и выражением субъективного отношения автора к адресату. По мнению У. М. Федуловой, «обращение всегда выражает какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, благодаря чему оно в любой словесной форме способно выступать как определенное выразительное средство» [6, с. 239]. Обращения в таких письмах образуют эмоционально-оценочную основу. Маркерами экспрессивности являются словоформы, передающие различные оттенки выразительной силы, актуализирующие эмоциональное и оценочное значения в обращениях. От выбора способа внедрения субъективной модальности зависит степень экспрессивности эмоциональных и оценочных значений. Обращения в эпистолярных текстах имеют разнообразные модальные оттенки и реализуются через индивидуально-авторское использование лексем, предназначенных для конкретного адресата, словообразовательные элементы самих обращений, а также через пояснительные слова к обращениям.

Письмо от 19 июня 1924 г., адресованное Е. Пастернак, определяется Б. Пастернаком в заключительной части как письмо-объяснение. Обращения играют ключевую роль в раскрытии модальности данного эпистолярного текста. Автор сообщает об исключительной значимости и первостепенности для него адресата, о силе своей любви, определяет положительные душевные качества коммуникативного партнера. Помимо эмоционально выразительных, семантически и композиционно значимых обращений в начале (*Дорогая девочка, жена моя и друг!* [4, с. 484]) и заключении письма (*Женичка моя, Женичка моя, Женя, это ведь я объяснение тебе написал. Боже, что со мной!* [4, с. 488]) в срединной части данного текста представлены следующие развернутые обращения:

Слава, слава тебе, мое счастье, волна моя, заливающая глаза мне. <...>

И будь всегда и вечно со мной, холодное мое небо, мечтающий нерв, бессонная жилка лесов и полей, когда они в цвету. <...>

О родное мое в горле вставшее имя, о девочка с Евгеньевской, о жена моя, о моя надежда и любовь, о волна, о глубина, о смех, в который я сейчас брошусь, о милосердие, в которое я нырну, о гордая моя ширь, умница, губы, волосы, плыву, люблю, люблю, люблю! [4, с. 484–488].

Обращения выражены преимущественно абстрактными существительными, с которыми согласованы притяжательное местоимение *мой*, прилагательные и причастия или осложненные определительные придаточные предложения. В последнем высказывании для придания обращению более интенсивного эмоционального оттенка девять раз повторяется усилительная частица *о*. Как отметила У. М. Федулова, «однородные обращения (наиболее простым видом которых является повторение одного и того же слова или словосочетания) по характеру более выразительны и эмоциональны, нежели обращения одиночные». [6, с. 240]. В приведенных контекстах повторяется субстантивная лексема *девочка*, которая употребляется только по отношению к Е. Пастернак; неоднократно используются субстантивы *жена*, *слава*, *волна*, а также глагол *любить* в форме настоящего времени первого лица единственного числа.

Обращения в срединной части письма почти полностью отсутствуют в эпистолярных текстах Б. Пастернака к М. Цветаевой и З. Пастернак. Исключением является письмо к М. Цветаевой от 4 марта 1926 г., в котором, кроме развернутого начального обращения *Марина, бездоннодушевный друг мой, соседняя топка житейской котельной, под теми же парами, пиши мне на вы, умоляю тебя, нам не надо взрываться* [4, с. 608], девять раз использовано обращение к адресату по имени. Это письмо-призыв, цель которого – установить необходимую, по мнению автора, дистанцию между ним и коммуникативным партнером. Начальное обращение состоит из формы имени адресата, окказиональной атрибутивной лексемы, метафор, императива (принадлежит к эмоционально-волевой сфере языка).

Обращения в основной части письма к О. Фрейденберг нечастотны и не отличаются лексико-семантическим разнообразием: преобладает форма имени адресата *Оля* в сочетании с атрибутивными лексемами *родная*, *дорогая* или междометием *ах*. Встречается единичное употребление в составе обращения лексемы *милая* (в письме от 14 (27) июня 1912 г.). В письме от 29 декабря 1921 г. форма имени адресата используется в сочетании с поздравительным этикетным высказыванием: *С Новым годом, Олечка!*

Важную роль при создании образа адресата играет введение в контекст **атрибутивных лексем**. По мнению К. Э. Садриевой, «в языке художественных произведений различные группы слов, в том числе имена прилагательные, подвергаются многочисленным трансформациям: обогащается смысловой объем, осложняется эмоционально-оценочное содержание слова. Иными словами, в контексте художественного целого лексическая единица может сохранять свойственные ей общепринятые значения, а также приобретать новые смыслы. Подобные семантические приращения происходят под влиянием контекста, идеи и проблематики произведения, авторского видения мира» [7, с. 218]. Эстетическое (индивидуально-авторское) значение (определение Л. И. Донецких [8]) атрибутивных лексем является наиболее содержательным, так как имена прилагательные обладают особыми возможностями в области коннотации и семантики. Так, автор может употреблять в отношении определенного адресата лексемы, которые повторяются на протяжении всей переписки и тем самым приобретают особое эстетическое значение. Многие исследователи (В. В. Виноградов, Л. И. Донецких, Е. М. Вольф) отмечали, что богатство сочетаемостных возможностей атрибутивных лексем является неиссякаемым источником художественно-эстетического значения.

Излюбленными атрибутивными лексемами Б. Пастернака при создании коммуникативного портрета Е. Пастернак являются имена прилагательные *белый*, *чудный*, употреблявшиеся, как правило, в полной форме, а также *большой* в сочетании с существительным *лоб* (нередко эта характеристика трансформировалась в сложное прилагательное *большелобый*).

Атрибутивная лексема *белый* в эпистолярных текстах Б. Пастернака, находясь в определенном лексико-семантическом окружении, используется для актуализации значения чистоты, невинности, одухотворенности и формирует особую эмоциональную тональность. В контексте *милая белая девочка* атрибутивная лексема *белый* коррелирует с субстантивной лексемой *девочка*. Такое сочетание приобретает общую семантику ‘чистый, невинный, как ребенок’, создается яркий художественный образ, имеющий индивидуально-авторскую оценку. Атрибутив *белый* в определенном контексте может приобретать значение ‘возвышенный, неземной’: *...такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца* [4, с. 472]. В представленном контексте имена прилагательные *белый* и *одухотворенный* ‘проникнутый возвышенными чувствами, стремлениями; выражающий возвышенность чувств и стремлений’ (МАС) представляют собой ряд однородных определений, что в данной коммуникативной ситуации является показателем их семантической близости. Кроме того, в прилагательном *белый*, введенном в один контекст вместе с сочетанием слов *по существу и замыслу Творца*, появляется дополнительная сема ‘божественный по своему происхождению’.

В МАС прилагательное *чудный* имеет следующие дефиниции: ‘вызывающий удивление своей необычностью, сверхъестественностью; волшебный’; ‘прекрасный, удивительный по красоте, прелести’;

‘отличный, очень хороший, великолепный’. Все эти значения реализуются в эпистолярных текстах Б. Пастернака к Е. Пастернак. В контексте *Чудное, достойное, непреднамеренно прекрасное лицо* описывается внешность адресата, и атрибутив *чудный*, коррелируя с субстантивом *лицо*, реализует второе значение, положительно характеризуя внешние данные коммуникативного партнера. В другом контексте, построенном по принципу антитезы, имя прилагательное *чудный* используется для оценки душевных качеств адресата, с которыми резко контрастирует заключительный однородный ряд атрибутивных лексем: *Ты чудная, Женя, такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца, и у него мною добытая, я так бы преданно и просто мог бы любить тебя и люблю, но ты со мной, в моих руках такая самолюбивая, узкогрудая, корыстная, такая чужая, такая ненавидящая* [4, с. 472]. В третьем контексте прилагательное *чудный* входит в состав обращения и совмещает в себе функции адресации и характеристики: *...Той, чудная калевушка моя, какая ты есть...* [4, с. 472].

Словосочетание *большой лоб* или равное ему по значению сложное прилагательное *большелобый* употребляются при описании как внешности (*Милая белая девочка! Я сегодня взглянул на ту карточку, где ты с Бетти снята, и не мог без улыбки глядеть на твой большой лоб* [4, с. 467]), так и душевного состояния адресата (*...ведь это ты можешь быть и должна быть вечною моей умывающейся красавицей, белой, ясной, большелобой...* [4, с. 472]).

При создании эпистолярных образов М. Цветаевой и З. Пастернак наиболее частотной и, следовательно, значимой является атрибутивная лексема *большой*, реализующая различные значения в зависимости от текстуального окружения. В большинстве эпистолярных текстов, адресованных М. Цветаевой, имя прилагательное *большой* имеет значение ‘замечательный в каком-либо отношении, выдающийся’ (МАС) и характеризует поэтический талант адресата: *Какие удивительные стихи Вы пишете! Как больно, что сейчас Вы больше меня! Но и вообще – Вы – возмутительно большой поэт!* [4, с. 482]; *Прямо непостижимо, до чего ты большой поэт!* [4, с. 624]. В следующем контексте эстетический потенциал прилагательного раскрывается за счет корреляции с субстантивами, используемыми автором в их непрямом значении (*человек* ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’, *артист* ‘тот, кто обладает высоким мастерством в какой-либо области, талантливо делает что-либо’ (МАС)): *Потом, когда они [стихи] перерожжены твоей мерой, мудростью и безукоризненной глубиной, достаточно повести бровью и, не меняя положенья, бросить шепотом: «А? Каково! Какой человек большой!» <...> Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!* [4, с. 622–623].

Кроме того, атрибутивная лексема *большой* в текстах писем к М. Цветаевой и З. Пастернак используется для выражения авторской положительной оценки душевных качеств и интеллектуальных способностей коммуникативного партнера: *Мое представление о большой образцовой душе, которая не может не быть большим умом, знающим все и любящим свое знание* [4, с. 600–601]; *Какая может быть безвыходность, когда жизнь никогда не была для меня таким большим, таким прекрасным, таким облагораживающим выходом, как ты* [4, с. 474]; *Родная моя, удивительная, бесподобная, большая, большая* [4, с. 493]; *Тебя, большую, большую, во весь вечер и город* [4, с. 500].

Довольно часто в письмах к З. Пастернак встречается атрибутивная лексема *бесподобный* ‘не имеющий себе подобного, несравнимый; превосходный, отличный’ (МАС), которую автор вводит в текст с целью дать положительную оценку личным душевным качествам адресата: *Родная моя, удивительная, бесподобная, большая, большая* [4, с. 493]; *Невероятная, бесподобная, боготворимая* [4, с. 548].

При создании особого коммуникативного образа О. Фрейденберг автор намеренно отдает предпочтение краткой форме имени прилагательного в синтаксической роли предиката, что обусловлено функционально-коммуникативной семантикой высказывания. В своих работах М. В. Всеволодова выделяла три основных типа высказывания (сообщение, оценка, суждение), для каждого из которых указывала нежесткое разграничение в сфере использования полных или кратких имен прилагательных [9]. Как утверждает А. А. Котов, «высказывание-сообщение в принципе допускает использование обеих форм; в высказывании-оценке предпочтительна постройка полной формы, особенно в сочетании с поддерживающим квалификатором степени проявления признака, а краткая типична для немногочисленного класса оценочных прилагательных с отчетливой коннотацией, которые активны в том числе в конструкциях, демонстрирующих речевую энантиосемию. В высказывании-суждении (выводе, умозаключении о философской, физической сущности носителя признака) используется только краткое прилагательное» [10, с. 67]. Сентенции Б. Пастернака, в структуре которых присутствуют краткие формы имен прилагательных, имеют пограничный характер высказывания-оценки и высказывания-суждения. Помимо оценочной функции, в них реализуется функция характеристики коммуникативного партнера. К тому же проявление признака в кратких формах прилагательных отличается большей интенсивностью, категоричностью авторских суждений: *Ты деятельна, сознательна и лирически-мужественна* [4, с. 54]; *И ты ведь слишком умна* [4, с. 56]; *Так абсолютно реальна вся ты сейчас! Ах, ты такая, такая!* [4, с. 60]; *Как ты тут во всякое время и на любой срок желанна* [4, с. 526].

При создании образа адресата автор активно использует **абстрактные существительные**, обозначающие различные действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия. Довольно часто субстантивы являются характеристикой положительных черт личности адресата сквозь призму видения автора и реализуют такой прием воздействия на адресата, как похвала. Похвала Б. Пастернаком осуществляется в двух направлениях: как выражение собственного отношения к положительным чертам характера и деятельности адресата и как презентация тех его качеств, которые, по мнению автора, заслуживают восхищения. Для раскрытия образа Е. Пастернак адресант использует абстрактные существительные второго типа: *глубина и здравость взгляда, сужденья и соображенья; тишина пространств и времен; заметность, добровольность, невооруженность, талантливость, зренье, знание, совершенство, душа, ум*. Для похвалы М. Цветаевой автор употребляет абстрактные существительные, с одной стороны, выражающие чувства (*восхищенье, любованье*), а с другой – характеризующие качества адресата с положительной стороны (*мудрость, глубина, чутье, предполаганье, испуг*). В эпистолярных текстах к З. Пастернак преобладают абстрактные существительные первого типа: *безвыходность, ликованье, грусть*. В некоторых случаях автор использует и абстрактные лексемы второго типа: *непосредственность, сердечность*. В письмах, адресованных О. Фрейденберг, объектом похвалы автора чаще всего является ее талант филолога, мастера слова, который проявляется в письмах к автору (*содержательность, насыщенность сюрпризами; чутье*).

Заключение

В ходе исследования были выявлены и охарактеризованы средства создания образа адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейденберг. Представлены и охарактеризованы обращения, атрибутивные и субстантивные лексемы, являющиеся наиболее значимыми элементами языка при создании образа адресата.

Установлено, что обращение в структурно-композиционной организации эпистолярных текстов Б. Пастернака занимает начальную и срединную позиции. Начальные обращения представлены в письмах ко всем адресатам. Обычно в обращения к Е. Пастернак включаются формы имени адресата либо используются «безымянные» обращения с ключевыми лексемами *девочка, друг, дорогой, милый, мой* в их структуре. На раннем этапе эпистолярного общения с М. Цветаевой представлен только один способ обращения – конструкция-клише *Дорогая Марина Ивановна!*; позже начальное обращение опускалось, что имело особое значение. Тональность начальных обращений к З. Пастернак находится в прямой зависимости от этапа эпистолярного общения: в «досупружеском» периоде способы обращения варьируются от клишированно-нейтральных до глубоко эмоциональных, наполненных сильными душевными переживаниями и чувствами автора; в «супружеский» период в разные годы появляются частотные лексемы, используемые самостоятельно или в структуре обращения: *Киса* или *Кисанька* (1933–1935), *Ляля* или *Лялечка* (1935–1941), *Дуся* (1941–1942), *мамочка, Зиночка* (1941–1957). Практически все обращения к О. Фрейденберг выдержаны в одной дружелюбно-вежливой манере, в спокойном, без особой эмоциональности и экспрессивности, тоне.

Срединные обращения чаще всего используются в эпистолярных письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Их основная функция заключается в имитации прямой, а не дистантной коммуникации, т. е. в установлении более доверительного общения. Частые повторы обращений в структуре письма участвуют в создании кольцевой композиции эпистолярных текстов, а также наделяют прозаический текст анафористичностью поэтического произведения. В письмах, адресованных М. Цветаевой и З. Пастернак, срединные обращения практически отсутствуют. В письмах к О. Фрейденберг обращения в срединной части текста встречаются, но редко, кроме того, они не отличаются лексико-семантическим разнообразием.

Важную роль при создании образа адресата играют атрибутивные лексемы. Они приобретают различные значения в зависимости от лексико-семантического и грамматического окружения и наделяют образ адресата определенными, присущими только ему чертами. Так, коммуникативный портрет Е. Пастернак создан с использованием имен прилагательных *белый, чудный*, а также словосочетания *большой лоб* и его атрибутивного варианта *большелобый*; М. Цветаевой – *большой*; З. Пастернак – *большой, бесподобный*. При создании коммуникативного образа О. Фрейденберг автор отдает предпочтение кратким формам имен прилагательных в синтаксической роли предиката. Однако при явном доминировании данных грамматических форм отсутствует лексико-семантическая доминанта (атрибутивные ключевые лексемы в текстах писем к О. Фрейденберг не обнаруживаются).

Создавая образ адресата, автор активно использует абстрактные существительные. Они вводятся в текст для характеристики положительных черт личности адресата, отражают авторское видение

и восприятие и участвуют в реализации такого приема воздействия на адресата, как похвала. Воздавая должное достоинствам адресата, Б. Пастернак либо выражает собственное отношение к его положительным чертам характера и деятельности, либо отмечает положительные качества адресата. В исследованных нами текстах писем Б. Пастернака преобладающим является второй тип похвалы (исключение – письма к З. Пастернак).

Библиографические ссылки

1. Курьянович А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль. Томск : Изд-во ТГПУ, 2013.
2. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз., 2002.
3. Пастернак Б. Л. Переписка Бориса Пастернака. М. : Худож. лит., 1990.
4. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. Т. 7. Письма 1905–1926. М. : Слово, 2005.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986.
6. Федуллова У. М. Стилистические функции обращения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Филология. 2014. Т. 1, № 1. С. 239–242.
7. Садриева К. Э. Эстетическое значение имен прилагательных в языке художественной прозы А. С. Серафимовича // Уч. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 5. С. 218–226.
8. Донецких Л. И. Реализация эстетических возможностей имён прилагательных в тексте художественных произведений. Кшинев : Штиинца, 1980.
9. Всеволодова М. В. Употребление полных и кратких прилагательных // Рус. яз. за рубежом. 1972. № 1. С. 59–64.
10. Котов А. А. Об этноспецифичности одного грамматического явления в русском языке // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2011. Т. 2, № 4. С. 66–69.

References

1. Kuryanovich A. V. *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkogo epistol'yariya pervoi treti KhKh veka: uzus i idioshtil'* [Genre-stylistic features of the Russian epistolary of the first third of the twentieth century: usage and idiostyle]. Tomsk : Publ. house of TSPU, 2013 (in Russ.).
2. Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow : Russ. yazyk, 2002 (in Russ.).
3. Pasternak B. L. *Perepiska Borisa Pasternaka* [Correspondence of Boris Pasternak]. Moscow : Khudozh. lit., 1990 (in Russ.).
4. Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami* [Complete works with applications] : in 11 vols. Vol. 7. [Letters from 1905 to 1926]. Moscow : Slovo, 2005 (in Russ.).
5. Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow : Nauka, 1986 (in Russ.).
6. Fedulova U. M. Stylistic functions of circulation. *Vestnik Leningr. gos. univ. imeni A. S. Pushkina. Filologiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philology]. 2014. Vol. 1, No. 1. P. 239–224 (in Russ.).
7. Sadrieva K. E. The aesthetic significance of adjectives in the language of A. Serafimovich's prose fiction. *Uch. zap. Kazan. univ.* 2015. Vol. 157, issue 5. P. 218–226 (in Russ.).
8. Donetskikh L. I. *Realizatsiya esteticheskikh vozmozhnostei imen prilagatel'nykh v tekste khudozhestvennykh proizvedenii* [Realization of aesthetic possibilities of the names of adjectives in the text of works of art]. Kishinev : Shtiintsa, 1980 (in Russ.).
9. Vsevolodova M. V. [Use of full and short adjectives]. *Russ. yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 1972. No. 1. P. 59–64 (in Russ.).
10. Kotov A. A. Ethno-Specificity of a Grammatical Phenomenon in Russia. *Vestnik Cherepovetskogo gos. univ.* [Bulletin of the Cherepovets State University]. 2011. Vol. 2, No. 4. P. 66–69 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.03.2018.
Received by editorial board 15.03.2018.

УДК 811.581'42+811.161.1'42

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АКЦЕНТНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ЧЖАО НАНЬНАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе на материале текстов выступлений политических лидеров России и Китая. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный, статистический методы. Установлено, что категория акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируется микрополями оценки, усиления, активизации внимания, уточнения и категоричности/некатегоричности. Указано, что каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов. Выявлены закономерности в распределении акцентирующих языковых единиц по названным микрополям: оценка больше проявляется на лексическом уровне, а активизация внимания адресата реализуется преимущественно на синтаксическом уровне; прилагательные чаще используются как средство оценки, а наречия употребляются главным образом в усилительном значении; союзы активно применяются для выражения уточнения, а частицы характерны для экспликации категоричности. Показано, что микрополя категории акцентности не существуют изолированно: они взаимодействуют, дополняют и усиливают значения друг друга, что проявляется в наличии акцентуаторов, выполняющих одновременно несколько функций и входящих в несколько микрополей. Сделан вывод о сходстве структурно-семантического устройства поля акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Отмечено, что различия касаются статистических закономерностей и заключаются в частотности употребления акцентуаторов (например, использование союзов, наречий и частиц в большей мере характерно для русских текстов, а в китайских выступлениях существенно преобладают акцентирующие метакоммуникативные конструкции).

Ключевые слова: акцентность; акцентуатор; политический дискурс; русский язык; китайский язык.

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ КАТЭГОРЫІ АКЦЭНТНАСЦІ Ў РУСКІМ І КІТАЙСКІМ ПАЛІТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

ЧЖАА НАНЬНАНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўляюцца заканамернасці структурна-семантычнай арганізацыі катэгорыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе на матэрыяле тэкстаў выступленняў палітычных лідараў Расіі і Кітая. Выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны, статыстычны метады. Вызначана, што катэгорыя акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе фарміруецца мікрапалямі ацэнкі, умацнення, актывізацыі ўвагі, удакладнення і катэгарычнасці/некатэгарычнасці. Паказана, што кожнае мікраполе мае асобную структуру, якая ўтвараецца спецыфічным наборам ядзерных і перыферычных акцэнтгатаараў. Акрэслены заканамернасці ў размеркаванні

Образец цитирования:

Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 103–113.

For citation:

Zhao Nannan. Structural and semantic organization of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 103–113 (in Russ.).

Автор:

Чжао Наньнань – аспирантка кафедры прикладной лингвистики филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. Н. Савчук.

Author:

Zhao Nannan, postgraduate student at the department of applied linguistics, faculty of philology.
zhaonannan@mail.ru

акцэнтуючых моўных адзінак па названых мікрапалях: ацэнка праяўляецца пераважна на лексічным узроўні, а актывізацыя ўвагі адрасата рэалізуецца галоўным чынам на сінтаксічным узроўні; прыметнікі часцей выкарыстоўваюцца як сродак ацэнкі, а прыслоўі ўжываюцца перш за ўсё ва ўзмацняльным значэнні; злучнікі актыўна выкарыстоўваюцца для выражэння ўдакладнення, а часціцы характэрныя для эксплікацыі кагэгарычнасці. Адзначана, што мікрапалі кагэгорыі акцэнтнасці не існуюць ізалявана: яны ўзаемадзейнічаюць, дапаўняюць і ўзмацняюць адзін аднаго, што праяўляецца ў наяўнасці акцэнтатараў, якія выконваюць адначасова некалькі функцый і ўваходзяць у некалькі мікрапалёў. Зроблена выснова пра падабенства структурна-семантычнай арганізацыі поля акцэнтнасці ў рускім і кітайскім дыскурсах. Сцвярджаецца, што адрозненні датычацца статыстычных заканамернасцей і заключаюцца ў частотнасці ўжывання акцэнтатараў (напрыклад, выкарыстанне злучнікаў, прыслоўяў і часціц у большай ступені характэрна для рускіх тэкстаў, а ў кітайскіх выступленнях істотна пераважаюць акцэнтуючыя метакамунікатыўныя канструкцыі).

Ключавыя словы: акцэнтнасць; акцэнтатар; палітычны дыкурс; руская мова; кітайская мова.

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION OF THE ACCENTUATION CATEGORY IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL DISCOURSE

ZHAO NANNAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article demonstrates structural and semantic organization patterns of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse. Speeches of Russian and Chinese political leaders constituted the material for the research. The analysis is carried out with the help of descriptive methods, contrastive-comparative analysis, statistical method. It has been established that the accentuation categories in Russian and Chinese political discourse are formed by five micro-fields: evaluation, emphasis, attention activation, specifications and categoricity/non-categoricity. Each micro-field has a special structure formed by a specific set of core and peripheral accentuators. Certain patterns are revealed at distributing accentuating linguistic units according to the named micro-fields. Thus, evaluation is more common for the lexical level, and addressee's attention activation is predominantly realized at the syntactic level. Adjectives are used more for evaluation, adverbs are more common for emphasis. Conjunctions are widely used for specifications, and particles are typical for categoricity explication. Micro-fields of the accentuation category do not exist in isolation: they intercommunicate, complement each other and emphasize each other. It is demonstrated by the existence of accentuators performing several functions from several micro-fields simultaneously. The contrastive analysis resulted in the conclusion about the similarity of structural and semantic structures of accentuation fields in discourses in the Russian and the Chinese languages. Differences concern statistic patterns and involve the frequency of usage of accentuators (for example, usage of conjunctions, adverbs and particles is more typical for texts in the Russian language, and accentuating metacommunicative constructions predominate in Chinese speeches).

Key words: accents; accentuation, accentuator; political discourse; the Russian language; the Chinese language.

Введение

Важную роль в коммуникативном взаимодействии играет акцентирование, или акцентность¹, – категория, обозначающая смысловое выделение (актуализацию) значимых, по мнению автора, моментов содержания речи, привлечение к ним внимания аудитории. Расстановка смысловых акцентов в речевом акте способствует лучшему пониманию адресатом замысла говорящего, что, в свою очередь, позволяет достичь согласованности и эффективности во взаимодействии между отправителем и получателем сообщения. Для реализации акцентирования используются разноуровневые языковые средства, называемые акцентуаторами².

Категория акцентности исследуется в разных направлениях: как функциональная семантико-стилистическая категория (М. Н. Кожина), коммуникативно-прагматический феномен (И. И. Сушинский), разновидность риторических фигур (В. П. Москвин) (подробнее об этом см. в [1]).

В центре внимания ученых оказываются отдельные аспекты акцентирования, связанные с категорией оценки (Е. А. Баженова, Е. М. Вольф, Е. Л. Зайцева, Цзэн Тин), выражением категоричности/некатегоричности (А. В. Аль Шибани, Н. С. Милянчук, Чжан Цзинхань), приемами убеждающего воздействия (Е. Н. Василенко, К. Ю. Малышкин, Чжань Сяосюе). Предметом анализа становятся отдель-

¹ Термин «акцентность» в научное употребление введен М. Н. Кожиной.

² Термин «акцентуатор» в данном значении ввел в лингвистику И. И. Сушинский.

ные способы акцентного выделения, чаще всего семантический повтор (Ан Мэйли, Е. В. Афанасенко, Т. И. Громогласова, И. А. Змиевская), средства выражения усиления (А. А. Ефимова, А. К. Куцева, Е. В. Терентьева, Чжань Мэнцзинь, Ян Пэйсун).

Исследование акцентности осуществляется на материале научных текстов (Т. Б. Иванова, Т. В. Матвеева, Т. М. Николаева), произведений художественной литературы (О. Р. Жерновая, Е. В. Кечик, Н. Л. Романова), разноплановых видов коммуникации, включая бытовой дискурс (О. Г. Бровеев, И. И. Сушинский). Имеются единичные работы, касающиеся проявлений акцентности в политической речи (Е. В. Афанасенко, О. А. Гусева, Н. Н. Добрякова). Однако, исходя из специфики политического дискурса, закономерно предположить, что именно в этой сфере феномен акцентирования должен проявляться особенно ярко.

В известных нам исследованиях акцентность рассматривается на материале одного языка. Вместе с тем актуальным является сравнительно-сопоставительное изучение данной категории, в частности в русско- и китайскоязычной коммуникации: сопоставительный анализ акцентности на уровне лексики, грамматики и прагматики «позволяет вскрыть ряд глубинных закономерностей и тенденций в отображении объективного мира людьми, говорящими на различных языках» [2, с. 89].

Цель данной статьи – выявить закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. Для достижения указанной цели в исследовании ставятся следующие задачи: определить состав и содержательное наполнение структурообразующих компонентов поля акцентности; выявить структурно-семантические особенности каждого микрополя категории акцентности; описать лексико-грамматические свойства акцентующих языковых единиц и прагматические характеристики разных видов акцентуаторов, относящихся к выявленным микрополям; установить сходство и различия в способах выражения акцентности в русском и китайском политическом дискурсе.

Для решения поставленных задач использовался комплекс исследовательских методов: сравнительно-сопоставительный анализ, описательный и статистический методы.

Источником фактического материала стали тексты 50 выступлений политических лидеров России и Китая (25 текстов на русском и 25 китайском языке) за 2000–2017 гг. Было проанализировано 4009 речевых единиц с акцентующим значением (1871 русских и 2148 китайских), извлеченных методом сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужила концепция Т. Б. Ивановой, основанная на методе полевого структурирования [3]. Исходя из данной методологии мы также рассматриваем категорию акцентности как совокупность пяти микрополей: оценки, усиления, активизации внимания адресата, уточнения и категоричности/некатегоричности. Вместе с тем содержание микрополей, набор языковых единиц, составляющих каждое из них, а также значимость каждого отдельного микрополя в исследуемом нами политическом дискурсе отличаются от предложенных Т. Б. Ивановой. Объясняется это типологической спецификой дискурса: концепция Т. Б. Ивановой создана на основе научного стиля, для которого характерна наибольшая значимость микрополя уточнения, в то время как для политического дискурса наиболее значимо микрополе оценки. Кроме того, количественный и качественный состав языковых единиц каждого микрополя также существенно различается в разных дискурсах.

В таблице представлены статистические данные об употребительности языковых единиц, образующих категорию акцентности в русских выступлениях (далее – РВ) и китайских выступлениях (далее – КВ). Как видно из таблицы, максимальное количество единиц приходится на микрополе оценки: 59,11 % в РВ и 64,52 % в КВ. В свою очередь микрополе категоричности/некатегоричности представлено наименьшим количеством единиц: 7,65 % в РВ и 5,77 % в КВ.

Структура категории акцентности

Structure of accentuation category

Составляющие категории акцентности	Русские выступления		Китайские выступления	
	Количество единиц	%	Количество единиц	%
Микрополе оценки	1106	59,11	1386	64,52
Микрополе усиления	285	15,23	300	13,97
Микрополе активизации внимания адресата	189	10,10	224	10,12
Микрополе уточнения	148	7,91	114	5,31
Микрополе категоричности/некатегоричности	143	7,65	124	5,77
Всего	1871	100	2148	100

Характеристика структурных элементов категории акцентности

1. Микрополе оценки. Данное микрополе составляют акцентуаторы, объединенные оценочной семантикой и выражающие положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Микрополе оценки является самым большим компонентом поля акцентности, что связано, на наш взгляд, с целевой установкой политического выступления – убедить массового адресата в справедливости своих суждений, воздействовать на систему ценностей слушателей, добиться их расположения, привлечь адресата на свою сторону. Для выражения оценки в политическом дискурсе используются определенные средства. Рассмотрим их более подробно.

1.1. Оценочные прилагательные. Указанная группа акцентуаторов является самой многочисленной в русском и китайском политическом дискурсе. В китайской речи количество случаев употребления прилагательных с аксиологической семантикой несколько больше, чем в русской: 44,23 против 37,25 % соответственно. В силу частотности употребления некоторых прилагательных образуются устойчивые дискурсивные формулы, которые включают адъективные лексемы с положительной оценкой (рус. *весомый вклад*, *серьезный успех*, *большое значение*; кит. 积极参与 ‘активное участие’³, 万分愉悦 ‘большая радость’, 真挚祝福 ‘искреннее поздравление’) и отрицательной оценкой (рус. *тяжелое состояние*; *безответственные и агрессивные заявления*, *неэффективное государство*; кит. 任务艰巨 ‘нелегкие задачи’, 沉重打击 ‘тяжелый удар’, 曲折和艰苦的发展历程 ‘извилистый и трудный путь развития’).

Оценка, выражаемая прилагательными, может иметь разную степень интенсивности. Например, рус. *И нет сомнений, что богатая летопись наших давних связей в этом году пополнится новыми яркими страницами* (РВ-1, с. 156); кит. 在此, 我谨代表中国驻俄大使馆对你们卓越的工作表示最崇高的敬意和衷心的感谢 ‘Здесь от имени посольства КНР в России я выражаю **высокое** уважение и **искреннюю** благодарность за ваш **выдающийся** труд’ (КВ-1).

Употребление позитивно-оценочных прилагательных превышает частотность отрицательных оценок (64 к 36 % соответственно в РВ, 73 к 27 % соответственно в КВ). Это объясняется, вероятно, тем, что оратор-политик, воздействуя на аудиторию, чаще стремится к созданию положительного образа ситуации, формированию позитивного эмоционального настроения слушателей, чтобы заручиться их поддержкой и приобрести максимальное количество сторонников.

1.2. Оценочные наречия. Как и оценочные прилагательные, данный вид наречий относится к ядерным аксиологическим средствам (24,75 и 27,94 % в русской и китайской речи соответственно). Они не только передают оценочный смысл, но и усиливают эмоциональную интенцию говорящего. Акцентирующие наречия передают как положительную оценку (рус. *хорошо понимать*, *искренне хотеть*, *прекрасно знать*; кит. 积极推动 ‘активно продвигать’, 着力发展 ‘старательно развивать’, 清楚地认识 ‘трезво сознавать’), так и отрицательную (рус. *недостаточно работать*, *трудно встретить*; кит. 剧烈震荡 ‘резко колебаться’, 心情特别沉重 ‘особенно тяжело на душе’).

Наречные акцентуаторы передают разные типы оценок по характеру и интенсивности: рус. *Эти чувства неразрывно связаны с судьбой Отечества* (РВ-2, с. 48); *Еще раз сердечно поздравляю всех вас с высокими наградами Родины* (РВ-3, с. 74); кит. 人民生活水平显著提高, 改善民生力度不断加大 ‘**Заметно** повысился уровень жизни народа, **непрерывно** усиливалась динамика улучшения жизни населения’ (КВ-2).

1.3. Оценочные существительные. Данная группа также играет важную роль в политическом дискурсе (17,72 и 14,57 % в русской и китайской речи соответственно). Эти существительные имеют денотативную оценочность и, как правило, публицистическую окраску (рус. *радость*, *справедливость*, *выгода*; кит. 互利 ‘взаимная **выгода**’, 共赢 ‘всеобщий **выигрыш**’ и др.). Например, рус. *Сегодня, открывая памятник, мы испытываем гордость...* (РВ-2, с. 49); *В вашу честь цветы, салюты и мощь парадных расчетов...* (РВ-3, с. 72); кит. 中俄两国将维护国际公平与正义 ‘**Китай и Россия** будут отстаивать международную **справедливость** и **равенство**’ (КВ-3).

1.4. Компаративы и суперлативы. Данные средства являются неотъемлемой частью микрополя оценки (зафиксировано 7,14 % в РВ и 5,77 % в КВ). Формы сравнительной и превосходной степени прилагательного и наречия, с одной стороны, отражают «объективно существующие параметрические характеристики двух и более сравниваемых между собой объектов действительности», а с другой – «компаратив в составе оценочного предиката имеет непосредственное отношение к интенсификации высказывания и является при этом языковым средством субъективной оценки» [4, с. 223]. Например, рус. *Мы благодарим наших ветеранов... В этот великий день нет никого **роднее, дороже** вас* (РВ-3, с. 74); кит. 更为重要的是 商品和知识交流带来了观念创新 ‘**Что гораздо важнее**, обмен товарами и знаниями приносил новые идеи’ (КВ-4).

³Здесь и далее перевод наш. – Ч. Н.

1.5. Метафора. Как переносное значение слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений, метафора используется в политических выступлениях в составе аксиологических акцентуаторов. Метафора в ораторской речи – это мощная фигура, которая придает высказыванию образительность и экспрессивность. Частотность употребления метафор в РВ в три раза выше, чем в КВ (15,42 против 5,41 % соответственно). Например, рус. *В Крыму буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью* (РВ-4, с. 3); *В вашу честь цветы, салюты... но главное, мы отдаем Вам тепло наших сердец* (РВ-5, с. 13); кит. 让我们以杭州为新起点, 引领世界经济的航船, 从钱塘江畔再次扬帆启航, 驶向更加广阔的大海! ‘Пусть Ханчжоуский саммит станет новой точкой отсчета, которая поведет корабль мировой экономики в новое плавание’ (КВ-5).

1.6. Фразеологизмы. Устойчивые выражения с образно-оценочной семантикой расположены на периферии микрополя оценки (зафиксировано 4,25 % в РВ и 5,27 % в КВ). В русских текстах используются фразеологизмы разных видов, например: *Они же прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей. Насколько нужно потерять политическое чутье и чувство меры, чтобы не предвидеть всех последствий своих действий* (РВ-4, с. 5).

В китайском речевом материале также представлены все типы фразеологизмов – (фразеологическое сочетание (惯用语 <гуаньюньюй>): 我相信, 中俄两国人民将同各国人民一道, 牢记历史, 开创未来 ‘Я уверен в том, что народы Китая и России вместе с народами других стран будут помнить историю и открывать будущее’ (КВ-6); пословицы (谚语 <яньюй>): 靡不有初, 鲜克有终 ‘Нет недостатка в тех, кто хорошо начинает дело, но не хватает тех, кто по-хорошему доводит дело до конца’ (КВ-7).

2. Микрополе усиления. Усиление в политическом дискурсе выполняет функцию привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания коммуникативно значимых элементов речи [5, с. 121]. В качестве акцентуаторов усиления используются преимущественно морфологические и синтаксические средства.

2.1. Интенсифицирующие части речи. Центральное положение в микрополе усиления занимают наречия меры и степени, процент которых значительно ниже в русских текстах, чем в китайских (44,25 % в РВ и 63,11 % в КВ). В политических выступлениях широко употребляются такие наречия, как рус. *особенно, очень, всегда, никогда*; кит. 特别 ‘особенно’, 非常 ‘очень’, 倍加 ‘вдвойне’. Усилительные наречия нередко соединяются с оценочными прилагательными и наречиями, что указывает на тесную связь категорий оценки и усиления: рус. *всегда останутся, очень рассчитываю, особенно важно*; кит. 倍加珍惜 ‘тысячекратно ценить’, 大力激发 ‘всячески активизировать’, 更大 ‘намного сильнее’, 异常艰难 ‘чрезвычайно тяжелые’ и т. д.

Вторую по частотности группу акцентуаторов составляют усилительные частицы: рус. *даже, ведь, все-таки*; кит. 还是 ‘все-таки’, 完全 ‘просто’, 简直 ‘прямо’ и т. д. Больше таких единиц зафиксировано в русских текстах (21,4 и 17,67 % в РВ и КВ) соответственно. Возможно, это связано с тем, что в китайском языке частицы не свойственны официальной речи и редко встречаются в выступлениях китайских политиков. Например, рус. *Вы знаете, я просто не могу себе представить, что мы будем ездить в Севастополь в гости к натовским морякам* (РВ-4, с. 7); кит. ...30 次是研究改革相关的议题, 即使是其他议题我们也是在用改革的精神研究和推进的 ‘...30 из них (‘заседаний Госсовета КНР. – Ч. Н.) были посвящены рассмотрению связанных с реформами вопросов, даже другие вопросы рассматриваются и продвигаются в соответствии с духом реформ’ (КВ-8).

На периферии интенсифицирующих частей речи расположено указательное местоимение *такой* (6,67 % в РВ и 4 % в КВ). Максимальное усиление степени качества, выражаемое словом *такой*, достигается благодаря повторению данной лексемы: рус. *И народ России показал такую зрелость и такую силу, своей сплоченностью поддержал соотечественников* (РВ-4, с. 5); кит. 各国之间的联系从来没有像今天这样紧密, 世界人民对美好生活的向往从来没有像今天这样强烈, 人类战胜困难的手段从来没有像今天这样丰富 ‘Никогда еще мы не видели таких тесных связей между странами, как сегодня, такого сильного стремления людей к лучшей жизни, и никогда у человечества не было такого разнообразия способов преодоления трудностей’ (КВ-9).

2.2. Повтор. Это синтаксическое средство усиления значительно чаще встречается в русских текстах, чем в китайских (13,33 % в КВ и 8,67 % в КВ). В проанализированном материале отмечены различные виды повторов. В акцентуирующих конструкциях данного типа имеет место грамматическое варьирование, а также дублирование смежных высказываний – параллелизм. Например, рус. *Сюда пришло, несмотря на ненастную погоду, большое количество людей. Десятки тысяч людей. Это символично, хочу обратить внимание, что сюда пришли разные люди. Сюда пришли разные люди по возрасту, по национальности, по вероисповеданию. Мужчины и женщины. И это символично, что мы собрались именно сегодня – 23 февраля, в День защитника Отечества, потому что мы с вами и есть сегодня в эти дни действительно защитники нашего Отечества* (РВ-5, с. 13); кит. 俄罗斯是横跨欧亚大陆的世界大国... 同时, 俄罗斯还是一个海洋强国... 俄罗斯是共建 «一带一路» 构想最重

要的國家之一 ‘Исторически некоторые отрезки Великого шелкового пути проходили через территорию России. <...> **Россия – это** держава, которая пересекает Евразийский континент... **Россия – это** крупная морская держава с развитой добычей нефти и газа. <...> **Россия является** мировым лидером в области полярных и морских научных исследований. <...> **Россия, бесспорно, является** ключевой страной в деле совместного строительства «одного пояса и одного пути»’ (КВ-9).

Как особый вид повтора можно рассматривать речевые конструкции, которые включают контактно расположенные семантические эквивалентные глаголы, различающиеся грамматическими (видо-временными, модальными) формами: рус. *я могу обещать и обещаю; всегда были и всегда останутся; отстаивал и намерен отстаивать*; кит. 过去现在将来永远都是 ‘была, есть и навсегда останется’; 曾经是并将永远成为 ‘был и всегда будет’. В процентном соотношении наблюдается существенное преобладание таких акцентуаторов в выступлениях российских политиков по сравнению с речью китайских политиков (6,2 против 1,07 % соответственно). Например, рус. *Прошло 69 лет, как закончилась Великая Отечественная война, но 9 мая **был, есть и будет** нашим главным праздником* (РВ-4, с. 2); кит. 中国以自己的实际行动已经并将继续证明, 中国是维护地区和世界和平, 促进地区和世界发展的坚定力量 ‘Китай своими практическими действиями **показал и покажет**, что он является надежной защитой регионального и международного мира и продвижения регионального и мирового развития’ (КВ-10).

2.3. Выражения-интенсивы. Данная группа (6,32 % в РВ и 7,33 % в КВ) представлена лексико-грамматическими акцентуаторами, как правило включающими в свой состав отрицание *не, ни, нет*, типа рус. *все равно не; вовсе не; без... невозможно*; кит. 无论如何都 ‘ни в коем случае не’, 绝对不会 ‘совсем нет’: рус. *Что-то **не** припомню из истории **ни одного случая**, чтобы интервенция проходила без единого выстрела и без человеческих жертв* (РВ-4, с. 3); кит. 这充分体现了总统先生及哈萨克斯坦政府致力于促进地区和平与安全的坚定理想和政治热情 ‘Это в **полной мере** продемонстрировало твердое стремление и политический энтузиазм господина президента и правительства Казахстана к содействию региональному миру и безопасности’ (КВ-10); 联合国安理会决议应该得到完整执行, 任何国家不能越权行事 ‘Резолюции СБ ООН должны быть полностью выполнены, **ни одна страна не должна** действовать в обход этих документов’ (КВ-11).

2.4. Компаративы и суперлативы. Основной функцией компаративов и суперлативов (7,72 % в РВ и 5,33 % в КВ) является усиление воздействия на адресата. Например, рус. *Для российских туристов китайское направление также одно из **самых привлекательных*** (РВ-6, с. 69); кит. 我在同艾滋病病人接触时感受最深的是, 他们不仅要忍受疾病的痛苦折磨, 还要承受来自社会的巨大压力 ‘При контакте с людьми, живущими с ВИЧ, меня **больше всего** волнует то, что эти люди вынуждены страдать не только от самой болезни, но и терпеть большое давление со стороны общества’ (КВ-7).

2.5. Коллокации. Термин «коллокации» обозначает «сочетания слов, в которых один компонент (опорный, или основной, несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологизирует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым словом» [6, с. 77]: рус. *с особым чувством, в полном соответствии с*; кит. 如出一辙 ‘то же самое’, 无一例外 ‘всех без исключения’, 与此同时 ‘вместе с тем’. Коллокации незначительно преобладают в русском речевом материале (4,91 % в РВ и 3,33 % в КВ).

Клишированные словосочетания с усилительным смыслом регулярно повторяются в разных коммуникативных ситуациях. Не имея образного значения, коллокации характеризуются воспроизводимостью и структурно-семантической устойчивостью: рус. *16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошел в **полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами*** (РВ-4, с. 4); кит. 与此同时, 在第二次世界大战亚洲太平洋主战场上, 中国人民同日本侵略者进行了 8 年艰苦卓绝的斗争, 3 5 0 0 万中华儿女为国捐躯 ‘**Вместе с тем** на главном поле боя антифашистской войны в Азии и Тихом океане военные и мирные граждане Китая вели восьмилетнюю затяжную упорную борьбу...’ (КВ-5).

3. Микрополе активизации внимания адресата. Языковые средства данного микрополя выполняют функции «облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создания благоприятных условий для целенаправленного восприятия информации, усиления речевого воздействия на адресата, обеспечения согласованности между коммуникантами» [5, с. 121].

3.1. Языковые средства диалогичности. Это самые частотные в микрополе средства активизации внимания (70,37 % в РВ и 67,76 % в КВ). К ним относятся два типа выражений:

а) Метакоммуникативные конструкции (75,28 % в РВ и 68,72 % в КВ), которые описывают коммуникацию, направляют внимание слушателя и читателя, организуют «управление динамикой интеракции», характеризуются «высокой степенью конвенциональности, служащей установлению, поддержанию и замыканию коммуникативного контакта» [7, с. 146]: рус. *я хочу напомнить...; я обращаюсь и к...; кит. 强调指出 ‘хочу отметить’, 在此强调 ‘хочу это подчеркнуть’. Например, рус. *Сегодня можно**

открыто говорить, я хочу с вами поделиться деталями переговоров, проходившими в начале 2000-х годов (РВ-7, с. 20); кит. 我愿在此重申, 中国坚决谴责和反对一切形式的恐怖主义, 积极参与国际社会反对恐怖主义的努力和行动, 与有关国家及组织开展了卓有成效的合作 ‘Здесь я хотел бы подтвердить, что Китай решительно осуждает терроризм и выступает против всех его проявлений...’ (КВ-1);

б) Обращения, которые являются обязательным элементом политической речи, поскольку выполняют этикетную функцию. Помимо установления и поддержания контакта с аудиторией, обращение привлекает внимание адресата к важным аспектам содержания речи (24,72 % в РВ и 31,28 % в КВ): рус. *дорогие друзья, уважаемые коллеги, уважаемые граждане России*; кит. 女士们, 先生们 ‘дамы и господа’, 尊敬的总理, 秘书长 ‘уважаемый президент / господин генеральный секретарь’, 尊敬的各位贵宾, 女士们, 先生们, 朋友们 ‘уважаемые высокие гости, дамы и господа, друзья’. Например, рус. *Дорогие друзья! Сегодня мы склоняем головы перед Памятью погибших...* (РВ-8, с. 62); кит. 尊敬的哈珀总理, 各位同事: 很高兴来到多伦多参加二十国集团领导人第四次峰会, 同各位同事共同讨论推动世界经济全面复苏这个重大议题 ‘Уважаемый господин премьер-министр Канады Стивен Харпер! Уважаемые коллеги! Очень рад принять участие в четвертом саммите «Группы 20» в Торонто...’ (КВ-4).

3.2. Вопросительные предложения. Высказывания, содержащие вопрос, помогают сфокусировать внимание адресата на той части информации, которая, по мнению автора, наиболее важна (13,55 % в РВ, 9,87 % в КВ). В некоторых случаях адресант задает вопрос и сам на него отвечает: рус. *Однако что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права* (РВ-4, с. 6); кит. 如何使人类拥有一个和平安宁、共享繁荣的21世纪? 为此, 我愿提出以下几点看法 ‘Как дать возможность человечеству жить в XXI веке, характеризующемся миром, безопасностью и общим процветанием? По этому вопросу я бы высказал свое мнение’ (КВ-8). В других ситуациях вопрос ставится как риторический: рус. *В самом деле, разве можно оставить неприкосновенным землевладение немецких колонистов?* (РВ-7, с. 19); кит. 商业贿赂不除, 何谈民族复兴? ‘Как мы сможем реализовать национальное возрождение, не устранив взяточничество?’ (КВ-5).

3.3. Модально-оценочные конструкции. Модально-оценочные конструкции являются главным средством синтаксического акцентирования микрополя активизации внимания адресата в политической речи (12,92 % в РВ, 8,21 % в КВ). К акцентуаторам данного микрополя относятся следующие устойчивые выражения: рус. *главное, что...; предельно ясно, что...; что гораздо важнее...*; кит. 我们一致认为 ‘по нашей общей оценке’; 对...很重要 ‘нам важно, что...’; 更为重要的是 ‘что гораздо важнее, это...’. Например, рус. *Важно, что в орбиту этих связей входят все новые и новые регионы России, в том числе и Закавказье* (РВ-1, с. 160); кит. 我们应该牢固树立人力资源是经济社会发展第一资源的理念... ‘Мы должны прочно внедрить в себя убеждение, что человеческие ресурсы являются ресурсами первой важности для социально-экономического развития...’ (КВ-6).

3.4. Инверсия. Инверсией логически выделяется наиболее существенная, с точки зрения автора, идея (12,36 % в РВ и в 9,74 % в КВ). Усиливая смысловую нагрузку высказывания, автор как бы акцентирует мысль о правильности именно такого суждения, тем самым выражая уверенность в правильности высказанной идеи. В проанализированном материале особенно часто встречается инверсия в положительно-оценочных конструкциях: рус. *огромную роль в... играет...; весомый вклад в... вносит...; большие надежды возлагаем на...; кит. 原因在于 ‘поводом для... стал’; 首要任务是 ‘главной задачей является...’; 根本矛盾在于 ‘крупнейшим дисбалансом является...’. Например, рус. *Главной силой поступательного, динамичного развития столицы является энергия самих ее жителей* (РВ-9, с. 102); кит. 上海合作组织实业家委员会为经贸合作的发展作出了巨大贡献 ‘Весомый вклад в развитие экономического сотрудничества вносит Деловой совет Шанхайской организации’ (КВ-7).*

3.5. Языковые средства логичности изложения. Авторы политических выступлений стремятся к тому, чтобы выражаемые ими идеи воспринимались слушателем не просто как собственное субъективное мнение говорящего, а как знание, предполагающее объективность, достоверность сообщаемых сведений. Для этого в политической речи используются языковые средства логичности изложения (6,18 % среди РВ и 17,44 % среди КВ): рус. *прежде всего, во-первых, наконец*; кит. 除此之外 ‘кроме того’, 如上所述 ‘как уже было сказано’, 最后 ‘в заключение’. Например, рус. *Кстати говоря, мы не против сотрудничества с НАТО...* (РВ-4, с. 2); кит. 首先是目标明确, 就是要完善和发展中国特色社会主义制度, 推进国家治理体系和治理能力现代化 ‘Во-первых, имеются четкие цели, а именно, совершенствование и развитие системы социализма с китайской спецификой...’ (КВ-8).

4. Микрополе уточнения. Функцией уточнения является «акцентирование актуальных логико-смысловых отношений – сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.» [5, с. 120–121]. Стремление к предельной точности, ясности изложения реализуется в политическом дискурсе с помощью морфологических и синтаксических акцентуаторов.

4.1. Уточняющие наречия и частицы. Среди уточняющих наречий и частиц (47,30 % в РВ и 42,11 % в КВ) выделяются две группы:

а) обстоятельственные наречия *уже, только*, которые употребляются при указании на окончательное совершение, наступление, выполнение чего-либо;

б) частицы *именно, правда*, усиливающие степень уточнения и выражающие решительное подтверждение. Например, рус. *В России уже осуществляются сотни китайских инвестиционных проектов* (РВ-1, с. 156); кит. 有妇女儿童的健康, 我们才会有美好的未来 ‘**Только** при наличии хорошего здоровья женщин и детей у нас будет прекрасное будущее!’ (КВ-7).

4.2. Уточняющие союзы. Среди уточняющих союзов (33,78 % в РВ и 37,72 % в КВ) выделяют три группы:

а) союзы с противительно-отрицательным значением (рус. *не... а; не... но; ...а не*; кит. ...并非 ‘...а не’; ...不是 ‘...но не’);

б) союзы с градационно-сопоставительным значением (рус. *как... так и; не столько... сколько*; кит. 不仅...而且 ‘не только... но и’; 即...又 ‘и... и’), объединяющие два однородных члена, которые сопоставляются друг с другом, в каком-либо отношении сравниваются, причем значение это передается часто с помощью градации;

в) союзы с добавочным значением (рус. *также... а также... и также*; кит. 并且 ‘и’; 也是 ‘также’).

Акцентирующие союзы служат для соединения однородных членов предложения или нескольких частей в составе сложного предложения, используются для связи предложения с предыдущим текстом, выражают добавление новой информации к уточняющейся теме.

4.3. Многочленные конструкции с дескриптивно-характеризующим значением.

Данные конструкции (18,92 % в РВ и 20,18 % в КВ) уточняют мысль, указывая на специфические свойства и особенности объекта речи. «Хотя такие фразы содержат много оценочных прилагательных, но, в отличие от акцентуаторов микрополя оценки, не столько выражают отношение говорящего, сколько передают полноту мысли» [7, с. 158]: рус. *Китай – страна с многовековой историей, богатейшей культурой, философией. Это уникальные памятники, изысканная кухня и древнее искусство врачевания* (Р-В6, с. 69); кит. 打击这股恶势力是国际反恐斗争不可分割的组成部分, 符合地区各国的共同利益 ‘**Борьба с этим злом – это неотделимая составляющая международной антитеррористической борьбы**, которая отвечает общим интересам стран региона’ (КВ-10).

5. Микрополе категоричности/некатегоричности изложения. Анализ языкового материала позволил выявить 7,65 % единиц, выражающих категоричность/некатегоричность изложения в РВ, и 5,77 % в КВ. Функция категоричности/некатегоричности изложения заключается в «выражении объективности излагаемого» [5, с. 121].

Модальное значение категоричности создается с помощью различных лексико-грамматических средств (69,91 % в РВ и 62,9 % в КВ), в частности:

а) модальных слов и словосочетаний с семантикой уверенности говорящего в истинности высказываемого, выступающие в роли вводных слов (рус. *бесспорно, безусловно, несомненно*; кит. 当然 ‘конечно’, 毫无疑问 ‘вне (без) всякого сомнения’, 理所当然 ‘разумеется’, 自然的 ‘естественно’ и др.); рус. *И, конечно, мы всегда будем помнить подвиги героев Великой Отечественной войны* (РВ-9, с. 105); кит. 毫无疑问, 俄罗斯是共建 «一带一路» 构想最重要的国家之一 ‘Россия, **бесспорно**, является ключевой страной в деле совместного строительства «одного пояса и одного пути»’ (КВ-9);

б) глаголов, кратких прилагательных и причастий с семантикой уверенности, убежденности, несомненности, выполняющих функцию сказуемого или выступающих в роли вводных слов (рус. *уверен, убежден, не сомневаюсь*; кит. 丝毫不动摇 ‘ни на минуту не сомневаюсь’, 丝毫不改变 ‘ничуть не изменилась’ и др.);

в) модальных слов с семантикой долженствования и необходимости, входящих в состав сказуемого (рус. *мы все должны понимать...; надо сказать...; необходимо активизировать... и др.*; кит. 要 ‘надо’, 必须 ‘необходимо’, 绝不 ‘нельзя’ и др.): рус. *Необходимо шире использовать режим особых экономических зон, которые создаются с целью приоритетного развития высоких технологий в России* (РВ-5, с. 13); кит. 要提倡对主要储备货币发行经济体宏观经济政策和主权信用评级机构的监督 ‘**Надо** усилить надзор за макроэкономической политикой государств, выпускающих основные резервные валюты, и суверенными кредитными рейтинговыми агентствами’ (КВ-11).

Модальное значение некатегоричности (30,09 % в РВ и 37,1 % в КВ) создается с помощью следующих средств:

а) модальные слова с семантикой неуверенности, в частности предположения и сомнения, выступающие в роли вводных слов (рус. *возможно, вероятно, наверно, пожалуй, кажется*; кит. 或许 ‘возможно’; 可能 ‘вероятно’ и др.);

б) глаголы и прилагательные соответствующей семантики, выступающие в роли сказуемых: (рус. *можно предположить, мне кажется, сомневаюсь*; кит. 无法确定的是 ‘не могу утверждать’, 假设 ‘я предполагаю’ и др.);

в) частицы *вроде, как бы,或许* ‘будто’, *哪怕* ‘хоть’ с семантикой предположения, рус. *Дело – за политическим решением самой России. А оно **может быть** основано только на воле народа, потому что только народ является источником любой власти* (РВ-4, с. 7); кит. *其实,他们并没有什么过高的期望,只希望人们能给他们一点友善和爱而已,或许只是一个拥抱,或许只是和他聊上几分钟,哪怕是一次握手或一个微笑,也会使他们在荒漠般的人生中看到一线生机 ‘А на самом деле они не желают большего, **лишь чуть** добра и любви к ним, а **может быть** только объятие или болтание несколько минут. **Хоть** одно рукопожатие или одна улыбка дает им надежду на жизнь’* (КВ-23).

Выводы

Категория акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируется пятью микрополями. В сопоставляемых дискурсах присутствуют языковые средства выражения оценки суждения, усиления убедительности высказывания, активизации внимания адресата, уточнения используемых формулировок, а также категоричности либо некатегоричности изложения, что соотносится с выделенными микрополями категории акцентности. Место каждого микрополя в общем категориальном поле акцентности определяется прагматическими факторами, в частности спецификой политического дискурса.

Каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов. Микрополе оценки в политическом дискурсе формируется оценочной лексикой (прилагательными, наречиями, существительными), компаративами и суперлативами, фразеологизмами, метафорическими выражениями. Усиление убедительности высказывания в обоих языках осуществляется за счет использования интенсифицирующих частей речи, повторов, выражений-интенсивов, компаративов и суперлативов, коллокаций. Активизация внимания слушателя происходит благодаря использованию языковых средств диалогичности, вопросительных предложений, модально-оценочных конструкций, инверсии, языковых средств логичности изложения. Уточнение используемых формулировок предполагает употребление уточняющих союзов, наречий и частиц, многочленных конструкций с дескриптивно-характеризующим значением. К средствам выражения категоричности/некатегоричности относятся модальные слова (глаголы, прилагательные, частицы) и словосочетания с семантикой уверенности, убежденности, долженствования, необходимости или неуверенности соответственно.

В распределении акцентирующих языковых единиц по названным микрополям наблюдаются определенные закономерности. Так, оценка проявляется преимущественно на лексическом уровне, а активизация внимания адресата – на синтаксическом. Прилагательные используются главным образом как средство оценки, а наречия чаще всего употребляются в микрополе усиления. Союзы, как правило, выражают уточнение, а частицы характерны для экспликации категоричности.

Микрополя категории акцентности не существуют изолированно: они взаимодействуют, дополняют и усиливают значения друг друга. Проявлением этой специфической характеристики служит наличие акцентуаторов, которые одновременно выполняют несколько функций, входят сразу в несколько микрополей. Чаще всего акцентуаторы оценки выполняют также усилительную функцию, привлекают внимание аудитории. Компаративы и суперлативы принадлежат к микрополю оценки и в то же время относятся к микрополю усиления. Кроме того, наблюдается пересечение микрополя усиления с микрополем категоричности (такие усилительные наречия, как *абсолютно, действительно, совершенно* выражают одновременно усиление значения и категоричность).

Хотя в выступлениях российских и китайских политиков частотность использования акцентуаторов различается, устройство поля акцентности в сопоставляемых дискурсах сходно. Это проявляется в том, что и в русском, и в китайском политическом дискурсе доминируют акцентуаторы оценки и усиления. Вероятно, объяснить этот факт можно тем, что в обеих культурах описание эмоционального состояния и отношения к предмету речи является важным средством воздействия на аудиторию. Различия касаются статистических закономерностей и заключаются в частотности употребления акцентуаторов. Так, использование союзов, наречий и частиц в большей мере характерно для русских текстов, а в китайских выступлениях заметно преобладают акцентирующие метакоммуникативные конструкции. Это объясняется типологическими свойствами русского и китайского языков: в русском языке одно слово (часть речи) может выражать значение целого предложения, но в китайском языке один иероглиф не имеет определенной значимости, поэтому для китайского политического дискурса характерно преобладание комплексных выражений.

Выявление количественных и функциональных особенностей акцентирующих языковых средств показало, что, несмотря на разграничение микрополей категории акцентности, между ними наблюдается тесная связь. В свою очередь, изучение отдельных микрополей позволило выявить указанные выше закономерности структурно-семантической организации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе.

Сокращения

КВ-1 – Выступление Председателя КНР Ху Цзиньтао на V Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t307525.htm> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-2** – Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wjzc/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-3** – Выступление посла КНР на презентации фотоальбома «Помнить историю, защищать мир – в честь 70-й годовщины Победы над фашизмом» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-4** – Полный текст речи Си Цзиньпина на форуме «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-5** – Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече с российскими ветеранами [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zhuayozhize_russ/ (дата обращения: 29.08.2016); **КВ-6** – Полный текст выступления Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и мировой антифашистской войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-7** – Речь председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия саммита «Группы двадцати» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-8** – Выступление Председателя КНР Цзянь Цзэминь на саммите по взаимодействию и мерам доверия в Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/jzfw/>; **КВ-9** – Выступление Вэнь Цзябао на симпозиуме в рамках LXV сессии ГА ООН, посвященном вопросам реализации Целей развития тысячелетия и борьбе с ВИЧ/СПИДом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/> (дата обращения: 30.08.2016); **КВ-10** – Выступление посла КНР в Московском государственном университете путей сообщения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/>. (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-11** – Речь на V министерском заседании АТЭС по вопросам развития человеческих ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/> (дата обращения: 30.08.2016). **РВ-1** – Выступление Президента России В. Путина на церемонии открытия Года Китая в России // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 153–164; **РВ-2** – Выступление на церемонии открытия памятника Сергею Михалкову // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 47–53; **РВ-3** – Выступление на параде на Красной площади 9 мая 2014 года // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 70–75; **РВ-4** – Выступление В. Путина на церемонии подписания договора о принятии Крыма в состав РФ // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 2–7; **РВ-5** – Выступление В. Путина на митинге в Лужниках в 2012 году // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 12–17; **РВ-6** – Выступление на Открытии Года китайского туризма в России // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 68–70; **РВ-7** – Выступление на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 18–23; **РВ-8** – Выступление В. Путина на Российско-китайском экономическом форуме деловых кругов // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 60–66; **РВ-9** – Поздравление москвичей с Днем города // Лю Ианьинь. Возвращение царя: впечатляющая речь В. Путина. Пекин, 2012. С. 98–108.

Библиографические ссылки

1. Чжао Наньнань. Лингвистические традиции изучения категории акцентности // Весн. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2017. № 1. С. 106–110.
2. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78–90.
3. Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10. Пермь, 1988.
4. Жерновая О. Р. Компаративы как средство интенсификации высказывания в художественном тексте // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 1. С. 222–228.
5. Иванова Т. Б. Категория акцентности // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 120–126.
6. Борисова Е. Г., Захарова О. В. Фразеологическое значение в устойчивых словосочетаниях // Филол. науки. 1994. № 4. С. 77–84.
7. Чжао Наньнань. Акцентуаторы микрополя уточнения в русском и китайском политическом дискурсе // Мова і літаратура : матэрыялы 74-й навуц. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 27 крас. 2017 г.). Мінск, 2017. С. 156–159.
8. Мануйлова Е. О. Прагматические возможности выражения метакоммуникативного компонента // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Соврем. лингвист. и метод.-дидакт. исслед. 2012. № 18. С. 144–153.

References

1. Zhao Nannan. Linguistic traditions of the accent category studies. *Vesnik BDPU. Ser. 1, Pedagogika. Psihologija. Filalogija* [BSPU Bulletin. Ser. 1, Pedagogy. Psychology. Philology]. 2017. No. 1. P. 106–110. (in Russ.).
2. Gak V. G. [Contrastive – comparative pragmatics]. *Filol. nauki* [Philological sciences]. 1992. No. 3. P. 78–90 (in Russ.).

3. Ivanova T. B. [Functional Semantic and Stylistic Accent Category in Russian Scientific Texts] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.10. Perm, 1988 (in Russ.).
4. Zhernovaya O. R. Comparatives as a means of intensification in a literary text. *Vestnik Nizhegorod. gos. univ. im. N. I. Lobachevskogo*. [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. 2010. Issue. 1. P. 222–228 (in Russ.).
5. Ivanova T. B. [Accent category]. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedical dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. P. 120–126 (in Russ.).
6. Borisova E. G., Zakharova O. V. [Phraseological meaning in set phrases]. *Filol. nauki*. [Philological sciences]. 1994. No. 4. P. 77–84 (in Russ.).
7. Zhao Nannan. [Accentuators of the specification micro-field in Russian and Chinese political discourses]. In: *Mova i litaratura* [Language and literature] : mater. of the 74th sci. conf. of students and postgraduate students of the faculty of philol. of Belarus. State Univ. (Minsk, 27 April, 2017). Minsk, 2017. P. 156–159 (in Russ.).
8. Manuilova E. O. [Pragmatic Possibilities of Metacommunicative Component Expression]. *Nauchn. vestnik Voronezh. gos. arkhitekt.-stroit. univ. Ser.: Sovrem. lingvist. i metod.-didakt. issled.* [Scientific herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological and didactic research]. 2012. No. 18. P. 144–153 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.12.2017.
Received by editorial board 22.12.2017.

УДК 811.161.581

НОМИНАЦИЯ ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА МУЖСКОГО ПОЛА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ВАН ВЭНЬЦЗЮАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются исторические аспекты номинации лиц молодого возраста мужского пола в русском и китайском языках. Сделаны выводы о том, что существует сходство в семантическом развитии соответствующих русских и китайских лексем. Указано, что, несмотря на отдаленность друг от друга этих языков и культур, семантические изменения могут иметь сходные причины, обусловленные общностью человеческих представлений об описываемом возрастном периоде.

Ключевые слова: номинация; наименование мужчин молодого возраста; семантика слова; развитие семантики слова; сопоставительный анализ; разносистемные языки.

НАМІНАЦЫЯ АСОБ МАЛАДОГА ЎЗРОСТУ МУЖЧЫНСКАГА ПОЛУ Ў РУСКАЙ І КІТАЙСКОЙ МОВАХ У ДЫЯХРАНІЧНЫМ АСПЕКЦЕ

ВАН ВЭНЬЦЗЮАНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца гістарычныя аспекты намінацыі асоб маладога ўзросту мужчынскага полу ў рускай і кітайскай мовах. Зроблены высновы пра тое, што існуе падабенства ў семантычным развіцці адпаведных рускіх і кітайскіх лексем. Адзначана, што, нягледзячы на аддаленасць рускай і кітайскай моў і культур адна ад адной, семантычныя змены, якія ў іх адбываліся, могуць мець падобныя прычыны, абумоўленыя агульнасцю чалавечых уяўленняў пра ўзроставы перыяд, які апісваюць разгледжаныя лексемы.

Ключавыя словы: намінацыя; найменне мужчын маладога ўзросту; семантыка слова; развіццё семантыкі слова; супастаўляльны аналіз; рознасістэмныя мовы.

YOUNG MALE NAMINGS IN RUSSIAN AND CHINESE IN THE DIACHRONIC ASPECT

WANG WENJUAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the retrospective analysis of young male namings in two languages, Russian and Chinese. The author comes to the conclusion that there exist some similarities in the semantic development of the corresponding lex-

---

Образец цитирования:

Ван Вэньцзюань. Номинация лиц молодого возраста мужского пола в русском и китайском языках в диахроническом аспекте // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 114–122.

For citation:

Wang Wenjuan. Young male namings in Russian and Chinese in the diachronic aspect. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 114–122 (in Russ.).

Автор:

Ван Вэньцзюань – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Кожина.

Author:

Wang Wenjuan, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
amaliarussia@mail.ru

emes in these two languages. Despite the fact that both languages and cultures are remoted from each other, semantic changes may have similar reasons caused by the generality of human concepts of the described age period.

Key words: naming; young mail namings; word semantics; development of word semantics; comparative analysis; multisystem languages.

Изучение тематических групп лексики в диахроническом аспекте представляет несомненный интерес, поскольку позволяет получить значимые выводы о том, как происходило развитие словарного состава различных языков. Вместе с тем актуальным является рассмотрение слов, связанных с номинацией понятий в языках в границах выделяемых человеческим сознанием возрастных периодов, поскольку это позволяет проследить, как один и тот же смысл находит различные или сходные средства своего языкового выражения. Изучение однословных и неоднословных наименований в рамках данной группы в сопоставительном аспекте дает возможность обнаружить их особенности в разных языках и менталитетах народов, что является одновременно новым и чрезвычайно важным для сопоставления лексической семантики русского и китайского языков, поскольку представления о возрастном делении жизни человека относятся к наиболее глубинным и основным в картине мира любого народа. В настоящей статье рассматривается один из фрагментов картины мира, связанный с наименованиями лиц мужского пола молодого возраста.

Самым ранним наименованием молодого человека мужского пола в русском языке является лексема *юноша*. Корень **junь* относится к общеславянскому лексическому фонду [1, с. 460; 2, с. 195–198], а саму лексему фиксируют старославянские памятники узкого канона (ср. в Мариинском Евангелии: *...единъ етеръ юноша по немъ иде* (Мк. 14:51) [3, с. 792]). Из них она попадает в церковнославянский и русский языки. Профессор В. А. Ефремов указывает, что это слово никогда не имело никаких других значений, оставаясь на протяжении всей истории русского языка исключительно моносемантом [4, с. 68], однако в работе И. И. Срезневского «Материалы для слова русского языка» можно обнаружить, что у этой лексемы было дополнительное значение – ‘слуга, раб’, а его фонетический вариант *юнота* имел неожиданное расширение семантики: ‘Дева (знак зодиака)’ [5, с. 1627–1628]. В русском языке рассматриваемое слово сохраняет отличительную черту церковнославянизма – йотовую протезу перед гласным ненижнего подъема (ср. исконно русский вариант *уноша*, не прижившийся в языке). Возможно, именно это обусловленное происхождением отношение к высокому книжному стилю определило его дальнейшую судьбу.

Следующим по времени появления в языке оказалось еще одно именование лица мужского пола, имеющее праславянскую основу, – лексема *детина*, которая рассматривается в «Этимологическом словаре славянских языков» как ранний субстантив первоначального производного прилагательного с притяжательным суффиксом *-итъ* от прасл. **děтъ* [2, с. 14]. По другой версии это слово возникло путем присоединения к основе суффикса *-ин(а)*, образующего имена существительные с увеличительным значением (ср. *доми́на*, *голоси́на* и др.). При этом «слово претерпело следующую семантическую трансформацию: ‘ребенок большого размера’ > ‘взрослеющий ребенок’ > ‘молодой человек’» [4, с. 68]. Версия «Этимологического словаря славянских языков» представляется тем не менее более вероятной. Так, лексема *дѣтина* впервые фиксируется в текстах XIII в. [6, с. 166], причем с семантикой, не содержащей аугментативного компонента. Это слово также известно другим славянским языкам с иной, нежели у русского, словообразовательной системой, сема увеличительности в этих случаях также отсутствует [2, с. 14]. Как представляется, она могла появиться у рассматриваемой лексемы именно по аналогии с появляющимися в середине XIX в. дериватами типа *доми́на*, *голоси́на* (словари древнерусского языка не фиксируют подобных образований, не отмечает их до этого времени и НКРЯ¹). При этом еще «Словарь русского языка XVIII в.» указывал на просторечность лексемы *детина*, но не упоминал об аугментации [7, с. 117]. Как отмечал В. В. Виноградов, это слово считалось менее грубым, чем лексема *парень*, и нейтрально определялось в «Словаре Академии Российской» [8, с. 885]. Нейтральность значения сохранялась и в XIX в.: «...в хрестоматийной сказке П. П. Ершова “Конек-горбунок” (1834) фраза “Старший умный был детина” не содержит той пейоративной прагматической оценки, которая появилась у слова позднее, и может быть переведена на современный русский как “Старший был умным парнем”» [4, с. 69].

Академический словарь конца XIX в. определяет слово *дѣтина* как ‘молодой человек мужского пола’ [9, с. 1234]. Сема увеличительности представлена только в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: ‘рослый и сильный молодой мужчина’ [10, с. 699]; она сохраняется и до настоящего времени: «Новейший большой толковый словарь русского языка» также определяет это слово с пометой «традиционно-народное» [11, с. 255]. Однако словари не фиксируют отрицательную коннотацию, которая

¹Национальный корпус русского языка (www.ruscopora.ru).

в современных текстах окрашивает значение лексемы *детина* и очевидна в контекстах, приводимых в НКРЯ (в контекстах XXI в. это слово встретилось 73 раза из общих 918 употреблений, фиксируемых с начала XVIII в.). *Детина* – это не только человек, обладающий большой силой, но и использующий ее в неблагоприятных целях (*Огромный и сильный детина – монстр, готовый на любое насилие, – он настолько привык действовать по приказу, что сейчас чувствовал себя беспомощным* (Д. Рубина, 2014²)), большой и поэтому грубый и некрасивый (*А это был живой человек, Мороз, как в школе его, естественно, называли, совсем не ангел, но довольно плотный и какой-то угловатый детина, словно его еще не до конца обтесали рубанком, не говорю уже о напильнике, с большим и грубым подбородком, с обкусанными ногтями и необыкновенно смешным носом, начинавшимся как нос аристократа, тонким у переносицы и с классической горбинкой, и заканчивавшимся совершенно по-плебейски, со-вершенной картошкой* (А. Макушинский, 2012)).

У лексемы *детина* имеется дериват *детинушка*, использующийся достаточно редко (по данным НКРЯ, 26 употреблений в русском литературном языке). В этом случае суффикс *-ушк(а)* не столько выполняет деминутивную функцию, сколько придает лексеме традиционно-народную, фольклорную окраску. Об этом свидетельствует и использование ее в современной литературе для стилизации: *Иона Овсевич встретил гостей у порога, в первый миг невольно прищурился, Ефим и Ося вежливо поздоровались, тогда хозяин поднял вверх обе руки, поклонился по русскому обычаю и торжественно произнес: «Исполать тебе, детинушка – крестьянский сын! Али с добрыми вестями на гостинец завернул?»* (А. Львов, 1981).

Позднее всего возникает в русском языке лексема *парень*, которая появляется в текстах с 1559 г. [12, с. 153], а с 1731 г. фиксируется в словарях, например, в [13, с. 163; 14, с. 715] и др.

С этого времени между номинациями *юноша* и *парень* развивается конкуренция, а к началу XXI в. вторая из лексем уже начинает превалировать среди других обозначений молодого человека мужского пола. По данным НКРЯ, в этот период она представлена в 1920 документах (5388 словоупотреблений), тогда как слово *юноша* – в 1120 документах (2444 употреблений). Причины этого ясны. Кроме признаков церковнославянизма (скорее всего, не осознаваемых носителями русского языка) и принадлежности к высокому стилю (безусловно, осознаваемой), на восприятие и употребление лексемы *юноша* влияет ее прозрачная внутренняя форма, связывающая эту лексему с прилагательным *юный* [15, с. 531], которое имеет значение ‘молодой, очень молодой’. О том, что слово *юноша* обозначает лицо, младшее по возрасту, по сравнению с тем, которое называется лексемой *парень*, свидетельствуют и другие дериваты прилагательного *юный* [16, с. 579], обозначающие школьников, увлекающихся определенным видом деятельности: *юнкор* (*юный корреспондент* ‘подросток, посылающий корреспонденции в какой-либо периодический молодежный печатный орган на общественных началах’) и *юннат* (*юнный натуралист* ‘участник кружка по изучению природы’) [11, с. 1529], *юнец* (разг.) ‘юноша, подросток’ [11, с. 1529]. Другие дериваты слова *юноша* – это абстрактное существительное *юношество*, прилагательное *юношеский* и образованные от него наречия *юношески* и *по-юношески* [16, с. 578].

Этимология лексемы *парень* остается неясной. Слово связывали с прасл. **parobъкъ* ‘слуга, прислужник’. Эту этимологию подверг критике П. Я. Черных [1, с. 6], предложив собственную версию происхождения лексемы от глагола со значением ‘парить, вгонять в пот’ > ‘запарившийся молодой человек, ухажер’. Филолог В. Н. Топоров возводит данное слово к иран. **farn-* (**parn-*), связанному с обозначением особой социальной молодежной группы и глубже – с представлениями о богатстве, сиянии, мире, отмечая, однако, фонетическую уязвимость данной этимологии [17, с. 23–37]. Можно также указать на версию, связывающую рассматриваемое слово с лексемой **orati* ‘пахать’ [18, с. 130].

Однако слово *парень* в русском языке нельзя считать абсолютным субститутотом номинации *юноша* из-за характеризующего ее оттенка разговорности, что отражено и в современном словаре русского языка [11, с. 781]. Косвенным подтверждением этого является и тот факт, что по данным «Частотного словаря русского языка» в текстах драматургического жанра, предполагающего ориентацию на живую речь, лексема *парень* встретилась 48 раз, в то время как слово *юноша* – только 6 раз [19, с. 452, 801].

Принадлежность лексемы *парень* к разговорному стилю, более того, к просторечию, отмечается и при первой словарной фиксации: в словаре Э. Вейсмана она появляется как соответствие нем. *Entenmaher* ‘уткопас, парень, детина, который за утками ходит’ [13, с. 163]. Немецкое соответствие показывает простонародный характер денотата, обозначаемого данной лексемой, и, соответственно, просторечный характер данного слова. Именно с пометой «простонародное» представлена эта лексема в «Словаре Академии Российской» (1793) [14, с. 715] как соответствие литературному *юноша*, а в XIX в. слово *парень* использовалось «либо как номинация молодого человека мещанского или крестьянского сословия (в литературном языке), либо для обозначения подростка (в различных диалек-

² Здесь и далее примеры на русском языке взяты из НКРЯ.

тах)» [4, с. 69]. Революция 1917 г. существенно изменила подобную прагматическую составляющую семантики данной лексемы. Вот, например, отзыв современника о русском поэте: *Вот какое письмо я вынужден написать Маяковскому, чтобы выяснить положение со многими вещами Хлебникова. В личной беседе с Л. Ю. Брик ответа не получено хоть сколько-нибудь удовлетворительного, и думаю, с этим парнем мягкостью ничего не добьешься* (П. В. Митурич, 1922); ср. также: *Мне надо с тобой поговорить. – Что прикажете, ваше величество? – Слушай, Карл. Ты парень добрый и честный. Я тебе верю* (Б. А. Садовской, 1923). Любопытно, что подобные изменения проникают и в речь русской эмиграции, причем ее филологически образованной части. В письме Н. С. Трубачева к Р. О. Якобсону читаем: *Хотя Фрей, по-видимому, выражаясь по-советски, «глубоко наш парень», но все же, насколько я его помню (да и судя по отзывам Карцевского), мало подходит для роли возглавителя* (Н. С. Трубачев, 1920–1938). В современных же текстах данная лексема может использоваться для обозначения молодого человека вообще, без каких-либо отличительных социальных признаков: *Андрюха красивый был парень – высокий, обаятельный: атлетический разворот плеч, победительная улыбка и добрые карие глаза* (Д. Рубина, 2015). Тем не менее в официальные тексты это слово не попадает, в них до настоящего времени используется слово *юноша*, например: *Что касается начинающих педагогическую деятельность юношей и девушек, то им гарантированы доплаты* (Л. Данилкина, 2013).

«Новейший большой толковый словарь русского языка» для слова *парень* в качестве основного приводит значение ‘лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке’ [11, с. 781] (см. также замечание о том, что, «в отличие от лексемы *юноша*, в номинации *парень* ядерным актуализирующимся семантическим компонентом становится сема “холостой”» [11, с. 784]). Доказательством этого служит и наличие в русских говорах глагола *парневать*, который В. И. Даль определяет как ‘жить, быть холостяком’. Это же, однако, уже устаревающее, различие подчеркивается и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: «*Парень* (разг.). Юноша (первонач. о неженатом молодом крестьянине)» [20, с. 69]. Однако примеры НКРЯ не эксплицируют подобных составляющих данной семы. Наоборот, контекст может указывать на то, что лицо, обозначенное таким образом, не достигло зрелости (*Приблизившись, Сторожев увидел: парень и девушка, совсем молочные, лет пятнадцатилетних* (А. Слаповский, 2010)) или определенного возрастного рубежа (*Несовершеннолетние парень и девушка полученную тысячу просидели в ночном клубе «Патриот»* (журнал «Встреча», Дубна, 2003)). Кроме того, лексема *парень* может обозначать человека, который состоит в браке: *Лично констатировал смерть молодого парня, которого жена накормила анаприлином* (Красота, здоровье, отдых: медицина и здоровье (форум), 2005).

В результате принадлежность слова *парень* к разговорному стилю и ограничения, накладываемые на семантику слова *юноша*, способствовали появлению в русском литературном языке составного именованного *молодой человек* (*Вежливый молодой человек, на которого они наткнулись сразу же, как только открыли входную дверь, обернулся в их сторону и поинтересовался, кто они такие* (М. Зосимкина, 2015)), активно используемого для наименования молодого лица мужского пола. Рассматриваемое сочетание появляется в начале XX в. (*Через несколько минут вижу, идет высокий молодой человек лет 30, с умным, интеллигентным лицом, в простой ситцевой косоворотке, с волосами, заброшенными назад* (И. И. Перпер, 1909)), однако в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в более поздних изданиях оно квалифицируется именно как обращение к лицу молодого возраста [21, с. 1248; 22, с. 826; 11, с. 1469]. Тем не менее данные НКРЯ показывают, что данное сочетание употребляется не только в апеллятивной, но и в номинативной функции: *В свободное от работы время молодой человек пел в церковном хоре* (Е. Кучеренко, 2015).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова выражение *молодой человек* квалифицировалось как разговорное [21, с. 1248], однако в современной речи оно употребляется как литературный субститут лексемы *парень*. Кроме того, и слово *парень*, и сочетание *молодой человек* приобретают в текстах дополнительную сему ‘возлюбленный, жених’: *Полубоком рассевшись к Верочке и ее парню, мы раскинули карты* (З. Прилепин, 2011).

В русском языке для номинации молодых лиц мужского пола используется также лексема *молодѐц* (ее акцентологический фольклорный вариант – *мóлодец*) ‘молодой человек, достигший расцвета лет, крепкий и статный’³ [11, с. 552], имеющая в качестве мотивирующих прилагательные *младой, молодой*, которые, по данным исторического словаря русского языка [23, с. 186–187, 249], содержали в своем значении семы ‘неопытный, незрелый, пресный, сырой’. Однако в русском языке в самой семантике слова *молодец* подчеркиваются иные свойства. Это слово «сосредоточивает в себе “военно-свадебный” смысл, являющийся сущностью статуса парня. Особенно ярко это проявилось в фольклоре, где словами

³Это существительное в текстах XXI в. употребляется не в первичном, а в своем дальнейшем значении ‘о том, чьи действия вызвали одобрение, удовлетворение у кого-л. (по отношению к лицам обоего пола)’: *Я режиссер трюков. А вы молодец. Вы стойко себя повели* (С. Носов, 2015) – здесь без более широкого контекста невозможно определить пол референта слова.

“молодец”, “парень молодой”, “молодчик удалой” определялся потенциальный жених, который должен был добыть (отвоевать) себе невесту и удержать ее, пройдя через многочисленные испытания. Поэтому и фольклорное, и бытовое название “молодцы”, объединявшее как холостых, так и женатых молодых мужчин, подчеркивало в них, с одной стороны, полноту и высокую степень их брачного потенциала, а с другой – их бойцовские качества, наличие которых требовалось для вступления в брак» [24, с. 426].

В современном русском языке рассматриваемая лексема используется практически исключительно в своем вторичном значении – в качестве похвалы за проявленные положительные качества и хорошее (часто мужественное) поведение (*Победил Курбанов. Молодец! Нам есть теперь на кого равняться* (Ю. Никулин, 2013)) или же для констатации факта подобного поведения (*Он держался **молодцом**: а что, говорит, у художника есть те же права, что у поэтов и безумцев...* (Д. Рубина, 2015)). В своем же первичном значении оно используется для стилизации художественного произведения: *Но в летний дождь и в зимние морозы, / Народ застольный распевает, пьян, / О **молодце**, что проливает слезы На свой расшитый бархатный кафтан* (А. Городницкий, 2015).

Для обозначения представителей молодежи мужского пола в китайском языке в качестве основных и часто употребляемых используются лексемы 后生 юноша, 小伙 (子、儿) парень, 男生, а также номинации 男青年 молодежь мужского пола, 青年男子 молодой человек⁴.

Лексема 后生 впервые появляется в китайском языке в разделе «Гимны Шан» («商颂») произведения «Книга песен» («诗经») – одного из древнейших памятников китайской литературы, в котором содержатся записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э. В данном источнике рассматриваемая лексема имела значение ‘следующее (подростающее) поколение, потомство’: 寿考且宁, 以保我后生⁴ ‘Пусть бог даст долговечность и спокойствие, благословит мое **следующее поколение** на процветание’⁵.

Семантика этой лексемы постепенно развивалась, у нее появилось значение ‘молодые люди, молодое поколение’ [25]: 后生 – 后生可畏, 焉知来者之不如也? ‘У **молодых людей** имеются большие перспективы, и никто не может предугадать: не будут ли они лучше, чем мы, наше поколение?’ (论语: (Лунь Юй «Беседы и суждения» – главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция, X в. до н. э.). Из этого источника словосочетание 后生可畏 сохранилось как фразеологизм и употребляется в современном китайском литературном языке в значении ‘молодое поколение дышит в затылок; молодой да ранний; молодое поколение, молодые люди превзойдут старших и заслуживают уважения’ [26, с. 549; 27, с. 543]. В современном китайском языке данный фразеологизм также может использоваться для характеристики неодушевленного объекта: 如今, 在激烈的媒体竞争中, 无论是处于舆论场中心的传统媒体还是**后生可畏**的新媒体, 大家明里暗里都在做着同样的一件事情, 那就是强化新闻评论能力, 打造有思想的媒体形象 ‘В настоящее время в жесткой конкуренции СМИ участвуют и традиционные медиа, находящиеся в центре общественного мнения, и новые медиа, **которые превзойдут старших и заслужат уважение**, все тайно и в открытую делают одно и то же – обзор прессы, тем самым создают идейный образ медиа’ (Журнал «记者摇篮»: «Колыбель журналистов», 2015); 中国有句古话:**后生可畏**, 后来可以居上, 确实就是这样子. 振华重工是一个非常可爱的企业, 它是改革开放的产物, 它敢于与强争锋, 敢于用世界最好的标准来要求自己, 要做世界最好的产品, 它敢于提出这样的抱负 ‘В Китае есть старая поговорка: **молодые люди превзойдут старших и заслужат уважения**, последние станут первыми, и так оно и есть. «Чжэнь Хуа» – очень симпатичное предприятие тяжелой промышленности, оно появилось вследствие проведения политики реформ и открытости, осмеливается бороться с сильными организациями, использует лучшие мировые стандарты, что позволяет добиваться выпуска лучшей в мире продукции, тем самым оправдывая эти амбиции’ (Журнал «装备制造»: «Производство оборудования», 2009).

Первый китайский словарь слов и словосочетаний «Эръя» (尔雅, около II в. до н. э.) приводит еще одно значение рассматриваемой лексемы – ‘позже родиться’: 男子先生为兄, 后生为弟 ‘Мужчина, который родился позже старшего брата, будет называться его младшим братом’.

Кроме того, лексема 后生 также имеет значение ‘молодой’, например: 休道这生, 年纪儿**后生**, 恰学害相思病 ‘Несмотря на свой **молодой** возраст, он был одержим любовью’ (王实甫: Ван Шифу, около 1260–1336).

Со временем лексема 后生 начинает обозначать молодого человека мужского пола: 说着, 果然出去带进一个**后生**来, 较宝玉略瘦些, 眉清目秀 ‘Во время разговора он и впрямь вышел и привел **молодого человека**, более худого, чем Баоюй, красивого, с тонкими чертами лица’ («红楼梦»: «Сон в красном тереме», 1791); 小镇搬运队那个莽**后生**把板车丢在一边 ‘Тот неотесанный **парень**

⁴Здесь и далее, если не указано иное, примеры на китайском языке приводятся из Корпуса китайского языка государственного комитета языков (далее – CNCORPUS): <http://www.cncorpus.org>.

⁵Здесь и далее перевод наш. – В. В.

(**молодой человек, юноша**) из группы перевозки малого села отбросил грузового рикшу в сторону’ (陈世旭: Чэнь Шисюй, 1979) [28].

Следует отметить, что лексема 后生 в языке периода династии Мин (1368–1644) также могла обозначать девушку или молодую женщину: 况富贵之人, 必是中年上下, 取的姬妾, 必是花枝也似一般的后生 ‘Богатые люди, обычно средних лет, их жены и наложницы – как цветущие **девушки**’ (凌濛初: Лин Мэнчу, 1632).

Возможно, подобный семантический синкретизм, отсутствие специализации на обозначении именно молодого представителя мужского пола привел к тому, что лексема 后生 вышла из употребления в литературном языке: она была вытеснена именованим 小伙 (с расширением 子、儿) в результате ее распространения в современном китайском языке. Так, *Media Language Corpus* (MLC)⁶ насчитывает только 26 употреблений лексемы 后生 при 3334 использованиях слова 小伙子 и 142 употребления лексемы 小伙儿. В настоящее время номинация 后生 стала использоваться в диалектах со значениями ‘молодой мужчина’ и ‘внешне молодой’ [27, с. 543].

В китайском языке номинация 小伙 (子、儿) появляется в то же время, что и лексема *парень* в русском языке. В романе Ло Маодэна 罗懋登 «Путешествие евнуха Саня Бао в Южную и Юго-Восточную Азию» («三宝太监西洋记», 1598) читаем: 人从里面猛地时闪出一个小伙儿来, 双手扯住陆阿公衣袖 ‘В толпе внезапно появился **парень**, схватил двумя руками рукав одежды деда Лу’. Находим эту лексему и в романе Цао Сюэциня 曹雪芹 «Сон в красном тереме» (红楼梦, 1791) 内中有一小伙名唤钱槐者, 乃系赵姨娘之内侄 ‘Среди них **парень** по имени Цянь Хуай – племянник тети Чжао’. Структуру этой номинации можно представить следующим образом: 小 ‘маленький; мелкий; небольшой по величине, объему, размерам и т. п.’; ‘младший человек по возрасту’ + 伙 ‘питание, еда’; ‘партнер’; ‘компания’ + 子 ‘суффикс имен существительных, прилагательных, глаголов и счетных слов в китайском языке’ или 儿 ‘суффикс имен существительных иногда с уменьшительно-ласкательным значением’. В результате создается значение ‘(разг.) молодой человек, парень (часто с оттенком ласки или похвалы, одобрения)’ [26, с. 1444; 27, с. 1432].

Вероятно, именно включение в семантическую структуру этой номинации положительной коннотации обусловило тот факт, что, как было показано выше, в современном китайском языке она начинает превалировать над другими обозначениями молодого человека мужского пола, например: 小伙子不笑了, 怪难为情地用手直搔头皮 ‘**Парень** перестал смеяться, и со стеснением чесал рукой голову’ (魏继新: Вэй Цзисинь, 1982); 这个人玉梅的近门本家哥哥, 是个单身过日子的小伙子 ‘Это двоюродный старший брат Юймэя – **парень**, живущий в одиночестве (холостяк)’ (赵树理: Чжао Шули, 1955).

В качестве второй причины широкого распространения номинации 小伙 (子、儿) можно, как представляется, указать ее разговорный характер, обуславливающий возможность использования лексической единицы в более свободном, неформальном общении. По этой характеристике она также коррелирует с упомянутой выше русской лексемой *парень*.

Словари китайского языка приводят в качестве номинации лица молодого возраста мужского пола еще одну лексему: 男生 ‘ученик, учащийся’; ‘молодой человек, парень’ [28, с. 931]. Она также широко представлена в речи: 1410 употреблений по данным MLC. «Частотный словарь современного китайского языка» фиксирует употребление слов 小伙子 (112 употреблений) и 男生 (3 употребления) [29, с. 255, 395]. Интересно, что по своей внутренней форме это именование сопоставимо с русской лексемой *молодец*, о которой говорилось выше, поскольку в состав китайской номинации, помимо компонента 男 ‘мужской, мужчина’, входит также компонент 生, который, выступая в качестве глагола, имеет значение ‘расти, родить, родиться; жить’, а в качестве прилагательного – ‘сырой; необработанный»⁷ [27, с. 1160]. Однако китайское слово отличается коннотативным компонентом семантики: в его значении не подчеркиваются такие характеристики обозначаемого референта, как сила, смелость и т. д.

В последнее время номинация 男生 стала выходить за пределы обозначения представителей молодежи, употребляясь в отношении мужчин в целом, например: 李大使还带领使馆男生合唱组登台演唱了《我的中国心》, 博得阵阵掌声 ‘Мужской хор (досл. хор, состоящий из **мужчин**) сотрудников посольства, возглавляемый послом господином Ли, вышел на сцену и спел «Мое китайское сердце», вызвав продолжительные аплодисменты’ (интернет-версия газеты «Жэньминь жибао», 2 октября 2004 г.). Подобная модификация семантики объясняется тем, что, благодаря тесным отношениям Китая с Тайванем, в практике общения на материковой части Китая распространилась именно тайваньская традиция употребления данных лексем.

⁶ Корпус текстов китайского языка средств массовой информации (<http://ling.cuc.edu.cn/RawPubl>).

⁷ Именно на этой основе возникает значение ‘учащийся’. Следует отметить, что аналогичный компонент входит в состав номинации 后生, о которой речь шла выше.

В настоящее время лексема 男生 может обозначать самцов животных, особенно домашних питомцев: 猫咪是男生多, 还是女生多啊? ‘Среди кошек больше самок или самцов?’.

В современном китайском языке для обозначения молодежи мужского пола также употребляются номинации 男青年 ‘молодежь мужского пола’, 青年男子 ‘молодой человек, молодой мужчина’. Эти слова отсутствуют в словарях китайского языка, однако национальные корпуса китайского языка содержат примеры их употребления: 可是结婚不久的男青年, 常常管妻子的父母叫 «爸、妈» ‘Молодежь мужского пола, недавно вступившая в брак, часто называет родителей жены «папа» и «мама»’ (CNCORPUS, 1984); 法院发现, 犯罪嫌疑人中近八成是20多岁到30多岁的男青年 ‘Суд пришел к выводу, что среди подозреваемых около 80 процентов составляет молодежь мужского пола в возрасте от 20 с лишним до 30 с лишним лет’ (MLC); 他那侧卧着的正欲起身的姿势, 那准确而概括的肌肉团块, 生动地体现出了青年男子的生命力 ‘Его жесты, выражающие поднятие тела с положения лежа на боку, а также демонстрация групп уплотненных и оформленных мышц ярко отражают жизнеспособность молодого человека’ (CNCORPUS, 1989); 一位20岁青年男子和一位老年妇女随后因伤势过重不治身亡 ‘20-летний юноша и пожилая женщина умерли из-за серьезных ранений’ (MLC).

Эти номинации в определенном смысле являются описательными, поскольку в их структуре к сочетанию 青年, имеющему значение ‘молодежь’, присоединяется компонент 男 ‘мужской, мужчина’ [25, с. 1055]. Причины появления этих лексических единиц сходны с теми, которые обусловили образование номинации *молодой человек* в русском языке: лексема 后生 обладает слишком широким значением, возможно, в результате давности своего появления воспринимается как архаическая, а номинация 小伙 (子、儿) сохраняет оттенок просторечия.

Таким образом, историю возникновения наименований лиц молодого человека мужского пола можно представить следующим образом: в китайском языке это лексемы 后生 – 小伙 (子、儿) – 男生 – 男青年 – 青年男子; в русском языке – *юноша* – *детина* – *парень* – *молодой человек*. В развитии группы номинаций, служащих для обозначения молодых людей мужского пола в русском и китайском языках, можно обнаружить определенное сходство. Так, появившуюся первоначально единицу 后生 в китайском языке и *юноша* в русском вытесняют или существенно ограничивают в употреблении по разным причинам иные номинации (小伙 (子、儿) и *парень* соответственно), появляющиеся приблизительно в одно и то же время и имеющие одну сходную черту – принадлежность к разговорному стилю. Получая широкое распространение в языке, они тем не менее не до конца утрачивают эту стилистическую характеристику, чем вызывается появление в обоих языках описательных номинаций – 男青年 / 青年男子 ‘*молодежь мужского пола*’ в китайском и *молодой человек* в русском языке. Кроме того, несмотря на удаленность языков и культур, номинации в русском и китайском языках могут иметь одну внутреннюю форму, что объясняется сходством представлений о рассматриваемом периоде жизни человека. Вместе с тем переживаемые обществом на протяжении последних двух веков разнообразные социальные, политические, экономические и идеологические метаморфозы не могли не отразиться как на культуре, так и на языке.

Библиографические ссылки

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 2.
2. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 8. М. : Наука, 1974.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / ред.: Э. Благова [и др.]. М. : Рус. яз., 1994.
4. Ефремов В. А. Номинации молодого человека в истории русского языка XIX–XXI вв.: юноша – детина – парень – хлопец – парубок – пацан // Рус. словесность. 2009. № 6. С. 67–72.
5. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. М. : Книга, 1989.
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 3. М. : Рус. яз., 1990.
7. Словарь русского языка XVIII века / редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. Вып. 6. Л. : Наука, 1991.
8. Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
9. Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 9 т. / отв. ред. Д. К. Зеленин. Т. 1, вып. 3. СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1895.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред.: Д. Н. Ушаков. Т. 1. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1935.
11. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ : РИПОЛ классик, 2008.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 14. М. : Наука, 1988.
13. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон: купно с первыми началами русакого языка к общей пользе / пер. на рус. яз. И. К. Ильинский [и др.]. Saint Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731.
14. Словарь Академии Российской : в 6 ч. / сост. Д. И. Фонвизин [и др.]. Ч. 4. СПб. : Императ. Акад. наук, 1793.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. Т. 4. М. : Прогресс, 1987.

16. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М. : АСТ, 2014.
17. Топоров В. Н. О происхождении нескольких русских слов (к связям с индоиранскими источниками) // Этимология. 1970 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1972. С. 23–37.
18. Из истории русских слов : словарь-пособие. М. : Школа-Пресс, 1993.
19. Частотный словарь русского языка : около 40 000 слов / под. ред. Л. Н. Засориной. М. : Рус. яз., 1977.
20. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. Т. 3. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939.
21. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. Т. 4. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940.
22. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. Т. 17. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1965.
23. Словарь русского языка XI–XVIII вв. / редкол. Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 9. М. : Наука, 1982.
24. Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимица Т. А. и др. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстр. энцикл. / науч. ред. И. И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005.
25. 徐复. 古代汉语大词典 [M/OL]. 上海: 上海辞书出版社, 2007 = Сюй Фу. Большой словарь древнего китайского языка [Электронный ресурс]. Шанхай : Шанх. изд-во лексикогр. лит., 2007. URL: <http://xuewen.cnki.net/read-R2011070190006583.html> (дата обращения: 02.08.2017).
26. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. 3版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2014 = Нормативный словарь современного китайского языка / Синцзянь Ли (гл. ред.) [и др.]. 3-е изд. Пекин : Обучение и исследование иностр. яз., 2014.
27. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. -6版. -北京: 商务印书馆, 2015. = Словарь современного китайского языка. 6-е изд. Пекин : Шану, 2015.
28. 阮智富, 郭忠新. 现代汉语大词典 (上册) [M/OL] (2009), 上海: 上海辞书出版社 = Жуань Чжифу, Го Чжунсинь. Большой словарь современного китайского языка Ч. 1. [Электронный ресурс] Шанхай, 2009. URL: <http://xuewen.cnki.net/read-R2012111530039090.html> (дата обращения: 26.08.2017).
29. 现代汉语频率词典 北京语言学院语言教学研究所编, 北京: 北京语言学院出版社, 1985, 1491页 = Частотный словарь современного китайского языка. Пекин : Изд-во Пекин. лингв. ун-та, 1985.

References

1. Chernyh P. Y. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological modern Russian dictionary] : in 2 vols. Vol. 2. Moscow : Russ. yazyk, 1999 (in Russ.).
2. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological and Slavic dictionary: pre-Slavic lexical fund]. Moscow : Nauka, 1974 (in Russ.).
3. Blagova E., Tseitlin R. M., Večerka R., et al. (eds). *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavic dictionary (from manuscripts of the X–XI centuries)]. Moscow : Russ. yazyk, 1994 (in Russ.).
4. Efremov V. A. [Young male namings in the history of the Russian XIX–XXI centuries: *юноша – детина – парень – хлопец – парубок – нацан*]. *Russ. slovesnost'*. 2009. No. 6. P. 67–72 (in Russ.).
5. Sreznevsky I. I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Old Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow : Kniga, 1989 (in Russ.).
6. Vanesov R. I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Old Russian dictionary (XI–XIV centuries)] : in 10 vols. Vol. 3. Moscow : Russ. yazyk, 1990 (in Russ.).
7. Sorokin Y. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Russian dictionary of the XVIII century]. Issue 6. Leningrad : Nauka, 1991 (in Russ.).
8. Vinogradov V. V. *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [History of words: about 1500 words and expressions and more than 5000 words associated with them]. Moscow : Inst. of Russ., RAS, 1999 (in Russ.).
9. Zelenik D. K. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [Russian dictionary, compiled by the Second Department of the Imperat. Acad. of Sciences] : in 9 vols. Vol. 1, issue 3. Saint Petersburg, 1895 (in Russ.).
10. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary] : in 4 vols. Vol. 1. Moscow : Sov. entsikl. : OGIZ, 1935 (in Russ.).
11. Kuznetsov S. A. (ed.). *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Contemporary large explanatory Russian dictionary]. Saint Petersburg : Norint ; Moscow : RIPOL : RIPOL classic, 2008 (in Russ.).
12. Avanesov R. I. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Russian dictionary of XI–XVII centuries]. Issue 14. Moscow : Nauka, 1988 (in Russ.).
13. Veisman E. *Nemetsko-latinskii i ruskii leksikon: kupno s pervymi nachalami ruskago yazyka k obshchei pol'ze* [German-Latin and Russian lexicon: with the first beginnings of the Russian to the common benefit]. Saint Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731 (in Ger., in Lat., in Russ.).
14. Fonvizin D. I., et al. [Dictionary of the Academy of Russian] : in 6 parts. Part 4. Saint Petersburg : Imperat. Acad. of Sci., 1793 (in Russ.).
15. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russian termological dictionary] : in 4 vols. 2nd ed. Vol. 4. Moscow : Progress, 1987 (in Russ.).
16. Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khotet byt' gramotnym* [New word-formation dictionary of the Russian language for all who want to be literate]. Moscow : AST, 2014 (in Russ.).
17. Toporov V. N. [On the origin of several Russian words (towards relations with Indo-Iranian sources)]. *Etimologiya. 1970* [Etymology. 1970] : collect. of sci. works. Moscow, 1972. P. 23–37 (in Russ.).
18. *Iz istorii russkikh slov. Slovar'-posobie* [From the history of Russian words. Dictionary-manual]. Moscow : Shkola-Press, 1993 (in Russ.).
19. Zazorina L. N. (ed.). *Chastotnyi slovar' russkogo yazyka : okolo 40 000 slov* [Russian frequency dictionary] : about 40 000 words. Moscow : Russ. yazyk, 1977 (in Russ.).
20. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary] : in 4 vols. Vol. 3. Moscow : Gos. izd. inostr. i. nac. slovni, 1939 (in Russ.).

21. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary] : in 4 vols. Vol. 4. Moscow : Gos. izd. inostr. i. nac. slovari, 1940 (in Russ.).
22. Chernyshev V. I. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language] : in 17 vols. Moscow ; Leningrad : Publ. house of Akad. Of Sci. of the USSR, 1948–1965. 17 vols (in Russ.).
23. Avanesov R. I. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVIII vv.* [Russian dictionary of XI–XVIII centuries]. Issue 9. Moscow : Nauka, 1982 (in Russ.).
24. Baranov D. A., Baranova O. G., Zimina T. A., et al. *Muzhiki i baby: muzhscoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Male and female in Russian traditional culture] : illustr. encycl. Saint Petersburg : Iskusstvo, 2005 (in Russ.).
25. Gǔdài hànyǔ dà cídiǎn [M/OL] [Xu Fu. Big Dictionary of the ancient Chinese language]. In: [Shanghai publishing house of lexicographic literature]. 2007. URL: <http://xuewen.cnki.net/read-R2011070190006583.html> (date of access: 02.08.2017) (in Chin.).
26. Xingjian Li (ed.). *Xiàndài hànyǔ guīfàn cídiǎn* [Chinese modern Normative dictionary]. 3rd ed. Beijing : Foreign language teaching and res. press, 2014 (in Chin.).
27. *Xiàndài hànyǔ cídiǎn* [Modern Chinese Dictionary]. 6th ed. Beijing : Shang Wu, 2015 (in Chin.).
28. *Xiàndài hànyǔ dà cídiǎn (shàngcè)* [M/OL] = Ruan Zhifu, Guo Zhongxin. [A large modern Chinese dictionary (the first part)]. Shanghai, 2009. URL: <http://xuewen.cnki.net/read-r2012111530039090.html> (date of access: 08.08.2017) (in Chin.).
29. *Xiàndài hànyǔ pínǜ cídiǎn* [Modern Chinese Frequency Dictionary]. Beijing : Beijing Language and Culture Univ. Press, 1985 (in Chin.).

Статья поступила в редколлегию 08.02.2018.
Received by editorial board 08.02.2018.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФЕНОМЕНА АРГУМЕНТАЦИИ

Т. Н. САВЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Систематизируются представленные в научной литературе способы осмысления понятия «аргументация» в целях уточнения теоретического статуса данного феномена. Отмечается, что неопределенность смыслового и предметного значений ключевого концепта аргументологии препятствует созданию надежной теоретической модели. Выделяются три основных подхода к интерпретации термина «аргументация», которые фокусируют внимание на различных сторонах этого исследовательского объекта, рассматривая аргументацию как особый тип рассуждения, коммуникативную практику (дискурс) или когнитивную категорию. С учетом таких толкований эксплицируются существенные признаки аргументации и формулируется авторская дефиниция этого понятия, характеризующая его и как концепт, и как процесс, и как продукт. Сделан вывод о том, что именно такое (многомерное) понимание аргументации дает возможность комплексно исследовать этот феномен в разных типах социально-коммуникативных практик и является предпосылкой создания конвергентной теории, ориентированной на описание и критический анализ аргументативного дискурса.

Ключевые слова: аргументация; рассуждение; убеждение; рациональность; аргументативный дискурс; когнитивная категория.

ТЭАРЭТЫЧНЫ СТАТУС ФЕНОМЕНА АРГУМЕНТАЦЫІ

Т. М. САЎЧУК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Сістэматызуюцца прадстаўленыя ў навуковай літаратуры спосабы асэнсавання паняцця «аргументацыя» з мэтай удакладнення тэарэтычнага статусу дадзенага феномена. Адзначаецца, што нявызначанасць сэнсавага і прадметнага значэнняў ключавога канцэпту аргументалогіі перашкаджае стварэнню надзейнай тэарэтычнай мадэлі. Вылучаюцца тры асноўныя падыходы да інтэрпрэтацыі тэрміна «аргументацыя», якія факусіруюць увагу на розных баках гэтага даследчага аб'екта, разглядаючы аргументацыю як адмысловы тып разважання, камунікатыўную практыку (дыскурс) або кагнітыўную катэгорыю. З улікам такіх тлумачэнняў эксплікуюцца істотныя прыкметы аргументацыі і фармулюецца аўтарская дэфініцыя гэтага паняцця, якая характарызуе яго і як канцэпт, і як працэс, і як прадукт. Зроблена выснова аб тым, што менавіта такое (мнагамернае) разуменне аргументацыі дае магчымасць комплексна даследаваць гэты феномен у розных тыпах сацыяльна-камунікатыўных практык і з'яўляецца перадумовай стварэння канвергентнай тэорыі, арыентаванай на апісанне і крытычны аналіз аргументатывнага дыскурсу.

Ключавыя словы: аргументацыя; разважанне; перакананне; рацыянальнасць; аргументатывны дыскурс; кагнітыўная катэгорыя.

Образец цитирования:

Савчук Т. Н. Теоретический статус феномена аргументации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 123–130.

For citation:

Savtchouk T. N. The theoretical status of the phenomenon of argumentation. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 123–130 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Николаевна Савчук – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета.

Author:

Tatiana N. Savtchouk, PhD (philology), docent; associate professor at the department of applied linguistics, faculty of philology.
tatyana.s77@list.ru

THE THEORETICAL STATUS OF THE PHENOMENON OF ARGUMENTATION

T. N. SAVTCHOUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the explication of the theoretical status of the phenomenon of argumentation. For this purpose, the ways of understanding the concept «argumentation» presented in the scientific literature are being systematized. It is noted that the uncertainty of the semantic and objective meanings of the key concept of argumentology hinders the creation of a reliable theoretical model. The author analyzes three main approaches to the interpretation of the term «argumentation». They focus on different sides of this research object, treating argumentation as a special type of reasoning, as a communicative practice (discourse) or as a cognitive category. Taking into account such interpretations, the author explicates essential features of argumentation and formulates the definition of this notion. The definition characterizes argumentation both as a concept, as a process, and as a product. It is concluded that such a multidimensional understanding of argumentation makes it possible to investigate this phenomenon comprehensively in different types of social and communicative practices and is a precondition for the creation of a convergent theory oriented both at the description and critical analysis of argumentative discourse.

Key words: argumentation; reasoning; persuasion; rationality; argumentative discourse; cognitive category.

Введение

Перспективным направлением современной гуманитаристики является теория аргументации. Исследования в этой области характеризуются принципиальной междисциплинарностью. Многообразные подходы к аргументации можно отнести к одной из доминирующих парадигм – нормативной (логико-философской) или дескриптивной (лингво-коммуникативной). Создаваемые в этих рамках модели представляют феномен аргументации в разных ракурсах, используя для его характеристики неодинаковый концептуально-терминологический аппарат [1]. В раскрытии сущности аргументации закономерно проявляются общие методологические установки и конкретные теоретические цели ученых, актуализируются те признаки аргументации, которые в наибольшей степени соответствуют определенному исследовательскому подходу.

Учитывая многозначность понятия «аргументация» в современном дискурсе [2, с. 7], отсутствие конвенций относительно его дефиниции [3], следует признать, что исходным пунктом построения надежной аргументологической концепции является устранение терминологической неопределенности. Отсюда цель данной статьи – эксплицировать теоретический статус феномена аргументации. Основная задача исследования – на основе критического анализа представленных в научной литературе подходов раскрыть содержание аргументации как ключевого концепта конвергентной исследовательской модели, интегрирующей описательное и нормативное измерения данного феномена.

Аргументация как особый тип рассуждения

Наиболее полное описание аргументативного процесса в терминах логической науки предлагает основатель советской аргументологической школы Г. А. Брутян: «Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса; рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы; дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как основаниям и тезису опровержения; опровергается антитезис, т. е. тезис оппонента; создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов; обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и реализации определенных программ, действий, вытекающих из доказываемого положения» [4, с. 7].

В этой характеристике представлены наиболее существенные черты аргументации с точки зрения логико-философского подхода. В разной форме они фиксируются в многочисленных дефинициях, предлагаемых приверженцами нормативного направления аргументологических исследований.

Прежде всего акцентируется понимание аргументации как особого вида рассуждения – мыслительного феномена, включенного в коммуникативную практику, причем коммуникация рассматривается как «информационно-познавательные процессы, протекающие на ступени абстрактного мышления» [5, с. 15], как «интеллектуальная коммуникация» [6, с. 364]. В таком контексте аргументация предстает как «целостный логико-коммуникативный феномен» [7, с. 9], «воплощенное в процессах коммуникации бытие логики» [6, с. 357].

Подведение аргументации под родовое понятие «интеллектуально-речевая деятельность» [8] сопровождается описанием структурирующих эту деятельность «онтологических конституентов». Особое внимание уделяется тексту как «универсальному средству аргументации». Необходимым условием квалификации текста как аргументативного является его логическая структура [8, с. 103–127], традиционно определяемая как «совокупность доводов (аргументов)», приводимых «для обоснования какого-либо выдвинутого ранее положения, т. е. тезиса» [9, с. 61].

Объединение процессуального и статического аспектов аргументации наблюдается в дефинициях, рассматривающих данный феномен одновременно и как деятельность, и как структуру, что характерно для неформально-логического и логико-прагматического подходов (см., в частности, [10, р. 72; 11, р. 7; 12, с. 6]).

В прагматически ориентированных исследованиях философско-логической парадигмы подчеркивается еще одна важная особенность аргументации как специфического типа рассуждения – нацеленность на убеждение. При этом аргументативное воздействие квалифицируется как убеждение особого рода, а именно «*рассудочное убеждение*, основу которого составляют *доводы разума*» [13, с. 73]. Аргументация определяется как «способ убеждения другого в правильности доказываемого тезиса» [14, с. 59], как «рационально-логический способ *убеждения*... опирающийся на правильность логических рассуждений» [15, с. 42], как предмет «иллюкативной логики убеждения» [16, с. 266–267].

Такой подход принимает у некоторых исследователей радикальную форму противопоставления аргументативного и риторического воздействия¹. Так, обосновывая статус аргументации как «методологии убеждения», И. А. Герасимова и М. М. Новоселов выдвигают тезис о том, что аргументация должна строиться только на «существовании дела», т. е. на фактических и логических основаниях, в то время как риторика, цель которой – «пленить слушателя и читателя изяществом речи», использует эмоциональные и эстетические приемы. Убеждающая сила аргументации, по мнению ученых, «не в красоте слога, а в весомости приводимых аргументов... ее орудие рассуждение, а не предложение» [13, с. 73]. Заметим, что в этом заявлении наблюдается подмена понятий, связанная с искажением сути риторики (уместно вспомнить, что Аристотель рассматривал риторику наряду с диалектикой как «метод для нахождения доказательств» [18, с. 20])². Кроме того, категорически отвергая внелогические способы убеждения, авторы используют их в своей аргументации (вероятно, сами того не замечая).

Здесь рациональность сводится к позитивистскому идеалу истинных и логически правильных умозаключений в духе «антипсихологизма», однако не учитывается, что сфера внелогического очень широка и не сводится лишь к «игре на чувствах» и «апелляции к страстям». Мыслительная деятельность человека подчиняется не только логическим, но и психологическим законам, имеющим объективный характер: в аргументирующем рассуждении значимы не только истинностная квалификация и логическая правильность аргументов, но также порядок их следования, способы языковой репрезентации, принципы структурирования аргументативного текста.

Контраст такому узкологическому пониманию рациональности составляет трактовка этой важнейшей характеристики аргументации в рамках риторической парадигмы. В частности, А. А. Волков определяет аргументацию как «систему средств убеждения, рационально осознаваемых и признаваемых обществом этически допустимыми» [21, с. 370]. Подчеркивая рациональный характер риторической аргументации, ученый обосновывает «*рациональные приемы конструирования* произведений как определяющее свойство стиля риторической прозы» и утверждает, что рациональность аргументации «требует от автора произведения риторической прозы рационального синтеза в той мере, в какой представляется целесообразным его рациональный анализ» [21, с. 371]. В данном случае рациональность выступает как синоним разумности, проявление которой – обязательный атрибут аргументативного текста как на этапе его создания (от автора произведения риторической прозы требуется умение «рационального синтеза»), так и на этапе восприятия (адресат должен быть способен к «рациональному анализу» (рефлексии, критической оценке)).

На наш взгляд, целесообразно не противопоставлять логический и риторический аспекты аргументации (соответственно, ее доказательную и лингво-психологическую составляющие), а исследовать их взаимодействие в структуре убеждающей деятельности [22]. В данном случае мы опираемся на утверждение Г. А. Брутяна: «Противопоставление убеждения доказательству разрушает ценностную систему аргументации» [23, с. 126]. Основанием для такого подхода служит также современная кон-

¹ Эта позиция находит поддержку и у некоторых лингвистов. Такая точка зрения высказывается, например, лидером калужской лингвистической аргументологической школы Л. Г. Васильевым: «Аргументация... понимается как дисциплина, описывающая правила рассуждения, и тем самым отделяется от риторики как учения о способах убеждения» [17, с. 44].

² Понимание аргументации и убеждения с точки зрения современной риторики см. в [19]; обзор теоретических подходов к анализу данной проблемы представлен в [20].

цепция убеждающего воздействия, согласно которой противопоставление «рациональных» и «эмоциональных» средств убеждения (аргументирования) признается ошибочным (см. [24]).

Узкорационалистическая трактовка аргументации не является доминирующей. Большинство исследователей сходятся во мнении о легитимности (более того, неизбежности) внелогических приемов воздействия в аргументативном дискурсе. Отмечается, что особенно широко внелогические методы – психологические, лингвистические, коммуникативно-информационные – применяются в процессе распространения политических, правовых, культурных, религиозных, научных и других социальных идей, т. е. в области гуманитарных практик (см., например, [5; 7; 8; 10; 12]).

Аргументация как коммуникативная практика

Дескриптивные подходы сосредоточивают внимание на свойствах аргументации как коммуникативной практики. Аргументация понимается как «дискурс, предполагающий взаимодействие аргументатора и адресата» [7, с. 10], как «коммуникативная деятельность, имеющая целью убеждение в приемлемости каких-то положений, осуществляемая через построение текста в социальном контексте» [25, с. 418], как «смешанная игра, в которую люди играют в соответствии с принципами вероятности»³ [19, р. 59]. При этом отмечается, что «в принципе любое общение может интерпретироваться как ситуация убеждения» [26, с. 330], т. е. как аргументативный дискурс.

Следствием «погружения» процедуры обоснования в коммуникативное пространство являются многочисленные прагматические характеристики аргументации, интересующие специалистов в области риторики, стилистики, прагматики. Актуализируется рассмотрение аргументативного дискурса с учетом таких аспектов, как интерактивность (адресованность), целесообразность, убедительность, эффективность, понимание, принятие, ситуативность, социальная и культурная обусловленность и пр.

Исследование аргументации с позиций прагмалингвистики, в рамках теории речевых актов позволяет квалифицировать данный феномен как «функциональную категорию» [27, с. 204], «иллокутивно-актовый комплекс» [28], «сложный речевой акт» [29], «особый макротип речевого акта или речевой макроакт» [30, с. 28–32], имеющий особые условия распознавания, правильности и успешности.

В дефинициях, отражающих семантико-прагматическую специфику аргументации как коммуникативной категории, фиксируются такие ее свойства, как ценностная природа, иллокутивная направленность и структура. В результате «естественноязыковая аргументация предстает как особый ценностно ориентированный макротип речевого акта, имеющий свои специфические условия успешности, иллокутивную цель – повлиять на выбор адресата в процессе принятия решений – и сложную внутреннюю структуру: аргументы $A_1 \dots A_n$ и тезис T » [31, с. 41].

Рассмотрение аргументации как особого акта речи составляет основу прагматодиагностики. Обратим внимание на то, как эволюционировали взгляды представителей прагматодиагностической теории в определении сущности аргументации. В работах раннего периода (1980–90-х гг.) обосновывается концепция аргументации как «вербального (лингвистического) актового комплекса», специфика которого обусловлена, во-первых, наличием двойной иллокутивной силы (коммуникативной функции), во-вторых, присутствием коммуникативного эффекта (понимания речевого акта) и интернационального эффекта (принятия его), в-третьих, особой связью между простыми иллокуциями, составляющими аргументацию (см. [28, р. 25–56; 29, р. 29–35]). В недавних публикациях предлагается более широкое определение аргументации как «коммуникативного актового комплекса». Такое переосмысление прагматодиагностики объясняют принятием результатов новейших аргументологических разработок: коммуникативные действия, функциональные комбинации которых образуют аргументативный акт, могут быть полностью или частично невербальными, т. е. визуальными. Таким образом, коммуникативность «характеризует аргументацию как феномен коммуникативного дискурса в широком смысле, данном “дискурсу” в прагматике» [11, р. 6].

В диалогической (диалектической) перспективе коммуникативных исследований акцентируется процедурный аспект аргументации, которая рассматривается как «интерактивный ресурс», «техника для прояснения неясных или спорных представлений о действительности» [32, с. 129], «форма вербального убеждения в ходе диалоговых взаимодействий» [3], «коммуникативный и интерактивный комплекс действий, направленный на устранение разницы во мнениях с адресатом» [11, р. 38].

Аргументация как когнитивная категория

Особый взгляд на аргументацию проявляется в исследованиях, рассматривающих данный феномен как универсальный концепт. Так, лингвистическим подходам в духе «радикального аргументативизма» [27, с. 18] свойственно предельно широкое понимание аргументации как «универсальной

³Здесь и далее перевод наш. – Т. С.

субстанции», «онтологической данности» коммуникации, «неотъемлемого свойства любого речевого действия» [33]. Подчеркивается при этом, что аргументативное действие «не всегда имеет перлокутивно убеждающую ориентацию» [33, с. 112]. Трактовка аргументации как не подлежащей санкционированию «спонтанной данности» позволяет рассматривать в качестве ее «константной функции», включающей в себя «переменные логической (доказательство) и риторической (убеждение) интенций» [33, с. 63], коммуникативную «макроинтенцию говорения».

Универсальность аргументации как специфического речевого (или шире – коммуникативного) воздействия на сознание человека, как способа актуализации определенной модели ментального поведения отмечается в рамках когнитивной парадигмы. Аргументация определяется как «комплекс вербально реализованных когнитивных процедур обработки знания, приводящих к изменению его онтологического статуса в модели мира адресата и тем самым реально или в перспективе влияющих на процесс принятия решений» [31, с. 41], как «интенциональная попытка коммуникативного воздействия на ментальное состояние другого в условиях определенной степени свободы убеждаемого» [34, р. 5], как «речемыслительная деятельность в конкретном социальном контексте», суть которой заключается в воздействии на сознание реципиента «посредством языковых средств не только в рассуждениях, но и оценках» [35, с. 32]. Имплицитной лингвофилософской предпосылкой подобных дефиниций, очевидно, служит известное высказывание Р. М. Блакара о том, что любое использование языка «предполагает осуществление власти, т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [36, с. 91].

В современных когнитивных исследованиях аргументации доминирует точка зрения, согласно которой «коммуникативному взаимодействию онтологически присуща аргументативная составляющая» [35, с. 91]. Подчеркивается, что языковое значение аргументативно по своей сути и «именно оно является “проводником” распределенной в социуме когниции». Важнейшим следствием такой постановки вопроса является «смена гносеологического статуса аргументации – от категории логической или собственно языковой к категории когнитивной» [35, с. 91–92].

Статус аргументации как когнитивной категории обосновывается в когнитивной семиотике [37]. По мнению представителей данного направления, доводом в пользу такой трактовки служит то, что аргументация имеет место в сознании, а не в тексте. На метауровне аргументация рассматривается как «обмен дискурсами», как «когнитивные смысловые структуры», которые не эквивалентны текстовым структурам. Поскольку «некоторые текстовые структуры считаются прототипическими при передаче аргументов от одного человека другому... возникает соблазн сказать, что такие конкретные текстовые структуры являются “аргументами”» [37, р. 157]. Однако закрепившееся в научном обиходе отождествление «конкретных текстовых структур» и «аргументов» неправомерно и есть не что иное как «фигура речи, метонимия, в которой “аргументация” означает когнитивные семиотические процессы». В итоге аргументация определяется как «социализированное явление, специфическое отношение между двумя или более ментальными представлениями... опосредованное текстом как знаком» [37, р. 158]. Когнитивно-семиотический подход, расширяя границы аргументации, открывает перспективу для исследования визуальных и мультимодальных проявлений данного феномена⁴.

Существенные признаки феномена аргументации

Проведенный анализ позволяет эксплицировать общие характеристики аргументации, составляющие ее сущность, и спроецировать выявленные свойства на различные типы дискурса.

1. Аргументация как особая категория представляет собой когнитивную универсалию: основу мыслительных и коммуникативных действий образует свойство аргументативности. Это означает, что аргументация имеет место во всех разновидностях дискурса – непосредственном и опосредованном, контактном и дистантном, устном и письменном, диалогическом и монологическом, межличностном и массовом, обыденном и институциональном.

2. Аргументация как специфический вид интеллектуально-коммуникативной социальной деятельности имеет определенную структуру, включающую следующие инвариантные элементы:

- 1) продуцирующий субъект аргументативной деятельности – аргументатор/пропонент;
- 2) воспринимающий субъект аргументативной деятельности – реципиент/адресат/аудитория;
- 3) схема (стратегия) деятельности (осознаваемые субъектами цели, представления о способах их достижения, прогнозируемый эффект);
- 4) условия деятельности (пространственно-временная локализация, социокультурный контекст);
- 5) способы и средства деятельности;
- 6) результат деятельности.

⁴С современными разработками в этой области можно ознакомиться по материалам, представленным в тематическом выпуске журнала «Argumentation» за 2015 г. (Vol. 29, № 2), посвященном визуальной и мультимодальной аргументации.

Аргументативная деятельность всегда осуществляется в прагматических координатах, заданных типом дискурсивной практики. Например, прагматику научно-гуманитарной аргументации формирует следующая система координат: ученый (исследователь) (1) взаимодействует с научным сообществом (2), обосновывая новую научную идею (3), ориентируясь при этом на социокультурные, ситуативные факторы (4), с помощью принятых в научном дискурсе приемов (5), рассчитывая, что новая идея будет понята, принята научным сообществом и встроена в парадигму культуры (6).

3. Аргументация предполагает целенаправленное воздействие на реципиента: цель аргументации представляет собой двуединство доказательства (поддержки, защиты) точки зрения и убеждения в ее истинности (вероятности, целесообразности). Обоснование включает наряду с логическими средствами также внелогические приемы (лингвистические, психологические, коммуникативно-организационные). Обоснованность (доказательность) является рациональной базой убеждения: рассуждение может быть убедительным только в том случае, когда оно достаточно обосновано.

4. Средством аргументативного воздействия служит текст⁵, имеющий определенную структуру, которая позволяет объективировать механизм аргументативного воздействия: на основе принятия выдвигаемых аргументатором утверждений (доводов) аудитория склоняется к принятию нового утверждения (тезиса), учитывая логическую и прагматическую связь между пропозициями.

5. Аргументация как коммуникативный процесс (дискурс) характеризуется принципиальной интерактивностью. Источником диалогической природы аргументации является диалектика как метод мышления и рассуждения. Аргументативный диалог может быть эксплицитным либо имплицитным (как, например, в случае монологической (письменной) формы аргументации, когда адресат физически отсутствует, однако обязательно присутствует в сознании аргументатора). Каждый дискретный фрагмент письменного текста представляет собой аналог реплики диалога и предполагает мысленный ответ адресата.

6. Аргументация является рациональной деятельностью, что предполагает соответствие ее общезначимым стандартам логичности, а также нормам, принципам, методам рассуждения, принятым в институциональных сообществах (при этом не исключается, но, напротив, предполагается творческий характер авторства). Рациональность субъектов аргументации связана с демонстрацией ими уровня компетентности, необходимого и достаточного для эффективного осуществления аргументативной деятельности в определенном типе дискурса (что, в частности, предполагает знание критических стандартов рациональности, принятых в той или иной социально-коммуникативной практике). Рациональность аргументирующего субъекта проявляется в его способности осмысленно создавать аргументативный текст, рациональность субъекта воспринимающего – в способности критически оценивать аргументацию.

7. Аргументативная деятельность является конструктивной и предполагает ответственное отношение участвующих в ней сторон: аргументатор должен нести ответственность за взятые на себя обязательства по защите утверждения, выдвинутого в качестве тезиса, причем зона ответственности включает не только эксплицитные, но и имплицитные компоненты аргументации; адресат должен проявлять конструктивность в процессе восприятия и анализа аргументирующего рассуждения, руководствуясь в оценке его качества принципом объективности, предусматривающим свободу от стереотипов и предрассудков.

На основе приведенных характеристик аргументации сформулируем определение. **Аргументация** – это универсальная когнитивная категория, содержание которой составляет производимая в определенном социокультурном контексте процедура обоснования некоторого положения в целях принятия его адресатом как истинного (вероятного, правдоподобного, целесообразного), осуществляемая посредством особым образом структурированного текста, который подлежит рациональной оценке.

Предложенная дефиниция характеризует аргументацию и как концепт, и как процесс, и как продукт, выявляя, таким образом, многомерность данного феномена.

Выводы

Неопределенность смыслового и предметного значений понятия «аргументация» препятствует созданию адекватной аргументологической модели. Теоретический статус феномена аргументации не является устойчивым и детерминируется методологическими принципами аргументологов.

В результате анализа существующих исследовательских подходов выявлены три основных способа осмысления феномена аргументации. Каждый из них фокусирует внимание на одной из сторон данного теоретического объекта – структурной (статической), процессуальной (динамической) или концептуальной, – рассматривая аргументацию, соответственно, как особый тип рассуждения, дискурс или когнитивную категорию.

⁵Текст понимается здесь в широком семиотическом плане – как объединенная по смыслу совокупность языковых и невербальных знаков.

С учетом таких толкований эксплицированы существенные характеристики аргументации и сформулировано авторское определение, охватывающее все релевантные употребления термина «аргументация» (в значениях концепта, процесса и продукта).

Проекция зафиксированных в данном определении свойств аргументации на конкретные типы социально-коммуникативных практик дает возможность комплексно исследовать этот феномен. Именно такое (многомерное) понимание аргументации соответствует нашей исследовательской цели – созданию конвергентной теории, ориентированной и на описание, и на критический анализ аргументативного дискурса.

Библиографические ссылки

1. Савчук Т. Н. Концептуальная система теории аргументации: проблемы формирования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 1. С. 51–57.
2. Герасимова И. А. Феномен аргументации // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 5–13.
3. Крючкова С. Е., Храпов С. А. Аргументативный дискурс в коммуникативном пространстве современной культуры: проблемы теории [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=23106 (дата обращения: 15.08.2017).
4. Брутян Г. А. Аргументация. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1984.
5. Старченко А. А., Бовао Ш. З. К вопросу о научном статусе теории аргументации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Филология. 1985. № 5. С. 14–20.
6. Блинов А. А., Петров В. В. Дискурсивные акты и теория аргументации // Философские проблемы аргументации / редкол.: Г. А. Брутян [и др.]. Ереван, 1986. С. 356–367.
7. Яскевич Я. С. Структура и динамика аргументации в науке : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. Минск, 1992.
8. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М. : Прогресс-Традиция, 2006.
9. Кислов А. Г. Аргументация // Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. М., 2004. С. 61–62.
10. Blair J. A. Argumentation as Rational Persuasion // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 71–81.
11. Eemeren F. H. van, Garssen B., Krabbe E., et. al. Argumentation Theory // Handbook of Argumentation Theory. Dordrecht : Springer, 2014. P. 1–50.
12. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
13. Герасимова И. А., Новоселов И. А. Аргументация как методология убеждения // Вопр. философии. 2003. № 10. С. 72–84.
14. Гриненко Г. В. Аргументация и коммуникация // Мысль и искусство аргументации. М., 2003. С. 58–90.
15. Рузавин Г. И. Аргументация // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 42.
16. Шуман А. Н. Современная логика. Минск : Экономпресс, 2004.
17. Васильев Л. Г. Лингвистические аспекты понимания : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21. Калуга, 1999.
18. Аристотель. Риторика // Античные риторики / собр. текстов, ст., коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 13–164.
19. Weigand E. Argumentation: the Mixed Game // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 59–87.
20. Пригарина Н. К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2010.
21. Волков А. А. Теория риторической аргументации. 2-е изд., испр. и доп. М. : Добросвет : КДУ, 2013.
22. Савчук Т. Н. Доказать – значит убедить? // Рус. яз. и лит. 2010. № 4. С. 9–19.
23. Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. Ереван : Изд-во АН Армении, 1992.
24. O'Keefe D. J. Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 19–32.
25. Маркович А. А. Аргументативная коммуникация // Методология исследований политического дискурса. Минск, 2000. Вып. 2. С. 412–421.
26. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. С. 327–337.
27. Важнейшие концепции теории аргументации : пер. с англ. / науч. ред. А. И. Мигунов. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2006.
28. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed toward Solving Conflicts of Opinion. Berlin : De Gruyter ; Dordrecht : Foris, 1984.
29. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1992.
30. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Лингво-прагматические механизмы аргументации // Рациональность, рассуждение, коммуникация (логико-методологический анализ) : сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 21–41.
31. Баранов А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990. С. 40–52.
32. Шпраниц-Фогашин Т. Аргументация как интерактивный ресурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2003. № 4. С. 129–143.
33. Фаян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2000.
34. O'Keefe D. J. Persuasion: Theory and Research. Thousand Oaks, CA : Sage Publ., 2002.
35. Концептуальная систематика аргументации : коллек. моногр. / науч. ред. Г. М. Костюшкина. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017.
36. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987. С. 88–125.
37. Hoven P. V. den. Cognitive Semiotics in Argumentation: A Theoretical Exploration // Argumentation. 2015. Vol. 29, № 2. P. 157–176.

References

1. Savtchouk T. N. Conceptual system of argumentation theory: problems of formation. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 51–57 (in Russ.).
2. Gerasimova I. A. The phenomenon of argumentation. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2009. No. 3. P. 5–13 (in Russ.).
3. Kryuchkova S. E., Hrapov S. A. [Argumentative discourse in the communicative space of modern culture: problems of theory]. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=23106 (date of access: 15.08.2017) (in Russ.).
4. Brutyayn G. A. *Argumentatsiya* [Argumentation]. Yerevan : Publ. house of the Acad. of Sci. of Armen. SSR, 1984 (in Russ.).
5. Starchenko A. A., Bovao Sh. Z. [To the question of the scientific status of the argumentation theory]. *Vestnik Mosk. univ. Ser. 7, Filosofiya* [Science journal of Moscow University. Series 7, Philosophy]. 1985. No. 5. P. 14–20 (in Russ.).
6. Blinov A. A., Petrov V. V. [Discourse acts and the argumentation theory]. In: *Filosofskie problemy argumentatsii* [Philosophical problems of argumentation]. Yerevan : Publ. house of Acad. of Sci. of Armen. SSR, 1986. P. 356–367 (in Russ.).
7. Yaskevitch Y. S. [Structure and dynamics of reasoning in science] : diss. abstr. ... dr. of sci. (philos.). Minsk, 1992 (in Russ.).
8. Alekseev A. P. *Filosofskii tekst: idei, argumentatsiya, obrazy* [Philosophical text: ideas, arguments, images]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2006 (in Russ.).
9. Kislov A. G. [Argumentation]. In: *Sovremenniy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moscow, 2004. P. 61–62 (in Russ.).
10. Blair J. A. Argumentation as Rational Persuasion. *Argumentation*. 2012. Vol. 26, No 1. P. 71–81.
11. Eemeren F. H. van, Garssen B., Krabbe E., et. al. Argumentation Theory. In: *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht : Springer, 2014. P. 1–50.
12. Ivin A. A. *Osnovy teorii argumentatsii* [The basis of the argumentation theory]. Moscow : Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1997 (in Russ.).
13. Gerasimova I. A., Novoselov M. M. Argumentation as a methodology of persuasion. *Vopr. filosofii* [Questions of philosophy]. 2003. No. 10. P. 72–84 (in Russ.).
14. Grinenko G. V. [Argumentation and communication]. In: *Mysl' i iskusstvo argumentatsii* [Thought and art of reasoning]. Moscow, 2003. P. 58–90 (in Russ.).
15. Ruzavin G. I. [Argumentation]. In: *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2001. P. 42 (in Russ.).
16. Shuman A. N. *Sovremennaya logika* [Modern Logic]. Minsk : Ekonompress, 2004 (in Russ.).
17. Vasil'ev L. G. [Linguistic Aspects of Understanding] : thesis of diss. ... dr. of sci. (philol.). Kaluga, 1999 (in Russ.).
18. Aristotel'. [Rhetoric]. In: *Antichnye ritoriki* [Ancient rhetorics]. Moscow, 1978. P. 13–164 (in Russ.).
19. Weigand E. Argumentation: the Mixed Game. *Argumentation*. 2006. Vol. 20, No. 1. P. 59–87.
20. Prigarina N. K. [Argumentation of judicial defensive speech: rhetorical model] : diss. abstr. ... dr. of sci. (philol.). Volgograd, 2010 (in Russ.).
21. Volkov A. A. *Teoriya ritoricheskoi argumentatsii* [Theory of rhetorical argumentation]. Moscow : Dobrosvet : KDU, 2013 (in Russ.).
22. Savtchouk T. N. [Prove – is to convince?]. *Russ. yazyk i lit.* [Russian language and literature]. 2010. No. 4. P. 9–19 (in Russ.).
23. Brutyayn G. A. *Ocherk teorii argumentatsii* [Out line of the argumentation theory]. Yerevan : Publ. house of the Acad. of Sci. of Armenia, 1992 (in Russ.).
24. O'Keefe D. J. Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence. *Argumentation*. 2012. Vol. 26, No. 1. P. 19–32.
25. Markovich A. A. [Argumentative Communication]. In: *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa* [Methodology of political discourse research]. Minsk, 2000. Issue 2. P. 412–421 (in Russ.).
26. Dem'jankov V. Z. [Conventions, rules and communication strategies (interpretative approach to argumentation)]. *Izv. Akad. nauk SSSR. Ser. lit. i yazyka*. [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language]. 1982. Vol. 41. P. 327–337 (in Russ.).
27. *Vazhneishie kontseptsii teorii argumentatsii* [Crucial concepts in argumentation theory]. Saint Petersburg : Filol. fac., Saint Petersburg Univ., 2006 (in Russ.).
28. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Speech Acts in Argumentative Discussions: a Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed toward Solving Conflicts of Opinion*. Berlin : De Gruyter ; Dordrecht : Foris, 1984.
29. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Argumentation, Communication, and Fallacies: a Pragma-dialectical Perspective*. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1992.
30. Baranov A. N., Sergeev V. M. [Linguistic-pragmatic mechanisms of argumentation]. In: *Ratsional'nost', rassuzhdenie, kommunikatsiya (logiko-metodologicheskii analiz)* [Rationality, reasoning, communication (logical-methodological analysis)]. Kiev, 1987. P. 21–41 (in Russ.).
31. Baranov A. N. [Argumentation as a linguistic and cognitive phenomenon]. In: *Rechevoe vozdeistvie v sfere massovoi kommunikatsii* [Speech impact in the sphere of mass communication]. Moscow, 1990. P. 40–52 (in Russ.).
32. Shpranc-Fogashi T. [Argumentation as an interactive resource]. *Vestnik Mosk. univ. Ser. 9, Filologiya* [Science journal of Moscow University. Series 9, Philology]. 2003. No. 4. P. 129–143 (in Russ.).
33. Fanyan N. Y. Argumentation as a linguopragmatic structure : diss. ... dr. of sci. (philol.). Krasnodar, 2000 (in Russ.).
34. O'Keefe D. J. *Persuasion: Theory and Research*. Thousand Oaks, CA : Sage Publ. 2002.
35. *Kontseptual'naya sistematika argumentatsii* [Conceptual systematics of argumentation] : 10.02.19. Moscow : Flinta : Nauka, 2017 (in Russ.).
36. Blakar R. [Language as an instrument of social power]. In: *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, 1987. P. 88–125 (in Russ.).
37. Hoven P. V. den. Cognitive Semiotics in Argumentation: A Theoretical Exploration. *Argumentation*. 2015. Vol. 29, No. 2. P. 157–176.

Статья поступила в редколлегию 06.03.2018.
Received by editorial board 06.03.2018.

УДК 81.367

РАЗНОГЛАСИЯ В МЕТАЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЯСНИТЕЛЬНОГО ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (*SUBORDINATA DICHIARATIVA*) В ИТАЛЬЯНСКОЙ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. С. МЕЛЬНИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены различия в теоретическом описании пояснительного придаточного предложения в научной и учебной литературе. Показана неоднозначность его статуса в системе подчиненных конструкций итальянского языка. Представлена абстрактная модель объекта. Впервые осуществлен подробный анализ теоретического описания пояснительного придаточного предложения в итальянском языке и составлен исчерпывающий список его признаков. Полученные результаты дают возможность оптимизировать обучение синтаксическому анализу сложно-подчиненных предложений.

Ключевые слова: пояснительное придаточное предложение; метаязыковое описание; аргументные и адвербиальные предложения; комплетивные предложения; инфинитивные предложения; эксплицитная и имплицитная формы придаточных.

РОЗНАГАЛОСЦІ Ў МЕТАМОЎНЫМ ПРАДСТАЎЛЕННІ ПАЯСНЯЛЬНАГА ДАДАНАГА СКАЗА (*SUBORDINATA DICHIARATIVA*) У ИТАЛЬЯНСКАЙ НАВУКОВАЙ І НАВУЧАЛЬНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Л. С. МЕЛЬНИКАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўлены адрозненні ў тэарэтычным апісанні паясняльнага даданага сказа ў навуковай і навучальнай літаратуры. Паказана неадназначнасць яго статусу ў сістэме даданых канструкцый італьянскай мовы. Прадстаўлена абстрактная мадэль аб'екта. Упершыню праведзены падрабязны аналіз тэарэтычнага апісання паясняльнага даданага сказа ў італьянскай мове і складзены вычарпальны спіс яго прыкмет. Атрыманая вынікі даюць магчымасць аптымізаваць навучанне сінтаксічнаму аналізу складаназалежных сказаў.

Ключавыя словы: паясняльны даданы сказ; метамоўнае апісанне; аргументныя і адвербіяльныя сказы; камплетыўныя сказы; экспліцытная і імпліцытная формы даданых сказаў.

Образец цитирования:

Мельникова Л. С. Разногласия в метаязыковом представлении пояснительного придаточного предложения (*subordinata dichiarativa*) в итальянской научной и учебной литературе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 131–141.

For citation:

Melnikova L. S. Difference of metalinguistic representation of declarative clause (*subordinata dichiarativa*) in Italian academic and educational literature. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 131–141 (in Russ.).

Автор:

Людмила Сергеевна Мельникова – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета.

Author:

Liudmila S. Melnikova, senior lecturer at the department of Romance linguistics, faculty of philology.
milamel@tut.by

DIFFERENCE OF METALINGUISTIC REPRESENTATION OF DECLARATIVE CLAUSE (*SUBORDINATA DICHIARATIVA*) IN ITALIAN ACADEMIC AND EDUCATIONAL LITERATURE

L. S. MELNIKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article identifies differences in theoretical description of declarative clause in academic and educational literature, defines an equivocation of its status in the system of subordinating constructions in Italian language and introduces an abstract model of this object. For the first time a detailed analysis of theoretical description of declarative clause in Italian language is held and an in-depth list of its characteristics is compiled. The results give an opportunity to optimize the study of parsing a compound sentence.

Key words: declarative clause; metalinguistic description; argumentative and adverbial clauses; complement clauses; infinitive clauses; explicit and implicit forms of subordinate clauses.

Введение

Пояснительное придаточное предложение (далее – ППП) является, на наш взгляд, проблемным вопросом в синтаксисе сложноподчиненного предложения итальянского языка, так как сведения о нем в различных источниках недостаточны, фрагментарны, разрозненны и иногда противоречивы. Несогласованность как формальной, так и семантической интерпретации этой конструкции объясняется прежде всего тем, что у составителей грамматик и исследователей синтаксиса сложного предложения нет единства в подходе к данному объекту, и поэтому отсутствует общепринятая точка зрения, которая могла бы стать универсальной. Кроме того, само ППП, как выяснилось, никогда не оказывалось объектом серьезного лингвистического анализа, что делает предлагаемую работу актуальной. Целью данного исследования является выявление разногласий в представлении ППП на основе анализа и обобщения сведений об этой синтаксической конструкции (учебные и научные метаязыковые комментарии), а также составление подробного списка ее существенных характеристик. В рамках работы предстоит решить следующие задачи:

- проанализировать имеющиеся сведения о структуре и значении ППП;
- определить статус ППП в системе других подчиненных конструкций;
- выявить набор характеристик ППП в каждом из исследованных источников, обобщить и создать список этих характеристик;
- представить абстрактную модель сложного предложения с ППП.

Материалы и методы исследования

Наличие различных подходов к объекту исследования вызвало необходимость представить наиболее объективную трактовку ППП, основываясь на обширном метаязыковом материале. С этой целью был осуществлен анализ теоретических сведений из доступных автору источников, в частности фундаментальных грамматик, составленных такими известными итальянскими лингвистами, как Лоренцо Ренци, Лука Серианни, Маурицио Дардано и Пьетро Трифоне, учебников по лингвистике и итальянскому языку различных авторов, а также грамматических справочников, научной и учебной литературы, в том числе представленной в интернете. В результате был получен максимально подробный список свойств ППП, учитывающий как функциональный и формальный, так и семантический аспекты. В исследовании применяется метод таксономического описания, который предполагает установление классов языковых единиц и связей, существующих между ними, а также определение языковых единиц посредством системы признаков.

Результаты и обсуждение

1. Важные аспекты ППП. Обобщение информации о ППП, которая в буквальном смысле была собрана «по крупицам» из всех доступных автору материалов, позволило на начальном этапе исследования выделить следующие релевантные аспекты данной конструкции:

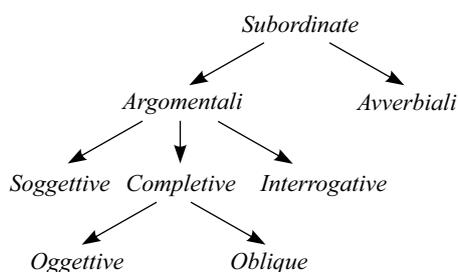
- используемый термин для обозначения ППП;
- самостоятельность/несамостоятельность статуса ППП;
- значение ППП (анализ имеющихся определений);
- функция в сложноподчиненном предложении (далее – СПП);

- полнота/неполнота значения главного предложения (далее – ГП);
- вопросы, задаваемые к ППП;
- поясняемый элемент в ГП;
- способ выражения поясняемого элемента (именная часть речи, наречие);
- семантика поясняемого элемента;
- логическая функция поясняемого элемента;
- структура ППП (эксплицитная/имплицитная – глагол в финитном/нефинитном наклонении);
- форма глагола в пропозиции придаточного предложения (далее – ПП);
- место по отношению к ГП;
- структурные средства связи с ГП (комплементаторы);
- пунктуационные знаки;
- грамматическая связь между ГП и ППП;
- отличие от субъектных и объектных ПП;
- отличие от относительных ПП.

При повторном обращении к материалу уточнялись указанные авторами признаки, соответствующие выявленным аспектам. Следует отметить, что в абсолютном большинстве исследованных источников не встречается даже половина набора перечисленных параметров, а некоторые из них имеются только в одном-двух метаязыковых комментариях.

2. Метаязыковые описания ППП в итальянской научной и учебной литературе. Представляется логичным начать анализ теоретического описания ППП с наиболее презентабельных трудов по итальянской лингвистике, в которых сведения о сложноподчиненных конструкциях, по нашему предположению, должны отражать общепринятые синтаксические идеи. В наиболее общем смысле под пояснительным понимается такое ПП, которое предназначено для пояснения (разъяснения, истолкования) некоторого неглагольного элемента в ГП. Отсутствие примеров, иллюстрирующих характеристики ППП, является в нашем случае сознательным шагом, так как подобная стратегия позволяет максимально абстрагироваться, чтобы не зависеть от семантики пропозиций при составлении модели данной конструкции. Отметим также, что перевод терминов осуществлялся без обязательного поиска однозначных соответствий в отечественной синтаксической традиции, поскольку на данном этапе исследования не ставилась задача сопоставительного анализа терминологической адекватности.

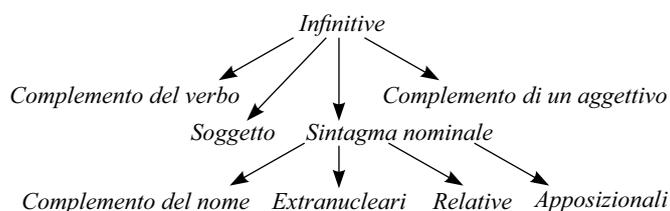
2.1. ППП как инфинитивное ПП в именной синтагме. Во втором томе трехтомного издания «Большая итальянская консультационная грамматика» (*Grande grammatica italiana di consultazione*, далее – GGIC) под редакцией Лоренцо Ренци [1] в 13-й главе «Функции придаточных предложений» (*Funzioni delle frasi subordinate*), автором которой является Паоло Акквавива, указано, что все подчиненные пропозиции делятся на *аргументные* (*argomentali*) и *адвербиальные* (*avverbiali*). Первые выполняют «функцию дополнения при глаголе главного предложения, поскольку заполняют валентности, или аргументы, предиката»¹ (курсив наш. – Л. М.) [1, p. 633]. Наравне с именными синтагмами (*sintagma nominale*) они могут находиться в позиции подлежащего (*soggetto*), и эти ПП называются *подлежащими*, или *субъектными* (*soggettive*), а также в позиции приглагольного дополнения (*complemento*), и в таком случае речь идет о *комплетивных* (*completive*) ПП. Последние, в свою очередь, делятся на *объектные* (*oggettive*) и *косвенные* (*oblique*), выполняющие функцию прямого и косвенного дополнения соответственно. К разряду аргументных относятся также *косвенно-вопросительные* (*interrogative indirette*) ПП. Адвербиальные предложения не являются необходимыми для основного глагола и присоединяются к главному предложению на основе семантических критериев [1]. Подытожим, избрав на схеме все указанные типы ПП:

Итак, к комплетивным придаточным автор относит только те, которые зависят от глагола ГП. Для каждого типа ПП описаны конструкции с глаголом, употребленным как в лично-временной форме одного из финитных – изъявительного, сослагательного, условного – наклонений (*costruzione tempor-*

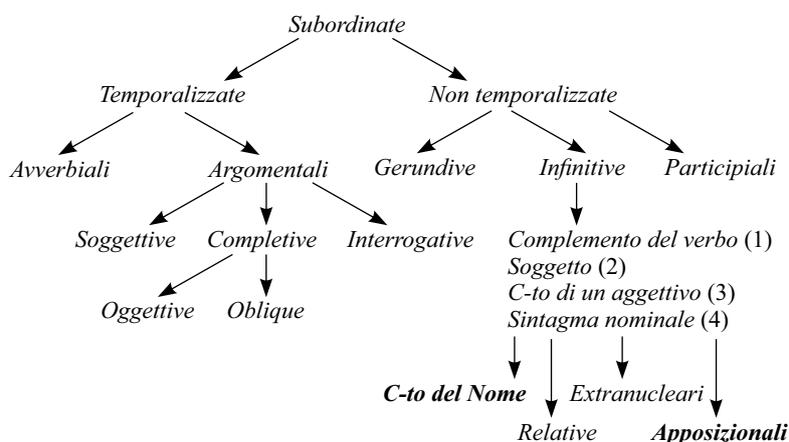
¹Здесь и далее перевод наш. – Л. М.

alizzata), так и в форме инфинитива. Никакого упоминания об интересующем нас типе ПП, которое поясняло бы именную часть речи или наречие в главном предложении, в данной главе обнаружено не было. Тем не менее во введении к 9-й главе «Придаточные предложения в инфинитиве» (*Frase subordinate all'infinito*), авторами которой являются Ганвер Скайт и Джампаоло Салви, говорится о том, что инфинитивные придаточные могут выполнять функцию «ядерного элемента главного предложения» (субъекта, других аргументов) и сирконстантов, а также дополнения *существительного* или *прилагательного* [1, p. 483]. Параграф 5 «Инфинитивные придаточные предложения в именной синтагме» (*Proposizioni infinitive nel SN*) состоит из нескольких разделов, озаглавленных следующим образом: 5.1. «Инфинитивные предложения в функции присубстантивного дополнения» (*Proposizioni infinitive complemento del nome*), 5.2. «Относительные предложения в инфинитиве» (*Proposizioni relative all'infinito*), 5.3. «Инфинитивные предложения с обстоятельственным значением» (*Proposizioni infinitive extranucleari*), 5.4. «Инфинитивные предложения в функции приложения» (*Proposizioni infinitive appozionali*). Следовательно, именно среди этих типов инфинитивных придаточных предстояло искать «следы» интересующей нас конструкции. И действительно, в разделе 5.1., посвященном инфинитивным придаточным в функции присубстантивных дополнений, имелись сведения о том, что «инфинитивное придаточное, которое вводится предлогом *di*, встречается исключительно с абстрактными именами существительными», может служить для уточнения его содержания и «во многих случаях может быть заменено на комплетивное предложение в финитном наклонении» [1, p. 545]. Кроме того, в разделе 5.4 говорится об инфинитивных придаточных в функции приложения и, в частности, указано, что если именная синтагма выражена указательным местоимением, то сама придаточная часть вводится предлогом *di* [1, p. 550]. Представим на схеме типы инфинитивных ПП:

Таким образом, в GGIC интересующая нас конструкция в эксплицитной форме не была обнаружена среди комплетивных ПП (*proposizione completiva di modo finito* ‘комплетивное придаточное предложение в финитном наклонении’), тогда как имплицитный способ ее выражения трактуется как инфинитивное ПП в именной синтагме (*proposizione infinitiva complemento del nome* ‘инфинитивное придаточное предложение как именное’), служащее для уточнения содержания абстрактного имени существительного (или, как было обнаружено, указательного местоимения). Следует подчеркнуть, что авторы неоднократно упоминают о том, что инфинитивные конструкции могут чередоваться с комплетивными предложениями с глаголом в финитном наклонении, но для самих инфинитивных предложений термин «комплетивные» не предусмотрен.

Как можно заметить, синтаксический анализ подчиненных конструкций в данном источнике осуществляется в рамках формального, валентностного и логико-функционального подходов. Ниже приведена итоговая таксономия ПП, которая была составлена в результате анализа описания соответствующих конструкций в GGIC (обобщение информации из разделов, написанных разными авторами). Интересующие нас типы инфинитивных ПП, которые соответствуют значению ППП, выделены на схеме:

Таким образом, все ПП изначально классифицируются на основе формального критерия (учитывающего форму их предиката) на *temporalizzate/non temporalizzate* (с глаголом в лично-временной форме/в неличной форме). Используемые в данном источнике термины выступают в качестве синонимов к терминам *esplicite/implicite*, употребляемым в абсолютном большинстве работ. Далее все эксплицитные (*temporalizzate*) ПП уже на основе валентностного подхода делятся на адвербиальные и аргументные. Последние, в свою очередь, следуя функциональному критерию, включают субъектные, комплетивные (в функции прямого и косвенного дополнения) и косвенно-вопросительные придаточные. К имплицитным (*non temporalizzate*) ПП относятся три формальных типа (глагол в форме деепричастия, инфинитива или причастия). Инфинитивные ПП делятся на основе разнородных критериев на предложения, выполняющие функцию глагольного дополнения (1), субъекта (2) и адъективного дополнения (3), и ПП, имеющие структуру именной синтагмы (4). Последняя представлена четырьмя типами, которые уже упоминались выше.

2.2. Противоречивые трактовки ППП в рамках одного источника. В грамматике М. Дардано и П. Трифоне [2] в разделе «Классификация придаточных предложений» (*Classificazione delle subordinate*) описаны различные критерии классификаций, предложенные лингвистами. Подчеркивается приоритет функционального подхода, который заключается в трактовке придаточных сложного предложения (*soggettive, oggettive, relative* и т. д.) в зависимости от их соответствия членам простого предложения (*soggetto, complemento oggetto, attributo* и т. д.). В соответствии с этим подходом авторы различают следующие типы предложений:

- *комплетивные*, которые выполняют функцию подлежащего или прямого дополнения (к ним относятся *субъектные, объектные, пояснительные (dichiarative)* и *косвенно-вопросительные* предложения);
- *атрибутивные*, выполняющие функцию определения или приложения (к ним принадлежат *относительные* предложения);
- *обстоятельственные*, которые выполняют функцию дополнения, обозначающего обстоятельство (время, причина, цель и т. д.), в котором осуществляется действие (придаточные *времени, причины, цели* и т. д.) [1, p. 448].

При характеристике объектных ПП говорится о существовании особого типа предложения, которым управляет существительное или прилагательное [2, p. 449], но какие-либо терминологические уточнения или разъяснения по этому поводу отсутствуют.

В соответствии с классификацией, основанной на глагольной валентности, авторы делят ПП на *аргументные* и *адвербиальные*. Первые представляют собой распространение одного из аргументов глагола главного предложения. Они могут выполнять функцию субъекта (*soggettive*), прямого дополнения (*completive oggettive*) или косвенного дополнения (*completive oblique*). Завершают картину аргументных ПП *косвенно-вопросительные (interrogative indirette)* предложения. Адвербиальные ПП (причинные, временные, уступительные и т. д.) представляют собой добавления (дополнения), которые необязательны для валентной структуры глагола простого предложения. Отдельно рассматриваются *относительные (relative)* ПП, которые распространяют не глагол, а существительное в ГП (антецедент).

Следуя формальному критерию, выделяют следующие типы ПП:

- *союзные (congiuntive)*, которые вводятся подчинительными союзами (*che, quando, come, se, perché, affinché, dopo che* и т. д.);
- *вопросительные (interrogative)*, которые вводятся местоимениями и вопросительными союзами (*chi, quale, che cosa, quanto, quando, dove, perché, come, se* и т. д.);
- *относительные (relative)*, которые вводятся относительными местоимениями;
- *причастные (participiali)*, имеющие в своей основе причастие;
- *герундиальные (gerundive)*, имеющие в своей основе деепричастие;
- *инфинитивные (infinitive)*, имеющие в своей основе инфинитив [2, p. 448].

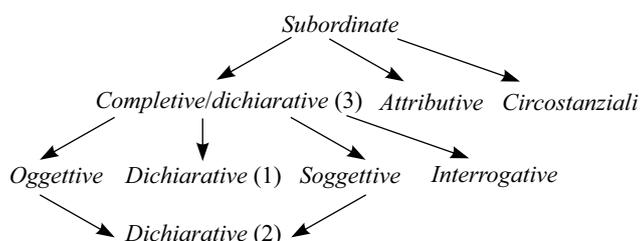
Как можно заметить, критерии формального характера в данной таксономии разнородны, так как, с одной стороны, они учитывают характер вводного элемента, а с другой – форму глагола, с помощью которой выражен предикат.

Что касается ППП, то отдельный параграф для этого типа предложения не выделен: ему отведено лишь несколько строк после параграфа 12.4 «Придаточное подлежащее» (*Subordinate soggettive*), где говорится о том, что ППП призвано раскрыть, пояснить указательное местоимение, дополнив значение ГП (...*servono a «dichiarare», a spiegare un pronome dimostrativo, completando il senso della principale*) [2, p. 453]. Указательное местоимение может сопровождаться такими существительными, как *argomento (аргумент), fatto (факт), circostanza (обстоятельство), punto (точка, вопрос, пункт)*. Иногда указательное местоимение отсутствует, и в таком случае существительное самостоятельно управляет придаточным пояснительным. ППП вводятся союзом *che* с глаголом в индикативе и конъюнктиве или предлогом *di* с глаголом в инфинитиве. В заключение говорится о том, что ППП могут

считаться вариантом объектных и субъектных предложений, так как все эти три типа конструкций часто объединяются под общим названием *proposizioni dichiarative* (пояснительные предложения) или *completive*: *Le dichiarative possono considerarsi una variante delle oggettive e soggettive; tant'è vero che questi tre tipi di proposizioni vengono spesso riuniti sotto la comune denominazione di proposizioni dichiarative (o anche completive)* [2, p. 453].

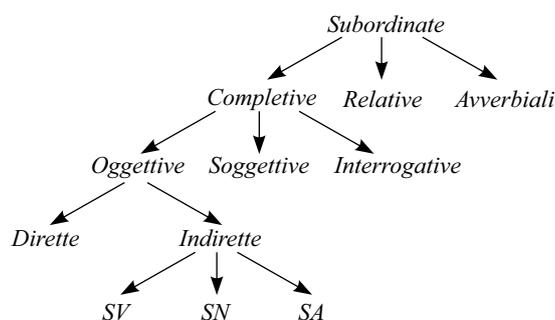
На схеме ниже отражены несколько упоминаний о *subordinata dichiarativa* в данной грамматике, которые отчасти противоречат друг другу по следующим позициям:

- ППП включается в разряд комплетивных ПП наряду с субъектными, объектными и косвенно-вопросительными предложениями (1);
- ППП понимается как вариант субъектных и объектных ПП (2);
- ППП является родовым понятием для субъектных и объектных ПП (3):

2.3. Отсутствие упоминания о ППП. В учебнике «Элементы итальянской лингвистики» (*Elementi di linguistica italiana*) [3], составленном профессорами Департамента современной филологии Миланского государственного университета, о ППП в разделе «Синтаксис» не сказано ни слова, несмотря на достаточно подробную информацию о синтаксических особенностях СПП, в которой, как и в предыдущем источнике, представлены различные классификации придаточных. Так, с точки зрения *логической функции*, которую выполняют ПП по отношению к главному предложению, выделяются придаточные *субъектные* (*soggettive*), *объектные* (*oggettive*), *косвенно-вопросительные* (*interrogative indirette*), «которые некоторыми лингвистами объединены в категорию *комплетивных*» [3, p. 125]. В сноске отмечается, что термин *completiva*, «относящийся к одному из типов придаточного предложения, получает различную интерпретацию в зависимости от принятого в лингвистическом исследовании теоретического направления» [3, p. 125]. Далее следуют *относительные* (*relative*) ПП, выполняющие функцию *определения и приложения*, а также *адвербиальные* (*avverbiali*), или *предложения-дополнения* (*frasi-complemento*), к которым сводятся все предложения с функцией *косвенных дополнений* (*complementi indiretti*). В отечественной синтаксической традиции к данному типу предложений принято относить и обстоятельства. С учетом логического подхода, на наш взгляд, в данной классификации выбор термина *avverbiali* не очень удачен, так как он подчеркивает частеречный, а не логико-функциональный характер ПП. Возможно, в данном случае уместнее было бы использовать термин *circostanziali* (обстоятельственные).

При описании *объектных* придаточных в учебнике указано их разделение на *прямые* (*dirette*), соответствующие прямому дополнению, и *косвенные* (*indirette*), соответствующие дополнению с предлогом. Косвенные объектные ПП могут зависеть от глаголов, которые обозначают утверждение, восприятие, мнение, желание, надежду, опасение и т. д., а также от *существительного* или *прилагательного* [3, p. 126]. На схеме данные зависимости изображены как глагольная, именная и адъективная синтагмы:

Второй тип классификации, основанный на соответствии между придаточными предложениями и *частями речи*, также включает четыре группы: *комплетивные* и *косвенно-вопросительные* ПП, т. е. предложения, имеющие значение существительного, а также *относительные* ПП, близкие к прилагательным, и *адвербиальные* ПП, которые представляют различные типы наречий [3, p. 126].

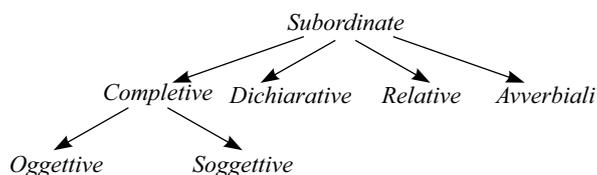
Классификация, основанная на принципах *глагольной валентности*, определяет придаточные предложения в зависимости от их отношений с глаголом ГП: *аргументные* (*argomentative*) ПП, которые представляют собой аргумент глагола главного предложения и включают субъектные, объектные и косвенно-вопросительные конструкции; *адвербиальные* ПП, дополняющие то, что выражено в ГП, определяя причину, цель, время и т. д., и включающие также *относительные* придаточные.

Наконец, в соответствии с формальным критерием, учитывающим *форму вводного элемента* (*elemento introduttivo*) и *форму предиката* ПП, выделяют *союзные* (*congiuntive*) *придаточные*, которые вводятся подчинительными союзами; *вопросительные* (*interrogative*) ПП, вводными элементами для которых являются вопросительные местоимения и союзы; *относительные* (*relative*) ПП, вводимые относительными местоимениями. Что касается формы предиката, то среди имплицитных ПП выделяют причастные, герундиальные и инфинитивные придаточные [3, p. 126–127].

Таким образом, ни в одном из перечисленных подходов в данном источнике, предназначенном для студентов-филологов, не нашлось места для ППП.

В учебнике «Инструментарий для лингвистического образования» (*Strumenti per l'educazione linguistica*) дается подробная характеристика субъектным и объектным придаточным [4, p. 501–505], но о ППП нет никакой информации. Говорится только о возможной зависимости от имени существительного объектных ПП, однако примеры, данные в большом количестве (более 40 единиц) после теоретического материала, не содержат ни одного случая такой зависимости.

2.4. ППП как самостоятельный тип придаточных предложений. В одном из наиболее авторитетных академических изданий – «Итальянская грамматика. Общепринятый и литературный язык» (*Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria*), – составителем которого является выдающийся итальянский лингвист Лука Серианни [5], *пояснительному предложению* (*proposizione dichiarativa*) уделяется небольшой параграф, состоящий из двух пунктов. В первом говорится о том, что данный тип ПП, близкий по своей природе к комплетивным предложениям (*proposizioni complete*), но не относящийся к ним, «позволяет уточнить или разъяснить элемент главного предложения» [5, p. 361], который может быть выражен указательным местоимением или прилагательным, неопределенным местоимением или прилагательным, наречием или существительным. Функция придаточного пояснительного в СПП близка к функции *приложения* (*apposizione*). Как и у комплетивных придаточных, структура ППП может иметь эксплицитную и имплицитную формы, при этом лексическое значение и форма наклонения и времени глагола ГП определяет наклонение и время глагола в придаточном эксплицитном предложении. Эксплицитная конструкция имеет глагол в индикативе или конъюнктиве и вводится союзом *che* (*что*), имплицитная структура (инфинитив) в качестве комплементатора может иметь предлог *di*. Во втором пункте отмечается, что «на письме граница между главным и придаточным почти всегда обозначена двоеточием... но если оно вводится союзами *cioè / e cioè* (*то есть / и то есть*), то обычно ставится запятая» [5, p. 361].

Следовательно, в данной грамматике принят за основу *логико-функциональный критерий*, в соответствии с которым схема придаточных предложений может выглядеть следующим образом:

На материале из данного источника продемонстрируем, каким образом были отобраны существенные характеристики ППП из разных источников (в случае отсутствия информации о каком-либо аспекте в рассматриваемой работе ставится символ Ø):

- термин: *dichiarativa*;
- статус: самостоятельный тип, отмечается сходство с комплетивными;
- значение: позволяет уточнить (*precisare*) или разъяснить (*illustrare*) элемент главного предложения;
- статус: не включен в разряд комплетивных ПП, отмечаются сходства;
- функция: приложение;
- вопросы, на которые отвечает ПП: Ø;
- полнота/неполнота значения ГП: Ø;
- термин для поясняемого элемента (далее – ПЭ): Ø;
- грамматическое средство выражения ПЭ: указательное местоимение или прилагательное, неопределенное местоимение или прилагательное, наречие, существительное (наиболее полный список из всех исследованных источников);

- семантика ПЭ: Ø;
- логическая функция ПЭ: Ø;
- структура ППП: эксплицитная и имплицитная;
- форма глагола в пропозиции ПП: индикатив, конъюнктив, кондиционал, инфинитив;
- место по отношению к ГП: Ø;
- средства связи: союз *che* (эксплицитная структура); союзное сочетание *cioè (e cioè) che*, предлог *di* (имплицитная); отсутствие союза;
- пунктуационные знаки: двоеточие, запятая;
- грамматическая связь между ГП и ППП: как у комплетивных ПП;
- отличие от субъектных и объектных (комплетивных) ПП: Ø;
- отличие от относительных ПП: Ø.

Таким образом, в данном описании не отмечается отличие ППП от комплетивных ПП (названы только сходства), не указана функция дополнения уточнения, не говорится о полноте ГП, не приведен порядок компонентов в составе СП с ППП, отсутствует информация и по другим позициям (всего 8). Кроме того, неопределенность формулировок «почти всегда» (*quasi sempre*) и «обычно» (*più comune*) не позволяет сделать точный вывод о постановке знаков препинания.

В учебнике «Языковое образование. Размышление и применение» (*Educazione linguistica. Riflessione e uso*) М. Т. Серафини и Л. Арчидиаконо [6], предназначенном для студентов-лицеистов, ППП (*subordinata dichiarativa*) также классифицируются как самостоятельный тип придаточного среди других его разновидностей, выделяющихся в зависимости от определенной функции, которую они выполняют в СП. Так, под ППП понимаются такие предложения, которые служат для объяснения (пояснения, толкования) определенного слова в главном предложении, обычно существительного, указательного прилагательного или указательного местоимения. Отмечается их сходство с субъектными и объектными ПП как в эксплицитной, так и в имплицитной формах (наличие союза *che* с глаголом в разных наклонениях и предлога *di* с инфинитивом), а также подчеркивается функциональное отличие от них, которое заключается в том, что ППП выполняют функцию подлежащего и прямого дополнения по отношению к предикату ГП [6, p. 463]. Логическая функция самих ППП не называется, нет указания на то, что в них могут отсутствовать знаки препинания, предлог и союз [6, p. 463].

В двухтомном издании «Языковая мастерская» (*L'Officina della Lingua*) [7] ППП (*dichiarativa*) тоже представлено как самостоятельный тип предложений. Несмотря на большое количество примеров (34 единицы), которые были отобраны из описания и тематических упражнений, теоретические сведения оказались весьма скудными: указано, что функция ППП – пояснить элемент ГП, в основном указательный, дополняя таким образом содержание фразы; в эксплицитной форме ППП вводятся союзом *che* или *cioè* и имеют глагол в изъявительном или сослагательном наклонении; имплицитная конструкция с инфинитивом может вводиться предлогом *di*. В теоретическом описании не говорится ничего о пунктуационных знаках в предложениях такого типа, хотя примеры иллюстрируют различные варианты их постановки [7, p. 251–252].

На популярном портале *Linkuaggio*, который ведет лингвист Микеле Раиноне, говорится о том, что ППП (*subordinata dichiarativa*) в некоторых случаях очень похожи на дополнение уточнения (*complemento di specificazione*), так как отвечают на вопрос *di che cosa? (чего?)*, но во многих других случаях определить их достаточно проблематично. ППП уточняют именную элемент (существительное или указательное местоимение), названный в главном предложении и тесно связанный с придаточным, которое вводится союзом *che*. Что касается ППП в эксплицитной и имплицитной формах, отмечается, что последние гораздо легче определить, особенно когда они вводятся предлогом *di*. Комплементаратор может отсутствовать, между ГП и придаточным может стоять двоеточие, что, по мнению создателя портала, делает имплицитную структуру похожей на эксплицитную. Далее указаны причины, по которым ППП не следует путать с субъектным и объектным ПП: последние два типа придаточных являются необходимыми для правильного функционирования предложения, в то время как наличие пояснительного предложения не является абсолютно необходимым, хотя его отсутствие в любом случае влияет на значение всей фразы, и, кроме того, ППП относится к именному компоненту в ГП, что также является существенным отличием от субъектного и объектного придаточных предложений, которые зависят от глагола (см. подробнее: <http://www.linkuaggio.com/2013/01/proposizione-dichiarativa-in-italiano.html>).

Информация о ППП представлена и на ресурсе *ripassofacile.blogspot.com*. В частности, автор (имя не указано) отмечает, что название «пояснительное» (*dichiarativa*) обусловлено тем, что основная функция ППП – объяснить один из компонентов ГП (обычно это указательное местоимение или отглагольное имя существительное, которое обозначает абстрактное понятие о чувственно-мыслительном состоянии). Указано также, что пояснительное предложение может быть как сочиненным, так и подчиненным (т. е. пояснение рассматривается как родовое понятие, а сочинение и подчинение – как видовые). Если

речь идет о придаточном пояснительном, то оно может иметь эксплицитную (*che + indicativo / congiuntivo / condizionale*) или имплицитную (*di + infinito*) формы. Отмечается тот факт, что ППП подобны субъектным и объектным ПП, от которых отличается только тем, что зависит не от глагола ГП, а от имени существительного, местоимения или наречия (см. подробнее: <http://ripassofacile.blogspot.com/by/2013/11/esempi-proposizioni-dichiarative.html>).

2.5. ППП как родовой тип придаточных предложений. В главе «Синтаксис простого и сложного предложения» (*Sintassi della frase e del periodo*) учебника «Книга для подготовки к участию в конкурсе» (*Libro del concorso*), предназначенного для желающих сдать экзамен по итальянскому языку, чтобы поступить на курсы агентов полиции, понятие *dichiarativa* представлено в ряду 19 основных типов придаточных на 12-м месте, тогда как обычно данный тип рассматривается как минимум в первой пятёрке подчиненных конструкций. Авторы отмечают, что ППП выражает (поясняет) то, что в ГП представлено именем существительным, местоимением и наречным сочетанием. Обычно оно находится после указательных местоимений, некоторых существительных с обобщенным значением, абстрактных существительных, а также выражений *far bene, far male, far cose opportune, inopportune* и т. п. Выражение, которое в ГП предвывает ППП, называется пролептической частицей (*particella proleptica*). Конструкция имеет эксплицитную (*che +* изъяснительное или сослагательное наклонение) и имплицитную (*di, a +* глагол в инфинитиве) формы. В завершение отмечается, что «в действительности пояснительные придаточные – это не что иное, как субъектные, объектные, причинные, целевые придаточные предложения, связанные с главным предложением в форме пояснения» (см. подробнее: <http://www.simone.it/catalogo/vta50.pdf>, с. 207), т. е. ПП представляет собой родовое понятие. Несмотря на некоторые расхождения в данных сведениях с большинством описаний, изумляет то, каким высоким уровнем лингвистической компетенции должен, оказывается, обладать будущий полицейский.

Таким образом, в результате подробного анализа теоретического описания (более 25 источников, из которых в статье были представлены 10), подтвердилась гипотеза о несогласованности метаязыковой трактовки ППП в итальянской научной и учебной литературе. Прежде всего это заключается в том, что сам статус конструкции варьируется от полного отсутствия упоминания о нем в источниках (как весьма авторитетных, так и более скромных), до возможности быть *primus inter pares*. В этот статусный континуум включаются трактовки ППП как варианта субъектных и объектных придаточных, как одного из типов комплетивных ПП и как самостоятельного типа ПП. Кроме того, даже те авторы, которые единодушно признают самостоятельность статуса ППП, расходятся во мнении по поводу некоторых его аспектов как в количественном, так и в качественном отношении, причем эти расхождения не всегда обусловлены предполагаемым интеллектуальным и образовательным потенциалом целевой аудитории. Терминологические расхождения не вызывают смущения, так как лингвистические термины – это своего рода условность, которую не имеет смысла «исправлять». Гораздо более важным и нужным представляется упорядочение существующих грамматических понятий и приведение их в единую непротиворечивую систему, что выходит за рамки данного исследования.

Выводы

Анализ теоретического материала позволил выделить существенные свойства объекта, которые дают возможность составить полную его характеристику на данном этапе исследования. Результаты в обобщенном виде представлены в таблице.

Метаязыковые свойства пояснительного придаточного предложения

Metalinguistic characteristics of declarative clause

№	Аспекты описания	Свойства объекта
1	Используемые термины для обозначения типов придаточной части предложения	<i>Dichiarativa</i> – пояснительная (придаточная часть) <i>Esplicativa</i> – объяснительная <i>Esplicativa-eventiva</i> – объяснительно-событийная <i>Compleitiva</i> – комплетивная <i>Infinitiva nel sn complemento del nome</i> – инфинитивная в составе именной синтагмы в функции присубстантивного дополнения <i>Epesegetica</i> – разъяснительная, истолковательная
2	Статус	Отсутствие упоминания в перечне ПП Вариант субъектных и объектных ПП Входит в разряд комплетивных ПП Самостоятельный тип ПП
3	Значение	Объяснение, истолкование, уточнение, разъяснение, дополнение содержания главной части

№	Аспекты описания	Свойства объекта
4	Функция	Дополнение уточнения (<i>complemento di specificazione</i>) Приложение имени существительного или местоимения (<i>apposizione del sostantivo o del pronome</i>) Определительная (<i>attributiva</i>) Дополнение прилагательного (<i>complemento di un aggettivo</i>)
5	Полнота/неполнота значения ГП	Неполнота значения Значение более полное, чем у комплетивных Самодостаточное предложение
6	Вопросы	<i>Che cosa?</i> – что? что именно? <i>Di che cosa?</i> – чего? <i>Quale?</i> – какой?
7	Термин для поясняемого элемента в ГП	Антецедент (<i>antecedente</i>) Фразовый антецедент (<i>antecedente frasale</i>) Пролептический элемент (<i>elemento prolettico</i>) Пролепсис (<i>prolissi</i>)
8	Способ выражения поясняемого элемента	Существительное Отглагольное существительное Указательное местоимение Указательное прилагательное (+ существительное) Неопределенное местоимение Неопределенное прилагательное (+существительное) Существительное с неопределенным артиклем Наречие Наречное выражение
9	Семантика поясняемого элемента	Абстрактное понятие о чувственно-мыслительном состоянии Слова и словосочетания с обобщенным значением
10	Логическая функция поясняемого элемента	Подлежащее Прямое дополнение Косвенное дополнение Определение
11	Структура ППП	Эксплицитное ПП Имплицитное ПП
12	Форма глагола в ППП	Финитная: индикатив/конъюнктив/кондиционал Нефинитная: инфинитив
13	Место ППП по отношению к ГП	Перед/внутри/после ГП ГП само может быть ПП
14	Структурные средства связи с ГП	Отсутствие вводного элемента (комплементатора) Вводные элементы (<i>elementi introduttivi</i>): Союз <i>che</i> с глаголом в разных наклонениях Союзное сочетание <i>ciòè (e ciòè) che</i> Союзное сочетание <i>vale a dire che (то есть что)</i> Предлог <i>di</i> с инфинитивом Предлог <i>a</i> с инфинитивом
15	Пунктуация	Двоеточие Запятая Отсутствие пунктуационного знака
16	Грамматическая связь между ГП и ППП	Согласование наклонений и времен Функция членов предложения Интонация (в речи)
17	Отличие от субъектных и объектных	Наличие ППП не является абсолютно необходимым в структуре СПП Отсутствие ППП тем не менее сказывается на значении СПП Зависимость от именного компонента
18	Отличие от относительных ПП	Невозможность заменить союз <i>che</i> на местоимение (союзное слово) <i>il quale / i quali</i> (который/которые)

Вполне вероятно, что анализ языковых фактов внесет свои коррективы в данный список свойств, исключив или конкретизировав некоторые из них, а также добавив дополнительные позиции, которые сложно прогнозировать априори. В заключение представим наиболее общую модель СПП с пояснительным придаточным:

$$F_1 [EP + Pred_1 / Pred_1 + EP]: /, / \emptyset EI / \emptyset + F_2 [Pred_2],$$

где $F_1 [\dots]$ – главное предложение, EP – находящийся в нем *пролептический элемент*, $Pred_1$ – глагол ГП, EI – компенсатор, $F_2 [\dots]$ – ППП, $Pred_2$ – глагол ППП, $\emptyset$ – отсутствие соответствующего элемента. При этом EP может предшествовать $Pred_1$ или следовать за ним; $F_2 [\dots]$ может вводиться с помощью EI или без него; между частями СПП ставится *двоеточие, запятая или может отсутствовать знак препинания*; $Pred_2$ отмечен в схеме как важный компонент для указания на наличие грамматической связи с глаголом главного предложения.

Конкретизация представленной модели зависит от набора переменных в каждом отдельном случае, поэтому может осуществляться только на конкретном языковом материале, позволяющем соотнести ее термины и символы с языковой реальностью.

Библиографические ссылки

1. Renzi L., Salvi G. (a cura di). Grande grammatica di consultazione : in 3 vols. Bologna : Il Mulino, 1991. Vol. 2.
2. Dardano M., Trifone P. Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica. Bologna : Zanichelli Editore S. p. A., 1999.
3. Bonomi I., Masini A., Morgana S. Elementi di linguistica italiana. Roma : Carocci, 2003.
4. Donegà G. P., Tondelli M. A., Traini M. L. Strumenti per l'educazione linguistica. Firenze : Editore Bulgarini, 1989.
5. Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Milano : Garzanti Editore, 1996.
6. Serafini M. T., Arcidiacono L. Educazione linguistica. Riflessione e uso. Milano : Bompiani Editore, 1995.
7. Stoppelli P. L'officina della lingua : in 2 vols. Milano : Garzanti, 1995. Vol. 1.

References

1. Renzi L., Salvi G. (eds). Grande grammatica di consultazione [Large Grammar of consultation] : in 3 vols. Bologna : Il Mulino, 1991. Vol. 2 (in Italian).
2. Dardano M., Trifone P. Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica [Italian Grammar with linguistics background]. Bologna : Zanichelli Editore S. p. A., 1999 (in Italian).
3. Bonomi I., Masini A., Morgana S. Elementi di linguistica italiana [Components of italian linguistics]. Roma : Carocci, 2003 (in Italian).
4. Donegà G. P., Tondelli M. A., Traini M. L. Strumenti per l'educazione linguistica [Tools for linguistics study]. Firenze : Editore Bulgarini, 1989 (in Italian).
5. Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria [Italian Grammar. Italian common and literary language]. Milano : Garzanti Editore, 1996 (in Italian).
6. Serafini M. T., Arcidiacono L. Educazione linguistica. Riflessione e uso [Linguistics Study. Reflections and usage]. Milano : Bompiani Editore, 1995 (in Italian).
7. Stoppelli P. L'officina della lingua [The workshop of the language] : in 2 vols. Milano : Garzanti, 1995. Vol. 1 (in Italian).

Статья поступила в редколлегию 06.03.2018.
Received by editorial board 06.03.2018.

УДК 81'362+811.111-26+811.161.3

АНГЛИЙСКИЙ ПАССИВНЫЙ ЗАЛОГ И СПЕЦИФИКА ЕГО ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

А. А. БРУЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описаны лексико-грамматические особенности аналитических форм пассивного залога. Аргументирована необходимость использования грамматических трансформаций при переводе английских пассивных конструкций на белорусский язык. Указаны причины различной частотности употребления пассивного залога в английском и белорусском языках. Рассмотрены рассказы А. К. Дойля и их переводы на белорусский язык, выполненные разными авторами. Проанализирован перевод английских форм пассивного залога с учетом типов конструкций и предложений, в которых они реализуют свое лексико-грамматическое значение. Выявлены основные способы перевода английских аналитических форм пассивного залога на белорусский язык.

Ключевые слова: аналитические формы; аналитические формы пассивного залога; пассивный залог; пассивная конструкция; перевод; англо-белорусский перевод; типы перевода.

АНГЛІЙСКІ ПАСІЎНЫ СТАН І СПЕЦЫФІКА ЯГО ПЕРАКЛАДУ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

А. А. БРУЦКАЯ^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апісаны лексіка-граматычныя асаблівасці аналітычных форм пасіўнага стану. Аргументавана неабходнасць ужывання граматычных трансфармацый падчас перакладу англійскіх пасіўных канструкцый на беларускую мову. Адзначаны прычыны рознай частотнасці ўжывання пасіўнага стану ў англійскай і беларускай мовах. Даследуюцца апавяданні А. К. Дойла і іх пераклады на беларускую мову, якія былі выкананы рознымі аўтарамі. Аналізуецца пераклад англійскіх форм пасіўнага стану з улікам тыпаў канструкцый і сказаў, у якіх яны рэалізуюць сваё лексіка-граматычнае значэнне. Выяўлены асноўныя спосабы перакладу англійскіх аналітычных форм пасіўнага стану на беларускую мову.

Ключавыя словы: аналітычныя формы; аналітычныя формы пасіўнага стану; пасіўны стан; пасіўная канструкцыя; пераклад; англа-беларускі пераклад; тыпы перакладу.

Образец цитирования:

Бруцкая А. А. Английский пассивный залог и специфика его перевода на белорусский язык // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 142–150 (на англ.).

For citation:

Brutskaya A. A. The English Passive Voice and its translation into Belarusian. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 142–150.

Автор:

Алина Александровна Бруцкая – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Alina A. Brutskaya, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
aleana.brutskaya@gmail.com

THE ENGLISH PASSIVE VOICE AND ITS TRANSLATION INTO BELARUSIAN

A. A. BRUTSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper observes the lexical and grammatical features of analytical forms of the Passive Voice. A special emphasis hereof is posed on the rationale for usage of grammar transformations by translating English Passive Voice constructions into Belarusian. The frequency rates of usage of different Passive Voice constructions in English and Belarusian are given. The research contemplates the stories written by A. C. Doyle and their translations made by various authors. It is devoted to the analysis of translation patterns of Passive Voice forms according to the types of passive constructions and sentences, in which they perform their lexical and grammatical functions. The main ways of translation of analytical passive forms from English into Belarusian are outlined.

Key words: analytical forms; analytical forms of the Passive Voice; Passive Voice; passive constructions; translation; English to Belarusian translation; types of translation.

Introduction

It is well known that nowadays English-Belarusian fiction translation has become one of the most urgent issues. I. P. Gorovaya, M. V. Kozyleva, E. V. Tabolich [1–4] and other authors have carried out some researches of translation of literary from English to Belarusian. The linguistic aspects of such translations, the criteria for equivalence assurance of original and translated texts, the usage of subjectively and stylistically justified transformations etc. require conducting further analysis. The relevance of the research is justified by the arisen need to find objective ways to translate analytical passive forms from English into Belarusian.

The research is aimed at describing English passive forms as analytical forms and at determination of common types of their translation into Belarusian.

Analytical passive forms as a linguistic phenomenon

At various times, such researchers as V. D. Arakin (2005), L. S. Barkhudarov (1975), M. Y. Blokh (1983), B. Comrie (1976), B. A. Ilyish (1971), A. A. Korneeva (2000), J. Layons (1991), D. A. Shteling (1996) and others have carried out numerous studies.

English and Belarusian analytical passive forms differ in type of constructions and frequency rate of their usage. V. D. Arakin notes that distribution and functionality of the grammatical categories, which can be considered as similar in two languages, should be taken into account in research of Passive Voice forms: «A comparison of usage of passive form cases... illustrates their different functions in both languages»¹ [5, p. 122]. For instance, English passive constructions are used more frequently due to several essential conditions of their formation and functioning.

On the one hand, there are significant variations in English and Belarusian grammar systems. There is a fixed word order in English sentences, in which subject stands in as one of the two main parts. That is why the former object of an active sentence becomes the subject of a passive one while the subject of the active sentence becomes the object by inserting a «by-clause» (or it is omitted). Since the position of the subject is not fixed in Belarusian sentences, it results in numerous «impersonal» or «subjectless» sentences referred as typical ones for the Belarusian syntactical system and as more often used constructions in comparison to the passive ones [6, p. 12].

On the other hand, it is only transitive verbs admit of forming passive forms in Belarusian, while in English not only transitive, but also intransitive verbs including prepositional ones can be used in passive constructions. The main reason for this is that «English verbs can change their lexical and grammatical features in regard to transitivity or intransitivity according to the voice form» [7, p. 274]. The facts that intransitive verbs may become transitive ones in passive forms and the possibility of using the indirect prepositional object in passive forms indicate that English passive constructions are more widely used. Belarusian passive constructions are formed only by transitive verbs requiring a direct object. Therefore, «the Passive Voice has a much broader representation in the system of the English verb than in the system of the Belarusian verb» [8, p. 78].

There is one more problem with translating the English Passive Voice arising due to «pseudo-passive» constructions [9, p. 101]. When the combination *be* + *Participle II* indicates an action, it is taken to refer to the

¹Hereinafter our translation. – A. B.

Passive Voice form; when it renders the meaning of state, it is interpreted as a nominal predicate. Translators usually face the necessity of distinguishing «passive of action» as a morphological form of the Passive Voice from «passive of state» as a corresponding compound nominal predicate with the pure link *be*. Actually, passive forms (e. g., *The office was closed by a managing director* ‘Офіс быў зачынены кіраўніком’, *The windows were broken in houses and places of business* ‘Вокны былі пабітыя ў прыватных дамах і адміністрацыйных будынках’) and ‘pseudo-passive’ constructions (e. g., *The office is closed* ‘Офіс зачынены’, *The windows are broken* ‘Вокны пабітыя’) are outwardly alike. There is a point of view representing that the construction *be + Participle II* should always be regarded as a passive form. This viewpoint is supported by L. S. Barkhudarov, G. Curme, D. A. Shteling, C. T. Lukov, G. N. Vorontsova and some others.

It is generally agreed today that there are no clear criteria to differentiate between active and passive character of the construction *be + Participle II*. E. G. Karapetova [10, p. 57] and I. I. Pribytok [9, p. 101] consider the following criteria:

1) lexical criterion. The combination *be + Participle II* can be identified as the complex nominal predicate when the verb is transitive and terminative one reflecting a state resulting from an action (e. g., *The door was locked* ‘Дзверы былі зачынены’) and when the verb expresses mental condition of a person (e. g., *He was disappointed / amazed / irritated / shocked at this news* ‘Ён быў расчараваны / здзіўлены / раздражнёны / уражаны гэтай навіной’);

2) morphological criterion. The combination *be + Participle II* can be determined as the Passive Voice form if the verb is used in the future tense (e. g., *The house will be built*), in the continuous aspect (e. g., *The house is / was being built*), or in the perfect phase (e. g., *The house has / had / will have been built*);

3) syntactical criterion. The combination *be + Participle II* can be considered as the Passive Voice form when the verb is qualified by an adverbial of place, time or frequency (e. g., *She will be dressed in a minute* ‘Яна апранецца праз хвіліну’); or when the agent of action is indicated with the help of a *by-phrase* (e. g., *The door was closed by a butler* ‘Дзверы былі зачынены дварэцкім’); or when there is another verb in the sentence used in the Active Voice (e. g., *People passed him and were passed by him* ‘Людзі сустрэлі яго, а ён – іх’).

As for the criteria listed above, they are considered as conventional, but not comprehensive ones. Intuitional differentiation is often referred to in linguistic researches. In this connection, we propose analysis of both kinds of *be + Participle II* constructions be included in our research. That approach should enable us to identify the main translation methods of English analytical passive forms into Belarusian.

We then review the lexical and grammar factors of passive forms to classify them as analytical forms:

- a passive form consists of two parts: an auxiliary element (a word-morpheme) and a notional/basic component, which are grammatically idiomatic, in other words, they together express the total lexical and grammatical meaning. One of the components is the syntactic word, which expresses a number, person, tense, aspect and voice; and the other one is the main word containing the lexical meaning. For instance, the verbs *been, will, done, have* in isolation do not carry the information about such aspects as a tense, aspect or voice, in contrast to the grammatical word-form *will have been done*;

- auxiliary elements of the passive forms are devoid of their lexical meaning, they are lexically empty, e. g., *be, have, will, shall*;

- passive forms appear as combinations of two or more elements written separately, though the semantics and the function of them are equivalent to those of synthetic word-forms, e. g., the combination *will be read* is a specific grammatical passive form of the verb admitted to the future tense, but it is not a single word;

- within a grammar category of the voice, analytical passive forms are opposed to synthetic active ones, e. g., *The text was translated by a student* (Past Simple Passive) / *A student translated the text* (Past Simple Active);

- the components of a passive form are movable, e. g., *Have you ever been taken to hospital by ambulance?* (the word transposition); *This is a question often asked in the phone interview to determine whether the employer will commit to next steps* (the inclusion of components); *This story was read and orally retold by students* (the word-form truncation);

- the elements of a passive form function as one member of the sentence, i. e. perform one syntactic function: *The streets were covered with snow yesterday* (a predicate). Yet there are no syntactic relations among the components of the analytical passive form;

- syntactic relations are possible for a passive form with its surroundings in a sentence, e. g., in the word-group *I was shown a new dictionary*, the element *a dictionary* is a complement to the whole form.

Summing it up, what we usually have in mind when we talk about an English Passive Voice form, we refer it as a combination of a passive past participle and an auxiliary word. The combination is considered as a functional-semantic unity and used in the sentences, in which the subject undergoes the action of the verb. Thus, it is appropriate to observe the passive forms as the analytical ones.

As far as other types of passive constructions are concerned, for example, the infinitive constructions (e. g., *to be forgotten*), the gerundial constructions (e. g., *being delivered*), the participle constructions (e. g., *having been put*), the combinations of the modal verbs and the passive infinitives (e. g., *can be done*), the constructions like *get/become + Part. 2* (e. g., *got married, became married*) do not meet the criteria for analytical forms. In that regard, it must be pointed out that they have not been examined in the article.

The research looks at the collection of twelve short stories «The Adventures of Sherlock Holmes» [12] by A. C. Doyle and their translations made by H. Yankuta, K. Matsiyevskaya, A. Piatrovich, A. Artyomova [13]. Linguistic corpus of the research consists of 458 English analytical passive forms and their Belarusian equivalents.

The main types of translating English analytical passive forms into Belarusian

Such researchers as M. A. Apolova, L. M. Belyaeva, S. A. Dubinko, A. V. Klimenko, T. N. Malchevskaya, Y. I. Retsker, T. S. Shmeleva, A. G. Torzhok, T. A. Zarzhevskaya and some others have studied the problems related to the main grammar translation methods of the English Passive Voice. These researches identify certain techniques of translating Passive Voice constructions into Russian. The other side of the coin is, however, that the notices of translating analytical passive forms into Belarusian stay fragmentary at present.

It is important to analyze the translation of Passive Voice forms considering the type of the passive construction and sentence, in which their lexical and grammatical functions are performed. In this connection, we propose that consideration be given to the following types of the sentences used in Passive Voice:

1) the sentences that include the passive construction, in which the agent of the action is indicated with the help of a *by-* or *with-phrase* (a passive form with the agent): *...I was repelled by the egotism...* [12] – *...мяне зачэпіла ганарлівасць майго сябра...* [13, p. 302] (this type is distinguished by T. S. Shmeleva [14]);

2) the sentences that include the passive construction, in which the role of the agent is not represented (an agentless passive form): *I am very angry indeed, and I have been shamefully used* [12] – *Я сапраўды вельмі абураны, мяне ганебна выкарысталі* [13, p. 264] (this type is distinguished by T. S. Shmeleva [14]);

3) the sentences that include the passive construction with the prepositional monotransitive verb. The subject of the passive construction corresponds to the prepositional object of an active construction and denotes the receiver of the action (prepositional passive): *Her bed this morning had not been slept in, her room was empty, and a note for me lay upon the hall table* [12] – *У сваім ложку яна сёння не начавала, пакой пусты, а на стала ў гасцёўні – запіска* [13, p. 293] (this type is distinguished by T. S. Shmeleva [14]);

4) the sentences that include the passive construction with the non-prepositional verb. The subject of the passive construction corresponds to the indirect object of an active construction (non-prepositional passive): *The banker's dressing-room was a plainly furnished little chamber, with a gray carpet, a large bureau, and a long mirror* [12] – *Гардэробная банкіра выявілася сціпла мэбляваным пакойчыкам з шэрым дываном, вялікім бюро і доўгім люстэркам* [13, p. 289] (this type is distinguished by T. S. Shmeleva [14]);

5) the sentences that include the passive construction, in which the pronoun *it* is placed as a subject of the passive sentence (an impersonal passive form): *It is thought 'Думаюць, што', It is reported 'Паведамляюць, што', It is known 'Вядома, што'; ...it is currently reported that her dowry will run to considerably over the six figures, with expectancies for the future* [12] – *...стала вядома, што яе пасаж дакладна перавысіць шасцізначную лічбу, не гаворачы пра віды на будучыню* [13, p. 249] (this type is distinguished by T. S. Shmeleva, S. A. Dubinko, A. G. Torzhok [14; 15]);

6) the sentences that include the passive forms when there is another verb in the sentence used in the Active Voice: *I love and am loved by a better man than he* [12] – *Я кахаю чалавека, нашмат лепшага за яго, і маё каханне ўзаемнае* [13, p. 25] (this type is distinguished by Y. I. Retsker [16]);

7) the sentences that include the «passive of state»: *All is lost* [12] – *Усё страчана!* [13, p. 31]; *I am saved!* [12] – *Я ўратаваны* [13, p. 294].

To identify the common types of translating the Passive Voice forms into Belarusian, we begin by taking a closer look at the translation of each construction mentioned above.

1. The sentences that include the passive construction, in which the agent of the action is indicated with the help of a *by-* or *with-phrase*, are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian verb in the Active Voice used in the past tense. The English object indicated with the help of a *by-* or *with-phrase* corresponds with the Belarusian subject. The English subject is transformed into the Belarusian object in the genitive, dative or instrumental cases (36)²: *You are fatigued with your haste* [12] – *Снеўка вас вельмі прытаміла* [13, p. 273] (in the genitive case); *You are endeavoring to trace some geese which were sold by Mrs. Oakshott, of Brixton Road, to a salesman named Breckinridge...* [12] – *Вы спрабуеце знайсці гуску,*

²Hereinafter the numbers in brackets indicate the number of sentences, in which the given construction has been identified.

якую місці Оўкішат з Брыкстан-роўд **прадала** гандляру на імя Брэкінрыдж... [13, p. 182] (in the dative case);

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (9): *Fleet Street was **choked** with red-headed folk...* [12] – *Фліт-стрыт была проста забітая рудымі...* [13, p. 42];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English object indicated with the help of a *by-* or *with-phrase* is transformed into the Belarusian object in the genitive, dative or instrumental cases. The English subject corresponds with the Belarusian one (6): *Her lips, too, were bloodless, but her eyes were **flushed** with crying* [12] – *Вусны яе былі зусім бяскроўныя, затое вочы **блішчэлі** ад слёз* [13, p. 286];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive construction has the corresponding Belarusian Passive Voice form introduced by the passive participle (6): *The left arm of your jacket is **spattered** with mud in no less than seven places* [12] – *Левае рукаво вашага жакета **занэцканае** брудам не менш як у пяці месцах, і плямы гэтыя відавочна свежыя* [13, p. 191]; *The murder was **done** with it* [12] – *Ім **учыненае** забойства* [13, p. 104];

- by the omission. English passive constructions are omitted from the Belarusian sentence when they are otherwise obvious from the context (6): *Consider what is **involved** by your theory* [12] – *Зірнем на яе вашымі вачыма...* [13, p. 285]; *...I could plainly see the traces which **had been left** by the fall of the stricken man* [12] – *...я яскрава ўбачыў сляды падзення параненага чалавека* [13, p. 102];

- by the means of the indefinite-personal sentence. The English passive form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural form in the past tense. The English object indicated with the help of a *by-* or *with-phrase* is omitted from the Belarusian sentence. The English subject is substituted by the Belarusian object in the genitive or dative cases: (4): *When a woman **has been seriously wronged** by a man she no longer oscillates, and the usual symptom is a broken bell wire* [12] – *Калі жанчыну сапраўды **накрыўдзілі**, яна ўжо не вагаецца, і вынікам яе рашучасці звычайна стаецца сапсаваны званок на маіх дзвярах* [13, p. 66].

2. The sentences that include the passive construction, in which the role of the agent is not represented, are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form turns into the corresponding Belarusian verb in the Active Voice form used in the past tense. English subject corresponds with the Belarusian one (41): *...very energetic inquiries **are being made**, which will probably result in a speedy clearing up of this very singular business* [12] – *...**началіся** вельмі энергічныя пошукі, якія, імаверна, у хуткім часе прывядуць да раскрыцця гэтай надзвычайнай справы* [13, p. 251];

- by the means of the indefinite-personal sentence. The English passive form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural in different tenses. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive case (24): *There was no sign of a place whence it **had been taken*** [12] – *Нідзе не было бачна месца, адкуль яго **ўзялі*** [13, p. 104];

- by the means of the two-member sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian Active Voice verb used in the past tense. English subject turns into Belarusian object in the genitive case (16): *But I understand that all the other clothes **were found** in the room* [12] – *Як я зразумеў, усю астатнюю вопратку **знайшлі** ў пакоі* [13, p. 149];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive construction has the corresponding Belarusian Passive Voice form introduced by the passive participle (15): *The paper **was made** in Bohemia* [12] – *Папера **зробленая** ў Багеміі* [13, p. 11];

- by the means of the two-member sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb “*быць*” in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (9): *That Miss Flora Millar, the lady who had caused the disturbance, **has actually been arrested*** [12] – *Міс Флора Мілер, якая спрабавала пранікнуць у дом, насамрэч **была арыштаваная*** [13, p. 252];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The translation of the agentless passive is accompanied by the adding of the agent in the Belarusian text. Such supplementation is justified by the context information (11): *We found the brass box there, although its contents **had been destroyed*** [12] – *Там мы знайшлі масянжовы куфэрак, аднак усё яго змесціва дзядзька **знішчыў*** [13, p. 121];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive verb form is substituted by a Belarusian noun (6): *The rooms **were carefully examined**, and results all pointed to an abominable crime* [12] – *Пільны **вобшук** памяшканняў пацвердзіў, што тут здарылася жахлівае злачынства* [13, p. 146];

- by the omission. The English passive constructions are omitted from the Belarusian sentence when they are otherwise obvious from the context (4): *I had been warned against you months ago. I **had been told** that if the King employed an agent it would certainly be you. And your address had been given me* [12] – Яшчэ некалькі месяцаў таму мяне напярэдзілі, што калі кароль будзе наймаць дэтэктыва, то яго выбар, бязумоўна, стыніцца на вас. Мне далі нават ваш адрас [13, p. 32];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive verb form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the present tense. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive case (3): *It was an Indian cigar, of the variety which **are rolled** in Rotterdam* [12] – Гэта была індыйская цыгара з тых, якія **робяць** у Ратэрдаме [13, p. 107];

- by the negative word *няма* in the impersonal sentence (2): *...even if they believe me, the clews which I can give them are so vague that it is a question whether justice **will be done*** [12] – Нават калі мне навераць, факты такія няэўныя, што на справядлівасць асаблівай надзеі **няма** [13, p. 223].

3. The sentences that include the passive construction with the prepositional verb are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject corresponds with the Belarusian one (33): *He sprang round, and I could see in the gas-light that every vestige of color **had been driven from** his face* [12] – Чалавек тут жа павярнуўся, і ў святле газавага ліхтара я заўважыў, што з яго твару **зніклі** ўсе фарбы [13, p. 181];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive construction has the corresponding Belarusian Passive Voice form introduced by the passive participle (32): *It **was clamped to** the floor* [12] – Ён **прыкручаны** да падлогі [13, p. 212];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive, dative or impersonal cases (30): *Ah, of course. He **was wrongfully accused of** cheating at cards* [12] – Так-так, яго памылкова **абвінавацілі** ў картачным махлярстве [13, p. 116];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (17): *He **was dressed in** a sombre yet rich style...* [12] – **Апрануты** ён **быў** у някідкі, але дарагі сурдут... [13, p. 272];

- by the means of the indefinite-personal sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural in the past tense. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive or dative cases (9): *I **have been cut to** the quick* [12] – Мяне **закранулі** за жывое [13, p. 253];

- by the omission. English passive constructions are omitted from the Belarusian sentence when they are otherwise obvious from the context (8): *My life **is spent in** one long effort to escape from the commonplaces of existence* [12] – Маё жыццё – суцэльныя ўцёкі ад шэрасці існавання [13, p. 62];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the present tense. The English subject corresponds with the Belarusian one (6): *He **has not been home for** two days. I **am so frightened about** him!* [12] – Яго **няма** дома ўжо два дні, і я так **хвалююся** [13, p. 138];

- by the means of the substitution by a Belarusian verbal adverb: (4): *I felt, however, that when Whitney **was once confined in** the cab my mission was practically accomplished...* [12] – Але я адчуваў, што, **пасадзіўшы** Ёйтні ў кэб, сваю місію я практычна выканаю... [13, p. 141].

4. The sentences that include the passive construction with the non-prepositional verb are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive case (6): «*The ideal reasoner*», he remarked, «*would, when he **had once been shown** a single fact in all its bearings...*» [12] – Калі сапраўдны мысляр, – пачаў ён, – **убачыць** хаця б адзін факт ва ўсёй яго паўнаце... [13, p. 128];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (5): *And thus **was solved** the mystery of the sinister house with the copper beeches in front of the door* [12] – Так загадка злавеснага дома з ляснымі букамі ля ўвахода **была разгаданая** [13, p. 331];

- by the omission. The English passive constructions are omitted from the Belarusian sentence when they are otherwise obvious from the context (3): *As I glanced at the box I noticed, with a start, that upon the lid **was printed** the treble K which I had read in the morning upon the envelope* [12] – Зірнуўшы на яго, я скалануўся, бо заўважыў на вечку такія самыя тры літары К, як і на ранішнім канверце [13, p. 120];

- by the means of the indefinite-personal sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural in the passive tense. The English subject turns into the Belarusian

object in the genitive or dative cases (3): *And your address had been given me* [12] – *Мне дали нават ваі адрас* [13, p. 32].

5. The sentences that include the passive construction, in which the pronoun *it* is placed as a subject of the passive sentence, are translated as follows:

- by the means of the indefinite-personal sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural in the present tense (3): *It is said that...* [12] – *Кажуць, што...* [13, p. 100];

- by the means of the impersonal sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian verb with the reflexive ending *-ся* (2): *...it was found that he had left his enormous fortune in the hands of trustees...* [12] – *...высветлілася, што ўсю сваю немалую маёмасць ён пакінуў апекунам...* [13, p. 41];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person singular in the present tense. The translation of the personal passive is accompanied by the adding of the agent in the Belarusian text. Such supplementation is justified by the context information (2): *It is thought that Flora decoyed my wife out and laid some terrible trap for her* [12] – *Паліцыя мяркую, што Флора завабіла маю жонку ў нейкую жудасную пастку* [13, p. 257].

6. The sentences that include the passive forms when there is another verb in the sentence, in the Active Voice, are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject corresponds with the Belarusian one (7): *He had remained with Horner some little time, but had finally been called away* [12] – *Пэўны час Райдэр заставаўся ў пакоі з Хорнэрам, аднак потым адміністратара выклікалі на справе* [13, p. 171];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (3): *As I ran down the passage, my sister's door was unlocked, and revolved slowly upon its hinges* [12] – *Калі я падбегла да пакоя сястры, дзверы былі адчыненыя і лёгка пагойдваліся туды-сюды* [13, p. 197].

7. The sentences that include the «passive of state» are translated as follows:

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive construction has the corresponding Belarusian Passive Voice form introduced by the passive participle (29): *I am armed* [12] – *Я ўзброены* [13, p. 127];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject turns into the Belarusian object in the genitive case (16): *It is locked up* [12] – *Я ж яго замкнуў!* [13, p. 280];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the past tense. The English subject corresponds with the Belarusian one (13): *I confess that I was disappointed* [12] – *Шчыра кажучы, я расчаравалася* [13, p. 319];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle. The English subject corresponds with the Belarusian one (10): *I went to my work as usual at ten o'clock, but the door was shut and locked* [12] – *Як звычайна, я з'явіўся на працу а дзесятай, але дзверы былі зачыненыя і замкненыя* [13, p. 46];

- by the means of the indefinite-personal sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the third person plural in different tenses. The English subject turns into Belarusian object in the genitive case (6): *Under these circumstances the young man was instantly arrested...* [12] – *Зразумела, юнака тут жа арыштавалі...* [13, p. 88];

- by the omission. The English passive constructions are omitted from the Belarusian sentence when they are otherwise obvious from the context (6): *But our doubts will very soon be solved, for here, unless I am much mistaken, is the person in question* [12] – *Хутка мы пра ўсё даведаемся, бо вось і нашая госця* [13, p. 305];

- by the means of a double-nucleus sentence. The form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in the present tense. The English subject corresponds with the Belarusian one (3): *There is that double possibility. But I am inclined to think neither* [12] – *Абодва варыянты магчымыя, але ў абодвух я сумняюся* [13, p. 25];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive verb form is substituted by the Belarusian infinitive (2): *That is easily got* [12] – *Ну, даць яе нескладана* [13, p. 116];

- by the means of a double-nucleus sentence. The English passive verb form is substituted by the Belarusian adjective (2): *I think that we may gain that by the means of the law; but we have our web to weave, while theirs is already woven* [12] – *Мяркую, мы зробім гэта законнымі сродкамі – бо нам трэба яшчэ сплесці нашу сетку, а іх сетка даўно ўжо гатовая* [13, p. 126].

An important point is that the sentences in the Present Continuous Passive and the Future Perfect Passive have not been observed thereof, so the ways of their translation are not reflected in the article.

Conclusion

In fact, there are very few English passive constructions that have a direct correspondence in Belarusian. As a rule, the translation process requires applying various grammatical transformations: the one can substitute the passive predicate by the active verb in the past, present or future tenses; the subject can be transformed into the object in the genitive, dative or personal cases; it is also possible to substitute the Passive Voice form by the noun, adjective, adverb etc.

Therefore, there are many translation techniques used by translators. The large number of English passive constructions can be translated by the means of the double-nucleus sentences in the following cases:

1) passive form turns into the corresponding Belarusian active verb used in different tenses whereas English subject corresponds with the Belarusian one (23,8 %);

2) the form is translated by the corresponding Belarusian active verb used in different tenses while the English subject turns into the Belarusian object in the genitive case (23,4 %);

3) the passive construction has the corresponding Belarusian Passive Voice form introduced by the passive participle (17,9 %);

4) the passive form is translated by the combination of the auxiliary verb *быць* in the past tense and the short form of the passive participle whereas English subject corresponds with Belarusian one (11,5 %).

There are two main reasons of using stylistic and grammatical transformations: English and Belarusian Passive Voice forms differ in type of constructions and frequency rate of their usage. In English, transitive and intransitive verbs including prepositional ones can be used in passive constructions, whereas Belarusian passive constructions are only formed by transitive verbs. Besides, the English Passive Voice is commonly used in colloquial and informal speech. However, the Belarusian Passive Voice is used more often in the formal style.

Summarizing the all-above mentioned information, transformations are considered as the necessary component that makes translation clear and comprehensible for the audience.

Библиографические ссылки

1. Горовая И. П. Белорусский перевод англоязычной поэзии XIX – начала XX в. // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. 2007. № 4. С. 96–101.
2. Козылева М. В. Праблема перадачы англійскіх антрапонімаў на беларускую мову // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2012. № 2. С. 35–39.
3. Таболіч А. Таямніцы мастацкага перакладу: English ↔ Belarusian. Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004.
4. Цярэшчанка А. М., Таболіч А. У. Курс перакладу з англійскай мовы на беларускую : вучэб.-метад. дапам. Мінск : МДЛУ, 2007.
5. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005.
6. Babby H. L. The syntax of Gerund in Russian // Contributions to grammatical studies: semantics and syntax / ed. by L. R. Waugh, F. van Coetsem. Leiden, 1979. P. 12.
7. Смирницкий А. И. Морфология английского языка / под. ред. В. В. Пасека. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
8. Гоберник С. М. Особенности перевода пассивных конструкций с английского языка на русский // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Томск, 19–21 мая 2015 г.) : в 3 ч. Томск, 2015. Ч. 1. С. 75–78.
9. Прибыток И. И. Теоретическая грамматика английского языка. М. : Академия, 2008.
10. Каранетова Е. Г. Теоретическая грамматика английского языка. Морфология. Барановичи : Баранович. гос. высш. пед. колледж, 2001.
11. Красовская О. Е. Теоретическая грамматика английского языка. Новополоцк : МИУ, 2009.
12. Doyle A. C. The Adventures of Sherlock Holmes. New York : Harper Collins Publ. Limited, 2010.
13. Дойл А. К. Прыгоды Шэрлака Холмса / прадм. К. Маціеўскай. Мінск : Кнігазбор, 2014.
14. Шмелева Т. С. Типология залоговых конструкций: лингвосемиотический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Ижевск, 2012. С. 12–13.
15. Дубинко С. А., Торжок А. Г. Теория и практика перевода – английский язык (для студентов экономических специальностей). Минск : БГУ, 2003.
16. Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М. : Просвещение, 1982.

References

1. Gorovaya I. P. Translation of English poetry of the XIX and early XX century into Belarusian. *Izv. Natsion. akad. nauk. Ser. gumanit. nauk*, 2007. No. 4. P. 96–101 (in Russ.).
2. Kozyleva M. V. The Problem of transference of English anthroponyms into the belarusian language. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalytyka. Pedagogika*. 2012. No. 2. P. 35–39 (in Belarus.).
3. Tabolich E. V. *Tajamnicy mastackaga perakladu: English ↔ Belarusian* [The secrets of literary translation: English ↔ Belarusian]. Minsk : Knigazbor, 2004 (in Belarus.).
4. Tabolich E. V., Tereshchenko A. M. *Kurs perakladu z anglijskaj movy na belaruskuju* [English to Belarusian translation course]. Minsk : MSLU, 2007 (in Belarus.).

5. Arakin V. D. *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of the english and russian languages]. 4th ed. Moscow : FIZMATLIT, 2005 (in Russ.).
6. Babby H. L. The syntax of Gerund in Russian. In: Waugh L. R., Coetsem F. van (eds). *Contributions to grammatical studies: semantics and syntax*. Leiden, 1979.
7. Smirnitsky A. I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [English morphology]. Moscow : Izd. lit. na instr. yazykakh, 1959 (in Russ.).
8. Governik S. M. [Peculiarities of Translating passive constructions from English into Russian]. In: *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* : collect. of mater. XV Int. sci. and pract. conf. of students and young sci. (Tomsk, 19–21 May, 2015) : in 3 parts. Tomsk, 2015. Part 1. P. 75–78 (in Russ.).
9. Pribytok I. I. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Theoretical Grammar of English]. Moscow : Akademia, 2008 (in Russ.).
10. Karapetova Y. G. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka. Morfologiya* [Theoretical Grammar of English. Morphology]. Baranovichy : Baranovichy State Pedagog. Colledge, 2001.
11. Krasovskaya O. E. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka*. [Theoretical Grammar of English]. Novopolotsk : MIU, 2009 (in Russ.).
12. Doyle A. C. *The Adventures of Sherlock Holmes*. New York : Harper Collins Publ. Limited, 2010.
13. Doyle A. C. *Prygody Shjrlaka Holmsa* [The Adventures of Sherlock Holmes]. Minsk : Knigazbor, 2014 (in Belarus.).
14. Shmeleva T. S. [Types of voice constructions: linguo-semiotic aspect] : diss. abstr. ... PhD of sci. (philol.) : 10.02.20. Izhevsk, 2012 (in Russ.).
15. Dubinko S. A., Torzhok A. G. *Teoriya i praktika perevoda – angliiskii yazyk* [Theory and practice of translation from Russian to English]. Minsk : BSU, 2003 (in Russ.).
16. Retsker Y. I. *Posobie po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii* [Translation Guide from English into Russian]. Moscow : Prosveshchenie, 1982 (in Russ.).

Received by editorial board 02.03.2018.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы Международн. науч.-практ. конф. (Минск, 01 февр. 2018 г.) / редкол.: А. Э. Черенда (гл. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. 186 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/191985>. Загл. с экрана. Деп. 01.03.2018, № 001401032018.

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» состоит из двух разделов: «Актуальные проблемы обучения иностранному языку в неязыковом вузе» и «Дискурс в иноязычном текстово-образовательном пространстве неязыкового вуза». В первый раздел вошли статьи, посвященные проблемам профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Во втором разделе рассматриваются наиболее актуальные проблемы обучения профессиональному дискурсу.

УДК 811.111:908(075.8)

Западный иностранный язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 03 «Лингвострановедение» / Н. А. Ладик [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. 132 с. Библиогр.: с. 123–125. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/192362>. Загл. с экрана. Деп. 15.03.2018, № 001615032018.

Учебно-методический комплекс предназначен для студентов 1-го и 2-го курсов специальности «Лингвострановедение». Данный комплекс состоит из трех разделов: 1) практический раздел; 2) контроль знаний; 3) вспомогательный раздел. В первом разделе представлен глоссарий, вопросы и другой материал по изучаемым темам. В разделе контроля знаний указаны формы и содержание итогового контроля по семестрам (письменные и устные формы контроля на зачете/экзамене), вопросы к зачету/экзамену, образцы тестов по видам контроля и экзаменационные задания. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «Западный иностранный язык» для специальности 1-23 01 03 «Лингвострановедение»; список литературы (основная литература, дополнительная литература, интернет-ресурсы) и информационно-аналитические материалы. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише, а также освоению студентами коммуникативных стратегий. Учебно-методический комплекс может быть использован в процессе изучения английского языка студентами других специальностей ФМО.

УДК 811.111'38:005.92(075.8)

Кучко Л. И. Иностранный деловой язык (английский) [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для спец. 1-26 81 03 «Управление недвижимостью» / Л. И. Кучко ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 61 с. : табл. Библиогр.: с. 60–61. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/192432>. Загл. с экрана. Деп. 16.03.2018, № 001916032018.

Учебно-методический комплекс содержит учебный материал по Иностранному деловому языку (английскому). Адресуется студентам второй ступени получения высшего образования (магистратуры) специальности 1-26 81 03 «Управление недвижимостью». УМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый конспект лекций для теоретического изучения учебной дисциплины, задания для проведения практических учебных занятий, перечень вопросов к зачету и экзамену, перечень учебных изданий и информационно-аналитических материалов, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 811.111(072)

Методические рекомендации для преподавателей (Teacher's book) по учебной дисциплине «Иностранный язык (профессиональная лексика)» для специальности 2-24 01 02 «Правоведение» [Электронный ресурс] / И. В. Крюковская [и др.] ; Юридический колледж БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. 71 с. : табл. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/194123>. Загл. с экрана. Деп. 10.04.2018, № 002910042018.

Методические рекомендации для преподавателей (Teacher's Book) являются составной частью учебно-методического комплекса по английскому языку, обеспечивающего профессионально ориентированное обучение учащихся-юристов, и содержат комментарий к использованию материалов базового пособия, а также ключи к содержащимся в нем упражнениям. В пособии дан поурочный обзор каждого из 7 разделов базового пособия.

УДК 811.161.3(06)

Беларускае слова: тэрмін і вобраз [Электронный ресурс] : зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. памяці праф. В. П. Краснея (Мінск, 27 снежня 2017 г.) / рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.] ; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск, 2018. 214 с. : фота. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/194381>. Загал. з экрана. Дзп. 25.04.2018, № 003325042018.

У зборніку змешчаны артыкулы па матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці прафесара В. П. Краснея, якія прайшлі на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Прыведзеныя ў зборніку працы закранаюць разнастайныя аспекты гісторыі беларускай мовы і яе сучаснага стану. Адрасуецца навукоўцам, настаўнікам, студэнтам.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Синило Г. В.</i> Книга Экклесиаста как «осевой» архетекст поэзии барокко	5
<i>Богорадова Т. Р.</i> Феномен детства и юности в контексте белорусской повести о Великой Отечественной войне	17
<i>Жуковец В. В.</i> Китайская литература в критике и литературоведении Беларуси XX–XXI вв.	26
<i>Черноокая А. М.</i> Аттрактивная функция женских образов в художественной прозе (на материале белорусской прозы 1920–30-х гг.)	33
<i>Янкута А. В.</i> Феминистская ревизия готики в романе М. Этвуд «Мадам Оракул»	44

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Матюнова А. А.</i> Функционально-семантические особенности действительных причастий настоящего и прошедшего времени в Повести временных лет	53
<i>Клокова А. Г.</i> Речевые особенности импульсивного типа персонажа в англоязычных коротких рассказах	60
<i>Пантелеенко О. А.</i> Репрезентация вербальных и невербальных компонентов фильма в режиссерском сценарии (на материале французского языка)	67
<i>Туркина О. А.</i> Тематический анализ как разновидность дискурс-анализа: синтез социологического и лингвистического подходов	76
<i>Красковский Н. И.</i> Глаголы движения субъекта и перемещения объекта как «компенсаторы» семантики глаголов восприятия в русском и белорусском языках	84
<i>Земляник Т. В.</i> Языковые средства создания образа адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака	94
<i>Чжао Наньнань.</i> Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе	103
<i>Ван Вэньцзюань.</i> Номинация лиц молодого возраста мужского пола в русском и китайском языках в диалектологическом аспекте	114
<i>Савчук Т. Н.</i> Теоретический статус феномена аргументации	123
<i>Мельникова Л. С.</i> Разногласия в метаязыковом представлении пояснительного придаточного предложения (<i>subordinata dichiarativa</i>) в итальянской научной и учебной литературе	131
<i>Бруцкая А. А.</i> Английский пассивный залог и специфика его перевода на белорусский язык	142
Аннотации депонированных в БГУ работ	151

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Сініла Г. В.</i> Кніга Эклезіяста як «восевы» архетэкст паэзіі барока.....	5
<i>Багарадава Т. Р.</i> Феномен дзяцінства і юнацтва ў кантэксце беларускай аповесці пра Вялікую Айчынную вайну.....	17
<i>Жукавец В. В.</i> Кітайская літаратура ў крытыцы і літаратуразнаўстве Беларусі ХХ–ХХІ стст.	26
<i>Чарнавокая А. М.</i> Атрактыўная функцыя жаночых вобразаў у мастацкай прозе (на матэрыяле беларускай прозы 1920–30-х гг.).....	33
<i>Янкута Г. В.</i> Фемінісцкая рэвізія готыкі ў рамане М. Этвуд «Мадам Аракул»	44

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Мацюнова А. А.</i> Функцыянальна-семантычныя асаблівасці дзеяпрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу ў Аповесці мінулых гадоў.....	53
<i>Клокава Г. Г.</i> Маўленчыя асаблівасці імпульсіўнага тыпу персанажа ў англамоўных кароткіх апавяданнях.....	60
<i>Панцялеенка А. А.</i> Рэпрэзентацыя вербальных і невербальных кампанентаў фільма ў рэжысёрскім сцэнарыі (на матэрыяле французскай мовы).....	67
<i>Туркіна А. А.</i> Тэматычны аналіз як разнавіднасць дыскурсу-аналізу: сінтэз сацыялагічнага і лінгвістычнага падыходаў	76
<i>Краскоўскі М. І.</i> Дзеясловы руху суб'екта і перамяшчэння аб'екта як «кампенсатары» семантыкі дзеясловаў успрымання ў рускай і беларускай мовах	84
<i>Зямлянiк Т. В.</i> Моўныя сродкі стварэння вобразу адрасата ў эпістальных тэкстах Б. Пастэрнака	94
<i>Чжаа Наньнань.</i> Структурна-семантычная арганізацыя катэгорыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе.....	103
<i>Ван Вэньцзюань.</i> Намінацыя асоб маладога ўзросту мужчынскага полу ў рускай і кітайскай мовах у дыяхранічным аспекце	114
<i>Саўчук Т. М.</i> Тэарэтычны статус феномена аргументацыі.....	123
<i>Мельнікава Л. С.</i> Рознагалосці ў метамоўным прадстаўленні паясняльнага даданага сказа (<i>subordinata dichiarativa</i>) у італьянскай навуковай і навучальнай літаратуры	131
<i>Бруцкая А. А.</i> Англійскі пасіўны стан і спецыфіка яго перакладу на беларускую мову	142
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	151

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Sinilo G. V.</i> The Book of Ecclesiastes as «axial» archetext of the baroque poetry	5
<i>Baharadava T. R.</i> The phenomenon of childhood and adolescence as presented in Belarusian narratives about the Great Patriotic War.....	17
<i>Zhukavets V. V.</i> Chinese literature in Belarusian criticism and literary studies of XX–XXI centuries	26
<i>Tscharnavokaya A. M.</i> Attractive function of female images in fiction (by Belarusian prose of 1920–30s).....	33
<i>Yankuta H. V.</i> Feminist revision of gothic romance in the novel «Lady Oracle» by M. Atwood	44

LINGUISTICS

<i>Matsiunova A. A.</i> Functional-semantic features of the actual participles of the present and past time in the Tale of Bygone Years	53
<i>Klokova A. G.</i> Speech peculiarities of the character's impulsive type in English short stories	60
<i>Panteleenko A. A.</i> Representation of the verbal and nonverbal components of the film in the shooting script (on the material of the French language)	67
<i>Turkina A. A.</i> Thematic analysis as a type of discourse analysis: synthesis of sociological and linguistic approaches	76
<i>Kraskouski M. I.</i> Verbs of the subject's movement and object's movement as the «compensators» of semantics of perception verbs in Russian and Belarusian languages	84
<i>Ziamlianik T. V.</i> Language tools for creating an image of the addressee in the epistolary texts of B. Pasternak	94
<i>Zhao Nannan.</i> Structural and semantic organization of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse	103
<i>Wang Wenjuan.</i> Young male namings in Russian and Chinese in the diachronic aspect	114
<i>Savtchouk T. N.</i> The theoretical status of the phenomenon of argumentation	123
<i>Melnikova L. S.</i> Difference of metalinguistic representation of declarative clause (<i>subordinata dichiarativa</i>) in Italian academic and educational literature	131
<i>Brutskaya A. A.</i> The English Passive Voice and its translation into Belarusian	142
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	151

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2018
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.06.2018.

Тираж 110 экз. Заказ 232.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 29.06.2018.

Edition 110 copies. Order number 232.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018